

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

НЕБЕСА
ЛНЧУЮТ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

НЕБЕСА
ЛНЧУЮТ

ЭКСМО

НЕБЕСА ЛИКУЮТ

След, оставленный самим Андреем Валентиновым в отечественной фантастике девяностых годов, хорошо виден невооруженным глазом. Никому не подражая, ни за кем не следуя, он сумел создать новую форму отечественной исторической фантастики. В романе “Нам здесь жить”, написанном Валентиновым совместно с Г. Л. Олди, используется забавный термин: “человек двадцатого века”. Так там называют тех, для кого не пустой звук имена Высоцкого и Галича, кто так и не отучился говорить “мы”, ведя речь о судьбе страны, кто помнит, каково это — до хрипоты спорить об этичности того или иного поступка на ночных прокуренных кухнях. Сам Андрей Валентинов, несомненно, именно таков — человек двадцатого века...

В. Владимирский

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ. Книга 1. АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ. Книга 2. КРОВЬ ПЬЮТ РУКАМИ

(в соавторстве с Г. Л. Олди)

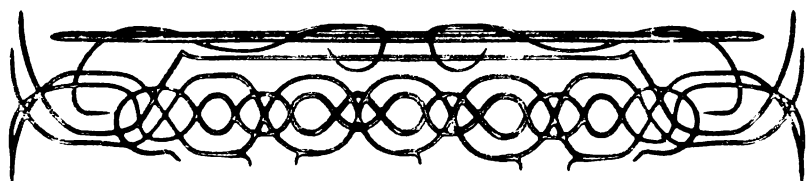
РУБЕЖ. Книга 1. ЗИМОЮ СИРОТЫ В ЦЕНЕ

РУБЕЖ. Книга 2. ВРЕМЯ НАРУШАТЬ ЗАПРЕТЫ

(в соавторстве с Г. Л. Олди, а также М. и С. Дяченко)

НЕБЕСА ЛИКУЮТ

А Валентинов

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

НЕБЕСА ЛНЧЮТ

ЭКСМО-ТИРЕСС

2000

Разработка серийного оформления
художника *Ангу*

- Валентинов А.**
В 15 Небеса ликуют: Роман. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 400 с. (Серия «Нить времен»).

ISBN 5-04-004104-7

Допустимо ли будущему Святому играть на гитаре? а лгать? предавать? убивать?! Можно ли с помощью пауков и клешей вершить судьбы народов? Что успел предсказать бывший подмастерье-башмачник, оказавшийся новым Нострадамусом?

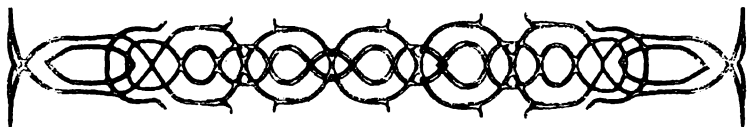
Эти вопросы — еще не самые сложные из тех, ответы на которые приходится искать главному герою этой книги, священнику-иезуиту, маленькому «винтику» всемогущего Общества Иисуса Сладчайшего. XVII век, век могущества отцов-иезуитов, пытающихся покорить не только Настоящее, но и Грядущее. Герою нового фантастического романа Андрея Валентинова предстоит сделать нелегкий выбор.

Небеса ликуют — не беса ли куют?..

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-004104-7

© Валентинов А., 1999.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1999.

*Пусть дьяволы заполнят свет,
Оскалив мерзостные пасти,
В сердцах у нас сомнений нет —
Мы завоюем людям счастье!*

Мартин Лютер

*Есть сила в ученье и замыслах Мора,
Ее сквозь века понесет Борисфен.
Здесь бурей ломает гнилые опоры,
И шторм стал стихией иных атмосфер.*

Мишель Нострадамус

Ex scriptum

8 октября 1698 A. D.

Его Высокопреосвященству Франческо Стратобоска, Генералу Общества Иисуса Сладчайшего.

Монсеньор!

Высылаю сигнальный экземпляр известной Вам книги. Тираж будет опубликован в Виттенберге в течение ближайшего месяца.

Что нам следует предпринять?

Никола Фарина, супериор Германии.

* * *

12 октября 1698 A. D.

Дорогой брат!

Думаю, ничего особенного нам предпринимать не следует.

В этой книге не затронута ни одна из настоящих тайн Общества. Что касаясь остального, то кто поверит очередным измышлениям господ протестантов? Вы бы поверили?

Целесообразно пустить слух о том, что рукопись подброшена в Виттенберг не без нашей помощи. Неплохо бы также узнать имя автора. Не сам ли мессер де ла Риверо сие написал? Ведь мы оба знаем, почему Св. Адам не мог быть автором этих записок.

Вот если бы в Виттенберге издали его подлинные мемуары! Но о таком лучше даже не думать. А посему можно считать, что все делается *ad maiorem Dei gloriam*.

Кстати, как вам предложение Конгрегации запретить публичные сожжения еретиков? Кажется, восемнадцатый век, о котором так вздыхают наши либералы, уже наступил!

Ваш Франческо Стратобоска, Генерал.

НЕБЕСА ПИКУЮТ

или правдивое повествование о дивном, многотрудном и весьма необычном путешествии в Рутенийскую землю, называемую также Русью, составляющую полуденную часть Республики, более часто именуемой Полонией или Польшей, случившемся в году от Рождества Христова 1651-м, от начала же правления Его Королевской Милости Яна-Казимира третьем, а также содержащее некоторые сведения, могущие послужить будущей беатификации недостойного раба Божьего Адама де Гуаира, исповедника четырех обетов и коадьютора Общества Иисуса Сладчайшего, волею Господа нашего Иисуса Христа написавшего эту книгу.

С сокращениями и дополнениями высокоученого мужа Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора богословия и профессора университета в Виттенберге.

Предупреждение

Представляя на суд многоуважаемых читателей эту книгу, долженствующую выйти в свет тщанием и иждивением Ученого Совета университета славного города Виттенберга, считаю необходимым высказать некоторые важные соображения.

Нет слов, издание этого труда именно в Виттенберге, отчизне и цитадели Великого Лютера, может вызвать удивление, ежели не сказать больше. Стоит ли тратить силы наших трудолюбивых печатников на сочинение, принадлежащее перу ярого мракобеса и врага всего того, за что боролся Реформатор? Автор книги, Адам де Гуаира, не просто убежденный папист, положивший немало сил на распространение этого ошибочного и еретического учения. Отец Гуаира, как он часто называл себя, принадлежит к сонму черных агтелов, словно в насмешку именуемых Обществом Иисуса Сладчайшего. Нет нужды распространяться о кровавых преступлениях иезуитов, ныне проклятых всеми, кому дороги дело Божье и человеческий прогресс. Среди тех, кому не избежать в будущем суда Господнего и людского, Адам де Гуаира занимает поистине одно из самых, если так можно выразиться, почетных мест. Нет нужды добавлять, что я, с юных лет преданный идеям свободы, с негодованием

отвергаю всякое не только участие, но и сочувствие тому, что делали и замыслили отец де Гуаира и ему подобные.

Вместе с тем данная книга по-своему поучительна. Махровый реакционер и ретроград достаточно откровенен в своих писаниях, и эта откровенность позволяет обличить мерзкий злокозненный папизм куда действеннее, чем сочинения наших публицистов и ученых. Посему я и рекомендовал высокоученому мужу Андреасу фон Курцхальдену, ректору славного Виттенбергского университета, издать данную рукопись, с чем он, к радости моей, тут же согласился, попросив меня доработать и дополнить оную.

Необходимость этого очевидна. Несмотря на свою поистине сатанинскую гордыню, Адам де Гуаира — писатель слабый и неумелый. С первых же страниц читатель заметит рваный, неровный стиль, отсутствие элементарной логики, постоянное перескакивание с предмета на предмет, нелепые, бессмысленные эпиграфы. Ему присуще также увлечение самой черной мистикой и одновременно — многими модными среди папистов лженаучными теориями, подобными Коперникову суесловию и учению гнусного фанатика Марианны Кастильского о так называемых «неотъемлемых правах человека». Не говорю уже о нелепых и опасных измышлениях Богом проклятого еретика и бунтовщика Фомы Колокольца¹, столь любезного сердцу нашего автора.

В области чисто литературной самонадеянный иезуит вслед за некоторыми нашими земляками считает, что настоящая книга — это не просто поучительный и интересный рассказ, она (нелепейшее заблуждение!), подобно энциклопедии, должна охватывать весь круг доступных автору знаний. В этих целях отец Гуаира не поленился снабдить данный труд многочисленными и откровенно скучными отступлениями, посвященными разным областям науки и искусства. Все это написано, разумеется, с глубоко антинаучных, поистине иезуитских позиций. Можно только представить, какова цена иезуитской «энциклопедии»! Ясное дело, наш читатель не нуждается в подобных псевдознаниях, а потому я смело сократил ряд глав, ограничившись их эпитомами, то есть коротким пересказом. Эти места специально оговорены в тексте.

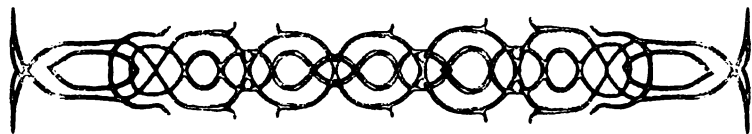
Вместе с тем книга нуждается не только в сокращениях, но

¹ Фома Колоколец — Томмазо Кампанелла.

и в добавлениях. Это необходимо, дабы разъяснить читателю многие неясные моменты, а также опровергнуть ложь, на которую весьма щедр заслуженный иезуит. Я, будучи невольным — видит Господь — свидетелем описываемых событий, считаю своим долгом установить истину. Эти примечания также специально оговорены.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что наступающий век, Восемнадцатый от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, развеет, словно болотный туман, все старания и ухищрения таких, как Адам де Гуаира, и явит миру невиданный прогресс человеческого духа. Личности, подобные автору этой книги, займут места в самой пыльной комнатухе Паноптикума Истории.

ГАРСИЛАСИО ДЕ ЛА РИВЕРО.
Виттенберг, октябрь А. D. MDCXCVIII.

КНИГА ПЕРВАЯ.

рассказывающая о путешествии из Кастильских Индий, именуемых также Америкой или Новым Светом, в Соединенные Провинции, а также в Италию и о том, что происходило с автором сего повествования в городе Рима, известном также под именем Вечного города, которая может быть названа

ОБЛАКО ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Главы I—III Эпитома

В этих главах Адам де Гуайра весьма многословно рассказывает о своем путешествии на голландском корабле «Принц Морис» из порта Буэнос-Айрес в Амстердам, а также о переговорах, которые он вел в этом городе с представителями Ост-Индской компании Соединенных Провинций. Тут же приводятся пространные и совершенно излишние рассуждения о веществе «гаучо», называемом также каучуком, о строительстве плотин, способах борьбы с коррозией, а также о перспективах морской торговли и совершенствовании торговых путей из внутренней Бразилии к Атлантическому океану.

Из Амстердама автор направляется на португальском корабле «Тахо» в Остию, после чего прибывает в Рим. Следует долгое описание красот и достопримечательностей Вечного города, справедливо именуемого всеми друзьями истины Вертепом Блудницы Вавилонской и Пристанищем Антихриста.

Глава IV

О том, что довелось увидеть и услышать на Campo di Fiori, а также о школах Комедии дель Арте, неаполитанских винах и о пользе еретиков.

Илочечонк: Но отчего мне возвращаться к людям, отец мой, Я-Та? Я изучил их повадки и обычаи и скажу, что смело выбираю нашу вольную жизнь в Прохладном Лесу.

Я-Та: Ты человек!

Илочечонк: Нет! Я — ягуар и сын ягуара! Мне нечего делать среди людей! Я выбираю Прохладный Лес!

Я-Та: Да, ты выбрал, значит, ты — человек. Звери не умеют выбирать.

Действо об Илочечонке, явление третье

1

остер уже догорел.

Давно — полвека назад.

Костер догорел, и обугленный прах Великого Ерестика без следа сгинул в желтоватой воде Тибра.

Campo di Fiori — площадь Цветов.

Я не был здесь двадцать лет и в первый миг не узнал это место. Дома, старые, обшарпанные, занавешенные белыми штандартами мокрого белья, казалось, вросли в серую брусчатку, став ниже, и мне уже не приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть растрескавшуюся лепнину карнизов и нелепые круглые башенки с осыпавшимися зубцами. И сама площадь скукожилась, теряя пространство, задыхаясь в сером каменном кольце.

Я посмотрел вверх, на окруженное красными черепичными крышами небо. Оно осталось прежним — блеклое, с бесформенными клочьями низких туч. Холодное февральское небо. Утром прошел дождь, но после полудня проглянуло солнце — тоже блеклое, больше похожее на луну в третьей четверти, решившую покинуть свой эпицикл и забрести на дневной небосвод. Теплее не стало — промозглый ветер был вездесущ, и даже мой плащ — новый и, если верить словам амстердамского проныры-лавочника, необыкновенно теплый — помогал мало.

Февраль. Италия. Илочечонк, сын ягуара, вернулся к людям.

* * *

Узкая улочка, название которой я забыл начисто, осталась позади. Неровный булыжник лег под ноги, и я оглянулся, все еще не веря. Двадцать лет! Тогда площадь казалась мне огромной и почему-то страшной. Глаза искали темное пятно давно отгоревшего костра, хотя я твердо знал, что искать здесь нечего, и разве что дряхлые старухи, выглядывавшие из-за некрашенных

ставен, могли вспомнить тот далекий день, когда небо услышало предсмертное молчание Джордано Ноланца.

Странно, никогда не любил этого еретика! Тут мое мнение полностью совпадало с приговором Святейшего Трибунала. Но все-таки что-то в этом страшном человеке, обрушившем Небо на Землю, было — недаром я запомнил рассказ падре Масселино, когда-то стоявшего в толпе, окружавшей костер. Запомнил — и попросил сводить меня на площадь. Странная просьба для новicia римского коллегиума, но старик почему-то не удивился. Тогда тоже был февраль, дул холодный ветер, и Campo di Fiori была пуста и огромна...

Меня толкнули, и я наконец-то очнулся. Вовремя — толпа окружала со всех сторон, и в первый миг я никак не мог сообразить, каким образом эти люди оказались тут и почему пуста площадь...

Я оглянулся — и все понял. Площадь, конечно, не была пустой. Плохо смотреть на небо — и под ноги тоже плохо. А еще хуже бродить по переулкам воспоминаний и пустым площадям прошлого. Хотя я почти что угадал — толпа, когда-то окружавшая помост, на котором умирал Ноланец, вновь собралась тут, на неровном булыжнике, и помост оказался тоже на месте — в самом центре. Такой же, как тогда, — деревянный, в пол моего роста. Нынешнего — тогда, в тот далекий зимний день, я едва достал бы до края подбородком.

Помост был на месте, но на нем никто не умирал. Никого не убивали — просто били палками. В полный размах, с присвистом, под гогот и хлопанье десятков ладоней.

Тот, кого били, застрял в окне и теперь пытался вырваться, размахивая ногами в тяжелых желтых башмаках. Каждая новая попытка припечатывалась очередным ударом сучковатой дубинки и одобрительными криками собравшихся. Экзекутор — в нелепом полосатом трико и пятнистой маске с длинным носом — то и дело оглядывался, словно ожидая одобрения.

— Bravo! Bravo!

Новый крик подстегнул обоих — и носатого, и того, кого лупили. Ноги в нелепых желтых ботинках дернулись, да так, что задрожали стены...

...Фанерные, свежепокрашенные, ненастоящие — как и окно, как длинный нос экзекутора в маске. Полвека не прошли даром. Трагедия забылась, и теперь на том же месте такая же толпа собралась поглазеть на комедиантов.

И вновь вспомнилось. Падре Масселино рассказывал, что в Кастилии первые Акты Веры проводились при помощи постановщиков рождественских мистерий. Что ж, кемадеро — тоже театр! Те же зрители, актеры, постановщики. А тем, кто не хотел играть, помогали, чем могли. Как Джордано Ноланцу, которому, по слухам, зашили губы. Только суровые нитки могли заставить молчать Еретика...

Сосед — плечистый детина в крестьянской куртке мехом наружу — толкнул меня локтем и, дохнув луком, что-то проговорил, кивая на помост. Не думая, я кивнул в ответ, постаравшись улыбнуться. Кажется, я подзабыл итальянский. Немудрено! В Прохладном Лесу, где жил Илочечонк, говорят на ином языке.

А на сцене вновь кого-то лупили, и снова палкой — по-моему, той же самой. Длинноносый куда-то исчез, зато появилась девушка в малиновой блузке и красно-зеленой юбке — и тоже в маске, а рядом с ней ползал по неструганым доскам помоста некто в красном, в знакомой четырехугольной шляпе. Малиновое рядом с красным, два ярких пятна на фоне лилового занавеса...

— Bravo! Bravo!

Я не поверил своим глазам. Кажется, Комедия дель Арте, на представления которой довелось неожиданно-негаданно попасть, тоже изменилась за эти годы. В детстве такое приходилось видеть не раз: Ковьелло, Пульчинелло, Скарамуччо, Тарталья, Лендро... Простак, Интриган, Забияка, Злодей, Красавчик. Веревочные лестницы, любовные записки, розыгрыши, драки. Ну и, конечно, Серветта с Коломбиной, на которых мы, желторотые новичии, дружно пялили глаза. Но никто из них не щеголял в красной мантии да еще и с большим наперсным крестом. Медным, само собой, но с явной претензией показаться золотым.

— Bravo!!!

Теперь красную мантию охаживали с двух сторон. К красавице в маске присоединился давешний носатый — на этот раз с вожжами, и я окончательно понял, что со зрением у меня все в порядке. Приходилось признать очевидное: на площади Цветов, всего в часе неспешной ходьбы от иной площади — Святого Петра, лупили кардинала. Лупили при всем честном народе, с явного одобрения добрых римлян.

☛ Bravo! Bravissimo!

Кардинал сделал явно неудачную попытку отмахнуться от очередного удара уже замеченным мною крестом. В ответ носатый — судя по всему, Арлекин — надел ему на голову валявшийся тут же мешок, предварительно ловким движением сброс-

сив с бедняги красную шляпу. Это вызвало новый взрыв эмоций, а я еле удержался, чтобы не перекреститься. Да, Илоче-чонк давно не бывал в людской стае! В Прохладном Лесу все проще...

Девушка в разноцветной юбке, на миг опустив дубинку, повернулась к публике и левой — свободной — рукой послала ей воздушный поцелуй. Наверно, это Коломбина. Правда, в прежние годы Коломбины не лупили кардиналов, а если и лупили, то не на сцене. В частной жизни Их Высокопреосвященств (по крайней мере некоторых) случалось и не такое.

Кто в жизни сей похабен и развратен,
Тому дубинки вид зело приятен.
Грехам его ведется точный счет,
И мантия злодея не спасет!

Это, судя по всему, — резюме происходящего. Как говорят французы — *moralité*. У Коломбины оказался приятный голос — несмотря на нелепые вирши, от которых сразу же свело скулы.

Кардинал, по-прежнему в мешке, надетом на голову, уже уползал со сцены, подгоняемый пинками, щедро раздаваемыми неутомимым Арлекином, Коломбина кланялась, а я, все еще не веря, оглянувшись, пытаюсь понять, что это творится в Вечном городе. Конечно, Его Высокопреосвященство ненастоящий, как и побои, им вкушаемые, но все-таки... Или за мое отсутствие сюда добрались ученики мессера Кальвина? Впрочем, нет, Женеvский Папа первым делом запретил театр. Арлекинам там не плясать. Значит, все? Излупили неведомого мне злодея в желтых башмаках, отдубасили кардинала — и по домам? *Comedia finita*?

Конечно, нет! Гром, треск, даже, кажется, молния — и дверь, такая же фанерная, как и все остальное на сцене, распаивается. Некто в шляпе с малиновым пером, в огромном воротнике-жабо и черном камзоле, не торопясь, выступает вперед. Знакомые желтые башмаки топаят о доски помоста. Огромная шпага, пристегнутая почему-то впереди, а не слева, волочится по земле, путаясь под ногами, за поясом — пистоль с широким дулом. Как говорят те же французы, *voilà*!

Впрочем, это явно не француз. В Париже ныне носят отложные воротники и предпочитают цветные камзолы. Черное в моде южнее. Там, где шпаги пристегивают у пупка.

Шпага — из ножен, рука в грубой перчатке оглаживает огромные нафабранные ушищи.

Безбожным итальяшкам в наказание
Устроим то, что делали в Кампанье!
Там, где пройдет походом наша рать,
Веревки будут тут же дорожать!

Характерный акцент не дает ошибиться, а упоминание о Кампанье ставит все на свои места. Испанец! Вот, значит, кто сейчас исполняет обязанности Капитана! И немудрено, испанцев здесь любят — даже больше, чем немцев. Восстание в Кампанье было утоплено в крови два года назад. А еще раньше — Неаполь, Сицилия, Калабрия...

Дружный рев был ответом. На миг я испугался за актера. Итальянцы — народ горячий.

Испанец вновь машет шпагой, дергает себя за ус. Из приотворенной двери выглядывает физиономия Кардинала — с уже нарисованными синяками. Вояка оглядывается, топает ногой, кончик шпаги деревянно стучит о помост.

Пожалуй, сообщить в Мадрид мне надо,
Пускай король пошлет сюда Армаду!

И снова — рев, но уже одобрительный, а следом — хохот. Великую Армаду помнили. Опозоренные паруса герцога Медины ди Сидония заставили навеки забыть о славе Лепанто.

Но Армады нет, а Арлекин — тут как тут, и тоже — со шпагой. Дерево грозно бьет о дерево...

Я понял — дальше можно не смотреть. Эта драка — финальная. Сейчас зло будет наказано, а добро — вознаграждено вселюдным поцелуем. Комедия! В комедии так все и бывает. Вокруг кричали, хлопали в ладоши, сосед хлопал меня по плечу, возбужденно тыкая в сторону сцены толстым пальцем...

...Илочечонк тоже встречался с Испанцем. Несколько лет подряд я играл сына ягуара, Испанцем же был брат Фелипе, чистый ирландец, несмотря на итальянское имя. Его испанский акцент был бесподобен, как и начищенная до блеска кираса вкупе со стальным шлемом — настоящим. Именно такими запомнились «доны» в наших краях. В Прохладном Лесу жабо не наденешь.

Два года назад мы остались без Испанца. Брат Фелипе погиб в случайной стычке с отрядом бандерайтов. Уже мертвому, ему отрубили голову, выжгли глаза...

* * *

◆ Синьор! Синьор!

В первый миг я не понял, к кому это обращаются. «Синьором» бывать еще не приходилось. В коллегииуме я был «сыном», в Прохладном Лесу — «отцом» или попросту «Рутенийцем».

— Вам не понравилось, синьор?

В первый миг я не узнал Коломбину — без маски и не на помосте. Оказывается, *comedia* действительно *finita*, и благодарные зрители спешат вознаградить актеров, кидая свои байокко и редкие скудо прямоком в шляпу, которую только что носил надменный Испанец. Этим делом и занялась Коломбина. Кто же откажет такой красавице?

Отвечать я не стал. Не стал и улыбаться. Монета тяжело упала на грудь мелочи. Ответом был изумленный взгляд.

— Синьор! Вы, кажется, ошиблись! Вы кинули цехин...

Я пожал плечами и повернулся, решив, что комедия действительно кончилась. Пора! Я и так задержался, позволив себе вспомнить прошлое и прогуляться по этим тихим улочкам и маленьким площадям. До монастыря Санта Мария сопра Минерва, где меня ждут, еще идти и идти.

2

Крик я услышал уже за углом. Площадь осталась позади, теперь следовало повернуть налево, к Форуму, к старым разбитым колоннам, призраками встающим из серой земли...

И снова крик — громкий, отчаянный вопль десятков глоток.

Я нерешительно остановился, повернулся. Кричали сзади, там, где была площадь. Похоже, представление все же не кончилось. Не только не кончилось, но и актеров явно стало больше. Сквозь громкую ругань слышалось лошадиное ржание, звон металла. На этот раз шпаги были не деревянными.

Не зная, что делать, я нерешительно поглядел на солнце, цеплявшееся за красную черепицу. Восьмой час¹, в монастыре уже ждут. Впрочем...

Впрочем, те, кто ждет, никуда не денутся. А ягуары, как известно, очень любопытны.

* * *

Толпа на площади поредела. Навстречу мне спешили зрители, стараясь уйти подальше от помоста. Кое-кто не утерпел — пустился в бег. Какой-то бородач в сером плаще чуть не сшиб меня с ног, обернулся, что-то прокричал.

Я не расслышал, но этого и не требовалось. Лошадей я за-

¹ День начинался с рассветом, около шести утра. Восьмой час — начало второго.

метил сразу, как и всадников. Неяркое зимнее солнце нехотя, словно стыдясь, отражалось в остроконечных шлемах. Коричневые камзолы, такие же плащи, широкие кожаные ремни, длинные пики с крючьями...

Новые зрители — сбiry Его Святейшества — чуть приподзали. Комедия закончилась, что, впрочем, никак не могло помешать новому спектаклю, на этот раз — драме.

Кажется, без драки не обошлось. Во всяком случае, у Кардинала появился новый синяк — уже настоящий, Испанца держали трое, четвертый же деловито доставал из-за пояса толстую веревку с узлами. Другие актеры были тут же, прижатые к помосту остриями направленных прямо в лицо пик. Они были уже без грима, и я не мог узнать, кто из этих бедняг Тарталья, кто Леондро, а кто Пульчинелло.

Коломбину я все же узнал — по малиновой блузке. Она стояла спиной ко мне, двое сбиров держали девушку за руки, темные волосы, уже не сдерживаемые лентой, рассыпались по плечам.

— Чего стоишь? А ну проходи! Неча!

Пахнуло луком. Но это оказался не мой сосед в меховой накидке. Сбир — краснорожий, усатый, толстый. Как только в кирасу влез?

— Проходи, говорю!

Ягуар не медлит. Трудно заметить, как дрогнут мускулы, как взметнется в ударе когтистая лапа...

Сбир моргнул, не понимая, откуда в его ладони появилось серебряное скудо. Толстые губы беззвучно раскрылись, дернулся кадык.

Я улыбнулся.

Ладонь дрогнула. Наконец в глазах появилось некое подобие мысли. Послышалось неуверенное «гм-м». Толстяк вздохнул.

— И все-таки вы бы проходили отсюда, синьор. Сами видите, чего происходит!

— А что такое? — самым невинным тоном поинтересовался я, не забыв подбавить акцента — испанского, дабы не нарушить общего настроения. Правда, на испанца я походил менее всего. Амстердамский плащ — это еще куда ни шло, а вот шляпа, модная шляпа «цукеркомпф» (по-простому — «сахарная башка») — это последнее, что можно увидеть на гордой кастильской голове. Ничего, сойдет! Скудо, которое я ему всучил, полновесное, хорошей пробы и даже с необрезанными краями.

— Так что, синьор, лицедеев вяжем! Охальников, стало

быть. Которые это... ну... глумятся. Вот сейчас повяжем и прямиком к Святой Минерве.

Я невольно вздрогнул. Грех, конечно, лупить палкой кардинала вкупе с представителем вооруженных сил Его Католического Величества. Но «охальников» поведут не к городскому подесте и даже не в тюрьму!..

Тот, что стоял лицом к лицу с Коломбиной, лениво, словно нехотя, поднял руку. Голова девушки дернулась. Один из актеров — молодой высокий парень — что-то крикнул, его оттолкнули, ударили древком пики...

Святая Минерва. Именно так в Вечном городе зовут обитель Санта Мария sopra Минерва. Когда-то на том месте, возле невысокого тибрского берега, стоял храм Минервы. На руинах языческого капища был возведен монастырь, но древнее имя осталось, приобретя нежданную святость. Выходит, мне с «охальниками» по пути!

— Старшего! — бросил я таким тоном, что сбир даже не посмел возразить.

Далеко идти не пришлось. Главным среди этой своры оказался тот, кто ударил девушку, — такой же толстый, краснорожий и губастый. И тоже с кадыком.

Меня смерили недоверчивым взглядом, вслед за чем последовало недоуменное ворчание. Слов решили не тратить.

...Илочечонк, сын ягуара, знал, что в мире людей плохо. Там глумятся над кардиналами. Там бьют девушек. Там неудачно пошутивших актеров отправляют к Святой Минерве. И ничего нельзя сделать. Виноваты не эти краснорожие големы и даже не нелепые и жестокие законы. Виноват мир, который нельзя улучшить ударом когтистой лапы.

— Добрый день, мессер дженерале!

Я вновь улыбнулся. Ключет? Должен, ведь на самом деле это чучело в кирасе даже не сотник.

И вновь ворчание, на этот раз чуть более миролюбивое. Заплывшие жиром глазки поглядели на меня уже внимательнее. Интересно, кого он увидел? Плащ дорогой, по последней моде,

но шпаги при поясе нет. Нет и кинжала, значит, не дворянин, не моряк и скорее всего даже не купец.

— Чего вам угодно, синьор?

«Дженерале» был помянут недаром. Уже второй раз кряду меня титуловали синьором.

— Вы, кажется, иностранец?

Это он угадал. Впрочем, отвечать я не собирался, тем более и сам «дженерале» никак не римлянин. От его выговора за пять миль несет Калабрией. Выслуживается, деревенщина!

— Надеюсь, этих... охальников примерно накажут? — бросил я, даже не поглядев в сторону несчастных актеров.

Рожа калабрийца расцвела улыбкой:

— Вы уж не сомневайтесь, синьор! И дома у себя расскажите, чтоб знали! Мы над персонами, которые духовные, изгаляться не позволим. Ишь, безбожники, над кардиналами смеяться вздумали! Сейчас мы этих прохвостов прямоком к Минерве...

Про Испанца «дженерале» промолчал. Оно и понятно. В данном случае мордач был вполне согласен с бедолагами-комедиантами. Калабрийцам не за что любить «донов».

— Под суд их, мерзавцев! Попервах бичевать, чтоб клочка кожи на задницах целого не осталось, потом — на галеры. Ну, а баб, само собой, в монастырскую тюрьму...

...Откуда скорее всего они никогда не выйдут. Впрочем, деревенщина-калабриец все-таки не столь зол, как могло бы показаться. Галеры и тюрьма — наказание, так сказать, светское. Попав к Святой Минерве, «охальники» попросту сгинут. Без следа.

Сыну ягуара никак не понять людских законов. Суть наказания заключается в исправлении преступника. Там, где он жил прежде, смертную казнь отменили еще до его рождения...

— А вас отставят от должности, — как можно беззаботнее заметил я, поглядев вверх, на легкие тучки, неторопливо затягивавшие бледное февральское небо.

— Чего?! — начал было калабриец, но я не дал ему говорить.

— Одно из двух. Или эти «охальники» — просто нарушители общественного спокойствия, которым нечего делать в Святейшем Трибунале, или — еретики и преступники. Но в этом случае арест, как вам известно, должен производиться тайно, дабы не вызвать общественных беспорядков. Представляете, какие пойдут разговоры по городу? То есть уже пошли. Сбиры Его

Святейшества хватают актеров, всего лишь неудачно пошутивших, и отправляют их к Святой Минерве. Разговоры — ладно, а уж когда об этом напечатают в Голландии и Гамбурге...

В ответ я услышал нечто напоминающее рычание. Запахло родным Прохладным Лесом. Я снова улыбнулся, и на этот раз вполне искренне.

— Ваша задача — не устраивать скандалы на всю Европу, а их предотвращать. Вы не смогли помешать представлению и вдобавок обеспечили вашим «охальникам» славу, которую они никак не заслужили. В лучшем случае вас посчитают опасным дураком. В худшем — соучастником...

Рычание стихло, сменившись мертвой тишиной. Я мог бы упомянуть для верности соответствующее распоряжение, изданное Трибуналом еще двадцать лет назад, но делать этого не стал. Он понял. Краешком глаза я заметил, что brave стражи порядка начали переглядываться, опустив пики. Они еще не поняли — но почуяли.

— Вы меня того... не пугайте, синьор! — без всякой уверенности проговорил «дженерале» и вздохнул.

Я ждал. Если он догадается, Илочечонк не будет добивать врага. А если нет...

— Вы меня не пугайте! — Калабриец прокашлялся и, хмыкнув, поправил усы. — Потому как налицо явное нарушение общественного порядка, которое подлежит рассмотрению в городском суде...

Догадался! Все-таки он не так и глуп! Я поглядел на солнце. Восемь часов! Уже опоздал.

— Суд приговорит их к штрафу, — кивнул я. — Десять нидерландских дукатов.

— Двадцать, — тут же отозвался он.

Наглость, как известно, второе счастье. Но не чрезмерная. Я отвязал от пояса кошель, чуть подбросил на ладони.

— Шестнадцать. И чтоб через минуту я вас здесь не видел!

Кошель исчез мгновенно. Если этот олух с такой же резвостью рубит врагов, то я им не завидую.

* * *

— Синьор! Синьор!

Мне опять мешали уйти. Площадь Цветов явно не хотела меня отпускать. Не иначе — соскучилась. Все-таки двадцать лет не виделись!

— Синьор!

Я обернулся. Правая щека Коломбины пылала как маков цвет — ударили ее, похоже, от всей души. В темных глазах — слезы, но губы уже улыбались.

— Синьор, я должна...

— Мне? — как можно суше перебил я. — Мне вы ничего не должны, синьорина. А ваше глумление над духовным саном я нахожу попросту глупым!..

— Я заметила, — поспешно кивнула девушка. — Вы же стояли в первом ряду и ни разу не улыбнулись. Да, это было очень глупо, и я, как капокомико, виновата в первую очередь...

— Вы? — поразился я. — Вы руководите труппой?

Она развела руками и вновь улыбнулась — на этот раз виновато.

— Да, синьор. И, к сожалению, я не смогла отговорить Лючано. Он уверял, что это поднимет сборы. Мы давно не были в Риме...

Теперь понятно. Где-нибудь во Флоренции или в Марселе такое вполне могло сойти с рук. Но не здесь.

— Надеюсь, в следующий раз сьер Лючано поведет себя умнее. Извините, синьорина капокомико, я спешу.

Она быстро кивнула, маленькие губы сжались.

— Мы должны вам деньги, синьор Неулыбчивый. Сколько вы заплатили этому мерзавцу?

Проще всего было не отвечать. Илочечонк, сын ягуара, никогда не считал золотые кругляши. Но последние слова Коломбины меня изрядно задел.

— Мерзавец? Этот человек не мерзавец, синьорина. Он лишь выполнял свой долг — в меру собственного разума. А ваша труппа должна мне шестнадцать дукатов.

— Всего? — удивилась она. — Я думала...

Она думала — и напрасно. У нее «синьор дженерале» не взял бы и сотню. Точнее, взял бы — и отправил всю их компанию в монастырь Санта Мария сопра Минерва вместе с половиной денег. И все остались бы довольны.

— Сейчас мы не можем вам отдать эту сумму. Приходите сегодня вечером на постоянный двор у ворот Святого Лаврентия. Договорились?

— Хорошо.

Спорить я не собирался — как и приходить за деньгами. К тому же я спешил, а к Святой Минерве не принято опаздывать.

От капюшона несло гнилью, и я уже успел трижды пожалеть, что согласился напялить на себя эту хламиду. Впрочем, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а обитель Святой Минервы не из тех, что позволяет нарушать порядки. Капюшон скрывает лицо, особенно если вокруг полутьма, а единственная масляная лампа поставлена так, чтобы освещать собеседника, но отнюдь не меня.

Я оглянулся. Низкий потолок, осклизлые, влажные стены, ни единого окошка. А в придачу — плащ с капюшоном, в котором я сразу же почувствовал себя мортусом¹. И сходство было не только внешним...

Маленький человечек в таком же плаще нерешительно остановился на пороге.

— Давайте второго, — кивнул я и пододвинул лампу поближе, пытаясь разглядеть изощренную писарскую вязь. Итак, номер два. Гарсиласио де ла Риверо, двадцати пяти лет, уроженец славного города Толедо, магистр семи свободных искусств, римский доктор богословия.

Авось повезет. Номер первый меня совершенно не устраивал, а номера третьего найти не удалось. Ни в Риме, ни во всей честной Италии. А искать где-нибудь еще попросту не было времени.

Когда я наконец дочитал абзац, касавшийся упомянутого сьера де ла Риверо, он уже стоял в дверях. Лица я не разглядел, а что касается всего остального...

...Невысок, худощав, узок в плечах, слегка сутулится. Если рост — от Бога и от родителей, то все остальное наглядно свидетельствовало о том, что сьеру магистру не приходилось особо утруждать себя трудами телесными. И еще вдобавок — сутулость. Значит, зрение уже пошаливает — и это в двадцать пять лет! Ох уж эти книги! Не иначе на свечи деньги жалел!

— Садитесь.

Он дернул плечами и присел на прикрепленный к полу табурет. Так-так, а мы, кажется, с характером! Неудивительно, ведь его даже не пытали. Рискую испортить зрение, я покосился

¹ Мортус — служитель мертвецкой.

на лежавший передо мной документ. Что там? «Увещевание, предъявление известных орудий и принадлежностей...» Не пытали. Тому, кто был здесь перед ним, повезло меньше.

Оставалось взглянуть на сьера де ла Риверо поближе. Я пододвинул лампу.

— Не надо!

Он привстал, закрываясь ладонью. Вначале я удивился — свет был совсем неяркий. Но тут же понял. В здешнем узилище нет окон. Нескольких дней в темноте хватит, чтобы даже огонек лучины резал глаза.

Наконец он опустил руку и вновь присел на стул, растерянно мигая. В этот миг лицо сьера Гарсиласио показалось мне совсем юным, почти детским. Длинный нос с горбинкой, большие темные глаза, тонкие яркие губы. Красивый мальчишка, из тех, кто бешено нравится пожилым дамам. Впрочем, не только пожилым. И занесло же этого красавчика сюда!

— Мне сказали, что я должен ответить на ваши вопросы. Но я не понимаю... Я уже сказал все. Все, что мог.

Голос тоже был совсем мальчишеский, высокий, срывающийся на петушиный крик. Петушиный крик с явственным испанским акцентом. Везет мне сегодня на испанцев!

— Этого недостаточно, сьер де ла Риверо, — заметил я самым невозмутимым тоном. — Вы должны сказать не то, что можете, а то, что знаете.

— Знаю? — Он попытался рассмеяться, и вновь мне почудилось, что под этими мрачными сводами прокричал молодой петух. — С вашими-то соглядатаями, святой отец! Да вы знаете больше, чем я!

Это была правда. Трибунал узнал более чем достаточно еще до ареста этого горе-еретика. В деле, экстракт из которого лежал передо мной, имелось все. И записи бесед с друзьями — такими же болтунами, как он сам, и рукопись его нелепой книги, именовавшейся «Ущемление Истины». Он что, спутал истину с грыжей?

— Я сказал следователю все, что мог и что знал, святой отец! И я раскаялся! Слышите! Я раскаялся!

Он даже привстал с табурета. Узкая худая ладонь поднялась вверх, словно сьер Гарсиласио пытался принести присягу. Отвечать я не стал, хотя сказать было что. Он, конечно, и не думал о раскаянии. Обычный прием, чтобы избежать суровой кары, особенно когда попадаешь в Трибунал в первый раз. Джулио Ванини каялся три раза. А нас еще обвиняют в жестокости и непримиримости!

Я вновь поглядел на неровные строчки документа. Не мое дело выводить на чистую воду этого болтуна. Но он мне нужен. И не только мне.

— Во-первых, не зовите меня святым отцом. Обращение «сьер» нас обоих вполне устроит. А во-вторых... Год назад, сьер Гарсиласио, вы защитили диссертацию и получили степень римского доктора богословия. Ваша диссертация, посвященная вопросу о свободе воли, была написана полностью в духе догматов Святой Католической Церкви...

Он попытался что-то сказать, но я предостерегающе поднял руку:

— Не спешите! Итак, вы пишете вполне ортодоксальную диссертацию и одновременно работаете над книгой, отрицающей основные догматы Церкви. Вас арестовывают, и вы тут же каетесь. Поясните мне, в каком случае вы были искренни: в первом, втором или третьем?

Он молчал, да я и не ждал ответа.

— К тому же вы каетесь, обращаясь к Церкви, к ее власти и авторитету. А в книге, напротив, отрицаете и то и другое. Значит, с этих позиций ваше раскаяние не имеет никакого веса, ведь нельзя каяться перед тем, чего не признаешь!

Он чуть подался вперед, темные глаза блеснули вызовом:

Не каясь, он прощенным быть не мог,
А каясь, грешить желая все же,
Нельзя: в таком сужденье есть порок¹.

— А ты не думал, что я логик тоже? — невозмутимо согласился я. — Итак?

— Что вы хотите, сьер Черный Херувим? — усмехнулся он. — Следствие уже закончено, я все подписал...

— Не закончено, сьер римский доктор. Я приказал продолжить его.

Он осекся, замолчал, а я все ждал, не зная, на что решиться. Лучше всего поговорить с этим парнем по-хорошему. Лучше — но не правильной. Он нас ненавидит. Ненавидит — и предаст, как только покинет эти стены. Ненавидят сильные, значит, этому мальчику кажется, что он сильнее нас.

— Вы знаете, что ваш отец арестован?

Он вздрогнул. Отвернулся. Плечи дернулись, опустились.

— Если знаете, то, наверное, имеете представление о предъявленных ему обвинениях.

¹ Слова Черного Херувима из «Божественной комедии» Данте. Перевод (здесь и далее) М. Л. Лозинского.

Я ждал, что он снова вспыхнет, но ответ прозвучал глухо, словно сьер Гарсиласио за миг постарел сразу на двадцать лет:

— Это недоразумение. Мой отец не разделял моих взглядов. И даже не знал о них.

— Верно, — подхватил я. — Не знал и не разделял. Однако двадцать семь лет назад ему пришлось бежать из Толедо. Вы знаете почему?

Теперь я ждал ответа. Не исключено, что не знал. Ведь все это случилось слишком давно, еще до рождения этого парня.

— Он марран. Но разве это преступление?

Выходит, знал! Ну что ж, так даже проще.

— Быть марраном не преступление, сьер Гарсиласио. А вот тайно исповедовать иудаизм, перейдя в католичество, — дело совсем иное. Когда вас арестовали, Трибунал решил узнать все о вашей семье. В Толедо вашего отца давно ждут...

— Сволочь!

Я перехватил его руку, рванул, завернул за спину, отбросил обмякшее тело.

— Сидеть!

Кажется, я слегка перестарался. Пришлось ждать, пока он перестанет стонать и вновь поднимет голову. Смотреть на парня было неприятно.

— О вашем отце мы еще переговорим — попозже. Сначала о вас, сьер Гарсиласио. Мне нужна от вас прежде всего искренность. Но пока еще вы не готовы к разговору.

— Не дождетесь!

В его глазах вновь горел вызов. Да, по-хорошему не выйдет. Зря!

— Не нужно много смелости, чтобы за бочонком кьянти ругать инквизицию, отправившую на костер Бруно Ноланца и затравившую мессера Галилея. А вот чтобы отвечать за это, смелость как раз требуется.

— *Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю!*¹

Я едва удержался, чтобы не поморщиться. Петушинный фальцет резал уши.

— Не сравнивайте себя с Ноланцем, юноша. Вы не выдержите то, что выдержал он. И дело не только в этом. Бруно был гений, а вот вы...

— Гений?!

Его изумление мне понравилось.

¹ Предсмертные слова Джордано Бруно.

— А разве вы думаете иначе? Я ведь читал вашу книгу.

Не читал, конечно. Но некоторые разделы все же проглядел.

— На это вы меня не поймаете, — подумав, ответил он. — Сначала — разговор по душам, затем — «вторичное впадение в ересь». Знаю! А что касается моей книги, то я действительно отзывался о Бруно положительно, как о продолжателе дела великого Николая Коперника. В чем сейчас и раскаиваюсь. И хватит об этом!

— Отчего же хватит? — усмехнулся я. — Хвалить Бруно как продолжателя дела Коперника, конечно, нехорошо, хотя тут особых заслуг у Ноланца я не вижу. Торунский Каноник был неплохим математиком, не более. Гелиоцентрическое учение было разработано Аристархом Самосским еще полторы тысячи лет назад, а все основные идеи Коперник позаимствовал у своего учителя Юрия Дрогобыча. Не слыхали о таком?

Не слыхал, конечно. И мало кто об этом знает. А вся вина Дрогобыча-Котермака в том, что он не дожил и до сорока, не успев закончить труд своей жизни. Копернику понадобилось полвека, чтобы завершить работу учителя.

— Бруно велик, но не этим. В отличие от Коперника он был философом и как философ высказал несколько действительно невероятных идей. Настолько невероятных, что они похожи на истину...

Я заставил себя замолчать. Нет смысла говорить с этим мальчишкой о Ноланце. Сейчас ему не до философии. Как и мне самому. А жаль! Кажется, посещение площади Цветов не прошло бесследно.

— Так, значит, именно за гениальность вы сожгли Бруно и Ванини, унизили Галилея, пытали Фому Колокольца!..

Он снова задирился, начисто забыв о своем «раскаении». Спорить не имело смысла, тем более свой выбор я уже сделал, но удержаться было трудно:

— Для римского доктора вы удивительно безграмотны, сьер Гарсиласио! Чтение амстердамских и виттенбергских пасквилей вредно не только для вашей бессмертной души, но и для истины. И прежде чем мы позаботимся и о том и о другом, хочу напомнить о вещах очевидных...

— Для вас! — резко бросил он, но я лишь улыбнулся.

— Для всех. Прежде всего выкинем из приведенного вами мартиролога сьера Джулио Ванини. Этому недоучке там нечего делать. Его «Диалоги» свидетельствуют лишь о том, что автор не озаботился прочитать в подлиннике не только Аристотеля вкупе с Отцами Церкви, но и книги Священного Писания. На костер его отправили не мы, как вы изволили выразиться, а Тулузский парламент. Кстати, Церковь спасла этого богохульника, когда нечто подобное грозило ему в Лондоне несколькими годами ранее...

Теперь он уже не пытался перебивать, и в его глазах я заметил явный интерес. И действительно, где еще можно услышать лекцию по ересиологии?

— О Фоме Колокольце тоже не поминайте всуе. Он провел тридцать лет в испанской, а не в церковной тюрьме, откуда был освобожден по негласной просьбе из Рима. Будь он еретик, то ему бы не доверили должность главного цензора в Ватикане, а позже не рекомендовали бы на должность придворного астролога при Людовике Французском...

— Испанцы судили его за ересь, — негромко проговорил сьер Гарсиласио и отвернулся. — Какая разница, ваша ли инквизиция или испанская!

Прежде чем ответить, я вдруг сообразил, что за двадцать минут добился того, чего не смогли следователи за полгода. Этот парень заговорил со мной откровенно. На свою глупую молодую голову, конечно. Иногда искренность стоит очень дорого. Мессеру римскому доктору крупно повезло, что он мне нужен, так сказать, *in cogroga*. *In cogroga*, и желательно в сыром виде.

— Ересь Фомы Колокольца заключалась в том, что он хотел призвать в Калабрию турок для борьбы с испанцами. Он всегда был реалистом, чем и велик. Смелость в политике ведет к победе. Ему просто не повезло...

И вновь я с трудом заставил себя остановиться. Не время. Может, если мы договоримся, еще будет предлог поговорить о Колокольце.

— Что касаясь мессера Галилея, то тут все просто. Папа Урбан постарел, и возле его престола началась обычная грызня. Галилей принадлежал к одной партии, его враги — к другой. Тут подвернулся прекрасный повод: столь любезные вам господа протестанты в очередной раз завопили, что Святая Католическая Церковь слишком открыто поддерживает учение Коперника. Кое-кто испугался, а кое-кто сообразил, что это неплохой предлог свалить соперника. Френсис Дрейк, не к ночи

будь помянут, как-то повесил на нее королевского шпиона Даути — якобы за чернокнижие. Ветер не тот наколдовал! Ну и, наконец, Бруно...

Вновь вспомнилась площадь Цветов. Я вдруг сообразил, что вечером совершенно свободен, а синьорина Коломбина наверняка приняла меня за зануду, не любящего театр...

— Бруно сожгли не за его астрономические штудии и даже не за сатанизм, которым он, к сожалению, увлекался в молодые годы. Он был участником одного политического предприятия, задуманного очень широко. В Венецию он приехал, конечно, не для того, чтобы давать уроки мессеру Мочениго. Но власти Святого Марка оказались начеку. Потому мы и выжидали почти восемь лет, надеясь договориться. Однако Ноланец был непреклонен, к тому же его главная политическая идея слишком опередила свое время...

Кажется, мессер Гарсиласио хотел что-то спросить, но я поднял руку:

— Хватит! Диспут окончен, мессер римский доктор. Теперь о вас. Вы не были искренни со следствием, а мне, как я уже говорил, нужна прежде всего искренность. Придется прибегнуть к одному из способов, чтобы ее добиться.

— К велье? — Он попытался засмеяться, но вместо смеха услышал что-то напоминающее хрипение. Велью ему, кажется, демонстрировали. И только. Оно и к лучшему, мне ни к чему калека.

— Всему свое время, сьер Гарсиласио, всему свое время. В одной умной книге написано, что для полного просветления, для лицезрения Рая, следует вначале увидеть Ад. Вы его увидите, причем очень скоро.

Наши глаза встретились, и я почувствовал, как сквозь юношескую браваду начинает проступать страх. На миг мне стало жаль этого мальчишку. Хотя почему мальчишку? Он младше меня всего на девять лет и, конечно, считает себя взрослым мужем, если решился поднять руку на Церковь. За все надо платить.

— У вас, как здесь заведено, было два следователя — злой и добрый. Сейчас к ним прибавился третий — очень злой. Можете снова посмеяться, сьер еретик.

Смеяться он не стал, даже не пытался. В темных глазах плавал ужас.

Ягуар не знает жалости. Он может поиграть с добычей — до поры до времени. Добыче начинает казаться, что ее приняли в игру...

Напрасно!

4

— Надо поспешить, отец Адам. Вечерня вот-вот начнется. Ах, да!

Вот так и впадают в ересь! В последний раз я был на вечерне неделю назад. Правда, это была очень напряженная неделя...

— Мы были бы счастливы, если бы вы, отец Адам, участвовали в сослужении.

Я чуть не отказался, но вовремя сообразил, где нахожусь. В Санта Мария сопра Минерва не шутят. Откажешься — и оглянуться не успеешь, как попадешь в компанию к сьеру де ла Риверо. Вот уж не хотел бы!

— Надеюсь, у вас найдется облачение?

— Конечно, конечно, отец Адам! Но надо поспешить.

Служка в ризнице торопился, и я поневоле вспомнил давние годы, когда нам, новициям, все приходилось делать на бегу, в том числе и облачаться в ризы, особенно когда возвращаешься из тайного похода в город, а на носу — вечерня или классы. Впрочем, спешить приходилось и позже, когда гремела труба, рука сама собой откидывала противомоскитную сетку и тут же тянулась к штанам и рубахе. Или только к штанам, если на дворе стоял февраль. Душная февральская жара — это вам не тучки на бледном римском небе. Вначале трудно было привыкнуть. Лето: январь, февраль, март. Зима: июнь, июль, август. Правда, и зима там была другая...

Подрясник, скапулярий, риза. Риза оказалась маловата, и я с трудом смог вдохнуть. Маловата — ладно, а вот стирали ее, как и все прочее, при Петре Апостоле, никак не позже. Служка, недоверчиво поглядев на новооблаченного, поправил воротник и покосился на мои стриженные в скобку волосы. Что поделаешь, тонзуру не ношу. Нехорошо, конечно, но авось остальные будут не столь внимательны.

Впрочем, вечерня сегодня недлинная, благо не праздник, и я не служу, а всего лишь участвую в сослужении. Какой там порядок? Исповедание, входная, псалом, молитва, послание, *graduale*... Кажется, помню.

Пора!

* * *

В небольшой церкви было полутемно, и я быстро успокоился. Еще в коллегииуме меня учили всякое время проводить с пользой. Это называлось «отстранение». Ты-видимый тратишь время попусту, и ты же, но уже невидимый, занимаешься делом. Например, повторяешь урок или мысленно перелистываешь душеполезную книгу.

Отстранение — обратная сторона сосредоточенности. Ты-первый — голем во власти тебя-второго, покорный, словно мертвое тело.

Потом уже, через много лет, я понял: дело не только в давнем правиле *sapre diem*. Отстранение — это то, на чем основано наше Общество. Те, кто им руководит, могут не думать о мелочах. Все будет сделано как надо, без лишних приказов и напоминаний. Понял, когда самому довелось стать из «вторых» «первым».

Учились мы этому быстро. Знали ли наши наставники, что «отстранялись» их духовные чада прежде всего на бесконечных службах? И то сказать — восемь служб на день, начиная с заутрени! Шесть часов в день, если не праздник. Тогда — на час больше. А то и на два. Когда же уроки повторять? Только в церкви! Стоишь, шевелишь губами, а перед глазами мелькают страницы...

Колокольчик! Начали!

Наставники, конечно, знали, ибо сами прошли этой же стезей. Ведали они и другое — служба сама по себе далеко не каждого ведет к просветлению. Только в этом прав проклятый Лютер — спасение индивидуально. Посему столь важна исповедь, не говоря уже о духовных упражнениях. Да, для того чтобы узреть Рай, вначале следует увидеть Ад. Лютер до этого не додумался. Куда ему, колбаснику!

Что это? Ага, псалом. Дальше молитва и, если не ошибаюсь, мой выход, как выразилась бы синьорина капокомико. Престол налево, тремник направо...

Итак... До следующей встречи со сьером Гарсиласио еще два дня. На прощание я пообещал зайти к нему завтра в полдень, и он будет меня ждать, очень ждать. Но меня не будет — весь день, всю ночь и весь следующий день. И когда мы наконец увидимся...

Нет, стоит все-таки заглянуть к нему завтра. Но не в полдень — вечером. Ни к чему загадывать, в конце концов я могу и ошибиться в этом парне. Вдруг он крепче, чем кажется?

Значит? Значит, стоит подумать о другом. Если все сложится как надо, сьер римский доктор станет моими глазами. Это хорошо, но мало. В дороге нужны глаза, деньги и шпага. С глазами все скоро выяснится.

Деньги. В Амстердаме...

Что, уже аллилуйя? Куда мне, налево или направо? Направо, конечно! Сейчас преклоним колени...

...В Амстердаме я получил несколько векселей, очень надежных, но их следует переписать. И сделать это придется здесь, в Риме, потому что в Стамбуле я могу потерять до четверти стоимости. Надо будет узнать, к кому лучше обратиться. С Левантом торгуют венецианцы, но с ними лучше не иметь дела. У Святого Марка тысяча глаз и столько же ушей, а это совершенно лишнее...

Секвенция. Значит, до половины уже добрались. Грешен, три раза отказывался от посвящения, пока отец Мигель попросту не приказал. Да и после этого служить почти не приходилось. Служил сам отец Мигель или отец Хозе...

Ага, Евангелие! Ну, это надолго! Плохая дикция у здешнего настоятеля! Мое место... Слева мое место. Глаза вниз и — не забывать креститься.

Ах, да! Раз я сослужу, класть крест должно не как мирянину, а как священнику. Не перепутать бы!

...Векселями и займемся — завтра же. Остается шпага. Не для меня, конечно, — обойдусь без лишнего железа, но кто-то должен прикрыть мне спину. Илочечонк едет не в Прохладный Лес, не к друзьям-ягуарам. К людям нельзя поворачиваться спиной!

Proscomidia, приступ... Ну, сейчас пускай хор старается! Послушать, как тут поют? Пожалуй, не стоит, хор Святой Минервы не ватиканская капелла.

...Бумаги. А вот бумаг с собой брать как раз и не придется — слишком опасно. Настоящих — о фальшивых надо будет подумать особо. Потому и векселя лучше выписать в Риме, но поместить Стамбулом или Родосом. Значит, придется зазубривать наизусть, причем дословно. Впрочем, и этому учили. Кое-что я уже помню. То есть не кое-что — главное. А главное — это три документа: один — подлинник, два других — копии. Ну-ка, повторим... Документ первый. Желтая толстая бумага, надорванная слева вверху, черные чернила, мелкий неровный почерк. Писано по-итальянски, весьма грамотно... Его Высокопреосвященству Генералу... Нет, сначала число — 3 ноября 1649 года. Итак, Его Высокопреосвященству Джованни Аквавива, Генералу Общества Иисуса Сладчайшего. Выполняя Вашу волю, высказанную в Вашем всемилостивейшем послании от 30 августа сего года, высылаю Вам подлинник известного Вам доклада. Остаюсь преданный... Ну, это можно опустить. Подпись: брат Манолис Канари, исповедник трех обетов. Чуть ниже: остров Крит. Город не указан...

Жаль, что я так мало знаю о брате Манолисе! Во всяком случае, сутану он не носит, стало быть, из «внешних», светских помощников. Торговец? Или попросту корсар? Ничего, познакоимся...

Теперь документ номер два, тот самый доклад. К сожалению, мне дали только копию. Интересно почему? Подлинник всегда интереснее. Ну что ж копия — значит, копия. Обращения нет, нет подписи, равно как и числа. Написано на латыни. Первая строчка начинается почему-то с середины.

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопья на Киев, подступили к днепровскому перевозу...

Слово «хлопы» так и написано — «hlorae». Я сразу подумал, что это все-таки перевод, причем не самый удачный. Жаль, нельзя взглянуть на подлинник. И даже не спросишь, отчего нельзя. В том-то и сила Общества — лишних вопросов здесь не задают. Необходимых — тоже. Какое оружие дано, тем и воюй.

Письмо брата Канари послано в начале ноября, Генерал отправил свое в конце августа, а трава на поле показалась где-то в апреле. Значит, все остальное случилось между, скорее всего в мае—июле. Или даже в июне, поскольку Генералу (или кому-то из членов Конгрегации, что вернее) понадобилось какое-то время для написания ответа. Дело оказалось важным, недаром письмо подписал сам Аквавива. А ведь в Рим обращался всего-навсего светский помощник, принявший первые три обета. Таких обычно зовут «короткополыми», им вообще не положено обращаться к Генералу...

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский, с которым было все улажено. По данному им знаку Киев обступили со всех сторон...

Что, уже Agnus Dei? Быстро же здесь службу правят! Оно и понятно, у братьев много дел. Хлопотно служить в обители Святой Минервы! И крупно повезло кое-кому сегодня днем, поелику попасть за здешние стены не пожелаю ни актеру, ни синьорине капокомико, ни даже распоследнему еретику. Шестнадцать дукатов — сумма немалая, но отсюда бы бедолаги не вышли и за тысячу...

А может, и вправду сходить в гости? В конце концов, на постоялом дворе у ворот Святого Лаврентия будет не столь скучно, как у меня в гостинице. Тамошний хозяин слишком экономит на свечах. И на дровах — тоже. Может, господам комедиантам повезло больше?

◆ *...По данному им знаку Киев обступили со всех сторон, началась на улицах злая потеха: начали разбивать латинские кляшторы, до остатка все выграбили, что еще в них оставалось, и монахов, и ксендзов волочили по улицам, за учениками же коллегіума гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали...*

Первым, кого я встретил возле ворот Святого Лаврентия, был Испанец — без усов, грима и бутафорской шпаги, зато с бочонком на плечах. Бочонок оказался самым настоящим, причем немалых размеров. Испанец, занятый нелегким грузом, все же умудрился узнать меня первым. И немудрено. Я по-прежнему был в амстердамском плаще и «цукеркомпфе», благородный же «дон» без грима оказался совсем молодым парнем лет восемнадцати. Он приветствовал меня — уже без малейшего акцента, на прекрасном тосканском диалекте и тут же сообщил, что к моей встрече все готово, вот только осталось дотащить «это».

«Это», сиречь бочонок, мы после недолгого препирательства решили нести по очереди. До постоянного двора, как выяснилось, всего несколько сот шагов. Поддерживая руками смолистые бока и вполне догадываясь о содержимом, я не преминул поинтересоваться причиной, по которой оному бочонку довелось путешествовать. Неужели на постоялом дворе нельзя найти его собрата, дабы не утруждать плечи?

Испанец заговорщицки подмигнул, сообщив, что в траттории, которая имеется при постоялом дворе, можно найти разные бочонки, но этот — не прочим чета, а почему — синьор Неулыбчивый узнает в свое время. Для того и собираемся.

Кажется, я уже успел заработать постоянное прозвище в труппе. Но синьорина Коломбина не права. Неулыбчивый — все же явное преувеличение. Или со стороны виднее?

Из всего слышанного приходилось делать выводы, и главный из них состоял в том, что скромная процедура вручения мне шестнадцати дукатов начинает приобретать неожиданные черты.

Естественно, я не ошибся. Прямо возле входа (постоялый двор оказался самым обычным, двухэтажным, в серой, местами осыпавшейся побелке) меня встречал сам Турецкий Султан. Его Османское Величество восседал на троне, покрытом чем-то, в полумраке могущем сойти за парчу. Грозные арапы-янычары стерегли его покой, сжимая в черных руках тяжелые алебарды. Чуть дальше теснился гарем — юные одалиски в глухих чадрах, окруженные евнухами — в шароварах, чалмах и с ятаганами наголо.

Я попытался обратиться в бегство, дабы не пасть жертвой злых басурман, но не тут-то было. Мой сопровождающий схватил меня за плечи и препроводил прямиком в янычарские лапи-

щи. Спасения не было. Я был стреножен, обездвижен и подведен прямо к кончикам остроносых султанских туфель. На миг почудилось, что вошедшие в роль янычары собираются для пушшего правдоподобия уронить меня лицом в лужу. Но — обошлось.

Где-то совсем рядом, в темноте, гулко ударил барабан.

— Абрамбаба кегуфу! Брамбиньоли умба!

Бас Его Величества звучал столь грозно, что я едва устоял на ногах. Коломбина была хороша. Даже приклеенная седая борода, более походившая на метлу, была ей к лицу.

Следовало отвечать. Желательно по-турецки.

— Кера атага, караи! — Я сдернул с головы свою чудо-шляпу и поклонился, прижав левую руку к сердцу. Бог весть, приняли ли они меня за турка. Скорее всего нет, и правильно сделали, ибо обратился я к синьорине капокомико не на турецком, который, к стыду своему, так и не выучил, а на ставшем почти родным гуарани.

— Мы очень рады вас видеть, синьор. Надеюсь, на этот раз мы не заслужили вашего осуждения?

Можно было пуститься в умозаключения по поводу сложных и весьма запутанных отношений Святейшего Престола и Высокой Порты, но прослыть еще большим занудой, чем я есть, не хотелось. К тому же у славных комедиантов, кажется, сложилось впечатление, что синьор Неулыбчивый не любит театр...

Я упал на колени, протянул руку, склонил голову.

Прекрасная Фиалка! Рождена ты
Там, где давно мое пристрастие живо.
Ток грустных и прекрасных слез ревниво
Тебя кропил, его росу пила ты.
В блаженной той земле желанья святы,
Где ждал цветок прекрасный молчаливо.
Рукой прекрасной сорвана, — счастливой
Моей руке — прекрасный дар — дана ты.

На миг я остановился, чтобы перевести дыхание и насладиться паузой — и мертвой тишиной. Коломбина, забыв о султанском достоинстве, привстала, ладонь замерла у подбородка.

Боюсь, умчишься в некое мгновенье
К прекрасной той руке: тебя держу я,
Прижав к груди, хотя сжимать и жалко.
Прижав к груди — ведь скорби и сомнения
В груди, а сердце прочь ушло, тоскуя, —
Жить там, откуда ты пришла, Фиалка!¹

И вновь — тишина; наконец кто-то неуверенно хлопнул в ладоши...

¹ Перевод С. В. Шервинского.

Переждав шум, я коснулся губами протянутой мне руки и только тогда взглянул на Коломбину.

Седая борода куда-то исчезла — как и пестрый халат. На девушке было платье — белое, с серебряным шитьем.

— Я... Я не знаю этих стихов! — несколько растерянно произнесла она. — Да встаньте же, синьор, встаньте!

Я повиновался. Господа комедианты окружили меня, поглядывая на своего гостя с явным изумлением, как будто к ним на постоянный двор заглянула говорящая кошка. Не ожидали!

— Зато наверняка знаете автора, — усмехнулся я, довольный эффектом. — Это Лоренцо Медичи. Двести лет назад итальянский язык был куда более выразителен.

— Не знаю, как двести лет назад, а в эту минуту мой язык высох, как копченая треска, — несколько обидчиво отозвался Испанец, для верности похлопав ладонью по уже виденному мною бочонку.

И словно по сигналу (а может, действительно по сигналу), вся компания разразилась дружным кличем:

— «Лакрима Кристи»! «Лакрима Кристи»! «Лакрима Кристи»!

Последний камешек стал на место, и мозаика заиграла всеми цветами радуги — как и полагается после полного глотка.

* * *

Дивное дело, но в бочонке действительно оказалось «Лакрима Кристи». В последний раз я пробовал его двадцать лет назад, перед самым отъездом. Потом, хлебая болотную воду и — временами — мескаль или пульке, я часто вспоминал последний глоток в остийской траттории — мы забежали туда перед самым отплытием. Нет слов, умеют в Италии делать вина! Особенно в Неаполе. Вначале, когда я попробовал «Латино», то решил, что лучшего мне не найти. Но за «Латино» последовало «Греко», за ним — «Мангьягерра», а уж когда дошла очередь до «Лакрима Кристи»!..

Увы, в этот вечер я лишь пригубил из поданного мне кубка (деревянного, с позолотой), чем тут же заслужил новое прозвище — «синьора Непьющего». Моим хозяевам пришлось самим бороться с выпущенным ими из бочонка страшным демоном Бахусом, начисто забыв, что турки, как и все добрые мусульмане, не потребляют порожденное виноградной лозой. Тосты сле-

довали за тостами. Выпили за шестнадцать воинов со стрелами в руках, поразивших воинство фараоново, отдельно — за меня, а затем настала очередь Мельпомены. Тут ее весьма чтили, поскольку тосты поднимались не просто так, а с великим разбором. Сначала выпили за Южных Масок: Ковьелло, Пульчинелло, Тарталью. Затем — за Северных: Доктора, Бригеллу и Арлекина. Я так и не успел понять, к каким из них относятся здесь присутствующие и кто, собственно, есть кто. Испанец оказался, как я и подозревал, Капитаном, Кардинал (высечь бы его, выдумщика!) Тартальей, а юркая брюнетка, уже успевшая скинуть чадру, — Клименой. Кажется, тут хватало и Южных, и Северных.

Между тем неутомимые лицедеи уже провозглашали здравицу в честь мастеров кукол и марионеток, за ними последовали сочинители текстов, а заодно и типографы, оные тексты издающие.

Последний тост я выпил без всякой охоты. Если «текстами» господа лицедеи называют слышанные мною вирши, то поздравлять их авторов не с чем. К тому же я в простоте своей душевной был уверен, что Комедия дель Арте славна импровизацией, а вовсе не «текстами».

Мне не без смущения пояснили, что слава — славой, а на одной импровизации далеко не уедешь. Посему многие труппы уже много лет кормятся, так сказать, объедками чужого репертуара. А господа сочинители охотно перерабатывают пьесы Жюделя и Лариве в неумудренные фарсы.

Этот короткий рассказ послужил хорошим поводом к тому, чтобы выпить за «настоящих» драматургов: за всех вместе, а затем за каждого в отдельности.

После тоста за Кристофера Марло я понял, что пора уходить. Не телом — мыслями. Я-первый остался в забитом народом зале с низким закопченным потолком, где уже появилась гитара и кто-то (кажется, все тот же Капитан-Испанец) готовился терзать беззащитные струны, а я-другой привычно потянулся к недочитанному документу. Веселья не получилось. Наверно, я и впрямь Неулыбчивый.

* * *

«Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский, с которым было все улажено. По данному им знаку Киев обступили со

всех сторон, началась на улицах злая потеха: начали разбивать латинские кляшторы, до остатка все выграбили, что еще в них оставалось, и монахов, и ксендзов волочили по улицам, за учениками же коллегіума гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, прочих братьев, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретили под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать латинов в своем доме. И вот испуганные обыватели страха ради иудейского погнали несчастных из домов своих на верную смерть. Тела убитых оставались псам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложивши книги в руки...»

И вложивши книги в руки... Отцу Мигелю Библию прибили к груди — железным штырем. Только не мертвому — живому.

Прости им всем, Господи, ибо не ведают...

* * *

— Где вы, синьор Неулыбчивый?

Я-первый дал маху: позволил обнаружить отсутствие своего невидимого собрата и вдобавок умудрился проморгать резкое изменение диспозиции. Только что рядом с мною сидел Кардинал, посвечивая изрядным синяком под левым глазом. Мы (то есть он и я-первый), кажется, обсуждали с ним достоинства ранних пьес Лопе де Веги, причем мой собеседник успел проявить неплохое знание предмета. Теперь же на его месте оказалась синьорина капокомико собственной персоной. И когда только успела?

— Так все-таки, где вы?

— В Киеве, — без особой охоты сообщил я, уже жалея, что поддался уговорам и пришел на это сонмище.

— А где это? В Америке?

Я невольно вздрогнул. Про Америку я им ничего не говорил. Случайность? Совпадение?

— Почти, — охотно согласился я. — Извините, кажется, немного задумался...

Девушка улыбнулась, на щеках проступили еле заметные ямочки. Только сейчас я по-настоящему смог рассмотреть ее лицо. Я не знаток, но красавицей ее назвать трудно. Маленький острый нос, большой рот с пухлыми «мавританскими» губами, чуть оттопыренные уши с еле заметными мочками, слева над

верхней губой — небольшая родинка... Да что это я? К счастью, мне не придется составлять объявление о розыске с указанием точных примет!

— Не стоит. — Ее лицо тут же исчезло под небольшой черной маской, и я невольно устыдился. — Актрису надо разглядывать, когда она на сцене. Знаете, многие дворяне, из тех, кто побогаче, охотно берут актрис в содержанки — и очень быстро разочаровываются. Им нравится образ, а не женщина. Если хотите, призрака...

В ее голосе внезапно послышалась еле скрытая горечь, и я удержался от дальнейших расспросов.

— Поэтому я люблю носить маску. И вы, кажется, тоже.

Когда я играл Илочечонка, сына ягуара, то действительно надевал маску, но девушка имела в виду совсем другое. Да, в наблюдательности ей не откажешь.

— У меня сейчас много дел, — осторожно начал я. —хлопоты, знаете...

— Вы... негоциант?

Кажется, она хотела сказать «купец», но в последний миг исправилась. «Негоциант» звучит несколько благороднее. И так, за дворянина она меня не приняла. Что значит не носить шпагу!

Прежде чем ответить, стоило подумать. Те сделки, которые удалось заключить в Амстердаме, тянут почти на миллион дукаатов. Но...

— Приходилось заниматься и этим, синьорина капокомико. Но вообще-то у меня другое ремесло.

— Но вы же не моряк? Ваши руки...

Да, у девушки острый глаз. Наверно, отсюда и Америка. Загар не скроешь, а плащ из Амстердама слабо ассоциируется с Турцией или Магрибом.

Интересно все-таки, кто я? Еще полгода назад на такой вопрос ответить было очень просто.

— Я гидравликус.

— Кто-о?!

Объясниться мне не дали. Несколько голосов дружно укорили Коломбину в том, что она узурпирует внимание гостя. Громче всех звучал щебет Климены, которая попыталась подсесть ближе, но тут же ретировалась, встретившись взглядом с синьориной капокомико. Мне тоже досталось — за отрыв от компании. Пришлось вновь хлебнуть из кубка, но это не удовлетворило присутствующих. От меня потребовали открыть страшную тайну: играл ли я на подмостках, а если играл, то где и какие роли. Похоже, моя скромная декламация о фиалке произ-

вела некоторое впечатление, и мне было сказано, дабы я не юлил, ибо коллегу они чувят, как вино в запечатанной бочке, — за полсотни шагов.

Я покосился на Коломбину и поймал ее любопытный взгляд. И вправду интересно: играют ли гидравликусы в театре?

Проще всего было солгать. Даже не солгать, а сообщить чистую правду: в профессиональной труппе не состоял и хлеб лицедейством не зарабатывал. Но...

...Но всегда найдется маленький, черненький, дергающий тебя за язык...

Узнав, что я все-таки бывал на сцене, собрание тут же осушило по кубку за собрата и тут же потребовало воспроизвести что-нибудь из моего постоянного репертуара. Это было уже хуже. Хотя бы потому, что моя первая роль — царя Ирода — мне никогда не нравилась, а рассказывать о сыне ягуара не имело смысла, ибо отважный Илочечонк изъяснялся исключительно на гуарани.

Впрочем...

Я встал, подождал, пока стихнет шум, окинул взглядом присутствующих, а затем поглядел вверх. И тут же все исчезло. Вместо грубой деревянной люстры, на которой плавилась дешевые сальные свечи, передо мной встала каменистая вершина, и над ней возвышались позолоченные крыши города Куско. Города, который мне предстояло взять.

...Эта роль мне долго не давалась. Я не солдат и никогда не водил армии на приступ. Но как-то я представил, что передо мною — не Куско, давно погибшая столица Детей Солнца, а Сан-Паулу, гнездо проклятых бандерайтов. И все сразу же стало на свои места.

Мы играли эту пьесу всего дважды. В последний раз — совсем недавно, всего полгода назад. Это было как раз перед тем, как отец Мигель уехал в Капауко. Уехав — и не вернулся...

На мне короткий военный плащ, у пояса меч — деревянный, с нефритовыми вкладышами...

Куско! Сияющий город!
Ныне ты враг Ольянтаю!
Видишь, я меч поднимаю,
Будешь ты мною расколот!
Я твое сердце достану,

Брошу орлам на съеденье!
Гибель несущу я тирану,
Мстя за свое унижение.
Яркою Солнца столица,
Город богатства и славы!
Знай же: на ложе кровавом
Инкское счастье затмится!

Я медленно поднял руку к ненавистному городу, не грозя, а словно закрываясь от невыносимого блеска золота. Горе вам, Сыновья Солнца! Горе!

Они погибли давно — еще до того, как родился мой отец и отец моего отца. Возле Тринидада до сих пор страшным призраком стоят руины погибшего дворца, заросшие густой колючей травой. Там тоже ягуары — каменные, с навеки застывшим оскалом.

Куско! Ты, мною сожженный,
Небо затмишь голубое!
С ложа страданий с тобою
Сверзнется Инка сраженный.
В жизни я больше не буду
Милости ждать на коленях,
В новых кровавых сраженьях
Славу и трон я добуду!¹

Теперь улыбнуться, нет — оскалиться, левая рука еле замет-но дергается, пытаясь сжаться в кулак... Все!

* * *

Кажется, оценили. Во всяком случае, хлопали, как мне по-чудилось, не только из вежливости. Я поглядел на Коломбини — девушка не улыбалась, губы сжались, глаза смотрели холодно и не улыбочиво, словно Коломбина готовилась мне поды-грать. Я вдруг представил ее в роли Коси-Койлор, невесты того, кто мстил надменным инкам. А что? Жаль, мне этого не уви-деть. В Италии не ставят «Апу Ольянтай».

Следующий тост — за гибель города Куско, предложен-ный неутомимой Клименой, я пропустил, даже не став смачи-вать губы в бокале. Я вдруг понял, что зашел слишком далеко. Я начал вспоминать...

Нельзя!

Никак нельзя! Илочечонк для того и покинул стаю, покинул Прохладный Лес...

— Синьор Неулыбчивый!

¹ Перевод Ю.А.Зубрицкого.

Я обернулся. Коломбина обвела взглядом окончательно разошедшуюся компанию, неуверенно поджала губы.

— Если хотите... мы можем погулять. К тому же я должна отдать вам деньги...

От бочонка осталась едва ли треть, на гитаре оборвали струну, Кардинал уже успел рухнуть с лавки. Погулять? Почему бы и нет?

— Им уже не до вас, — усмехнулась она. — После третьего кубка... Мужчины, что с них взять?

Спорить я не стал, хотя за столом присутствовали и женщины: уже замеченная мною Климена, старуха в съехавшем на ухо парике, худая девушка с крашенными в рыжий цвет волосами и, конечно, сама синьорина капокомико. Но крашеная (как я понял, Серветта) была слишком занята Испанцем, а Дуэнья (кем же еще быть старухе?) осушала уже не третий кубок, а как минимум пятый. Климена, явно отчаявшись привлечь мое внимание, повисла на шее у худого как жердь парня, если не ошибаюсь, Пульчинелло. Одна Коломбина держалась молодцом. Интересно, она в самом деле трезвенница или только ради подобного случая?

Ну что ж, пока честная компания веселыми ногами скакала и плясала...

— Погуляем, — согласился я. — Кажется, сегодня не так и холодно.

6

— Меня зовут Адам, — сообщил я, глубоко вдыхая влажный сырой воздух. Тибр был совсем рядом, но темнота, затопившая набережную, не позволяла увидеть желтую рябь на его неспокойной воде.

— А меня — Франческа. — Девушка зябко передернула плечами, поправила скрывавшую волосы накидку. — Имя как у герцогини, хотя и отец, и мама — актеры, а дядя держит винную лавку в Вероне, если до сих пор жив, конечно. От отца я и унаследовала трупку... А вас, очевидно, следует называть отец Адам?

Ну вот, стоило *zuckercompf* на голову напяливать!

— Давно догадались?

Она пожала плечами — легко, словно отгоняя прочь непрошеную зимнюю муху.

— Вы перекрестились на распятие, что висело у входа...

— Как священник? — понял я, запоздало ругая себя за неос-

торожность. Сейчас это неопасно, но как-нибудь такая небрежность может обойтись очень дорого.

— Да, как священник. Потом все нажились на вино, а вы вначале прочитали молитву, а потом осенили крестом нашу недостойную компанию.

— Привычка, синьорина Франческа, — усмехнулся я. — Елей не отскоблишь.

Она остановилась, удивленно повернула голову.

— Странно, отец Адам! Вы впервые смеетесь. И над чем? Кстати, не стоит называть меня столь торжественно. Простой актрисе вполне хватит имени.

Слова о «простой актрисе» прозвучали явным вызовом.

— Согласен, если не будете именовать меня «отцом». Я служил мессу всего два раза в жизни, причем первый раз, как и водится, после рукоположения.

Сегодняшняя служба не в счет. Меня там, можно сказать, не было.

— По-моему, вы настоящий священник. Тогда на площади... Только священник не смеется, когда шутят над духовными особами. Это у вас в крови. Когда вы нас выручили, я подумала было, что ошиблась...

Девушка вновь отвернулась и стала смотреть в темноту, на невидимую во мгле реку. Я уже успел пожалеть, что согласился на эту прогулку. Актриса и поп. Чем не сюжет для комедии? Лучше было прогуляться одному по ночному городу и еще раз, не спеша, никуда не торопясь, обдумать то, что предстоит. Тем более подумать было над чем. Хотя бы над странным докладом. Вот это место: «а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский...». Так кто же он все-таки?

* * *

— Ваши деньги, синьор Адам. Спасибо.

Франческа протянула руку с кошельком, не глядя, словно кидая медяк нищему. Или отдавая долг ростовщику.

— Не возьму, — усмехнулся я. — Внесите в кассу вашего театра и считайте, что я в доле. Потом поделимся барышами. Для начала советовал бы обновить костюмы и в следующий раз снять приличное помещение для выступления.

Девушка вновь пожала плечами.

— Знаете, я в театре с первого дня жизни, так что не очень нуждаюсь в советах. Настаивать не буду, но в любой момент

наша труппа готова с вами расплатиться. Могу выписать вексель под двенадцать процентов годовых.

— Обиделись, — понял я. — Но за что?

Она резко обернулась, и даже в темноте было заметно, как сверкнули ее глаза.

— За вашу ложь, синьор Адам. Мы пригласили вас, чтобы сказать спасибо, и вовсе не напрашивались на откровенность. А вы... Может, вы действительно пару раз играли на сцене, но вы священник, а не этот... гидравликус! Если не хотели говорить правду, можно было просто промолчать!

Ах, вот оно что! Я вздохнул, чувствуя себя без вины виноватым. Грешен, конечно, но не этим.

— Основание плотины, синьорина Фиалка, называется флютбет. Расстояние между уровнем воды и гребнем — бьеф. Бьеф бывает верхний и нижний, причем верхний меряется выше по течению, то есть от уровня зеркала, а нижний — наоборот. И вообще, плотины бывают трех видов: водосливная, глухая и водосбросная...

...Почудилось, что я вновь на экзамене в коллегииуме. Учили нас неплохо, и не только премудростям Отцов Церкви. Потом это очень пригодилось.

Франческа помолчала, а затем качнула головой.

— Виновата! И оправданий мне нет, синьор Адам, поскольку утверждение, что все мужчины лжецы, а попы вместе с монахами — лжецы трижды, таковым не является. Кстати, а здесь тоже можно построить плотину?

Она кивнула в сторону Тибра. На миг мне показалась, что ее темные глаза светятся лукавством. Кажется, меня проверяли.

— Вы имеете в виду наводнения? — поинтересовался я. — Вы правы, Тибр — река не из спокойных, но плотина...

Я шагнул вперед, к самому краю, где под ногами глухо шумела вода, казавшаяся теперь не рыжей, а черной.

— Плотину, о любознательная Фиалка, строить опасно. Раз в сто лет паводок бывает в несколько раз выше нормы, и тогда Вечный город повторит печальную судьбу Атлантиды, о которой писал в свое время Платон. А посему требуется, во-первых, построить бычок выше по течению и обводной канал вокруг города, дабы направлять туда паводковую воду. Дорого, зато надежно. И, конечно, укрепить берега, поелику в последний раз их укрепляли в начале прошлого века, причем не особо тщательно...

Внезапно я почувствовал, как ее пальцы прикоснулись к моей руке.

— Еще раз извините. Будем считать...

— Уже считаю, — охотно согласился я. — Расскажите-ка лучше о вашей трупке.

— Ну вот еще! — Судя по ее голосу, девушка явно повеселела. — В нашей трупке ничего особенного нет, и слава богу. А вот вы, кажется, играли что-то необычное. Как звали того сокрушителя столиц? Ольянтай?

— Ольянтай, — кивнул я. — Но его я играл мало. Моя роль — это Илочечонк.

Она даже остановилась.

— Это... Это вроде гидравликуса?

Я невольно рассмеялся и тут только сообразил, что девушка так и не отняла руку. Наверно, ночь была слишком холодной.

— Илочечонк — это маленький мальчик, который попал в стаю ягуаров. На языке гуарани его имя означает Младший Брат. Илочечонк вырос, считая, что он ягуар, но вот однажды ему пришлось вернуться к людям...

Внезапно мне расхотелось рассказывать о своей любимой роли. Илочечонк вернулся к людям. Он не хотел возвращаться.

— Наверно, ему было трудно?

— Конечно, — вздохнул я. — И он очень тосковал по стае. Тосковал — и мечтал вернуться в Прохладный Лес. Но туда ему не было дороги...

Больше всего я боялся, что девушка спросит почему. Придется отвечать, а говорить об этом....

— Осторожно!

Уклониться я не успел. Сильный удар отбросил меня в сторону, в тот же миг чья-то рука грубо сдернула с плеч мой новый амстердамский плащ.

— Лупи купчишку!

Темнота сгустилась, распадаясь на черные фигуры.

— Где он, синьоры? Ба, да тут девка! Ату!

Пахло перегаром и почему-то — розовым маслом. Я уклонился от чьего-то кулака, отскочил в сторону.

— Точно, девка! Хватайте ее, синьор Гримальди!

◆ Вот уж не думал, что римские banditto называют друг друга «синьорами»!

Один, второй... Кажется, трое. Трое, и по крайней мере у одного — шпага.

— Синьорина, позвольте, э-э-э, предложить... Ах ты, сучка, кусаться вздумала!

Франческа вскрикнула. Я бросился вперед — и наткнулся на кончик широкой шпаги.

— Стой где стоишь, скотина! А не то как жука-навозника, клянусь Святой Бригиттой! Эй, тащите девку к карете!

Вновь послышался крик, шпага у моей груди дрогнула, но растерянность уже проходила. Да, их трое, у всех шпаги, двое — высокий и толстяк — держат Франческу за руки, а широкоплечий крепыш со шпагой в руке, тот, что так не вовремя помянул Святую Бригитту...

— Кидай кошель, купчишка, да проваливай! Не беспокойся, твоя девка скучать не будет! Ну, пошевеливайся!

Я кивнул, протянул руку к поясу...

...И ягуар превратился в обезьяну.

* * *

...Отец Хозе черный, как безлунная ночь, и такой же мрачный. Ни разу он не улыбнулся, ни разу — даже на Рождество, когда в небе под горячими звездами зажигались «соломенные огни». В Гуа-ире он уже давно, и мы не спрашиваем, откуда пришел к нам этот пожилой слегка сутулый негр с пятнами проседи в курчавых волосах и рваными шрамами на запястьях. Расспросы ни к чему. Вокруг наших границ много энкомиендо¹. Оттуда бегут, но не всем, как отцу Хозе, удастся запутать следы и уйти от беспощадных «рапазиада пура ланца» — копьеносцев на низкорослых выносливых конях.

— Драться надо уметь, сынок. Ты даже не представляешь, как это иногда нужно...

...Обезьяне ни к чему стоять на задних лапах. На четвереньках удобнее. Прежде всего уйти от удара, затем перевернуться, легко отбежать чуть в сторону. Смешные неуклюжие люди ловят руками воздух, рассекают темноту острым железом. Они не знают, что обезьяну не убить сталью. Нужен сарбакан, но сарбакана у них нет. Ну-ка, поиграем!

— Когда ты уйдешь к белым, у тебя ничего не будет, кроме твоего распятия и твоей гитары, сынок. Индейцы не тронут тебя, но бандерайты не пощадят.

¹ Энкомиендо — поместье.

...Люди суетятся — нелепо, бестолково. Их короткие руки не могут достать верткого зверя, к тому же их трое, они мешают друг другу. Говорят, людям очень смешно наблюдать, как скачет обезьяна. Прыг — ушла, прыг — и снова не попали. А сейчас — еще смешнее, упор на руки, ногу вверх... Неужели больно?

— *Мы называли это «капоэйра». Белым казалось, что глупые черные рабы просто учатся танцевать... У тебя тоже были рабы, сынок?*

Отвечать не хочется, но лгать этому человеку я не могу.

— *Да, отец Хозе. Простите...*

А глупые люди продолжают суетиться, один, правда, решил отдохнуть — прилечь на холодную землю, — должно быть, устал смеяться. Другой зачем-то размахивает железом, наверно, хочет закинуть его подальше. Надо помочь! Прыг! Ну зачем же кричать? Крик может привлечь ягуаров, а они очень страшные.

Мы хоронили его всей миссией, и даже из соседних редуций пришли люди, и белые, и черные, и «кристиано»¹ — отца Хозе любили все. В гроб, как он и просил, положили старые проржавевшие кандалы. Они были разбиты — отец Хозе умер свободным и свободным ушел в рыжую влажную землю. Землю Свободы.

Он умел сражаться. Requiem in pace!

Остался один, и ему очень не по себе. Неужели человек не хочет подружиться с такой смешной обезьяной? Прыг! Прыг! Ты машешь железом, а я убегаю. Правда, смешно? Прыг! А я и так могу! И так! И даже на шею тебе запрыгнуть! Вот так! Ну зачем же падать? Я же только начинаю играть! Ну, давай подружись!

* * *

— Франческа, вы не видели мой плащ?

Девушка не ответила, она все еще стояла там, у самой кромки воды. Стояла, не двигаясь, молча, и я уже успел испугаться.

— Франческа?!

— Вы... Вы их убили?

Убил? Я быстро осмотрелся. Только что тут, на сырых камнях набережной, лежали трое. Одного уже нет — не иначе

¹ Кристиано — крещеные индейцы.

уполз — стало быть, кости целы, по крайней мере частично. Еще двое...

— Мужлан! Плебей! На дыбу! На плаху! Угли в глотку!..

Ага, второй не только жив, но и достаточно бодр. Правда, вставать почему-то не спешит.

— Стража! Стража! Стра-а-ажа!

И с третьим все в порядке. Три героя-разбойничка и девушка. И одна обезьяна.

Плащ я не нашел, зато подцепил ногой чью-то шпагу. Сломать? Да зачем, Тибр рядом!

Буль!

— Нам надо уходить, синьор Адам! Вы слышите? Нам надо скорее уходить!

— Сейчас, вот только...

Буль!

Плащ я нашел рядом со второй шпагой. А вот и третья, та самая, с широким жалом. Рукоять показалась неожиданно тяжелой. Неужели золото? Да нет же, быть того...

Буль!

— Стража! Стра-а-а-жа!

Остаться не имело смысла, но дикий вопль синьора banditto навел на правильную мысль. Стража? Вот и прекрасно! Пусть сбиры разбираются с этими мерзавцами!

— Надо уходить, Адам! Вас арестуют, вас...

Я оценил «Адама», но уходить не торопился. Меня арестуют? Да за что? К тому же тот, кто поминал Святую Бригитту, — широкоплечий крепыш соизволил все-таки встать. На всякий случай я шагнул вперед, прикрывая девушку.

— Мужлан! Если бы ты был дворянином!.. Где моя шпага? Ты, плебей сиволепый, ты куда девал мою шпагу?

— Стра-а-ажа! — поспешил добавить пластун.

— Адам, синьор Адам! — Франческа тянула меня за рукав, но слова крепыша заставили меня замереть на месте. Дворянин? Пора было внести ясность.

— Ваша шпага пугает рыб в Тибре, синьор banditto. Что касемо прочего...

— Как?!

Он подпрыгнул, да так, что я невольно отшатнулся. Не превратиться бы ему в обезьяну. Две обезьяны — то-то весело будет!

— Моя... Моя шпага! Моего деда... Прадеда!.. Ее... Его Величество император Карл!.. Ты, плебей!.. Ты!..

— Это не разбойники! — тревожно шепнула Франческа. — Это...

— Ты, сиволапый! Я — маркиз Мисирилли, и за мою шпагу тебя, мужлан, купчишка вонючий, колесуют, четвертуют!..

— Стра-а-ажа-а-а!

Не то чтобы я начал что-то понимать, но какая-то догадка, смутная, невероятная...

— Адам де Гуаира к вашим услугам, маркиз. Завтра утром меня можно будет найти в гостинице «Форум Траяна». Кера пана!

Я взял девушку под руку и только потом сообразил, что попрощался с синьором маркизом на гуарани. Ничего, догадается.

По смыслу.

* * *

Мы долго шли молча, наконец Франческа вздохнула, отстранилась.

— Сразу видно, что вы издалека, синьор Адам! Это не разбойники. Это синьоры дворяне, которым бывает скучно по ночам.

Я молча кивнул, хотя заметить разницу между первыми и вторыми мог только острый глаз журавля теру-теру, парящего над Прохладным Лесом.

— Они обратятся к подесте. Вас арестуют!..

— Это вряд ли.

Она удивленно взглянула, покачала головой.

— Для обычного священника вы что-то излишне смелы, синьор де Гуаира!

Частичка «де» была превосходно проинтонирована. Я невольно улыбнулся.

Актриса!

7

Читать по ночам при сальной свече — истинная пытка. Но так мне, грешному, и надо! Сначала «Лакрима Кристи», затем прогулка с девушкой и, как венец всего, — драка! Ей-богу, как в нынешних модных романах, что печатаются в каждой типографии Света Старого и Света Нового: благородный идальго спасает девицу из грубых разбойничьих лап.

Поп-жантильом!

Mea culpa! Mea maxima culpa!

И даже *maximissima!*

Странно, несмотря на все мои усилия, чувство вины было настолько неощутимым, что мне поневоле стало стыдно. Я горестно вздохнул и вновь склонился над листом бумаги, разложенным на неструтаных досках колченогого стола.

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопья на Киев, подступили к днепровскому перевозу...

Конец документа я помнил наизусть. Погибли почти все — мужчины, женщины, дети. Все, кто имел смелость исповедовать Святую Католическую веру в стране схизматиков.

А нас еще проклинают за ночь Святого Варфоломея!

«...Три дня гуляли казаки и отправили лихим и наглым чином на тот свет до 600 душ, в том числе всех братьев, что в миссии пребывали, кроме брата Алессо Порчелли и брата Паоло Полегини по прозвищу Брахман. А брат Паоло неведомо куда сгинул, брат же Алессо со скудным пожитком своим к Запорогам бежал, но там не усидел и на полдень подался, где и настигла его хворь».

Это было все. Все, если не считать последнего документа, с которым мне еще предстояло ознакомиться. Но я уже знал — подробностей там нет.

Ни о брате Алессо, ни о брате Паоло.

Сгинули.

Без следа.

И не только они.

* * *

Я был уже третьим, кто пытался найти пропавших. Первого, брата Поджио, направили сразу же, зимой 1649-го, из Вены. Второй, брат Александр, поехал из Рима летом следующего, 1650-го — и тоже не вернулся.

Тайна оставалась тайной. Страшная тайна страшных трех дней, когда вместе со всеми католиками Киева погибла миссия Общества Иисуса Сладчайшего. Их было шестеро — наших братьев, пытавшихся нести свет истины среди татарских степей.

Общество не бросает своих сыновей. И теперь мне, брату Адаму, исповеднику четырех обетов, бывшему монитору провинции Гуаира, поручено узнать правду. Правду о погибших и выживших в той далекой стране.

Я отложил в сторону донесение и прикрыл глаза. Значит, так надо. Илочечонк, сын ягуара, покинувший Прохладный Лес, скоро увидит эту terra incognita.

* * *

...Рутения, называемая также Руссией и Русью, полуденная часть Республики, что лежит на самом краю Европы. Далекая земля на востоке, чужая, непонятная, страшная, объята пламенем войны...

Моя родина.

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСИО ДЕ ПА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

Мне, как непосредственному участнику описываемых событий, остается лишь подивиться долготерпению несчастной бумаги, которой приходится выдерживать столько лжи, клеветы и несуразностей.

А

Начну, как и полагается, с себя. Надеюсь, вся моя жизнь, а также научные, равно как педагогические, штудии освобождают меня от нелепого жупела «еретика». Если я и еретик, то лишь с точки зрения таких, как отец Гуаира. Вместе с тем лживый иезуит приписал мне многие из своих собственных заблуждений. Я не разделял и не разделяю ошибочные и неверные воззрения Джордано Бруно, прозываемого Ноланцем, и Фомы Колокольца, хотя и уважаю их как борцов с католическим мракобесием. Что касается теории Коперника, то я лишь допускаю ее как одну из математических гипотез, позволяющую точнее вычислять эпициклы движения планет. В этом я полностью солидарен с доктором Осиандером, написавшим предисловие к первому изданию «Обращения небесных сфер».

Наша первая встреча с отцом Гуаирой выглядела несколько иначе, чем он рассказывает.

Около года я находился в одиночном заключении. Не стану описывать все ужасы тюрем Святейшей Инквизиции, среди которых Святая Минерва всегда считалась одной из самых суровых. Пытка темнотой — далеко не самое страшное, что мне довелось испытать. Посему никто не осудит меня за «покаяние». Пусть тот, кто там не был, бросает в меня камни!

О новом следователе меня предупредили. Я ждал вопросов,

но отец Гуаира молчал и только перелистывал бумаги. Все, о чем он пишет, — выдумка. Я был не в том состоянии, чтобы цитировать Данте. Во всяком случае, ничего подобного я не помню. Зато не могу забыть его лицо — омерзительный лик злобной уродливой обезьяны, с которой столь часто сравнивает себя автор. Во всяком случае, на Черного Херувима он никак не походил.

В

Не ради очернения чьей-то памяти, но ради истины вынужден внести коррективы в описание некоторых действующих лиц этой книги. Речь пойдет о синьоре Франческе, с которой несколько позже мне довелось познакомиться. Автор ее, мягко говоря, приукрашивает. На самом деле она была чрезвычайно некрасива. Худая как щепка, с огромным ртом и оттопыренными ушами, эта девица весьма походила не на Коломбину, а на деревянную куклу buratino. Нечего говорить, что ее манеры, как и у всякой актрисы, были вульгарны, а помыслы низки. Она из тех, что готовы подарить свою благосклонность любому наглецу с тугим кошельком. Кошель отца Гуаиры, как и следует из его рассказа, был всегда полон золота.

Так чему же удивляться?

С

Отец Гуаира вовсе не был столь образован, как может показаться. Во всяком случае, на всех языках, кроме, может быть, гуарани (незнаком, а посему не стану судить), он говорил с чудовищным акцентом. Порой это было весьма смешно. О его актерских, точнее — лицедейских, талантах и говорить не стоит. Ни один благородный человек не стал бы этим хвалиться!

Зато верно другое — он был фанатиком, убежденным иезуитом, лютым врагом всего, что дорого мне и всем честным людям. Иногда становилось страшно от его холодной нечеловеческой уверенности в себе.

Незачем напоминать, что все его «добрые» поступки, подобные спасению жалких лицедеев от тюрьмы (которую они, без сомнения, заслужили), диктовались все тем же холодным расчетом. Дальнейшие события только подтверждают это.

Глава V

О достоинствах напитка, именуемого мате, дворянской чести, загадочной реке под названием Каллапка и бедной, бедной обезьяне.

Испанец: Ну ты, жалкий туземец! Не теряй ни минуты: по-чисть мои сапоги, подогрей вина с пряностями, вымой пол, отскреби сковородку, сбегай в лавку, застели мою постель, а после отправляйся на плантацию и работай там, пока не сядет солнце!

Илочечонк: А для чего мне делать все это?

Испанец: Да потому, что я — идальго, созданный Богом, чтобы мне служили такие, как ты. Слышал ли ты про Адама? Так знай же: Господь создал испанских идальго ровно на день раньше, чем этого грешника! А будешь спорить, запрягу тебя вместо мула!

Илочечонк: А ну-ка, запряги ягуара!

Действо об Илочечонке, явление четвертое.

1

Грохот был такой, что в первый миг мне почудилось, будто языческий бог Плутон в очередной раз разгневался и сотряс ни в чем не повинную землю. Не открывая глаз, я махнул рукой, сбрасывая противомоскитную сетку, другая же привычно вцепилась в штаны. Конечно, потолок легкий, из тонких веток, переложенных листьями, но если он упадет на голову...

— Ах, каналья! Да я тебе уши отрежу! *Vieux diable!* Скажи своему хозяину, что, если мне не принесут вина, я разнесу весь этот поганый гадюшник!..

Снова грохот — Плутон не любит шутить. Но я уже проснулся. Противомоскитной сетки не обнаружилось, равно как и москитов, вместо сухих листьев над головой темнели толстые закопченные балки, да и Плутон, судя по голосу, оказался куда более безобидным.

— Я научу вас, чертей, как надо обращаться с французским дворянином!

Утро. Белая известка стен, красная черепица неровных крыш за окном. Моему соседу по гостинице не принесли вина.

— Я вас научу!..

Быстрые шаги — коридорный спасался бегством. Я нырнул в штаны и открыл дверь.

Невысокий худощавый синьор с короткой бородкой клинышком стоял подбоченясь, олицетворяя собой одновременно

Гнев, Досаду и Жажду. Босые ноги попирали осколки ночного горшка. Именно им Плутон кидал в стену.

— К-канальи!

Заметив меня, Плутон, ничуть не смутившись, поклонился с немалым изяществом, чему нисколько не помешала длинная ночная рубашка.

— Доброе утро, — улыбнулся я.

— О, мой дорогой сосед! — Плутон сверкнул яркими голубыми глазами и брезгливо отбросил голой пяткой попавший под ногу осколок. — Я в отчаянии от того, что разбудил вас, но этот каналья хозяин!..

Плутона звали Огюстен дю Бартас, и он умудрился задолжать здешнему заведению за три недели. Об этом я узнал в первый же день, как поселился в «Форуме Траяна».

— К тому же вчерашняя жажда, которую пришлось заливать здешним мерзейшим пойлом, обратилась, о мой дорогой сосед, в такую сушь, по сравнению с которой пустыни Берберии поистине ничто! Mort Dieu! Так мне принесут выпить или нет? Ну что же это творится?

— Ужасно! — поспешил согласиться я, невольно сочувствуя бедняге Плутону. — Мате выпьете? В таких случаях изрядно помогает.

Кувшин с горячей водой уже стоял у моей двери. Здешняя прислуга умеет быть обязательной — если им не должать, само собой.

— Мате? — Голубые глаза удивленно моргнули. — А-а, все равно! Вы спасаете меня, о мой дорогой друг! Позвольте мне лишь одеться, ибо в гневе я совершенно забылся. Кстати, вы не видели моего слугу?

Его слуга, рябой нескладный малый, бежал еще неделю назад, опасаясь умереть с голоду в такой компании. Кажется, славный дю Бартас никак не мог поверить в его измену.

* * *

Сухая тыквочка, трубочка-бомбиля, ситечко.

— Прошу вас, синьор дю Бартас. Только осторожно — горячий.

Плутон не без опаски глотнул, подождал немного, прислушиваясь к новым ощущениям, снова взялся за бомбилю.

— Гм-м-м?!

— Пейте, пейте! — подбодрил я. — Помогает даже после це-

лого кувшина тростниковой водки. А пульке — это вам не здешнее вино.

— Действительно.

Славный синьор, то есть, конечно, не синьор — шевалье дю Бартас удовлетворенно вздохнул, откинулся на спинку кресла.

— Уже лучше! Но, мой дорогой друг, ведь это трава!

— Листья, — улыбнулся я. — Дерево называется йерба. Издалека оно очень похоже на нашу липу.

Но из листьев липы мате не сварить. Увы, мой запас уже на исходе. А жалко!

Наконец тыквочка была осушена. Славный шевалье дю Бартас удовлетворенно вздохнул, проведя крепкой ладонью по сразу же покрасневшему лицу.

— Кажется, вы спасли меня, о мой дорогой друг, синьор де...

— Гуаира, — подсказал я.

В свое время я, конечно, представился, но моему соседу было не до новых знакомств.

— Дорогой синьор де Гуаира! Да пошлет Господь вкупе со Святым Христофором мне возможность отблагодарить вас сторицей! Ma foi! Если бы какое-то чудо позволило нам перенестись в мой славный замок, что находится в Пикардии...

Он глубоко вздохнул и пригорюнился. Я уже догадывался, что чуда не случится. Моему соседу не скоро доведется увидеть родную Пикардию.

— Увы, этот проклятый Мазарини, жалкий паяц, лакеишка с поротой задницей...

Лакеишка с поротой задницей, он же Его Высокопреосвященство Джулио Мазарини, совсем недавно вернулся в славный город Париж. Фрондеры проиграли.

— Поверите ли, дорогой друг, этот арлекин посмел поднять руку даже на принцев крови! Даже мой покровитель доблестный принц де Бофор едва сумел сберечь на плечах свою голову.

Голову принц де Бофор сохранил, вовремя договорившись с арлекином, а вот друзьям принца пришлось туго. Моему соседу не повезло.

— Поэтому я буду вашим вечным должником, мой дорогой де Гуаира, и если какой-нибудь случай даст мне возможность... Увы, сколь горька чужбина!

Он вздохнул, прикрыл глаза, по тонким губам скользнула горькая усмешка.

Ночь. Тишина. Бой башенных часов...
Их ржавый стон так нестерпимо резок:
В нем слышен труб нетерпеливый зов
И злобный лязг железа о железо...

О чудо! Мой шумный сосед читал стихи. И, кажется, не такие уж и плохие.

Сквозь мглу я вижу, как, оскалив пасть,
Друг друга разорвать стремятся кони,
Как труп безглавый, не успев упасть,
Несется вскачь в неистовой погоне.

Гляди: Конде, как прежде, — впереди!
В веселье яростном, коня прищпоря,
Бросаюсь в это бешеное море;
Или — погибни, или — победи!

...Ни смерти, ни побед: одни мечтанья!
Ночь: Тишина. Бессонница. Изгнание¹.

Он замолчал, и я поразился, как изменилось лицо этого буяна. Словно упала маска...

— Bravo! — решился я наконец нарушить тишину. — Ваши?

— А? — встрепнулся шевалье дю Бартас. — Что вы, дорогой де Гуаира! Мне легче перебить дюжину швейцарцев, чем зарифмовать две строчки. Я вообще книжек не читаю. За свою жизнь я одолел часослов, молитвенник моей матушки и половину Евангелия от Матфея. Просто месяца два назад...

...Два месяца назад горячий пикардиец покидал Марсель, спасаясь от верной плахи. Добрые горожане собирались выдать всех фрондеров ландскнехтам мессера Мазарини. На постоялом дворе возле самой границы в его руки попала брошенная кем-то книга — маленький томик без обложки и титульного листа.

— Я знаю, мой дорогой друг, что чтение — занятие, недостойное французского дворянина, но эти стихи оказались дивно близки моей тоскующей по родине душе. Одно странно: стихов много, и они о разном, но почему-то все содержат исключительно четырнадцать строчек. Кажется, неведомый мне пиит был не очень изобретателен!

— Это сонеты, — постаравшись не улыбнуться, пояснил я.

— Сонеты? — крайне удивился шевалье дю Бартас. — А я думал — стихи! Однако же мы отвлеклись, мой дорогой де Гуаира. Я только хотел сказать, что если здесь, среди этих обезьянитальяшек, моя шпага и моя честь могут сослужить вам службу...

Я собирался ответить столь же вежливо, но вдруг вспомнил.

¹ Здесь и далее цитируются сонеты Ю. Н. Вейнерта и Я. Е. Харона из книги «Злые песни Гийома дю Вентре».

Если мне не приснился вчерашний вечер, то скоро сюда должны заглянуть мои новые друзья.

— Престранный случай, дорогой шевалье дю Бартас, — осторожно начал я. — Ваша помощь мне действительно может понадобиться. Дело в том, что вчера я очень мило побеседовал с одним достойным дворянином...

Он думал долго, но вот голубые глаза вновь сверкнули. На этот раз — восторгом.

— Вы... Вы намерены драться, мой дорогой друг? Parbleu! Но ведь это же великолепно! То есть я хочу сказать, что это весьма прискорбно, но...

Шевалье дю Бартас вскочил, оправил кружевной воротник, короткая бородка нацелилась мне в грудь, словно дуло пистолета.

— Сочту за честь быть вашим секундантом, синьор! Vieux diable! Вот это жизнь!

Я невольно залюбовался славным шевалье и вдруг понял, что мне повезло куда больше, чем думалось вначале. Безденежный рубака, которому некуда возвращаться, горячий как порох и не любящий мудрствовать...

Мне нужна шпага.

Мне очень нужна шпага!

2

Лет сто назад, когда Святой Игнатий был еще жив и все только начиналось, фундаторы Общества сформулировали несколько правил, ставших нашим негласным катехизисом. Они не записаны в Уставе, о них не всегда догадываются не только желторотые новиицы, но и наши смертельные враги. Они очень просты и незатейливы, эти правила, но именно благодаря им мы смогли выполнить нашу великую миссию.

Одно из них, быть может, самое простое, гласит: Общество должно иметь все самое лучшее. Все — от людей до политических и экономических теорий. Лучшее оружие всегда побеждает.

Я оглянулся на бесчисленные ряды книг, уходящие куда-то в неразличимую даль, и завистливо вздохнул. Это не перечитать за всю жизнь. Библиотека Ватикана, Среднее Крыло. Странное название, о котором знает далеко не каждый здешний библиотекарь.

Книги Общества. Все, какие только есть на свете: пальмо-

вые листья с законами Ману, «Апостол» великого схизматика Иоанна Федорова, памфлеты французских монархомахов, капитулярии Меровингов. А дальше, за опечатанными дверями, — архив. Там тоже все, но, что именно, можно лишь догадываться. За эти двери нет ходу даже мне, и только личный приказ Его Высокопреосвященства Генерала позволил увидеть малую толику лежащих под спудом сокровищ.

Слишком малую!

Слишком.

* * *

Я захлопнул тяжелый переплет и устало прикрыл глаза. День выдался сумрачный, и узкие стрельчатые окна с явной неохотой делились неярким светом.

Две тетради, одинаковые, как близнецы. Не очень толстые — к сожалению. Я бы не возражал, если бы их было два десятка и каждая — с Лютерову Библию.

Аккуратный писарский почерк. Это — копии, подлинники так и не покинули хранилище. И вновь нельзя спрашивать почему.

В этих тетрадах — целых полвека. Первый доклад брата Амброзио Мессала, прокуратора провинции Полония, датирован январем 1601 года. Камни на Campo di Fiori еще не успели остыть.

Мы были там полвека — в полуденных землях Республики, называемой также Речью Посполитой или же Полонией. Точнее, сорок восемь лет. До той весны, пока не показалась трава на поле и ватаги не начали собираться к Киеву.

От тетрадей пахло сыростью, и мельком подумалось, что братьям-служителям не грех усовершенствовать вентиляцию. Здание старое, чуть ли не времен Крестовых походов.

Итак, миссия в Киеве...

* * *

Последним, что мне довелось читать об Обществе, был голландский памфлет с интригующим названием «Черная Гвардия Ватикана, или Очерк иезуитского Мракобесия», изданный в славном городе Амстердаме два года назад. Его мне любезно одолжил мессер ван дер Грааф, наш капитан, и я немало посмеялся на долгом пути из Буэнос-Айреса в Старый Свет.

Особенно порадовали меня пассажи о «неисчислимых сон-

мишах» иезуитов, шныряющих под каждым кустом и гнездящихся в каждой супружеской кровати. Последнее, вероятно, весьма бы порадовало некоторых матрон, но увы, увы! Другое дело, руководство Общества не прочь поддержать подобные слухи. Не исключено, что автор забавного памфлета тоже получил сотню-другую дукатов от провинциала Нидерландов.

А ведь действительно смешно! Именно там, в мятежных Соединенных Провинциях, где еретик сидит на еретике и атеистом погоняет, — наша главная европейская миссия. Приятно и полезно пребывать в самом центре антииезуитской борьбы. И даже поощрять героев.

В Амстердаме нас полсотни, во всех Соединенных Провинциях — вдвое больше. И это очень много.

А вот там, откуда я прибыл, нас всего два десятка. А наша провинция больше Голландии раз в пятьдесят.

В Киеве нас было трое, затем — четверо, а в последние годы — шестеро. Шесть братьев на сотни миль чужой враждебной земли.

Мало!

До смешного мало, но это были лучшие из лучших и храбрейшие из храбрых. Даже когда в Киев вошли ландскнехты мессера Хмельницкого, миссия продержалась еще целых полгода.

Пока не показалась трава на поле.

* * *

Донесения отца Джеронимо Сфорца, ректора миссии, были точны и понятны, как военные приказы. Я не знал его, как и всех остальных, и теперь очень жалел об этом. Особенно о том, что никогда не видел в лицо тех, кто не погиб в те страшные дни, тех, кого предстояло найти.

Брат Алессо Порчелли.

Брат Паоло Полегини по прозвищу Брахман.

Я не знал их в лицо, не знал, сколько им лет, кто они и чем занимались. Оба служили в миссии долго: брат Алессо — двадцать лет, брат Паоло — пятнадцать. Прозвище Брахман, которое носил сгинувший брат Паоло, позволяло догадываться, в какой части света он пребывал до того, как попал в Киев.

И это было все.

По некоторым намекам отца Джеронимо можно, однако, догадаться, что оба сгинувших брата имели право личного доклада в Рим, секретарю Конгрегации. Но эти доклады были мне

недоступны, и я даже не мог предположить, что в них и почему я не могу на них взглянуть.

В этих стенах не задают лишних вопросов.

Оставались пути окольные, весьма ненадежные. Один из них начинался в сыром подвале монастыря Санта Мария sopra Минерва. Второй мог открыться прямо здесь, у бесконечных книжных полок. Если мне повезет...

Легкое покашливание заставило вздрогнуть. Брат библиотекарь — чернявый сморщенный горбун с изуродованной левой щекой — обладал весьма полезным в нашей жизни даром — передвигаться бесшумно. Правда, на лесной тропе этот дар уместнее...

— То, что вы просили, отец Адам.

Не голос — шелест. В глазах — покой и желание услужить гостю, но мне отчего-то почудилось, будто под его ризой ждет своего часа острое жало голубой толедской стали.

Ждет.

Ждет, пока гость не повернется спиной, не склонится над книгой. Той самой, которую горбун держал сейчас в руках.

— К сожалению, это все.

Я заставил себя прогнать нелепые мысли о толедской стали, готовой вонзиться мне между лопаток, поблагодарил и перехватил тяжелый том, водрузив его прямо посреди стола. То, что я просил... Если это действительно то, что я просил.

Я подумал об этом в первый же день, как попал сюда. В Киеве были лучшие из лучших, и вполне вероятно, что кто-нибудь из них доверял свои мысли бумаге. И не только доверял, но и посылал в типографию. А если так...

Титульный лист был выполнен в две краски — черную и розовую. Фигурная рамка, крылатые Гении по краям, внизу — нечто напоминающее пальму. Пальму?

«Жизнь Насекомых, или же Штудии о происхождении и бытовании жуков, клопов и в особенности клещей...»

Что-о-о?!

Дочитывать заголовок, занимавший восемь строчек, я не стал и поспешил открыть первую же попавшуюся страницу. На меня смотрело жуткое шестилапое чудище с короткими усиками и выпуклыми глупыми глазами.

А я и не знал, что в здешней библиотеке любят шутить!

Или горбун со сморщенным лицом принес книгу специаль-

но, чтобы улучшить миг, пока я буду разглядывать эту мерзость, и бесшумно выхватить кинжал?..

Я оглянулся. Горбун исчез.

Оставалось признать, что все это шутка. Я вновь поглядел на титульный лист: «...и в особенности клещей, встречающихся в странах Европейских, равно как и Азийских, включая земли Оттоманской Порты, Ирана и Индии, составленные и подготовленные тщанием брата Паоло Полегини...»

Паоло Полегини!

Я облегченно вздохнул и чуть не рассмеялся. Шутка действительно вышла на славу. Кто же мог догадаться, что сгинувший в далеком Киеве брат Паоло окажется любителем жуков, клопов и «в особенности клещей».

Итак, я не ошибся. Кое-что удалось узнать. По крайней мере о научных пристрастиях одного из пропавших братьев. В далеком Киеве у каждого из членов миссии была своя забота. Полегини искал клещей. Очевидно, в Индии, где в прежние годы служил Брахман, все клещи перевелись.

Я вновь открыл книгу и взглянул на ровные сухие буквы. Шрифт несколько старомодный, таким печатал свои книги еще Альдо Мануцио. «...Обыкновенный клещ, а тако же клещ собачий...». Бр-р-р! Ну и мерзость!

«...Обыкновенный клещ, а тако же клещ собачий, к которому относятся вышеприведенные наблюдения, был известен Аристотелю под названием «кротона», Плинию же под именем «рицину-са»; последний вместе с тем сообщает, как сие название, относившееся первоначально к маслянистым семенам египетской клещевины, было перенесено на ненавистное животное. Плутарх же остроумно сравнивает с ричинусом льстецов, кои, как ведомо, проникают в уши с похвалами, и, раз забравшись туда, уже не могут быть вновь оттуда изгнаны...»

Ну, с льстецами все ясно. Что там еще?

«...До сей поры отечеством европейских аргасов почитались Франция и Италия, однако же, с другой стороны, досточтимый Геррих-Шеффер высказал предположение, что оные встречаются и в Германских землях. Лет десять тому назад сие предположение подтвердилось в двух очень отдаленных одна от другой странах Германии и притом при чрезвычайно интересных обстоятельствах...»

Читать далее не имело смысла. Меня тоже занимали некие интересные обстоятельства, но труд добросовестного брата Паоло никак не мог мне помочь в разъяснении оных.

Я отодвинул книгу в сторону и не без опаски поглядел на руку. К счастью, клещей там не оказалось.

Оставалось последнее. Документ номер три, тоже копия. Небольшой лист бумаги, на который чье-то легкое перо нанесло причудливые изгибы неведомой реки. То, что это именно река, подтверждала стрелка, указывающая направление течения. Если судить по паучку-компасу, притаившемуся в левом верхнем углу, река текла с северо-запада на юго-восток. В правом углу, на этот раз нижнем, линейка масштаба с маленькой буквой «М». Мили, вот только какие? Испанские, французские? Так или иначе, от одного угла карты до другого было ровно шесть неведомо каких миль.

Возле речного изгиба имелись три кружка, которые в равной степени могли быть холмами или ямами. В центре среднего — буква «N».

Все.

То есть почти все. Дабы мне не заблудиться, неведомый картограф прямо посреди водной глади уверенно вывел «КАЛЛАПКА».

Я протер глаза. Увы, зрение не подвело и на этот раз. Неведомая река называлась именно Каллапка. А еще точнее — Cal-lapka.

Итак?

Итак, весной года от Рождества Господа нашего 1649-го, как только показалась на поле трава, киевская миссия Общества Иисуса Сладчайшего была уничтожена в ходе погрома, подготовленного и тщательно спланированного некими врагами Святой Католической Церкви. Их возглавлял «казак бывалый, некий мещанин киевский», с которым было заранее «все улажено». Среди погибших не оказалось двух членов миссии. Брат Паоло Полегини, имевший прозвище Брахман и ловивший клещей вкупе с тараканами по всему свету, пропал неведомо куда. Брат же Алессо Порчелли бежал «к Запорогам», где его свалила некая хворь.

* * *

Стало светлее. Я поглядел в узкое стрельчатое окно. Солнце — неяркое, зимнее. Почему-то в этот миг оно меня совсем не обрадовало.

В конце лета того же года исповедник трех обетов брат Манолис Канари послал в Рим донесение о случившемся, на которое был получен ответ лично от Его Высокопреосвященства Джованни Бассо Аквививы. В начале ноября, находясь на Крите, брат Манолис отправляет в Рим два документа — рассказ о киевском погроме и странную карту. Двое братьев, пытавшихся узнать подробности, пропадают где-то между Карпатами и Днепром, и тогда из Прохладного Леса вызывают Илочечонка, сына ягуара.

Я вновь бросил взгляд на бледное холодное солнце, равнодушно глядевшее на меня сквозь толстые давно не мытые стекла. В Прохладном Лесу сейчас лето. Лето, которое мне уже не увидеть. Интересно, из какой дали вызывали братьев Поджио и Александра? Они наверняка тоже работали здесь, в Среднем Крыле, готовясь к опасной поездке. Может, даже за этим столом. И горбун-библиотекарь приносил им книгу со страшными картинками, а они удивлялись, не понимая, но надеясь понять.

Мир вам, братья!

В чем же вы ошиблись?

В чем?

3

Дверь в комнату шевалье дю Бартаса оказалась приоткрытой, и даже в коридоре был слышан его громкий звонкий голос. Так-так, понятно!

Ты встречи ждешь, как в первый раз, волнуясь,
Мгновенья, как перчатки, теребя,
Предчувствуя: холодным поцелуем —
Как в первый раз — я оскорблю тебя.

Лобзание коснется жадных губ
Небрежно-иронической тенью.
Один лишь яд, тревожный яд сомненья
В восторженность твою я влить могу...

Чего ты ждешь? Ужель, чтоб я растаял
В огне любви, как в тигле тает сталь?
Скорей застынет влага золотая
И раздробит души твоей хрусталь...

Что ж за магнит друг к другу нас влечет?
С чем нас сравнить? Шампанское — и лед?

Подождав последней строчки, я взялся за ручку двери, походя пожалев, что невольно обманул моего нового друга. Это не сонет, как и слышанный мною ранее. Обычный четырнадцати-

строчник без сквозной рифмы, к тому же сами рифмы, признаться...

— Добрый день, синьоры!

Я снова ошибся. Следовало, конечно, сказать «синьоры и синьорина».

Синьоры — сам дю Бартас с растрепанным томиком в руке и некий толстяк в атласном французском камзоле, — заведя меня, встали, синьорина же осталась сидеть. На Коломбине было знакомое белое платье, лицо скрывала полупрозрачная вуаль, на голове — шитая бисером шапочка.

Действительно, синьорина.

Дама!

— О, мой дорогой де Гуаира! — Шевалье шагнул вперед, радостно улыбаясь. — А мы как раз сожалели, что вы не отведаете этого славного вина, коим угощает нас добрейший синьор Монтечело...

...Высокий поливной кувшин, глиняные кубки, на большом блюде — сушеные сливы.

Так мы, оказывается, гуляем? Гуляем, стишата декламируем.

— *Vieux diable!* Конечно, это вино не может сравниться с анжуйским, не говоря уже о бургундском, однако же, мой дорогой де Гуаира, смею вас заверить...

— Д-добрый день, синьор!

Голос добрейшего синьора Монтечело прозвучал странно. Странно — и очень знакомо. Где-то я уже его...

— Мы с синьором дю Бартасом обсудили предварительные условия.

Ах, да! «Стража!» Точнее, «стра-а-а-жа!».

Объявился, значит?

На миг я пожалел, что назвал вчера свое имя. Педагогика — наука великая и полезная, но учить всех хамов подряд все-таки несколько затруднительно. Однако, как говорят мои земляки, коли взялся за гуж...

— Об условиях поговорим несколько позже.

Я оглянулся на замершую в кресле Коломбину, и тут на меня снизошло вдохновение. Вся жизнь — театр, сие не мною сказано. Благородный Илочечонк не станет разговаривать с «добрейшим синьором», мрачный мститель Ольянтай — тоже. А вот дон Сааведра дель Роха Эстебано, вице-губернатор Перу и кавалер Ордена Инфанта...

...Кислая мина, оттопыренная нижняя губа, тусклый взгляд. Не на врага — на полированные ногти правой руки.

— Поелику присутствующий тут синьор, а-а, позволяет себе некоторые замечания, смею предположить, а-а, что означенный синьор уже принес свои нижайшие извинения перед находящейся здесь же благородной дамой, а-а.

Не говорить — сплевывать слова. Именно так поступал брат Фелипе, играя Испанца. Дон Сааведра как раз незадолго до этого посетил Тринидад.

— В противном случае всякий дальнейший разговор между нами, а-а, становится более чем неуместен.

Я оторвал взгляд от ногтя безымянного пальца. Оценили?

Коломбина смотрела куда-то в сторону, шевалье удивленно моргал, толстяк же глядел виновато, втянув голову в плечи, отчего его шея, и без того короткая, исчезла без следа. Пухлые губы растерянно дрогнули:

— Я извинился перед синьорой Франческой! Извинился! Как только ее увидел, слово чести! Я извиняюсь и перед вами, синьор де Гуaira, поскольку мое вчерашнее поведение... Мое поведение...

«Стра-а-ажа!»

А он не из храбрецов! Извиняться можно по-разному.

— Вчера я был пьян... То есть все мы были пьяны, синьор! Маркиз Мисирилли предложил пугать прохожих, срывать с них плащи, ну, в общем, изображать banditto. Это, конечно, ужасно, но я был пьян. К тому же темнота, вы были не при шпаге, и мы решили...

Трус. К тому же дурак. Но это, как известно, не лечится.

— Я приняла извинения синьора Монтечело, — ледяным голосом отозвалась Коломбина.

— Хорошо, — кивнул я. — Извинения приняты, синьор. Но, насколько я помню, вас было трое.

Толстяк хотел что-то сказать, но дю Бартас его опередил:

— Маркиз Мисирилли и синьор Гримальди не желают извиняться. Синьор Монтечело прислан ими в качестве секунданта.

Толстяк потупил взгляд и попытался поклониться. Я вновь кивнул. Все-таки придется заниматься педагогикой.

— Однако, согласно кодексу поединков, принятому как во Франции, так и в Италии, вызов в данном случае может последовать только единичный, поелику не должно принимать второй, не удовлетворив первого...

Шевалье дю Бартас удовлетворенно потер руки. Он явно попал в родную стихию.

— По согласованию с синьором Монтечело мы определили, что первым должен быть принят вызов маркиза Мисирилли.

Ага, того самого, что лишился фамильной шпаги! Наверно, крепыш сейчас там, на набережной, ныряет в желтую тибрскую воду. Все-таки реликвия!

— А посему, синьоры, — удовлетворенно подытожил дю Бартас, — остается оговорить условия, к коим, как известно, относится выбор времени, места, оружия, а также необходимость удвоить или же утроить поединок.

Шевалье даже цокнул языком от удовольствия. Действительно, вот это жизнь, *vieux diable*!

Я хотел было поинтересоваться, каким это образом нас с маркизом намереваются «удваивать», но внезапно вновь заговорил толстяк:

— Я в-вынужден... Право, мне весьма неловко, синьор де Гуаира... Но маркиз настаивает, категорически настаивает...

Синьор Монтечело неуверенно потер короткопалые ручонки и зачем-то оглянулся по сторонам.

— Маркиз Мисирилли требует, чтобы вы... То есть просит... то есть... В общем, ему нужны доказательства вашего... вашего, извините, благородного происхождения. Смею напомнить, что вы, синьор де Гуаира, были не при шпаге, к тому же вы изволили драться истинно мужицким, прошу прощения, способом...

Я еле удержался от улыбки. Толстяк не ошибся! Этим «способом» злые черные мужики лихо лупцуют благородных «донов», забывших, что Господь сотворил людей равными.

— Достаточно устного свидетельства, синьор де Гуаира. Обычного устного свидетельства от лица, известного мне или маркизу...

Я чуть было не посоветовал обратиться к мессеру Аквавиве, но вовремя прикусил язык.

— Можете поинтересоваться у кардинала Джованни Спала.

Толстяк быстро кивнул, показывая, что вопрос решен, но не тут-то было.

— *Parbleu!* Кажется, кто-то здесь мается насморком. Сейчас будем лечить!

Шевалье дю Бартас встал, аккуратно отставил колченогий табурет и шагнул прямо к разом побледневшему синьору Монтечело.

— Так вот, о насморке. Только полный дурак и мужлан не может почуять дворянина на расстоянии двух шагов. О таких

дураков, синьор, не пачкают шпаги. Сначала им отрывают их сопливый нос, а затем секут! Вожжами!

Голубые глаза горели, борода задралась вверх. Я невольно залюбовался доблестным шевалье.

— Так что можете передать глубокоуважаемому синьору маркизу, что за дворянское достоинство моего друга де Гуаира ручаюсь я, Огюстен дю Бартас. А ежели он усомнится в моем слове, я ему лично отрежу...

Шевалье мечтательно улыбнулся, не без смущения взглянул на невозмутимую Коломбину и вздохнул.

— В общем, отрежу уши. До свидания, синьор Монтечело, жду вас вечером или завтра утром. Я ужинаю после вечерни, а завтракаю в три¹.

Толстяк, пискнув что-то невнятное, поспешил выкатиться в коридор. Хлопнула дверь.

* * *

— Канальи, mort Dieu! — резюмировал шевалье. — Может, им еще и герольда прислать? Да эти итальяшки попросту трусы!

Он резко повернулся, и тут его взгляд вновь скользнул по лицу Франчески.

— Ах, сударыня! Прошу прощения за то, что пришлось повисить голос, но эти макаронники!..

— Ни к чему. — Девушка встала, дернула маленьким острым подбородком. — Это я прошу у вас прощения за неурочное вторжение. Я хотела убедиться, что с синьором де Гуаира не случилось беды. Маркиз Мисирилли — человек влиятельный и к тому же лучший фехтовальщик в Риме.

— Гм-м... — Шевалье помрачнел. — А вы не знаете, сударыня, что предпочитает сей маркиз — шпагу или рапиру?

Я понял, что пора вмешаться.

— Дело не в этом.

Я подошел к столу, плеснул в кубок темно-красного, похожего на кровь вина, глотнул — и невольно поморщился.

— Между прочим, шевалье, с этим пойлом вас явно надули. Так вот, дело не в искусстве фехтования. Дуэли в Риме, как и во всем Папском государстве, строжайше запрещены. В лучшем случае — тюрьма лет на пять. Всем, в том числе и секундантам. Это в лучшем случае.

Я говорил, уже зная, каков будет ответ. На миг мне стало

¹ То есть в девять утра.

стыдно. Наивный голубоглазый шевалье готов поручиться для меня самым святым, что у него есть, — дворянской честью. А я...

А я очень нуждаюсь в шпаге.

В надежной шпаге в надежных руках.

— Погодите! — Я поднял руку, не давая дю Бартасу вставить слово. — Вы — изгнанник, эмигрант. Речь идет не просто о дворянском достоинстве. Поверьте, замок Святого Ангела ничем не лучше Бастилии.

При слове «Бастилия» шевалье невольно вздрогнул, но тут же гордо вздернул голову:

— Тем лучше, друг мой! Тем лучше!

— Вы оба ненормальные! — Девушка топнула ногой, резко повернулась ко мне. — А вы!.. Разве... гидравликусам разрешены дуэли?

Я мысленно поблагодарил Коломбину за проявленный такт, мельком отметив, как брови достойного шевалье поползли вверх.

— Гидравликусам, — я вздохнул, — дуэли, конечно, не рекомендованы. Но эти синьоры иного языка не понимают. Надо объясниться, иначе завтра они вновь пойдут срывать плащи и резать кошельки.

* * *

С людьми надо говорить так, чтобы тебя понимали, — второе правило из тех, что записаны в нашем негласном Катехизисе. С японцами — по-японски, с персами — на фарси. Но язык — это лишь первый шаг, даже не шаг — шажок. У каждой нации, каждого сословия, города, селеньица — свои нравы, свои привычки. В славной Италии любят шумные праздники, в Богемии — кукольный театр, в Индии чтят брахманов, а по берегам великой реки Парагвай обожают музыку.

Мы, Общество Иисуса Сладчайшего, — разведчики, легкая кавалерия. Нас понимают везде — и в этом наша сила.

Господа маркизы понимают только язык дуэли, наречие шпаги, приставленной к горлу.

Ну что ж, побеседуем!

* * *

Синьора Франческа подошла к столу, нерешительно подняла кубок и, так и не отпив, резко поставила на место. По некрашенным доскам разлилась темно-красная лужица.

— Единственно, в чем вы правы, синьор де Гуаира, так это по поводу этого пошла. Честно говоря, не ожидала!

Я хотел переспросить, чего именно, но меня опередил ше-валье:

— Помилуйте, прекрасная синьора! Мой друг де Гуаира по-вел себя как истинный дворянин!

— Я не синьора! — Девушка сорвала с руки тонкую шелко-вую перчатку, скомкала, сжала в кулаке. — Я — актриса, синьор дю Бартас! Для этих ублюдков с голубой кровью — просто дев-ка, о которую можно вытереть ноги. Да все вы, попы и дворяне, одинаковы!

— Помилуйте, синьора Франческа! — в отчаянии воззвал дю Бартас, от волнения даже не обратив внимания на «попов». — Эти негодяи — итальяшки... Смею вас заверить, что дворяне прекрасной Франции...

— Я итальянка, синьор! Пойду, не надо меня провожать.

Я догнал ее уже в коридоре, но объяснить не удалось. В ее темных глазах был гнев и почему-то обида.

— Мне не нужна помощь, — отрезала она, не дослушав меня до конца. — Я думала, что помощь нужна вам, Адам... простите, синьор де Гуаира. Мне почему-то думалось, что... Но это неважно. Вы оказались таким, как и все прочие, да к тому же еще попом! Провожать меня не надо, на улице меня ждут Капитан и Доктор, у них два мушкетона и пистолы. Я теперь стала осторожна.

Я кивнул, одобряя подобные меры, однако же любопытство взяло верх.

— Не смею вас задерживать, Франческа, но... В чем я провинился? В том, что я священник и дворянин? В том, что я вы-звал этого мерзавца на дуэль?

Она не стала отвечать. Дверь вновь хлопнула, на этот раз входная.

Бедняга Илочечонк и вправду оказался кругом виноват. Вот и пойми этих людей!

* * *

Прежде чем вернуться в комнату славного шева-лье, я загля-нул к себе, чтобы захватить кое-что из самого необходимого. Это «кое-что» я не собирался тащить с собой через океан. Я

ехал налегке, оставив в Тринидаде даже гитару, о чем неоднократно жалел в пути. Но «кое-что» все-таки взял.

Уговорили.

Шевалье я застал за столом, с кубком в руке. При моем появлении он вздохнул и слегка скривился:

— Вы были правы, мой дорогой друг! Винишко — дрянь. Признаться, совершенно не разбираюсь в здешнем пойле. Ах, дорогой де Гуаира, если бы мы могли оказаться в моей Пикардии!.. Но у вас озабоченный вид! Не поссорились ли вы с вашей прекрасной подругой?

Я только развел руками.

— О, да! Эти женщины! — Дю Бартас вновь вздохнул и закатил глаза. — Mort Dieu! Иногда встречаются такие тигрицы! Правда, ни одна из них даже во гневе не называла меня столь страшным словом...

Словом? Ах да, «гидравликус»!

— Однако же у синьоры Франчески совершенно превратное представление о нашем сословии. Боюсь, ей встречались не самые достойные жантильомы.

Я вспомнил ее рассказ об актрисе, которую нужно рассматривать только на сцене. Шевалье явно не ошибался.

— Но, дорогой де Гуаира! Нам надо решить много важных дел. Место, время, оружие... Знать бы, в чем этот маркизишка мастак? Шпага или рапира? А может быть, палаш? Что скажете?

И вновь мне стало стыдно. Голодный эмигрант, не знающий, где пообедать, всей душой готов мне помочь. Просто так, без всякой выгоды.

Но мне нужна шпага!

Его шпага.

— Время и место — на их усмотрение. — Я махнул рукой и присел к столу. — Но, поскольку вызвали меня, выбор оружия за нами.

Он кивнул, лицо его сразу же стало серьезным.

— Верно, мой друг! Посему вы должны крепко подумать. Parbleu! Знать бы, шпага или...

— Сарбакан.

«Кое-что», только что изъятая из моей дорожной сумы, с легким стуком легло на стол. Голубые глаза достойного шевалье моргнули, вначале непонимающе, затем растерянно.

— Простите, это...

— Сарбакан, — подтвердил я. — Самый настоящий.

Дю Бартас покосился на стол, отодвинулся, вновь всмотрелся.

— Но ведь это же... дудочка!

То, что лежало перед ним, и в самом деле походило на музыкальный инструмент. Там, откуда я прибыл, братья часто брали с собой флейты, когда собирались в Прохладный Лес. На реке Парагвай любят музыку. Но у сарбакана особая мелодия.

— Сюда действительно дуют, — согласился я, беря со стола немудреное приспособление. — Дуть надо сильно и резко. Посмотрите на ставни. Там, наверху, пятно.

Шевалье, явно сбитый с толку, повернулся, взгляделся, вновь дернул ресницами.

— Там действительно пятно, мой друг, но...

Я поднес сарбакан к губам.

Дуть надо сильно.

Резко.

Звук был почти незаметен. Во всяком случае, для дю Бартаса. Прошла минута, затем другая...

— Я вижу пятно, — растерянно проговорил шевалье. — Вижу! Однако не сочтите за труд пояснить...

— Подойдите ближе, — посоветовал я. — Только, ради Господа, не трогайте руками!

Я ждал, невольно вспоминая далекий день, когда мне самому довелось увидеть, что может эта «дудочка». Только я видел ее в деле. Двое бандерайтов, пытавшихся напасть на нашу миссию. Точнее, их трупы. Скорченные, с посиневшими лицами.

— Да тут колючка!

— Не трогайте! — повторил я, хватая со стола тряпку. — Там яд! Очень сильный яд!

* * *

Трудно убить стрелой обезьяну. И обычной колючкой трудно — раненый зверь уходит в чащу, скрываясь в лесной глуши. А кроме обезьяны, есть еще ягуары, удавы, есть бандерайты и копьеносцы-ланца. Клыки, когти, стальные мускулы, мушкеты, пики. А против этого — колючки. Маленькие колючки, которые легко собрать на любой пальме.

Колючки — и яд.

Тот, кто случайно выжил, рассказывал, что почти не чувствовал боли. Просто сводит мускулы. Просто холодеют руки. Просто...

Но таких, выживших, очень мало. Я видел одного — неподвижно лежавшего, не способного даже двинуть пальцем.

Благородный идалъго Хуан Диас де Солис, железнобокий конкистадор, первым увидевший мутные воды Парагвая, говорят, смеялся над голыми дикарями, вооруженными деревянными «дудочками».

Колючка попала ему в щеку.

* * *

Когда шевалье все-таки решился взять сарбакан в руки, его лицо странно скривилось. Я понимал его — сам был таким.

— И этим у вас воюют? Какой ужас!

Я не спорил — ужас. Дикие кровожадные «инфлиес»¹, протыкающие ядовитыми колючками благородных «донов», несущих в Прохладный Лес блага кастильской культуры. Троглодиты. Монстры.

Дю Бартас покосился на тряпку, под которой лежала вынутая мною колючка, потер лоб, задумался.

— При зрелом размышлении, а также учитывая, что этот, гм-м, сарбакан, без сомнения, является оружием... Однако же, друг мой, насколько сие оружие благородно?

Я с трудом смог удержаться от улыбки.

— Касики, сиречь вожди племен, кои пользуются этими «дудочками», еще полвека назад были возведены Его Католическим Величеством во дворянство. Так что в Новом Свете — это оружие рыцарей.

— Правда? Тогда конечно. А если что, мы скажем...

— Что маркиз струсил, — усмехнулся я. — Покажите синьору Монтечело сарбакан, пусть закажет такой же у краснодеревщика. А колючек у меня хватит на всех. Стреляемся с десяти шагов.

— Решено! — Его глаза блеснули, широкая сильная ладонь ударила по столу. — Вот это будет дуэль!..

— *Vieux diable!* — закончил я, с запозданием сообразив, что богохульствую.

Mea culpa!

¹ Инфлиес — туземцы.

— Рад вас видеть, сьер Гарсиласио.

— К сожалению, не могу сказать того же.

Он изменился за эти сутки. Темные пятна легли под глазами, тонкая кожа щек казалась серой, уголки губ опустились вниз.

Изменилась и камера. Табурет стал повыше, из-за чего сьер римский доктор был вынужден то и дело дергаться, пытаясь достать ногами до пола. Бесполезно! В том-то и задумка: неудобный табурет, две яркие лампы у самых глаз и, конечно, маленький человечек в капюшоне, удобно устроившийся рядом.

— Я ждал вас в полдень.

С ответом я не спешил. Да, он ждал меня в полдень, сейчас уже восемь, значит, со времени нашей встречи прошло больше суток. Для человека, сидящего на неудобном табурете, — много. Много — но еще недостаточно.

Недостаточно, чтобы увидеть Ад.

— Сьер, я хочу у вас спросить! Сьер!..

Да, и голос уже другой. Гордыни явно поубавилось.

— Простите, я... я не помню, как вас зовут. Сьер, я хочу спросить...

Третья лампа, такая же яркая, стояла передо мной. На этот раз она освещала страницы толстого тома, переплетенного в грубую кожу. Вчера я читал экстракт, сегодня — само дело. Мелкое, рядовое дело о ереси и распространении заведомо вредоносных учений. К счастью, неведомый мне писарь не экономил бумагу — буквы были размером с тараканов. Тех самых, которых столь добросовестно изучал брат Паоло.

— Сьер! Почему вы?.. Извините, забыл ваше имя...

Да, спеси стало поменьше. Уже не требует — просит. Но спешить некуда, можно пока полистать протоколы. На следствии сьер Гарсиласио де ла Риверо был очень разговорчив. Тоже метода — и очень удобная: болтать о чем попало, старательно избегая важного. Вот, например, здесь... и здесь...

Я поднял взгляд — его глаза были закрыты. Это заметил не только я. Маленький человечек бесшумно встал, легко толкнул парня в плечо.

— А?! — В глазах плавала боль. — Опять? Сьер... Простите, сьер, они мне не дают спать! Я не понимаю! Я требую...

Я ошибся. Он еще требует.

Закладка легла на нужную страницу. Вот с этого и начнем. Но не сейчас. После.

Когда сьер Гарсиласио уже ничего не станет требовать.

— Я действительно опоздал, извините. Это первое. Теперь второе. Вы не забыли мое имя, я вам его просто не называл...

Он подался вперед, рискуя упасть с табурета, но я покачал головой. Рано! Даже имя мое называть рано. С именем я сразу стану для него человеком, а это лишнее. Я — Черный Херувим. «Как содрогнулся я, великий Боже, когда меня он ухватил...»

— Теперь третье, сьер де ла Риверо. Спать вам не дают по моему приказу. Для вас началась Вегилия.

В глазах — испуг, затем — отчаянная попытка понять, осмыслить. Да, он еще думает. Я пришел слишком рано.

— Вегилия? Это... бдение по-латыни? Но почему? Я же не смогу ничего соображать!

Да, не сможет. И не только соображать.

— Я хочу, чтобы вы попали в Рай, сьер Гарсиласио. Но для этого вам надо сперва увидеть Ад.

Тонкие губы дернулись, сжались.

— Кажется... Кажется, вы говорили об этом прошлый раз. Я подумал...

— Что это поэтический образ? Напрасно.

Я встал, зябко повел плечами. Черный плащ с капюшоном весь пропитался сыростью.

Февраль!

— Хотите узнать, что я имел в виду? Извольте!

Да, я пришел рано. Но время нашей встречи можно использовать с толком. Пусть подумает — пока еще способен.

— Начну издалека. В одной умной книге описан способ укрепления души, идущей по пути Просветления. Это, конечно, нелегко. Требуется две недели — в полной тишине, в темноте, в одиночестве...

Лет двадцать назад мне так же рассказывали о Просветлении. Только было это не в сырых подвалах Санта Мария сопра Минерва.

— Первые несколько дней ты вспоминаешь себя, свои дела и мысли: грешные, безгрешные — все. Это очень трудно — вспоминать все, не делая исключения. Затем ты начинаешь думать о тех, кто был праведнее тебя, кто страдал за Веру и Святую Церковь...

О тех, кто был праведнее. Как отец Пинто. Он умер, прибитый железными клиньями к стволу кебрачо, еще одно острие вошло в грудь, прижимая к его сердцу маленький томик Евангелия. Умер, а прочие живут. Такие, как маркиз Мисирилли. Как этот еретик. Как я...

— Затем ты вспоминаешь страдания Господа. Это тоже очень нелегко — вспомнить все, деталь за деталью: бич, бьющий по плечам, плежки в лицо, гвозди в запястьях. Вспоминаешь — и начинаешь Видеть...

...Поначалу это было просто невыносимо. Многие не выдерживали, стучались в закрытые двери, рвались туда, где ярко светило солнце...

— А потом ты начинаешь представлять себе Последнюю Битву: Божий Град Иерусалим, окруженный войском праведников в белых одеждах, — и Вавилон, оплот Сатаны, восседающего на пылающем темным огнем троне...

— Игнатий Лойола. — Голос сьера Гарсиласио звучал хрипло, тяжело. — Игнатий Лойола, «Exercitia spirituaia».

Я взглянул на него не без любопытства.

— Читали, сьер де Риверо?

— Читал...

Он вновь закрыл глаза — и новый толчок заставил парня очнуться. Человечек в капюшоне бесшумно опустил на табурет. Я вспомнил: таких, как он, называют Клепсидрами — Будильниками.

— Ну что ж, тогда нам будет легче разговаривать.

Негромкий смех был ответом. Сьер Гарсиласио закрыл глаза, откинулся назад.

— Так вы еще ко всему и иезуит! Странно, что я с самого начала не догадался, что вы из Общества.

Будильник был начеку. Парень застонал, открыл глаза.

— Компания Иисуса... Жаль, вашего Лойолу не сожгли еще тогда, в Толедо!

— В Саламанке, — тут же поправил я. — И разберемся с терминами. Слово «Общество» — «Compania», сьер еретик, как вы можете догадаться, испанское. Оно означает не кружок собутыльников, а военный отряд. Мы — Полк Иисусов, Его Войско. Но вернемся к «Духовным упражнениям»...

— Вы тоже видели все это, сьер иезуит? Иерусалим, Вавилон?

✓ Неужели это ему интересно? Если так, то парень крепче, чем мне казалось.

— Видел. И, признаться, мои видения озадачили наставников нашего коллегиума. На Сатане был зеленый наряд с желтыми пятнами, на голове — берет, его войско сидело на железных

повозках, которые двигались сами по себе, без лошадей и мулов, а в небе летали птицы — тоже стальные. Над Иерусалимом же реял стяг с шестиконечной звездой, а рядом с ним другой — полосатый, с маленькими звездочками в углу.

Я невольно улыбнулся. Тогда меня даже отправили к лекарю. Тот долго качал головой, после чего велел мне побольше спать. Но во сне я вновь видел все это: железные повозки, ревущие стальные птицы, острые носы крылатых стрел, направленных прямо в голубое безоблачное небо.

— И только потом ты начинаешь видеть Рай...

Я ждал нового вопроса, но его не последовало. Впрочем, я бы не стал отвечать. Про такое можно рассказать только на исповеди.

— Подобные духовные упражнения, сьер Гарсиласио, полезны всем добрым христианам. А тем, кто оступился, в особенности.

Он долго молчал. Мне даже показалось, что парень зашнул — с открытыми глазами. Но вот кончики губ дрогнули.

— Я уже все рассказал. Все! Неужели вы думаете, что я стану читать...

— А это и ни к чему.

Еретик, посмевавший поднять руку на Мать-Церковь, не станет умиляться при виде страданий Господа. Себя он любит больше. Что ж, пусть пожалеет о себе, любимом.

— Для этого и придумана Великая Вегилия, сьер Гарсиласио. Три-четыре ночи без сна — и Сатана, которому вы служите, сам придет к вам. Ваш Ад будет страшен. А вот увидите ли вы Рай, зависит уже от вас. Ну, и от меня в какой-то мере.

— Я все равно ничего вам не скажу!

В его голосе слышалось упрямство и одновременно — страх.

— «В боренье с плотью дух всегда сильнее», — усмехнулся я, вставая. — Докажите! Я зайду к вам через пару деньков...

— Погодите! — Он попытался вскочить, но Будильник тут же оказался рядом. — Вы!.. Вы не имеете права! Пытайте меня! Пусть даже дыба, велья!.. Я уже все сказал! Все!

Велья? Лучше бы ему не поминать такое. Этот мальчишка — не Фома Колоколец. На велье он сказал бы все, оговорил бы родного отца, братьев, Господа Бога вкупе с Мартином Лютером. Но мне не нужна его боль.

— Вы, кажется, поклонник Ноланца, сьер Гарсиласио? Ну

так докажете это. «Когда, судьба, я вознесусь туда, где мне блаженство дверь свою откроет...». Помните?

Он не помнил. Точнее, просто не знал. Наверно, из всего Бруно сэр еретик изволил прочитать только «Тайну Пегаса».

— У него превосходные стихи. Пусть они вас слегка подбодрят. Это вам понадобится.

Я прикрыл глаза, вспоминая. Много лет назад, когда я впервые ступил на неровный булыжник *Campro di Fiogi*, эти строки не выходили из головы. Я словно слышал холодный, чуть презрительный голос Великого Еретика, говорящего со мной сквозь вечность. Голос из Ада, из его черных ледяных глубин.

Когда, судьба, я вознесусь туда,
Где мне блаженство дверь свою откроет,
Где красота свои чертоги строит,
Где от скорбей избавлюсь навсегда?

Как дряблым членам избежать стыда?
Кто в изможденном теле жизнь утронит?
В боренье с плотью дух всегда сильнее,
Когда слепцом не следует за ней!

И если цели у него высоки,
И к ним ведет его надежный шаг,
И ищет он единое из благ,

Которому дано целить пороки, —
Тогда свое он счастье заслужил,
Затем, что ведал, для чего он жил¹.

Он ведал, для чего жил, Бруно Ноланец, сатанист и гений, умевший смотреть сквозь хрустальную сферу Небес. Но этот мальчишка — не ему чета. Ноланца не смирили ни годы, ни пытки. Этому же хватит трех дней в компании с Будильниками. И он забудет о гордыне.

Как труп.

Как топор дровосека в умелых руках.

В моих руках.

5

Серый мокрый гравий под ногами, такое же серое небо над головой.

Вечер...

Ранний зимний вечер, обломки колонн, неровные, покрытые еле заметными капельками влаги, разбитый мраморный лик, бессмысленно пялящий пустые глаза...

Форум.

Сердце Великого Рима.

¹ Перевод А. М. Эфроса.

Я оглянулся, узнавая. Когда наставник, падре Масселино, в первый раз привел нас сюда, я почувствовал удивление — и обиду. И это Великий Рим? Город Цезаря и Цицерона, Столица Мира? Грязный пустырь, покрытый серыми обломками? Конечно, я знал, что с той поры прошла тысяча лет, но разве я мог тогда понять, что такое тысяча лет? Десять веков! Десять! А эти серые колонны все еще стоят.

Странно, разговор с этим мальчишкой стоил мне больше, чем думалось...

Падре Масселино, кажется, понял и принялся объяснять, каким был Форум раньше, за десять веков до того, как мои детские башмачки ступили на этот гравий. Золото, зеленоватый мрамор, ровный торжественный марш коринфских колонн, надменные бронзовые боги на постаментах. Они не знали меры в своей гордыне, эти язычники, думавшие, что их Рим действительно Вечный.

Много позже, глядя на руины дворца Сыновей Солнца на окраине Тринидада, я все время вспоминал Форум. Инки тоже мнили себя владыками Вселенной. Прошел всего век, но высокая трава уже покрыла их города, и дерево омбу растет посреди тронного зала.

Тогда, в детстве, я честно пытался представить то, о чем рассказывал наставник. Эти потрескавшиеся ступени — святилище Сатурна, стена, грозящая рухнуть в любой миг, — храм Кастора и Поллукса, звездных Близнецов... Не получалось. Камни оставались камнями — пыльными, никому не нужными, замолчавшими навеки.

И все-таки что-то меня расстроило. Конечно, не сам сьер Гарсиладио. В конце концов, я спасаю не только его бессмертную душу, но и жизнь. Этого он еще не знает, да и ни к чему ему это знать.

Тогда что?

Я поддал ногой дно глиняного кувшина и вздрогнул от легкого стука. Я знаю ответ. Знаю — и боюсь себе признаться. Боюсь, потому что вспомнил...

Я никогда не знал своего отца. Он умер от ран на чужбине, когда я еще не родился. И я не любил его, бросившего мать ради никому не нужной славы и горсти серебра.

Я — Постум.

Посмертник.

Потом были наставники, учителя, приятели. Даже друзья были. Был Станислав Арцишевский, Бешеный Стась, единственный земляк на тысячи миль вокруг.

Были. Но отца уже не было.

Мне исполнилось пятнадцать, когда я впервые вдохнул влажный воздух Гуаиры. Мне было страшно — и одиноко. Илочечонк попал в Прохладный Лес. Лес, в котором люди были порою страшнее ягуаров.

Отец Мигель Пинто...

Я так и называл его — Отец, и не только потому, что он был коадьюктором, а я только-только принял третий обет.

Отец... Я-Та — как звали его гуарани.

Тот, кто стал отцом сироте Илочечонку.

Странно, ведь тогда ему еще не было и тридцати.

Я мотнул головой, прогоняя непрошенные воспоминания. Непрошенные, ненужные. Отец Мигель Пинто навеки остался со своими сыновьями среди Прохладного Леса. И только Илочечонк, его любимый сын, поспешил уехать от еще свежей могилы.

Земля на могиле была желтой — как тибрская вода.

И мне нет прощения!

Я оглянулся, словно кто-то, скрывающийся за серыми колоннами, мог подслушать, догадаться, — и тут же горько усмеялся. Конечно, нет! На грязном пустыре, бывшем когда-то сердцем Вселенной, никого нет. Да и кому нужен одинокий чуждак в модном амстердамском плаще и нелепой шляпе? Напрасно я забрел сюда!

Напрасно!

И совсем напрасно вспоминаю то, что мне велено забыть.

Илочечонк, сын ягуара, не виноват.

Ни в чем!

Отец Мигель Пинто, провинциал Гуаиры, принял смерть за
✓ дело Христово, выполнив свой долг до конца.

И я тоже выполняю свой долг.

А долг — это приказ. Приказ, которому я послушен.

Как труп.

Как топор дровосека.

— Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострю-полирую!

Я невольно оглянулся — здоровенный чернобородый ребенок в рваной куртке и такой же шляпе лихо крутил ножной привод, легкими движениями поднося к вертящемуся точилу огромный нож. Здесь, у входа в гостиницу, вечно крутится всякий люд: зеленщики и возчики поутру, разносчики и торговцы — ближе к полудню. Кажется, настал час точильщиков.

— Вострю-полирую! Эй, синьор, а не затупилась ли у вас шпага?

Лицо точильщика тонуло в вечерней тени. Рукам повезло больше — на них как раз падал свет из окна. Я мельком отметил, что у ножа приметная рукоятка — костяная, с углублениями для пальцев и двумя большими медными заклепками.

— Так как насчет шпаги, синьор? Шпаги-палаши-кинжалы вострю-полирую!

Я покачал головой и взялся за рукоять двери. Поздновато же чернобородый ищет клиентов! Или его клиентура как раз ночная?

— Ножи-заточки — друзья среди темной ночки! Плати байокко — навострю на два срока!

Да он весельчак!

* * *

Громкий голос шевалье дю Бартаса был слышен даже в конце коридора. Первая мысль оказалась не из самых удачных: наш хозяин, отчаявшись получить долг, велел принести «испанский сапог» прямо в номер.

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек...

Слава Господу в вышних, ошибся. Доблестный шевалье всего-навсего распелся.

О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?
То спуски, то подъемы,
Ах, горы не легки!..

Я постучал и заглянул в комнату. Шевалье дю Бартас восседал за столом, пустой кувшин приткнулся к ножке стула, кубок — тоже пустой — стоял вверх донышком, наводя на грустные мысли.

Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки!

Стась Арцишевский, когда мы с ним в очередной раз дегустировали aqua ardiente, рассказывал, что пушкарям перед залпом следует открыть пошире рот, дабы не оглохнуть. Я уже собрался последовать его совету, но песня смолкла, и я так и не узнал, что стало дальше с вояками славного принца Бурбона.

— Ужинали, синьор дю Бартас?

Его вздох напоминал отзвук дальней канонады, и я невольно посочувствовал славному шевалье. Кажется, не только солдатам принца довелось свистеть в кулак.

— Тогда я закажу ужин прямо сюда, а вы пока расскажете.

— О, мой дорогой друг! — прочувствованно воскликнул дю Бартас. — Поистине вы меня спасаете от лютой смерти, ибо наш каналья хозяин окончательно потерял всякий стыд и определенно решил заморить меня голодом. Ну почему в этом городе никто не дает в долг? Mort Dieu! Проклятые итальяшки! Хуже них — только испанцы, будь они трижды...

Тут он взглянул на меня и осекся.

— То есть, мой дорогой де Гуаира, я ни в коем случае не имел в виду вас...

Меня?

— Извините, ради Бога, сам не знаю, как это язык повернулся...

Я понял. Акцент! Я ведь тоже говорю с кастильским акцентом, как и бедняга де ла Риверо!

— Я не испанец, синьор дю Бартас. И даже не португалец.

— Правда? — Голубые глаза засветились радостью. — О, мой друг, поистине это хорошая новость! Ma foi! Вы мне дороги, будь вы даже гололобым турком, но то, что вы не поганая испанская собака, — это отличная новость!

Я невольно сглотнул. Поганая испанская собака, гололобый турок, английский еретик, итальяшка, грязный индеец, пархатый жид...

А ведь шевалье не из худших в человеческой стае!

— Я русин, если вы, конечно, не против.

Дю Бартас решительно качнул головой:

— Помилуйте, мой друг! Как я могу быть против?.. Гм-м, а это где? В Америке?

Я чуть было не удивился, но вовремя вспомнил о синьорине Коломбине. Кажется, без нее не обошлось.

— Чуть ближе.

— Эх, взглянуть бы! — мечтательно протянул шевалье. — А то, признаться, даже скучно! Никогда не бывал дальше Перпиньяна. Вот только сюда занесло, и то без медяка в кармане.

Желания, высказанные вслух, имеют обыкновение сбываться. По крайней мере иногда.

Ужинал шевадьё с превеликим аппетитом, утоляя жажду отличным неаполитанским «греко». На этот раз я решил проявить здоровую инициативу и лично распорядился по поводу вина.

— Отменно! — констатировал дю Бартас, осушая третий кубок. — Жизнь, дорогой де Гуаира, становится все краше! Кстати, вы деретесь завтра на рассвете, после заутрени. Алппиева дорога, возле гробницы синьоры Цецилии Метеллини.

Глоток «греко», которым я запивал жареную пулярку, на миг застрял в горле. Завтра?

— Мы решили не тянуть. Parbleu! Такие дела надо решать быстро!

Выходит, маркиз Мисирилли решил не утруждать себя тренировками в искусстве плеванья колючками. Жаль! Завтра и без того трудный день.

— Расстояние десять шагов, очередность — по жребью, колючки — ваши. Жаль, не придется все это удвоить!

Опять — удвоить! Переспрашивать я не стал, но дю Бартас разгадал мое недоумение.

— Как, мой дорогой друг? И вы тоже не слыхали об этом? Vieux diable! Сколь медленно распространяются добрые обычаи! В Париже давно всех удваивают. Дерутся не только вызванный и принявший вызов, но и секунданты. Впрочем, удвоить — не предел. Однажды я дрался с самим д'Артаньяном, лейтенантом «черных» мушкетеров. Мы были с ним секундантами; а всего в тот день скрестили шпаги восемь человек. Мне тогда проткнули бедро. Вот это жизнь!

Как мало нужно человеку для счастья!

...Желтая вода подступала к горлу, захлестывала рот, не давая даже крикнуть. Меня бросили в Тибр — как старинную шпагу, врученную моему деду Карлом, императором Священной Римской империи. Тяжелую шпагу с широким лезвием, какие уже почти не носят...

— Я, брат Адам, прозываемый Рутенийцем, исповедник трех обетов и коадьюктор Общества Иисуса Сладчайшего...

Под ногами — пучина, руки застыли, словно в моем запястье уже торчит игла — маленькая колючка с ядом кураре. Ядом, которым убивают ягуаров.

— ...добровольно и по душевной склонности принимаю четвертый обет...

На малый миг вода отступает, уходит вниз, и я начинаю понимать, что все неправильно. У меня никогда не было шпаги, мой дед не служил императору Карлу, и мне незачем принимать четвертый обет, повторяя звонкие латинские слова. Я уже принял его неделю назад здесь, в Риме...

— ...повиноваться Его Святейшеству Папе и Его Высокопреосвященству Генералу...

Да, мой отец никогда не служил Империи. Он был верен королю Жигимонту и ради этой верности бросил меня, еще не родившегося, чтобы умереть от ран под Дорогобужем, в далекой неведомой Московии. У него не было шпаги, была сабля, старинная «корабелка», доставшаяся не мне, а старшему брату.

— ...воспитывать новичиев в духе преданности Господу нашему Иисусу Христу и Обществу Его...

...Как воспитывали меня самого. Мать умерла, когда мне было восемь, и дальние родичи поспешили определить сироту в коллегиум. Доля младшего сына — стать священником или ландскнехтом.

— ...а также нести свет веры Иисусовой по всему миру среди диких туземцев, не жалея сил и самой жизни...

Но ведь я и так посвятил этому жизнь! Я нес свет, не жалел жизни, ни своей, ни чужой!..

Я нес свет. Я — Светоносный.

Светоносный...

Люцифер.

Я — Черный Херувим.

Нет!!!

От ужаса путаются мысли, а вода уже заливает глаза, легкие тяжелеют, наполняются рвущейся болью. А голос все звучит, и кто-то невидимый повторяет знакомые слова. И тут я наконец начинаю понимать...

— ...и в том я клянусь, и присягаю, и даю свое слово...

Я наконец начинаю догадываться. Все правильно! Люцифер тоже не понимал, за что его свергают с Небес. Ведь он нес свет, он двадцать лет прожил на болотистых берегах великой реки Парагвай. Он учил детей, сражался с бандерайтами, строил миссии среди сырой чащи, вел переговоры с надменными идалго из Лимы. Он играл в театре, он был Илочечонком, сыном ягуара, маленьким мальчиком, нашедшим свое счастье в Прохладном Лесу...

Он? Я — это Он?

— ...и да поможет мне Господь. Амен!

Голос доносится глухо, еле слышно, вокруг смыкается тьма, и вместе с ней приходит покой.

Я заслужил эту смерть. Ягуара выманили из чащи, чтобы убить. Бешеного ягуара.

Каннибала!

Он уже не нужен, нужен кто-то другой, тот, кто принял сейчас четвертый обет. Он, неведомый, будет служить тому, ради чего погубил душу я.

Я — кнеж Адам Константин Горноста́й из рода Гедемина Великого, сын Самуила Горноста́я, подкомория киевского, и княгини Теофилы Горайской. Мой герб — Гиппоцентавр с луком и стрелой, увенчанный тяжелой княжьей короной, и моя судьба — покоиться тут, под тяжелой желтой водой.

Покоиться...

Амен!

И тут черное одеяло сна на миг разрывается, и перед глазами встает неровное поле в сером пороховом дыму, всадники в мохнатых малахях мчат прямо на тупые гарматные жерла...

Но я спокоен.

Мне уже нечего бояться.

7

Повозка, вызванная хозяином, стояла у самого входа. Возница дремал на козлах, сжимая в руках кнут.

— Parbleu! — Шевалье зябко повел плечами и скривился. — Неужели нам придется ехать на этом одре?

Я усмехнулся и посмотрел наверх, на сжатое черепичными крышами темное небо. Скоро рассвет, надо поспешить...

— Предпочитаете мчаться верхом, дорогой дю Бартас?

— Что вы! — Шевалье потряс головой, отчего шляпа тут же съехала на ухо. — Перед дуэлью? Верхом? Надеюсь, вы шутите, дорогой друг!

— Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострую-полирую!

От неожиданности я вздрогнул. Так-так, точильщик уже на посту. Странно, его черная борода за ночь стала рыжей.

— Шпаги-палаши-кинжалы!..

— Вам не надо подточить шпагу, шевалье?

Дю Бартас покосился на точильщика, хмыкнул.

— Помилуйте, у этого мужлана? Однако же, друг мой, ведомо ли вам, где похоронена синьора Цецилия Метеллини?

— Цецилия Метелла, — постаравшись не улыбнуться, уточнил я. — Это жена знаменитого Марка Красса.

— Кого?!

Ответить я не успел. Легкий стук каблучков — совсем близко, рядом.

— Адам! Синьор Адам!

На Коломбине была черная маска — в цвет тяжелой мантильи, из-под которой выглядывало знакомое белое платье. И таким же белым казалось лицо. Или виной всему предрассветный сумрак?

— Я... Я, кажется, успела. Ничего не говорите, Адам, не надо! Я просто... просто... Вы действительно должны драться? Ведь это же глупость! Это...

— Доброе утро, прекрасная синьора! — Дю Бартас тут же оказался рядом, сжимая шляпу в руке. — Увы, именно это сейчас предстоит моему и вашему другу, дорогая синьора Франческа! И прошу, не желайте ему удачи, ибо это худшая из примет.

Ее лицо дернулось. Взгляд из-под маски заставил славного дю Бартаса отшатнуться и ретироваться к повозке.

— Ну почему вы такой, как все, Адам? Ради вашей дворянской спеси, вашей гордыни!..

Я молча поклонился. Хорошо, что девушка не знает всей правды! Если бы дело было только в гордыне!

— Но если так... Если вы такой... Я вас могу благословить?

В темных глазах блеснула неожиданная усмешка, и мне сразу же стало легче.

— Можете. — Я улыбнулся в ответ, и тут же ее губы...

...От маски пахло духами и клеем...

— Идите! — Франческа отстранилась, надвинула мантилью на голову. — Идите же, не смотрите на меня!

Сонный возница взмахнул кнутом. Я оглянулся, но девушка уже исчезла.

— *Vieux diable!* — мечтательно проговорил шевалье. — Как я завидую вам, дорогой де Гуаира! Эх, мне бы такую дуэль!

Отвечать было нечего. Я отвернулся. Повозка тронулась.

— Топоры-ножи-ножницы-сечки! — донеслось из-за спины, и я почему-то вновь подумал о бессонном точильщике.

Что случилось с его бородой?

Да, жизнь действительно театр. И хорошо, если приходится играть в комедии. Тычки, затрещины, любовник в сундуке. Глупо, конечно, но это все-таки лучше кровавой красоты шекспировских ужасов.

Итак, играем!

* * *

Декоратор постарался. Задник сцены в меру мрачен и в меру нелеп. Темные потрескавшиеся стены древней гробницы, грустные пинии вокруг — и белые ажурные зубцы поверху, словно могила Цецилии Метеллы надела чепец, какой носят субретки. Предрассветное серое небо, далекий глухой голос колокола...

— Ага, вот и они! Однако же прохладно, дорогой де Гуаира!

На эту реплику можно не отвечать. Я — Арлекин, принявший вызов чванливого Капитана и теперь, дабы посмешить благородную публику, во всем подражающий своему врагу. Нос надменно вздернут, ботфорты гордо попирают холодную твердь, покрытую влажными желтыми иголками.

— Доброе утро, синьоры!

Их снова трое — крепыш, толстяк и высокий. Три Капитана — надутые щеки, брови — к переносице, носы, как и у меня, — к зениту. Играют от души.

Почему их трое? Маркиз, синьор Монтечело и...

«Хватайте ее, синьор Гримальди!»

Да мы, оказывается, знакомы!

Вся труппа в сборе. Приступим?

— Прежде чем мы начнем, синьоры, хочу исполнить свой долг и предложить вам принести взаимные извинения...

Реплика звучит неубедительно, фальшиво, и сам шевалье

понимает это. Вновь можно не отвечать, достаточно покачать головой.

Крепыш превосходно играет. Его лицо в меру мрачно, в меру горделиво. Разглядывать его я не собираюсь — не время.

Играем!

Плащ падает на землю. Поверх него — камзол. Холодный воздух заполняет ворот рубахи.

— Жребий, синьоры!

Тяжелый дукат неохотно, медленно взлетает к низкому серому небу. Взлетает, замирает на миг, словно раздумывая.

Орел?

Решка?

Вместо орла — чей-то заносчивый профиль в окружении полустертых латинских букв.

Вместо решки — рыцарь в доспехах с пучком стрел в левой руке.

Рыцарь — это я. И стрелы со мной, маленькие, завернутые в белую тряпицу.

Дукат все еще падает. Медленно, медленно... Публика замирает в ожидании, начисто забыв, что это все — комедия, где бьют и убивают понарошку.

Орел!

Лицо крепыша в этот миг становится похожим на золотой профиль. Его выстрел — первый.

Сарбаканы!

Краснодеревщик постарался: «дудочка» маркиза ничем не отличается от моей, даже лучше — полированная, с затейливой змейкой орнамента.

Колючки!

Тряпица разворачивается медленно, дабы зрители успели почувствовать, ощутить весь ужас этих маленьких стрел, готовых вонзиться в руку, в горло, в лоб.

Все?

Нет, не все. Арлекин не был бы Арлекином, если бы упустил возможность потянуть время. Скучным равнодушным голосом поясняю, как лучше брать колючку, как вкладывать ее в «дудочку».

Капитаны сердятся, супят брови.

Смешно!

Теперь веселая игра: у кого ноги длиннее. Вы победили, синьор Гримальди, значит, вам и шаги отсчитывать!

Раз... два... три...

Один плащ — налево, второй — направо.

По местам!

Синьор Гримальди вкупе с синьором Монтечело успешно делают вид, что им не по себе. Не отстают и шевалье. Маркиз внешне спокоен, но мне почему-то никак не удается разглядеть его лицо.

Новая игра: у кого руки длиннее. Так-так, дорогой дю Бартас, значит, вам и платком махать.

Литавры, барабанная дробь, тихий вздох зала, белый всплеск слева...

...И легкий, еле заметный ветерок у самого уха.

Все правильно! Злой Капитан не может поразить доброго веселого Арлекина.

На то и комедия!

Теперь можно повертеть сарбакан в руке, поднять колючку, поднести к глазам.

Пауза — уже последняя. Публика это любит!

Еще, немного еще...

Пора!

* * *

Опускаю сарбакан, вытираю платком губы и облегченно вздыхаю.

Отыграл!

Теперь очередь Капитана. Сейчас он должен поднести руку к горлу, нащупать иголку...

Подносит, нащупывает.

Падает.

Падает?

Хорошая импровизация, очень хорошая! Маркиз оказался прекрасным актером. Но почему кричит синьор Монтечело? Почему синьор Гримальди...

— Он... Он умер! Господа, он мертв!

Что такое? Эта реплика — лишняя, совсем лишняя! Ведь это все — комедия! Зачем же...

Холодный воздух — в лицо, теплое запястье — под пальцами.

Все еще теплое...

Отпускаю его руку, встаю, хотя на плечах — глыба свинца, словно у дантовских грешников.

Слишком поздно!..

Слишком поздно я понимаю: таких комедий не бывает. Смерть — никудышный актер, у нее все — взаправду.

— Гадюка!

— Я попросил бы вас, синьор Гримальди, выбирать выражения!..

— Трусливая гадюка! Подлец!

Занавес опустился, но ничего не кончилось. Кажется, секунданты уже готовы взяться за шпаги.

Дабы все удвоить.

— Ma foi! Все состоялось согласно уговору и правилам, принятым...

— Гадюка!

Открываю глаза. Лицо маркиза рядом, и я впервые могу рассмотреть его. Лет двадцать — не больше. Мальчишка. Мертвый мальчишка с широко раскрытыми глазами, в которых навеки застыл ужас.

Синьор Монтечело стоит рядом и странно шморгает носом. А синьор Гримальди...

— Это была не дуэль! Ты подлец, ядовитая змея, убийца!..

Гримальди тоже молод, немногим старше маркиза. Высокий, крепкий, жилистый. Ему бы к отцу Хозе, тому нравились такие — длиннорукие, голенастые.

Ничего уже не исправишь, не спасешь — кроме истины. Наклоняюсь над телом. Колючка легко выходит из ранки.

— Извольте убедиться, синьоры!

Легкая боль в запястье — и дружный вздох со всех сторон.

— Mort Dieu! — Это, конечно, шевалье.

Минута, другая... Вынимаю колючку, отбрасываю, не глядя.

— Там нет яда, синьоры. Можете убедиться.

На меня смотрят, все еще не веря. Синьор Гримальди подхватывает упавшее на покрытую желтыми иголками землю черное жало, морщится, укалывает палец.

И вновь мы ждем, время тянется, а в глазах мертвого маркиза — все тот же ужас и холодная пустота.

— Там нет яда, — повторяю я невесть зачем.

— Но почему?! — В голосе синьора Монтечело — слезы, и на лице — тоже слезы. Он самый старший. Жаль, что тогда, на набережной, он не смог сдержать глупых мальчишек, решивших поиграть в banditto.

Объяснять не хочется, тем более объяснять очевидное.

— Он умер от страха, синьоры. Просто от страха...

Правда — но, конечно, не вся. Его убил я. Убил — хотя и не желал этого. Хотелось проучить, оставить с мокрыми штанами, чтобы запомнил и закаялся навек...

Дорога в Ад, я тоже тебя мощу!

— В любом случае, синьоры, — несколько неуверенно про-
износит дю Бартас, — дело кончено.

— Вовсе нет!

Синьор Гримальди дергает рукой. Ножны отлетают в сторо-
ну, тускло блещет серая сталь.

— Защищайся, ублюдок!

У меня нет шпаги. Сарбакан — в левой руке, колючки — на-
стоящие — за поясом, но я не хочу никого убивать!

— Защищайся, трус! Дайте ему шпагу! Шпагу!

Сарбакан с легким стуком падает на землю. В моей ладо-
ни — теплая рукоять. Я даже не успеваю понять, чья это шпага.

— Вот тебе, каналья!

Его шпага взлетает вверх, затем устремляется вперед, и я
даже не замечаю, как вновь превращаюсь в маленькую лохма-
тую обезьяну...

...которая растерянно глядит на длинную тяжелую железа-
ку, не понимая, зачем странные люди всучили ей это диво.
Надо быть очень глупым, чтобы пускать подобное в ход, заби-
вая голову бесконечными квинтами, терциями, рипостами и
флаконадами ан корте. Зачем такая тяжесть? В крайнем случае
хватит обломка бритвы или маленького ножичка, который так
удобно зажать в пальцах ноги.

Ай! Страшный человек делает шаг вперед, зачем-то тычет
сталью в бедную маленькую обезьяну.

Ай!

Обезьянны пальцы не могут удержать тяжелый эфес. Злой
человек цепляет железяку полосой сверкающей стали, крутит,
вертит...

Железяка летит в сторону, ударяется о покрытый темной
корой ствол пинии, катится, замирает. А злой человек, радост-
но ухмыляясь, подается вперед, вновь тычет сталью прямо в по-
крытую шерстью обезьянью грудь.

Дерево далеко, не запрыгнешь! Бедная обезьяна в ужасе, ос-
тается одно — упасть, зарыться лицом в холодную землю.

Скорей!

Вниз, упор на передние лапы, замереть, прижаться к влаж-

ным желтым иголкам. Глупый злой человек решит, что бедная обезьянка мертва. Тогда он уйдет. Ведь люди — не ягуары, они не едят обезьян!

Но что это с человеком? Почему он падает? Ах да, он слишком сильно подался вперед и теперь вместе со сверкающей сталью нависает над бедной....

Ай-яй!

Надо убрать задние лапы, скорее убрать задние!..

Извини, человек, я не хотела!

Так получилось, случайно! Случайно! Наши задние лапы столкнулись, но бедная обезьяна не виновата, что ты все-таки упал! Ты кричишь, бедный человек? Жаль, что ты не умеешь падать, что ты упал прямо на правую лапу, в которой сжимал эту нелепую серую полосу! Тебе больно, с твоей лапой что-то не так?

Извини!

Извини, я уже убегаю, вот только заберу свою железяку, чтобы она тебя не раздражала, вот она в моей лапе, кувырок, уже встаю...

Какой же ты глупый, человек!

Зачем же ты поднимался мне навстречу, поднимался, не глядя? Бедная глупая обезьяна не виновата, что ты наткнулся на железяку! Зачем обезьяне вообще железяка?

Что с тобой, человек? Обезьянке страшно! Почему ты не встаешь? Тебе больно?

* * *

— Mort Dieu! Вы же убили его, Гуаира!

Пожимаю плечами и принимаюсь отряхивать мокрые иголки, налипшие на рубаху. Шпага так и осталась в теле — дотрагиваться до теплого эфеса нет ни желания, ни сил.

В глазах шевалье — ужас, такой же, как у мертвого маркиза.

— Знаете, когда вы упали, я уже подумал было... Черт, дьявол! Где вы научились такому?

До каменной стены мавзолея — всего несколько шагов. Не понимая, зачем, подхожу ближе, прикасаюсь лбом к холодным влажным камням.

Ужас, таившийся где-то глубоко, под сердцем, проступает, заполняет душу.

Священник не должен убивать! Даже такой, как я.
Простишь ли, Господи?
Хотя бы за это?
Поднимаю взгляд. На сером камне — еле заметные буквы,
осыпавшиеся, полустертые.

L...I...B...E...N...T...I...S
M...E...R...I...T...A

Libentis merita — по заслугам жертвуя.
Это ли Твой ответ?

КОММЕНТАРИИ ГАРСПАСИО ДЕ ЛА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

D

Синьор дю Бартас, о котором с такой теплотой повествует автор, на самом деле безграмотный грубиян, ландскнехт, привыкший продавать свою шпагу кому угодно. Кстати, стихи, которые шевалье дю Бартас якобы цитирует, — полнейшая выдумка автора. Во всяком случае, мне ни разу слышать их не доводилось. Насколько мне известно, они вообще не французские, а написаны и изданы где-то в Полонии или Валахии.

E

История с дуэлью чрезвычайно показательна. Здесь автор сбрасывает привычную маску и предстает в истинном облике — холодного и расчетливого убийцы. Я почти уверен, что во время поединка отец Гуайра использовал не обычный, а отравленный шип, затем попросту подменив его. Не исключено, что и синьор Гримальди был убит подобным же подлым, обманным образом. Именно так и поступают иезуиты.

О его «раскаивании» и говорить смешно. На следующий день он допрашивал меня с особенным сладострастием. Его обезьянье лицо прямо-таки светилось довольством.

Глава VI

Об откровениях еретиков и мумий, пагубности любострастия, а также о безумном астрологе, возжелавшем не токмо предвидеть, но и исправить Грядущее

Монах-доминиканец: Не будь скаредным, сын мой! Ибо искупить грех — это значит купить.

Илочечонк: Купить? Но что?

Монах-доминиканец: Как что, деревенщина? Ясное дело, индугенцию! Гляди — вот подпись, а вот и печать. Убийство — двадцать золотых, прелюбодейние — пятнадцать, грабеж на большой дороге — пять.

Илочечонк: Отец мой! Неужели я стану таким образом безгрешен?

Монах-доминиканец: Вот темнота! Ясное дело, только денежки гони! Заплатишь — и гуляй себе, аки ангел!

Илочечонк: Странно... Но раз так, вот тебе пять золотых.

Монах-доминиканец: Молодец! А вот тебе индугенция по всей форме с подписью и... Ай! Ты что делаешь?

Илочечонк: Забираю твое золото, поп! Ведь мы с тобой оба на большой дороге!

Действо об Илочечонке, явление шестое.

1

«...Письма же из Амстердама и иных городов Соединенных Провинций, а также из Стокгольма и Виттенберга получал я через негоцианта Джакомо Беллини. Онный же негоциант, как мне достоверно ведомо, будучи по торговым делам в Королевстве Шведском, прельстился Лютеровой ересью и публично отрекся от Святой Католической Церкви. И это может подтвердить брат его, Луиджи, при сем пребывавший. А в доме означенного Джакомо Беллини, что расположен у ворот Святого Себастьяна, хоть и наличествуют Иконы и Распятие, однако же перед ними лампад не возжигают, молитв не творят, но возводят хулу и чинят насмешки, яко же над идолами...»

- ✓ Писец в черном балахоне склонился над бумагой так низко, словно писал не пером, а носом. Маленькие очки с толстыми стеклышками азартно поблескивали в свете лампы. Я заглянул через плечо и оценил стиль.

— Продолжайте, сьер Гарсиласио!

— Я... Я уже все. Вы обещали!..

— Разве? Боюсь, вы сейчас не в том положении, чтобы ставить условия. Итак, с письмами ясно. А кто был посредником в ваших переговорах с типографом?

* * *

Ипполит Марселино, первым применивший Великую Вегилию, считал, что для раскаяния душегуба и вора достаточно двух бессонных ночей. Еретик начинал видеть Ад после трех. А вот еретик злокозненный, чье тело укрепляет сам Нечистый, уже завладевший проклятой душой, сдается только на пятые сутки — или сходит с ума.

Нечистый не решился заглянуть под низкие своды Санта Мария sopra Минерва. Сьер Гарсиласио де ла Риверо, римский доктор и враг Церкви, начал каяться после третьей ночи.

— Итак, вашим посредником в переговорах с типографом...

— Манасия бен-Иаков! Он! Этот иудей! Он, меняла из Венеции, часто бывает в Риме у своего тестя Аарона бен-Иммера... Это все? Вы же мне обещали! Я не могу! Не могу!

Будильников было уже двое — оба крепкие, плечистые, безмолвные, словно големы. Тут же стояло ведро мутной тибрской воды. Короткие темные волосы парня слиплись, вода текла по лицу, падала на стол.

— Что вы еще можете сказать об этом иудее?

— Он... Он хулит Христа! Он говорит, что Мессия — это не Иисус, а какой-то иудей из Турции по имени... по имени...

Будильники начеку — глаза парня вновь раскрылись. В них было безумие — и странный нездешний отблеск.

Отблеск адского пламени.

— Шабтай Цеви. Его зовут Шабтай Цеви! У сьера Манасии есть книга, там об этом написано...

Иудей Манасия бен-Иаков, верящий в Мессию из Турции, был уже седьмым, кого вспомнил сьер Гарсиласио. Пробелы в следственном деле быстро заполнялись. Но что-то меня смуща-

ло. Парень видел Ад, но даже сейчас пытался юлить, говорить о мелочах. Будь я просто следователем, желающим вывести на процесс Трибунала лишний десяток врагов Церкви, Вегилия продолжалась бы и дальше. Но мне требовалось иное.

— Теперь о вашем старшем брате, сьер Гарсиласио.

— Нет!

На миг безумие исчезло, глаза сверкнули огнем — живым огнем неубиенной ненависти.

— Мой брат... Мой старший брат никогда не разделял моих взглядов. Слышите! Слышишь, ты, проклятый палач? Он ничего не знал о моей книге, не был знаком...

— Отчего же? — Я забрал у писца знакомую толстую тетрадь, нашел нужную страницу. — Ваш брат всего на два года вас старше, вы вместе учились. Кроме того, вы показали на следствии, что были очень с ним дружны.

Сьер де Риверо прикрыл глаза — всего на миг, на малое мгновение, но мне уже все стало ясно. Он думает. Все еще может думать.

Уж не Сатана ли скрывается в темном углу сырого подземелья? Все-таки четвертые сутки!

— Мой брат... — Тонкие бесцветные губы сжались. — Мой старший брат Диего де ла Риверо — человек глубоко религиозный. Поэтому я не стал делиться с ним...

— Как же так? — усмехнулся я. — Вместе росли, вместе учились!

— Он... Он... Его воспитывал отец. Отец очень любит его, ведь Диего — старший, наследник...

Наши глаза на мгновение встретились, и мне стало не по себе. Мы оба с ним — младшие сыновья, оба выросли и учились в Риме, хотя родились далеко отсюда.

И кто ведает, если бы в Генеральный Коллегиум Общества отдали его, а не меня...

— Итак, вы утверждаете, что религиозные убеждения вашего брата Диего сформировались в семье прежде всего под влиянием отца?

— Да... Да. Да! Оставьте моего брата в покое! Оставьте!..

Мы переглянулись с писцом, и я заметил, как победно блес-

нули стеклышки очков в тонкой медной оправе. Все! Капкан захлопнулся — с грохотом, с лязгом, с брызгами крови.

Намертво!

Все эти дни его ни разу не спрашивали об отце. Он просто забыл. Точнее, у него уже не оставалось сил, чтобы думать обо всем сразу.

Я заглянул в протокол: «...религиозные же убеждения брата моего старшего, Диего, сформировались под влиянием отца нашего...»

Такое признание еще не означает, что Диего де ла Риверо — тайный иудей. Но теперь Толедо вправе требовать выдачи не только маррана Мигеля де ла Риверо, но и его старшего сына. А уж Супрема сама разберется, кто иудей, кто католик.

Разберется — или отправит обоих в Высшую Инстанцию, дабы именно там внесли окончательную ясность.

К Святому Петру — в дыме горящей мокрой соломы.

Это парень еще не понял. Поймет! И очень скоро.

— Хорошо, оставим это. Пять лет назад вы поехали в Краковский университет и проучились там два года. Почему? Разве Римский хуже?

Вздых облегчения, легкая, еле заметная улыбка на помертвевшем лице. Он победил! «Проклятый палач» стал спрашивать о какой-то ерунде.

— Я узнал... Там были хорошие профессора... Сьер, можно я посплю? Вы же обещали!

— Отвечайте, сьер Гарсиласио, отвечайте...

Ответ я уже знал — от одного из его приятелей. Сьер Гарсиласио ездил в Краков, дабы прослушать курс алхимии. Краков — единственное место в Европе, где алхимию преподавали с кафедр.

— Там... Там хорошо читали догматическое богословие. Я учился... слушал курс у профессора Иоганна Дельбрюка.

И вновь я не удержался от улыбки.

Молодец!

— Назовите всех профессоров, чьи курсы вы прослушали в Кракове. Быстро, не думая!

Список лежал у меня в кармане. Сьер Гарсиласио не оплошал и тут, перечислив всех, кроме профессора Германа Зим-

мельгаузена, который и читал курс алхимии. Профессору это не поможет — и не повредит, ибо в Кракове уже наведен порядок и герру Зиммельгаузену довелось бежать в Страсбург.

Но мне не нужен этот немец. Пусть себе превращает в золото кошачью мочу! Бедняга де Риверо понял, что в моем вопросе ловушка.

Понял — но все же попался.

— Итак, астрономию вам читал...

— Профессор Алессо Порчелли. Он монах. Иезуит.

— Правда? И как он выглядит?

Описание совпадало. Да, это он! Сьер Гарсиласио де ла Риверо, сам того не зная, вытащил счастливый билетик. Очень счастливый! Тот, на котором написано: «Жизнь».

Брата Алессо Порчелли, сгинувшего где-то в рутенийских степях, уже забыли в Италии. А тем, кто помнил, мы не могли верить. Зато в подземельях Санта Мария sopra Минерва оказались двое, встречавшиеся с ним не так давно. Первый знал его лучше, но после вельи я не мог взять его с собой.

— Значит, он был иезуитом?

— Да. — Его губы вновь скривились в усмешке. — И вдобавок — сумасшедший. Достойный сын вашего Общества!

Ого! Сьер еретик начал показывать зубы! Если бы у меня был кто-то другой, помнящий брата Алессо в лицо!..

— Он говорил, что раскрыл тайну Нострадамуса. Что будущее можно вычислить и даже изменить. Он рассказывал...

Веки сьера Гарсиласио вновь сомкнулись, но я поднял руку, останавливая бдительных Будильников. Хорошо вытащить счастливый билет! Хорошо не коптиться на мокрой соломе!

— Пусть спит. А завтра утром...

* * *

...Лучик света — тоненький, еле заметный, похожий на ткацкую нить.

Брат Паоло Полегини написал книгу о тараканах и клещах.

Брат Алессо Порчелли, сумасшедший астроном, хотел переплюнуть Нострадамуса.

Нить Ариадны? Или просто паутина в склепе?

— Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострю-полирую!
Борода точильщика вновь стала черной. Я уже не удивлялся. За два дня можно привыкнуть и не к такому.

— Ножи-заточки — друзья среди темной ночи! Навостри стального друга — ходи ночью без испуга!

Черная Борода сыплет прибаутками, Рыжая — просто попугай, повторяющий бесконечное «топоры-ножи-ножницы». А вот нож все тот же, с двумя медными заклепками. Что у Рыжей Бороды, что у Черной.

— Синьор! Синьор!

Заглядевшись на балагура-точильщика, я даже не заметил чумазое существо, вцепившееся мне в рукав.

— Два байокко, синьор! Два байокко за письмо прекрасной синьоры!

Над чумазой мордочкой — драный женский капор, на ногах — огромные деревянные башмаки.

— А ты не ошибся, малец? — поинтересовался я, доставая мелочь.

— Гы!

Ну, если «гы!»...

Получив медяки, мальчишка сунул мне в руку тугой свернутый листок, перевязанный розовой ленточкой, и резво повернулся, желая удрать. Но не тут-то было.

— И что это за синьора?

— Ой-ой-ой!

Это он, положим, зря. Его ухо я даже не сдвинул — просто слегка прижал двумя пальцами.

— Почему мне знать, синьор? Ой! Пустите, дяденька, пустите! Да вон она, где карета!

Я оглянулся — и потерял бдительность. Мальчонка с радостным визгом пустился наутек, умудряясь каким-то чудом не потерять свои деревянные опорки. Мне оставалось поглядеть в указанном направлении...

...И увидеть карету — большую, с золоченым гербом над дверцей. Карета заворачивала за угол, а рядом с нею...

Может, просто показалось? Такие мантильи сейчас в моде, и белое платье не редкость. И даже маска.

Листок показался мне неожиданно тяжелым. Ленточка пахла духами.

Дверь, за которой проживал шевалье, оказалась, как и обычно, гостеприимно распахнутой. Я прислушался. Впрочем, слух можно было и не напрягать.

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек:
О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?

Стучаться я не стал. Мы с дю Бартасом вполне обходились без лишних церемоний.

— Друг мой! — радостно возопил шевалье, прервав свою бесконечную сагу о доблестном принце. — Сколь рад я вас видеть в этой обители скуки!

Я осмотрелся. Если достойный пикардиец и скучал, то в хорошей компании. Два кувшина на столе уже пусты. Третий — тоже пуст, но пока наполовину.

— Налейте себе, дорогой де Гуаира, ибо поистине пытка — пить одному столь доброе вино. *Vieux diable!* Почему этот прохвост, этот каналья хозяин не присылал мне такого раньше?

В кувшине оказалось неплохое «Латино». Со вчерашнего дня шевалье пользовался неограниченным кредитом в нашем скромном заведении. Об этом он пока не догадывался. И не надо!

— Однако же, друг мой, у вас озабоченный вид!

— Получил письмо, — улыбнулся я, демонстрируя странное послание. — С ленточкой. Кажется, от дамы.

Шевалье принялся, привстал.

— Ба! Пахнет духами! Мой друг, кажется, вами действительно заинтересовалась дама! Гризетки просто посылают сводню.

Я не был столь опытен в этом вопросе, а посему промолчал.

— Однажды, дорогой де Гуаира, мне тоже прислали письмо. Там оказался ключ...

Ключ? Не удержавшись, я вновь достал послание из кармана плаща и взвесил на ладони. Так-так!

— ...Пришел я туда в полночь, и что же вы думали? *Mort Dieu!* Там оказалась не одна, а две... Нет, три! Три дамы! Что там было! Ух! Скорее читайте, вам, кажется, повезло!

Я воспользовался приглашением и развязал ленточку. Первое, что я увидел, был ключ. Красивый, ажурный, аккуратно перехваченный желтыми шелковыми нитками. Предусмотрительно! Почерк мелкий, красивый...

«Сегодня, как только стимнеет, приходите к дому Дзаконне, что на улице Менял возле Рыбного рынка. Дверь со староны сада, калитка будет открыта.

Темные стены скрывают страсть.

Та, что надеется на вашу скромность и благородство».

Перечитав, я спрятал письмо и задумался. «Темные стены скрывают страсть». А также безграмотность. «Стимнеет», да еще со «староны»!

Впрочем, комедианты не отличаются любовью к орфографии.

Тем более комедиантки.

Комедиантки в белом платье под темной мантилей.

* * *

— Итак, друг мой, это любовь, — уверенно констатировал дю Бартас. — Parbleu! Как я вам завидую! За это надо немедленно выпить!

Отказываться не имело смысла. После сырого подземелья я до сих пор не мог согреться.

Вдохновленный очередным кубком, славный шевалье принялся рассказывать о какой-то графине, которая в угаре страсти подстерегала беднягу пикардийца за каждым углом. Я невольно позавидовал простой душе дю Бартаса. Маркиза Мисирилли хоронят завтра. Сегодня утром в храме Святой Инессы отпевали синьора Гримальди. Его отвезут в Пизу, откуда несчастный родом.

Шевалье уже все забыл.

Напрасно!

— Но только ничего не обещайте ей, мой дорогой друг! Эти тигрицы так и норовят сожрать нас с башмаками! Вот... Он об этом написал, слушайте!

В его руках оказался знакомый затрепанный томик. Я вздохнул. Сонеты, перемежаемые песней про марсельский вояж Бурбона, сыпались из дю Бартаса, словно сор из мешка.

— Вот... «Прости, что я так холоден с тобой...». А, это вы уже знаете! Тогда это...

Последний кубок оказался явно лишним. Томик выпал из рук, шевалье с трудом поднял его, расправил страницу.

Меня любить — ведь это сущий ад:
Принять мои ошибки и сомненья
И от самой себя не знать спасенья,
Испив моих противоречий яд...
Далекая моя, кинь трезвый взгляд!..

Последняя строчка прозвучала пророчеством. Книга вновь скользнула на пол, шевалье недоуменно моргнул, махнул ладонью:

— Вот я и говорю... Трезвый... взгляд...

Достойный пикардиец оказался прав и на этот раз. Трезвый взгляд нам обоим не помешает. Ему — как проспится, а мне сейчас — пока еще не стемнело.

* * *

Как назло, вечер оказался совершенно свободен. Все, что я мог прочитать в Среднем Крыле, уже прочитано, сьер Гарсила-сио видит приятные сны, славный дю Бартас составляет ему компанию...

Письмо лежало на столе. Я не стал отдирать ключ от бумаги. In согрога все это смотрелось лучше.

Прекрасная синьора желает заполнить на ночь попа.

Комедия, да и только!

Поп прячется в сундуке, Арлекин с мушкетом рыщет по комнате, а Коломбина...

Стоп!

Почему я подумал о Франческе?

Я — не великий знаток душ, тем более женских, однако театр учит многому. «Темные стены скрывают страсть». Что за чушь! Разве она могла написать такое? -

Я прочитал письмо несколько раз — ее голосом. Не получалось. Никак! Да и не стала бы Коломбина писать писем!

Но ведь я ее почти не знаю! И, кроме того, в Риме больше некому слать мне письма, написанные аккуратным женским почерком да еще с грамматическими ошибками. После той, утренней встречи мы так и не виделись. Правда, коридорный говорил, что какая-то девушка заходила, спрашивала обо мне...

Ключ притягивал — красивая ажурная загадка. Меня еще ни разу не приглашали на ночные свидания. Об этом приходилось лишь читать — тайком, прячась от наставников. Плащ — на глаза, скрип ступеней, жаркие объятия на кровати с тяжелым пыльным балдахином...

Нет, не зря я не хотел принимать сан! Развратный поп — не просто смешно.

Противно!

Но с другой стороны...

Ох, уж эта другая сторона! Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься.

И вразумить меня некому: тихим словом, а еще лучше — кулаком по шее.

Совість, как известно, самый лучший друг. С ней всегда можно помириться. В конце концов, в прогулке по вечернему городу нет греха, а если ноги случайно, совсем случайно, занесут меня к Рыбному рынку...

Я протянул руку к письму — и тут же услышал стук в дверь.

Кажется, меня все-таки вразумили.

3

— Поправьте воротник!

Голос служки звучал так, словно мне предлагалось положить голову на плаху. Я неуверенно поднес пальцы к гладкому атласному сукну, покосился на зеркало.

— Так годится?

Обреченный вздох был ответом. Служка покачал головой и взялся за дело сам. Я почувствовал, как мне сдавливают горло.

— Его Высокопреосвященство не терпит неопрятности!

Огрызнуться я не мог — воротник впился в кожу, мешая дышать. Служка между тем схватил платяную щетку и занялся сутаной.

— Вот так лучше!

Лучше? Я вновь взглянул в зеркало — мутное, с пузырьками воздуха под потускневшей от времени амальгамой.

И увидел попа.

Гнусного попа в фиолетовой сутане с белым отложным воротником, так и просящегося на протестантский плакат «Бей папистов!». То, что сутана, новая, но с чужого плеча, была маловата, еще более портило настроение.

Илочечонк, сын ягуара, недолюбливал священников. Лучше бы ему не смотреться в зеркало!

— Налево и вперед!

В голосе служки слышался железный лязг. Я еле удержался, чтобы не опустить руки по швам.

— И учтите: у Его Высокопреосвященства утром был приступ подагры.

Я так и не понял, хорошо это или плохо.

Вместо Франчески я пошел к Франческо.

Вместо темного алькова меня ждала мрачная пещера, в которой злым духом Анамембуре таился тот, с которым менее всего хотелось встречаться. И действительно, что за радость видеться с непогрешенным покойником?

Покойником, который пытался пережить живых.

Темный коридор, огромная дверь с давно не чищенной медной ручкой, оскаленная пасть химеры, готовая вцепиться в пальцы...

Там, за дверью, притаился мертвец — мертвец, не желающий умирать. Франческо Инголи, Его Высокопреосвященство кардинал Курии и глава Пропagанды.

Видит Бог, этой встрече я бы предпочел еще одну дуэль, но приглашение, мною полученное, было не из тех, от которых отказываются. Старик слишком известен, слишком знаменит.

О чем мы с ним будем говорить? О деле? Но все, что требуется, я уже согласовал — и с Генералом, и с мессером Бандино, протектором Республики.

Долгий противный скрип. Ручка двери обожгла руку.

— Заходите...

В его покоях было темно. Две свечи, розовые, с золотыми ободочками, стыдливо роняли свет на сидевшую в кресле мумию.

Свечи явно выпадали из стиля.

— Ближе! Не стойте в дверях!

Я ожидал увидеть коршуна, на худой конец ворона, но из полутьмы на меня смотрела жаба. Старая жаба с обвислыми складками мертвенно-бледной кожи на том, что у людей имевалось лицом.

Худая перепончатая лапа медленно дернулась, приподнялась, застыла. На жабьем пальце странно смотрелся перстень с огромным красным камнем.

Его Высокопреосвященство изволил допустить гостя к руке.

✓ Говорят, он никогда не был молодым. Во всяком случае, уже полвека назад Его Высокопреосвященство казался старым.

Он был стариком, когда сжигали Ноланца.

Его дряхлая трясушаяся рука подписывала приговор Галилею.

Старый мракобес был среди тех, кто требовал закрытия университетов и запрета типографий.

И если бы только это!

— Повернитесь, пожалуйста, к свету! Левее, левее!

Кажется, он тоже собирался поправлять мне воротник.

Я ждал, стараясь не встретиться с ним взглядом. Опасно смотреть в мертвые, давно погасшие глаза, в которых нет ничего, кроме глухой бездонной пустоты.

— Вы слишком молоды, сын мой! Слишком! Молодость — это порок! Опасный порок, сын мой! Боюсь, вы не поймете...

Спорить я не стал. В этом смысле мессер Франческо Инголи был беспорочен.

Старая дряхлая жаба с Мертвой Рукой.

— Я призвал вас, сын мой, дабы лично взглянуть, насколько вы достойны порученной вам миссии. Это опасная миссия, но я хочу поговорить с вами о другом. Мне скоро умирать, сын мой, и я тревожусь! Очень тревожусь!

О Мертвой Руке я прочитал в старой книге по истории права. Давний германский обычай — Обычай Мертвой Руки. Все, к чему прикасался покойный, не имеющий родичей, отходит к синьору.

Рука Его Высокопреосвященства была поистине Мертвой. Но ее прикосновение было опаснее. Все, к чему он прикасался, обращалось в прах.

— Я слышан о вас, сын мой! О вас и о том, что вы делали в Кастильских Индиях...

Мне бы удивиться. Пропаганда — Конгрегация Распространения Веры — занимается не Западом, а Востоком. Что за печаль Его Высокопреосвященству? Но я не удивился.

Он был против Гуаиры еще сорок лет назад, когда мы только-только договорились с Эрнандо Арисаса де Сааведра, наместником Его Католического Величества. И с тех пор не забывал тех, кто служил на болотистых берегах Парагвая. Старая жаба не любила воды, а посему ограничивалась письмами. И вот теперь выпал случай — подискутировать.

Я поймал его взгляд и еле удержался от усмешки. Его бы воля, диспут проходил бы аккуратно в подвалах Святой Минервы.

— Да, слышан — и давно хотел поговорить. На вас, на-

сколько мне ведомо, возлагаются определенные надежды. Вам и таким, как вы, предстоит возглавить Церковь. И я очень опасаясь этого...

Я по-прежнему смотрел в сторону. Его Высокопреосвященству виднее. Ему всегда было виднее. И когда он был протектором Японии, и когда курировал Богемию, и теперь, оказавшись по странному недосмотру покойного Папы Урбана во главе Пропанды.

Японию мы потеряли. Уцелевшие христиане вынуждены топтать иконы в храмах Синто.

В Богемии, которой тоже коснулась Мертвая Рука, запылал пожар Тридцатилетней войны, уничтоживший католицизм в сердце Европы.

А по берегам Днепра уже третий год черными теньями мчатся татарские всадники в мохнатых шапках, призванные одними христианами против других.

Мертвая Рука никогда не ошибается!

— Мне ведомы ваши взгляды, сын мой! Ведомы! Ваши опасные, поистине еретические взгляды! Вы лично не виновны в этом, но то, чему вы служили, чрезвычайно опасно. Неужели вы не понимаете? Неужели вы не видите, куда идете?

Старая жаба сердилась, складки кожи подергивались, но я уже успокоился. Его время все-таки прошло. Для того и основано Общество — исцелять раны, нанесенные Церкви такими, как он.

— Мы оставляем вам самое ценное, что есть на свете, — нашу Святую Католическую Церковь. И я трепещу, представляя, что вы сотворите с нею! Вы скажете, что служите Церкви, но это ошибка! Вы служите страшной химере! Вы что, думаете перестроить мир по выдумкам вашего Мора? По замыслам проклятого еретика Колокольца? Неужели вам не ясно, что Церковь живет благодаря нерушимости общества!

Ах, вот оно в чем дело! Мессер Инголи собрался наставить дите неразумное, в пучине ереси пребывающее. Он уже несколько раз писал в Тринидад. Отец Мигель, читая послания Его Высокопреосвященства, только пожимал плечами, но от комментариев воздерживался.

Из уважения к сану.

✓

— Стоит тронуть один камень в основании, и рухнет все! На что вы покусились? На социальный порядок? Вы думаете, что ваш Город Солнца — предтеча будущего?

Глухо стукнуло дерево. Жабья лапа нащупала клюку, худое тело в красной мантии дернулось, пытаясь приподняться.

— Вы двадцать лет служили в Гуаире. Неужели вы не поняли, что там затевается? Из-за вас, из-за таких, как вы, Церковь поссорилась с Королевством Испанским, любимым чадом и надеждой нашей. Но даже не это главное. То, что вы готовите для мира, страшно, поистине чудовишно! Разрушение всех основ, ниспровержение всего святого! Вы хуже бунтовщиков! Сын мой, одумайтесь!

* * *

И в этот миг я ощутил себя Мартином Лютером. Не Виттенбергским Папой, cedящим сквозь зубы хулу на Рим, а молодым горячим проповедником, еще верящим в свою великую миссию — спасти Церковь, не дать ей оступиться, обрушиться в пропасть.

Странно! Игнатий Лойола и Ересиарх — почти ровесники. Святой Игнатий трижды попадал в застенки Супремы, прежде чем его услышали.

Лютера тоже не услышали, но виттенбержец не стал ждать.

Темная комната исчезла, рассеялся сумрак, сменившийся яркими разноцветными лучами. Огромный собор, цветные стекла витражей, золото риз...

— Брат Адам! Согласен ли ты отречься от взглядов, кои Церковь признает ошибочными и еретическими?

И я бы ответил...

* * *

— Я не убедил вас, сын мой?

Собор исчез, исчезли золотые ризы, сгинул льющийся из окон свет. Темная комната, жалкий старик, сгорбившийся в кресле, трясущаяся высохшая рука, сжимающая четки.

— Не убедили, Ваше Высокопреосвященство.

— Да, я знаю. Меня не слушают. Меня не хотят понять...

В его голосе слышалась безнадежность. Внезапно мне стало его жаль. Но я одернул себя. Жалеть надо других, а не эту мушью. Это сейчас она безопасна.

— Вы считаете, что будущее за наукой, за этим вашим, прости Господи, просвещением. Но ведь наука без веры опасна, она становится бездуховной, поистине сатанинской! Сейчас нас, стариков, кланут за то, что мы запрещали Коперника. Бо-

юсь, нас поймут слишком поздно. Знания — самое опасное оружие! А вы даже индейцев грамоте учите! Ведь учите?

Перед встречей меня убедительно просили не спорить со стариком. Но что поделаться?

— Учим. Пока только чтению, письму и счету.

— Но почему?!

Меня просили не спорить. Очень просили...

— Потому, что они люди. Господь сотворил людей равными.

— Нет! — Жабья лапка взметнулась вверх. — Это ересь! Ересь проклятого испанца Марианны, посмеявшегося писать о каких-то там «правах человека»! Ересь Колокольца, который хотел все у всех отнять и загнать людей в казармы!

...А также основал Конгрегацию, которой ныне и руководит Его Высокопреосвященство. Напомнить?..

— Вы считаете, что наше общество несправедливо, а что предлагаете взамен? Лишить достойных людей собственности? Ввести всеобщее рабство? И это, по-вашему, Град Божий?

Это я уже слышал. И не раз. Такие, как мессер Инголи, до сих пор считают, что мы живем во времена Меровингов. А господа протестанты уже возводят свой Град — страшный Град Золотого Тельца, где овцы едят людей, а люди становятся хуже волков.

На берегах Парагвая мы не спорим. Мы делаем дело. Мы строим Новый Мир. Тот, о котором мечтали Платон и Фома Мор. Тот, который возвел в своем «Городе Солнца» Фома Колоколец. И сейчас я, скромный сын Грядущего, смотрел в глаза Прошлому. В пустые блеклые глаза, подернутые красной паутинкой.

— Вы читали стихи Лютера, сын мой?

Я невольно вздрогнул. Выходит, он тоже подумал о Ереси-архе?

— Читал, Ваше...

— Тогда вы должны помнить. «Пусть дьяволы заполняют цвет, оскалив мерзостные пасти...».

— «...В сердцах у нас сомнений нет — мы завоюем людям счастье!» — не без удовольствия закончил я.

Мы с мессером Инголи читаем Лютера! Дивны дела твои, Господи!

— «Сомнений нет» — вот что страшно. Страшно, когда у таких, как вы, нет сомнений...

Я вовремя вспомнил, что передо мною — дряхлый старик. Разве эта жаба сомневалась, когда судили Галилея? Его воля — и на Сатро di Fiori запылал бы еще один костер.

— Ладно, сын мой! Я, кажется, на вас накричал...

И вновь я с трудом удержался от усмешки. Интересно, перед Галилеем он тоже извинялся?

— Тяжело видеть лучших сынов Общества Иисуса, озабоченных новыми кандалами для человечества. Как будто старых мало! Испанцы жалуются, что вы принимаете у себя беглых рабов. Знаете, я не завидую этим рабам...

Взгляд потух, рука с четками бессильно опустилась на темный подлокотник. Его Высокопреосвященство изволил выговориться. Для того, похоже, и позвали.

— Надеюсь, вы найдете братьев Алессо и Паоло. Мой вам совет — держитесь подальше от этих безумцев. Если Господь прибрал их к себе — уничтожьте все, над чем они трудились. Это не Божья работа.

Мне бы вновь удивиться. Даже обидеться за неведомых мне братьев. Но я не удивился и не обиделся.

Я испугался.

Испугался — потому что поверил этой старой жабе.

Почти поверил...

— Подойдите к свету, сын мой, я же вас просил...

Голос, и без того немелодичный, не прозвучал — проскрипел. Я шагнул влево, к ближайшей свече. Что он думает разглядеть? Складки на сутане?

— Вы молоды! Вы слишком молоды, сын мой!.. Говорят, вы играете на гитаре?

— Что?! Простите, Ваше Высокопреосвященство, я, кажется...

В этот вечер мне все-таки довелось удивиться.

— Гитаре! — В скрипе мне почудилось раздражение и странная неуверенность. — Я слышал, вы играете...

— Да, — не выдержал я. — И, говорят, прилично. Надеюсь, хоть это не грех?

Сказал — и испугался. Жабья кожа вздулась, пошла волнами, холодным бешенством сверкнули пустые глаза.

— Вы!.. Мальчишка! Еретик! Я запрещаю вам! Запрещаю! Клирик не должен играть на гитаре! Вы слышите? Я приказываю!

ваю вам не брать с собой гитару! Приказываю! Вы обязаны повиноваться!..

Дернулся, булькнул, замолчал.

Складки вялой кожи в последний раз вздрогнули...

* * *

— Вам лучше уйти, отец Адам. Сейчас позовем лекаря...

Взгляд служки был полон укоризны, но я не ощущал за собой вины. Меня кликнули, чтобы отчитать и обругать.

Отчитали. Обругали.

И все остались довольны. В том числе и я. Можно повернуться, уйти и забыть...

...если бы не маленькое «но». Совсем крохотное — как аргас, которого описал в своей книге брат Паоло Полегини.

«Не Божья работа».

Не Божья...

Тогда чья?

4

Ближе к ночи редкие лужи покрылись льдом. Каждый раз, когда под подошвой хрустело, я невольно вздрагивал. Отвык! На берегах Парагвая льда не встретишь, и я напрасно пытался объяснить своим ученикам, что вода может превратиться в камень.

Не смеялись — но и не верили.

Тучи, уже успевшие надоест за эти дни, наконец-то разошлись, открывая россыпь бледных, еле заметных звезд. Хотелось остановиться, завернуться в плащ и долго разглядывать знакомые созвездия. Да только где они, знакомые? Здесь, в самой середине апеннинского сапога, не увидишь Южный Крест...

* * *

Свою последнюю гитару я купил в Асунсьоне.

Старый небритый пейдаро — бродячий певец, которых встретишь там на каждом углу, — торопил, нетерпеливо поглядывая на отворенную дверь таверны.

«Какой звук, синьор! Послушайте, какой звук!»

✓ Он попытался сыграть сегидилью, но похмельные пальцы не слушались, тряслись.

Таких, как он, мы не пускали в наши миссии. Слишком часто под плащом певца скрывался лазутчик — или торговец тростниковым пультке.

Сегидилья не сыгралась, но гитару я все-таки купил. Мы заглянули в таверну, глотнули по глотку обжигающего мескаля, и пейдаро, расчувствовавшись, вновь взял гитару в руки. На этот раз пальцы уже не дрожали.

У старика оказался сильный голос. Он запел милонгу — простенький романс, который часто услышишь здесь. Обычный романс: море, чайки, пустые причалы, девушка ждет моряка. Моряк не вернется, им не встретиться. И пусть их души обвенчает облако Южный Крест.

Я начал снисходительно объяснять старику, что Южный Крест — не облако, а яркое созвездие, видимое только в южном полушарии. Пейдаро не хотел слушать, сердился, глиняная кружка дрожала в пальцах...

Я не выдержал — и взглянул на небо. Небо моего далекого детства с наивными Медведицами и холодным алмазом Полярной Звезды.

Пусть нас с тобой обвенчает
Облако Южный Крест...

Илочечонк, сын ягуара, всегда находил путь по звездам. Но эти звезды были чужими.

5

Сначала ударили вполсилы, неуверенно, а затем, освоившись, загремели-заколотили от души.

Странно, что дверь все-таки выдержала.

— Войдите!

Я накинул камзол и отставил в сторону тыквочку с мате. Ничего себе денек начинается!

— Стало быть, сьер Гуаира?

Кажется, я уже их видел — этих мордатых сбиров. Те же кирасы, шлемы, усищи. А может, им и положено быть такими — одинаковыми.

Служба такая!

— Собирайтесь-ка. Да поживее! И бумаги возьмите, ежели имеются.

В глазах — служебный долг, на сытых мордах — тоже служебный долг.

— Поживее, вам говорят!

* * *

Я ждал, что меня отведут к Форуму, где высится трехэтажный особняк городского подесты, но служивые завернули явно не туда. Когда за очередной улицей показались забитые утрен-

ней толпой ряды Рыбного рынка, я почуял неладное. Даже попытался спросить.

— Не положено!

Да, не положено. Но кое-что я уже начал понимать.

«Сегодня, как только стемнеет, приходите к дому Дзаконне, что на улице Менял возле Рыбного рынка...»

Улица Менял оказалась неожиданно просторной, напоминающей небольшую площадь, расплескавшуюся по стертым булыжникам. Здесь тоже былолюдно, но десяток сбиров, растянувшийся цепочкой возле большого серого дома со скатной черепичной крышей, я заметил сразу.

«...Дверь со староны сада, калитка будет открыта...»

Вот и сад, вот и дверь. Открытая.

— Сьер Адам Гуaira?

Серый плащ, серый берет, глаза тоже серые. О роде занятий можно не спрашивать.

— Сержио Катанья, помощник городского подесты. У вас есть бумаги, удостоверяющие?..

Бумаги есть, как не быть? Правда, показывать их я могу только в крайнем случае.

— Могу я узнать, что стало поводом?..

— Можете. Убили женщину.

Кажется, это и есть он — крайний случай.

— Прошу...

Серые глаза заскользили по строчкам, остановились на печати. Веки удивленно дрогнули.

— Простите... монсеньор. Если бы я знал!.. Но обстоятельства...

* * *

С обстоятельствами довелось ознакомиться тут же. Все было, как я и представлял: темный коридор, лестница, огромная спальня с безразмерной кроватью. Балдахин тоже имелся — пыльный, нависающий словно скала.

Знакомое белое платье валялось на полу. Мантилья свесилась со стула.

...На то, что лежало на кровати, смотреть не было сил...

— Извольте видеть, монсеньор. Горло перерезано острым предметом, вдоль грудной клетки и живота — глубокий продольный разрез, глаза отсутствуют, что затрудняет опознание...

— Не надо... Я вижу.

Труп — страшный труп с неузнаваемым, залитым кровью лицом, бесстыдно раскинувший голые ноги на розовом покрывале, меня не интересовал. Той, что позвала меня на ночное свидание, уже не было. «Глаза отсутствуют!» Banditto выкалывают глаза, веря, что в зрачках остается предсмертный отпечаток — лик убийцы. Итак, с трупом — полная ясность, а вот «острый предмет»...

«Острый предмет» оказался тут же. Очень знакомый «предмет»! Широкое лезвие, приметная рукоятка — костяная, с углублениями для пальцев и двумя большими медными заклепками...

«Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострю-полирую!»

А я еще удивлялся, куда исчез точильщик!

— При внешнем осмотре вагины обнаружены признаки неоднократного насилия, о чем свидетельствуют также синяки и ссадины...

...Насиловали тут же — на розовом покрывале. Затем в дело пошел нож...

Ножи-заточки, друзья среди темной ночи!

— Почему вы обратились ко мне?

— Нашли ваш адрес. И еще — вот...

«Вот» — обрывок бумаги, несколько строчек, наскоро набросанных уверенным мужским почерком. «Сегодня, как только стемнеет...» «Стемнеет...» Тот, кто писал, не делал ошибок.

— Сьер Катанья, кому принадлежит этот дом?

— Дом? Раньше он принадлежал мессеру Дзаконне, но потом его продали. Мы еще не выясняли кому, но, кажется, семье Монтечело...

* * *

Глоток дрянной виноградной водки пожаром прокатился по телу, но голова оставалась ясной.

«Но если так... Если вы такой... Я вас могу благословить?.. Идите! Идите же, не смотрите на меня!..»

Ее маска пахла духами и клеем. Чем еще может пахнуть маска актрисы?

...Пить пришлось одному — доблестный шевалье дю Бартас не смог составить мне компанию. И причина была более чем уважительной, ибо к нему тоже заглянули гости. Точнее, не к нему — за ним.

Я уже был у городского подесты. Синьор Огюстен дю Бартас, французский дворянин, пребывающий в городе Риме по личным делам, был арестован, как участник поединка, завершившегося смертью достойных дворян синьора Гримальди и маркиза Мисирилли. При аресте упомянутый синьор дю Бартас оказал сопротивление представителям закона...

...что меня совсем не удивило. Бедняга шевалье напрасно не послушался моего совета. Интересно, разрешат ли ему в камере петь про принца Бурбона?

Итак, пить пришлось одному.

Все, что можно, сделано. Сыщики уже ищут веселых «точильщиков», а серый синьор Катанья направился напрямик в особняк семейства Монтечело. Но я понимал — бесполезно. Дом на улице Менял давно пустует, а рыжая борода — не примета. Равно как и черная.

Разве что почерк. Тот, кто это затеял, спешил, оставив черновик письма на столе. Но едва ли это был сам слезливый синьор Монтечело. В Риме много затейников, готовых повернуть подобное дельце...

Я взялся за ручку кувшина, поморщился, но все-таки налил еще.

«Мне не нужна помощь. Я думала, что помощь нужна вам, Адам... Вы оказались таким, как и все прочие, да к тому же еще попом!..»

Да, помощь ей уже не нужна. А я действительно поп, и мне придется здорово ругаться с настоятелем ближайшего храма, чтобы тот позволил отслужить панихиду по рабе Божьей Франческе. Актрис не отпевают, не хоронят в освященной земле.

И не так уже важно, золото или страх заставили ее написать это дурацкое письмо. «Похотливый священник» — прекрасная тема для пьесы. Пьесы, которая пошла явно не так. Впрочем, Комедия дель Арте славна именно импровизацией. Похотливого попа не удалось зарезать, зато можно обвинить в убийстве.

Она умирала долго — и страшно. А я в эти минуты стоял столбом у кресла, в котором восседала старая жаба. Кто бы мог

подумать? Его Преосвященство, сам того не желая, спас мне жизнь! Не захоти он прошлым вечером отрубить от души зазнавшегося молокососа-еретика...

Рука с кубком дрогнула, огненное пойло разлилось по столу, потекло по подбородку. Сам того не желая? Или?..

Нет, о таком не стоит! Лучше выпить еще. Подождать, пока стихнут шаги в коридоре, найти тряпку, чтобы вытереть лицо...

* * *

— Добрый вечер...

Сначала я чертыхнулся, но этого оказалось мало, а посему я помянул злого духа Анамембуре вкупе с чадами его, стукнул по столу ничем не повинным кубком и только после этого обернулся.

Злокозненный еретик Гарсиласио де ла Риверо, римский доктор и поклонник Джордано Ноланца, появился явно не вовремя.

— Какого беса вам от меня надо?

На его красивом лице я заметил знакомый испуг, но выглядел съер еретик не в пример лучше прежнего.

Выспался!

— Меня выпустили... Меня почему-то выпустили, съер. Дали ваш адрес. И я подумал...

— Что вы подумали? — гаркнул я так, что парень отшатнулся.

Кричал я напрасно. Все так и задумано. Все идет правильно...

Три степени повиновения: телом, разумом, сердцем. И только повинаясь сердцем, ты становишься покорен по-настоящему.

Как воск, как топор дровосека.

Как труп.

Так учит Святой Игнатий. На этом и стоит Общество.

Там, в сыром подвале, его тело было в моей полной власти. Но этого мало. Я мог бы пригрозить синьору Гарсиласио костром, на который попадут его семья, друзья, он сам. Он стал бы покорен — разумом, спасая себя и других.

Но этого тоже мало.

И тогда я заставил его увидеть Ад.

Заставил и получил его сердце — и его душу. Сердце, скованное страхом. Душу, ненавидящую меня.

— Сядьте. Там, на табурете, — кубок. Выпьем.

— Я... — Такого он явно не ожидал. — Я не...

— Пейте!

Он глотнул, поперхнулся, в глазах — все тот же испуг. Наверно, парень решил, что пытка продолжается. На этот раз — виноградной водкой.

— Мне сказали, что мой брат... И те, кого я назвал...

А что он, интересно, думал? Впрочем, им повезло. Домашний арест — еще не самое страшное.

— И поэтому вы пришли ко мне?

— Да. Ведь я вам нужен, правда?

Он прав — мне нужны его глаза. Но сейчас у меня просто нет сил продолжать разговор. Глаза... «Глаза отсутствуют»... Господи, помилуй!

— Я сразу... Сразу это понял. Есть легенда, что к узникам инквизиции приходит Некто. Приходит, когда им уже нечего терять. И тогда он предлагает обмен...

«Некто»? Кажется, этот мальчишка слишком высокого мнения обо мне!

— Я что, похож на Сатану?

— Но вы же сами назвались Черным Херувимом!

Но некий Черный Херувим вступился,

Сказав: «Не тронь, я им давно владел...»

Да, все верно. Этот мальчишка неглуп. Но...

— Вы пришли очень не вовремя, сэр еретик!

Он удивленно моргнул. Взгляд скользнул по залитому водкой столу.

— Что-то празднуете?

— Поминаю.

В его глазах мелькнуло что-то странное. Сочувствие? Едва ли, с чего это ему мне сочувствовать?

— Извините. Не знал...

— Ладно! Выпьем...

Я поднес руку к кувшину — и услышал шаги.

Легкие, далекие, где-то в самом конце коридора.

Покрытая пестрой поливой глина обожгла руку. Тот, кто шел... Вернее, та, что шла...

У меня хороший слух. Очень хороший, недаром мессер Аугусто, наш регент в коллегииуме, советовал мне всерьез подумать о музыкальной стезе.

Та, что шла по коридору...

Я ошибся! Наверняка ошибся, спутал, случайно вспомнив...
Стук — на этот раз в дверь.

Тук... Тук... Тук...

— Синьор де Гуаира! Вы дома?

Стучался ли Командор, заглянув на огонек к Дон Хуану?

* * *

На призраке была знакомая мантилья, заброшенная поверх черного платья.

Черного — как и положено тому, кто погиб под мясницким ножом. Черное платье — и лицо, белое как мел.

— Не хотела вам мешать, синьор де Гуаира, но у нас случилась беда...

— Заходите, синьора Франческа.

«Сегодня, как только стимнеет...»

«...Горло перерезано острым предметом, вдоль грудной клетки и живота — глубокий продольный разрез, глаза отсутствуют, что затрудняет...»

Слишком поздно я вспомнил, что призраков, как и ламий, нельзя приглашать переступить порог.

...Подошла, остановилась, сдернула перчатку с руки. Я быстро оглянулся. Зеркало! ОНИ не отражаются!

Зеркала в комнате не было.

— Синьор де Гуаира? — В ее голосе теперь слышалось удивление. — Что с вами, Адам? Что вы себе вообразили?

— Что вы мертвы. — Я глубоко вдохнул, пытаюсь поймать непослушный воздух. — Я вообразил, что вы мертвы, Франческа...

Она слушала, не перебивая и не переспрашивая. Наконец кивнула.

— Клара... Мы называли ее Климена. Вы ее, наверно, не помните.

Климена? Чернявая крикливая девица, вначале в чадре, после — в ярком платье? Та, что громче всех интересовалась моим сценическим прошлым, а затем безуспешно пыталась подсесть ближе?

Она?!

Окровавленный труп под пыльным балдахином...

Она?

Я не всматривался в мертвое, залитое кровью лицо. Зато запомнил руки. А ведь пальцы, тонкие, изломанные последней мукой, — тоже примета.

Рука девушки была затянута в черный шелк. Другая, без перчатки, — спрятана за спину.

— Вы были, так сказать, в ее вкусе, синьор Адам. После той вечеринки она хвасталась, что обязательно узнает вас поближе.

Узнала...

— Странно, что вы оплакивали меня, сьер Адам! По-вашему, я из тех, кто вешается на шею первому встречному? Как вы могли даже подумать! Белое платье, между прочим, не мое, оно из реквизита, а такие мантильи носят всюду... Не ожидала! Если я и поцеловала вас в то утро, то вовсе не потому...

Суровый выговор пришлось глотать молча. И действительно, почему я подумал о Коломбине?

— Я... Я, наверно, пойду...

Совершенно забытый и никому не интересный сьер еретик сделал жалкую попытку встать из-за стола.

Я дернул бровью.

Он понял.

— Могут возникнуть сложности с отпеванием, Франческа, — неуверенно начал я. — Вы же знаете обычаи...

— Поповские обычаи! — Ее темные глаза сверкнули. — Не пытайтесь казаться добрым, синьор де Гуаира! Клара — протестантка, так что даже вы ей ничем не поможете.

Да, не помогу. Ни я, ни даже Его Святейшество.

— Мы уже договорились, ее похоронят за оградой еврейского кладбища. Как и положено хоронить людей нашего ремесла.

Перчатка вновь скользнула на руку. Черное шло синьорине капокомико, но кто-то, уж не за левым ли плечом, пожалел, что мне так и не удалось взглянуть на ее пальцы.

Зачем? Ведь она жива, она — передо мною, погибла совсем другая!..

Тот, за левым плечом, кривил узкий рот...

— Пойду. Не провожайте, я пришла не одна...

Дверь хлопнула. Я прислушался, но чуткие половицы в коридоре отчего-то молчали.

Командор уходил безмолвно.

* * *

— Налейте!

Сьер Гарсиласио дернулся, потянулся к кувшину, рука дрогнула...

— Ладно, я сам...

На этот раз я даже не почувствовал вкуса, словно в кувшине оказалась тибрская вода.

— Мне очень жаль, сьер де Гуaira, что эта девушка погибла. Всегда сочувствовал актерам.

Мне тоже было жаль несчастную, так неудачно сыгравшую свою последнюю роль. Подкупили? Запугали? Впрочем, роль подсадной утки не бывает удачной.

За левым ухом засмеялись. Я сделал вид, что не заметил. Интересно, зачем приходила Франческа? Ей не нужна была моя помощь, да и сочувствие, кажется, не требовалось.

Проверяла, здесь ли я? Не исчез ли, не спрятался? Ведь то-чильщика уже не пришлешь!

Хохот за левым ухом стал громче. Сегодня утром я поверил своим глазам. Чему верить теперь?

— Хватит!

Сьер Гарсиласио удивленно поглядел на меня, но я говорил не ему, а самому себе. Себе — и тому, хохочущему.

— Вернемся к тому, что может предложить вам Черный Херувим. Вы мне действительно нужны, сьер де Риверо. Но вначале расскажите все, что помните о краковском профессоре астрономии.

Я ждал, что он переспросит, но парень понял меня сразу. Да, неглуп!

— Хорошо! — В его глазах снова был знакомый вызов. — А взамен...

— Взамен? — восхитился я. — У вас сегодня хорошее настроение!

Его тонкие губы действительно улыбались. Или просто кри-
вились — не разберешь.

— А мне уже нечего терять, сьер иезуит! К тому же даже
Черный Херувим всегда предлагает что-то взамен. Я вам — о
мессере Алессо Порчелли, вы мне — о Джордано Ноланце.
Идет?

...Пожелтевший пергамент, неровный готический шрифт —
и маленький ножик, чтобы выпустить каплю крови.

Кажется, мы подписали договор.

6

Судья-паук мне паутину вьет,
В ушах не умолкает гул набата...
Молиться? Не поможет мне Распятый:
Завтра я взойду на эшафот.

Я напрасно беспокоился о славном шевалье. Синьор дю
Бартас оставался неотразим — даже за толстой железной решет-
кой, даже небритый и непохмеленный.

Не рано ли поэту умирать?
Еще не все написано, пропето!
Хотя б еще одним блеснуть сонетом —
И больше никогда не брать пера...

Как я понял, томик без обложки оказался с ним. Судя по
унылым физиономиям рассеявшегося по углам сброда, эта реци-
тация — далеко не первая. Ничего, они еще про принца Бурбо-
на услышат!

К счастью, городская тюрьма — не монастырь Святой Ми-
нервы. Здесь можно читать сонеты, можно даже общаться с дру-
зьями через ржавые железные прутья.

Король, судья, палач и Бог — глухи.
Вчера кюре мне отпустил грехи,
Топор на площади добавит: «Амен».

Погибну я! Но и король умрет!
Его проклятьем помянет народ,
Как я при жизни поминал стихами.

— Отлично! — улыбнулся я.

✓ — Но, дорогой де Гуаира, — поспешил заметить шевалье, —
вы, конечно, понимаете, что я не разделяю мысли этого пиита о
природе королевской власти, равно как и о духовном сани...

Все-таки тюрьма не проходит бесследно!

— Разумеется, дорогой шевалье, — тут же согласился я. —

Сей сонет хорош сам по себе... И не будем больше об этом. Рад, что вы в добром здравии.

Дю Бартас поклонился, погладил растрепанную бородку.

— Благодарю, о мой дорогой друг! Я же несказанно счастлив, что вы не оказались в узилище. *Mort Dieu!* Эта мысль согревает меня в этой сырой яме!

Шевалье — простая душа — даже не поинтересовался причиной такого чуда. Мне стало неловко.

— Я был у городского подесты, дорогой дю Бартас. Увы, он непреклонен. Пять лет — самое меньшее...

— Гм-м...

Я отвел взгляд, чувствуя себя достаточно паскудно. Но ведь мне нужна шпага!

— Если бы за вас мог заступиться посол Христианнейшего Короля...

Длинная рулада о «прихвостнях этого канальи Мазарини, лакея с драной задницей» сотрясла своды.

— Понимаю... Остается одно — просить заступничества у Церкви.

— Что?! — Шевалье даже подпрыгнул от возмущения. — Монастырь? Верви, четки, эти... власяницы! *Vieux diable!* Лучше в тюрьму!

Я невольно залюбовался славным пикардийцем.

— Можно добиться замены тюремного заключения паломничеством...

— В Иерусалим? — Бородка встала дыбом. — К туркам? В Крестовый поход?

— Чуть ближе, — улыбнулся я. — В Киев. В Печерский монастырь.

— К-куда?!

* * *

Он слушал внимательно, затем решительно тряхнул гривой нечесаных волос, в которых застряли рыжие соломинки.

— Идет! Эта чертова Италия у меня уже сидит в печенках. Однако же, дорогой де Гуаира, мне не хочется расставаться с вами. *Parbleu!* Где еще встретишь такого верного друга!

— Мы не расстанемся, — усмехнулся я, чувствуя тяжесть шпаги на боку. — Я ведь тоже согрешил. Так что, друг мой, едем вместе.

Из-за стальных решеток послышался радостный вздох.

— Правда? Но, дорогой де Гуаира, это же восхитительно!

Поехать с вами! Бегите скорей и скажите этим сморчкам-судейским, что я согласен! *Mort Dieu!* Согласен, и даю слово дворянина...

Внезапно мне стало легче. И в самом деле, зачем славному шевалье голодать в римских ночлежках?

Шпага должна сверкать!

7

Прежде чем положить тетрадь на стол, горбун-библиотекарь смерил меня таким взглядом, что захотелось немедленно превратиться в старый пыльный книжный том. Превратиться, вспрыгнуть на полку, прижаться к собратьям в толстых кожаных обложках...

— То, что вы просили, отец Адам...

Интересно, когда побежит докладывать — сейчас или чуть погодя? Наверно, все-таки подождет. Вдруг подозрительный читатель закажет еще что-нибудь этакое? Книгу «Зогар», «Черную Библию», «Застольные беседы Мартина Лютера»? А может, и докладывать не станет. Вот сейчас из рукава вынырнет стилет...

— Если еще что-то понадобится, я в соседнем зале...

* * *

Среднее Крыло, знакомые полки, все тот же почерневший от времени стол.

Странно, что мне это все-таки принесли! Конечно, исповеднику четырех обетов обязаны предоставлять любую книгу из «Индекса», любой документ...

Но все равно — странно.

Страница пахла сыростью, и я вновь подумал о недостатках дешевой вентиляции.

«Вопрос: Назовите свое имя, прозвище, место рождения и род занятий.»

Ответ: Крещен я во имя Святого Алессо, прозвище же имею Порчелли, каковое носит и отец мой, мастер башмачного цеха славного города Флоренции. В том же городе мне довелось родиться четырнадцать лет назад...»

Я посмотрел на дату: Anno Domini 1614. Значит, весной 1649-го, когда поднялась трава на поле, брату Алессо не стукнуло и полвека. Я почему-то представлял его дряхлым стариком.

«Ответ: Да. Клянусь и обещаю сообщить Трибуналу все, что смогу.»

Монсеньор Дамичелло, прокурор: Нет, сын мой, вы обязаны сообщить суду не то, что можете, а то, что знаете!»

Повеяло чем-то знакомым. Да, мир оказался тесен. Брату Алессо Порчелли, вернее, будущему брату, тогда же — башмачному подмастерью, во время оно тоже довелось побывать в подвалах Святой Минервы. Именно это наряду с иным, не менее интересным сообщил мне злокозненный еретик сьер Гарсила-сио де ла Риверо. Профессор астрономии был странно откровенен со своими студентами. Он даже назвал точную дату процесса...
...что изрядно облегчило труд брата библиотекаря.

«Вопрос: С какого возраста, подсудимый, посещали вас сии сомнительные видения, навеванные, без сомнения, силами, далекими от Господа?»

Ответ: С самого детства, монсеньор. Вначале не ведал я, что вижу, однако же в семь лет было мне видение моей матери, в то время с нами жившей и пребывавшей в изрядном здравии. Узрел я, к ужасу своему, ее на смертном одре со следами оспы на лице. И не только узрел, но и провидел тот страшный день, который и настал месяц спустя на праздник Троицы. И тогда уразумел я, что дан мне свыше дар предвидения, о коем и сообщил я своему духовнику...»

...который на миг позабыл о тайне исповеди.

«Ответ: Да, монсеньор, лекарь освидетельствовал меня и нашел полностью здоровым, хотя сам я готов был счесть себя безумцем. Однако же через какое-то время смог я не без помощи отца Лодовико, настоятеля храма Святой Агнессы, смирить буйство сих видений и ныне вполне овладел собой.»

Вопрос: Означает ли это, что вы можете вызывать оные видения по своей воле, а тако же точно ведать, когда станется виденное вами?»

Ответ: Точно так, монсеньор.

Вопрос: Сын мой, слыхали ли вы о Мишеле де Нотр Даме, именуемом также Нострадамусом?»

Беднягу башмачника могли легко отправить на Campo di Fiori, как новую Орлеанскую Деву. Подобные странности не слишком поощряются Святой Католической Церковью. Но

парню повезло. Кто-то в Трибунале вовремя понял, какая удача выпала Обществу.

Общество должно иметь все лучшее, что есть в мире. Лучших философов, солдат, палачей, художников. Самое лучшее! И если у Екатерины Медичи был свой пророк, то Обществу следует иметь такого же. Такого же — но только лучше. И послушной, ибо мессер Нострадамус не баловал читателей точными датами.

Внезапно я почувствовал холод, нестерпимый, лютый, словно передо мной распахнулось забитое наглухо окно, за которым — ледяная стужа.

Знать будущее!

Не темные намеки, которые можно расшифровывать до Страшного Суда, а саму Правду: что, когда, почему!..

Знать!

Но если знать такое... Не станем ли мы Богоборцами?

«Вопрос: Сын мой, не приходилось ли вам слышать также об Ибн Араби по прозвищу Ибн Афлатун, что означает Сын Платона, и читать его книги?»

Ответ: Монсеньор! Клянусь Господом и Святым Себастьяном, что отнюдь не читал я творений упомянутых еретиков, равно как и не слышал о них!..»

Не читал, конечно. Но довелось. Недаром через двадцать лет сьер башмачник уже читал курс астрономии в Краковском университете. Интересно, почему именно астрономии? Или этот Араби — астролог?

«Ответ: Да, монсеньор, и видение это поистине смущает мою душу. Ибо видел я страшную войну, которая длится три десятка лет. Видел города, ставшие пеплом, и Божьи Храмы, обращенные в конюшни. А после узрел я земли Германские, кои покинула благодать истинной веры, и Лютеровых пасторов, что служат Сатане от Балтики до Дуная.

Вопрос: Можете ли вы сказать, когда и где начнется сия война?»

Ответ: Да, монсеньор. Ибо начаться ей через четыре года в земле, прозываемой Богемия. А вот отчего и что станет к тому поводом, не ведаю и узреть не могу...»

* * *

Если бы не старая пожелтевшая бумага, не чернила, выцветшие от сырости...

Парень не ошибся.

Через четыре года в Богемии действительно началась война, и теперь Лютеровы пасторы славят Сатану от Балтики до Дуная. Мы потеряли Германию.

Навсегда.

И лишь один Господь ведает, не начало ли это Исхода истинной Церкви из ее колыбели — Европы!

Если бы ему поверили!

* * *

Холод исчез, горячая волна захлестнула, сорвала с места. Не ведая зачем, я подошел к мутному стеклу, коснулся рукой...

Если бы ему тогда поверили! Если бы мессер Франческо Инголи хотя бы задумался над словами флорентийского подмастерья! Пожар в Богемии можно было потушить, чехи сами хотели мира...

Будь я на месте Мертвой Руки! Два-три года работы! А ведь Общество крепко держало Богемию. Чехи любят кукольный театр. Наш кукольный театр был лучшим в Европе...

Я глубоко вздохнул, отгоняя химер. Если бы! Увы, Богемию курировал мессер Инголи, а не Адам Гуаира!

Пальцы вновь заскользили по страницам. Хорошо, что флорентиец не попал на костер! Но плохо, если такие, как мессер Мертвая Рука...

Что это?

Ах да, конечно!

«...и с тем прекратить дело, подсудимого же Алессо Порчелли передать покаяния ради в монастырь Святого Джованни, дабы наставить заблудшее чадо на путь истины. С тем и подписал: Франческо Инголи, кардинал Курии...»

Что-о-о?

Еще не веря, я вновь пробежал глазами выцветшие строчки. «С тем и подписал...» Выходит, мессер Мертвая Рука лично распорядился!

Неужели поверил?

Поверил и...

Хохот за левым ухом. На этот раз смеялся не один — целая дюжина. От хохота вовсю несло смолой и чем-то душным, сладковатым, похожим на запах гниющей плоти.

И было над чем!

Тогда в Богемии...

Тогда в Богемии мессер Инголи все делал правильно! Все: дискредитация графа Турна, командующего богемской армией, создание «правительства десяти лейтенантов», переговоры с умеренными «чашниками», попытка заменить слабохарактерного цесаря Матвея решительным и бескомпромиссным Фердинандом Штирийским.

И — рвануло!

Именно там, где предсказывал четырнадцатилетний Но-страдамус из Флоренции. Кто ведает, если бы Его Преосвященство Мертвая Рука не делал бы вообще НИЧЕГО, может быть, события пошли бы иначе. Чехи — народ осторожный, и надо очень постараться, чтобы заставить взяться за оружие этих добродушных пивоваров.

Инголи постарался.

Он ЗНАЛ!

Знал — и делал все, что мог. И в результате...

Выходит, ЗНАНИЕ брата Алессо Порчелли включало в себя и мессера Инголи. Без него пророчество могло бы и не сбыться!

Пожар не начался бы, если бы не кликнули пожарных? Решили обмануть судьбу, ту, что намечена Свыше, и...

«Это — не Божья работа».

Я понял — пора бежать. Пусть другой читает старую тетрадь, заполненную аккуратным писарским почерком. Устав Общества мудр — приказы должно выполнять, не рассуждая и не доискиваясь причин.

Познание умножает скорбь. Во многие знание — много печали.

А попросту говоря, этак и спятить можно!

* * *

День был солнечным, но холодным, и лед по-прежнему трещал под башмаками. Бледное зимнее солнце больше походило на луну, заблудившуюся на небосводе.

В толпе — шумной, пахнувшей луком и мокрой шерстью — сразу же стало легче. Илочечонк, сын ягуара, всегда боялся колдунов. Они ловили душу на острый рыболовный крючок. Они протыкали тень врага острым дротиком из дерева жакаранди. Они пытались изменить Грядущее.

Беги, ягуар, беги!

Бежать нельзя, но можно просто идти, протискиваясь через толпу, запрудившую узкие улицы, временами толкаться локтями, пробираясь между телег, наполненных свежей рыбой и мешками с мукой. Толпа — та же сельва, здесь можно спрятаться, затаиться...

Затаиться и не думать. Ни о Богемии, где мы проиграли все, ни о далекой Японии, которую спустя короткий срок стал курировать Мертвая Рука. Общество, до этого старательно соблюдавшее нейтралитет, внезапно вмешалось в борьбу дома Токугавы с наследниками Хидэеси. Ведь Токугава готовился запретить Иисусову веру! Готовился — и запретил. Именно за то, что «северные варвары» помогали его соперникам!

А потом была Абиссиния...

И была еще Индия, где брат Паоло Полегини изучал клещей вкупе с тараканами!

Все! Хватит!

Я ловко избежал столкновения с очередной повозкой, налетел на какую-то почтенную матрону, извинился на ходу, поймал упавший с головы «цукеркомф» и пулей вылетел аккуратно к дверям гостиницы, предвкушая глоток виноградной водки, ждущий меня на дне полупустого кувшина.

Точильщика не было. Я облегченно вздохнул.

— Синьор Адам?

Я обернулся — и увидел Черную Бороду.

— Синьора Адама желает видеть синьорина.

Над бородой возвышалась шапка, тоже черная, но с малиновым верхом. Странная шапка, такие тут не носят. Шитый серебром пояс, вместо шпаги — кривая сабля. Красные сапоги, блестящие шпоры...

Одно хорошо — не точильщик. Только борода похожа.

— Прошу в карету, синьор.

Карета оказалась тут же, у дверей. Странно, что я ее не заметил! Не иначе о водке задумался.

Дверцу кареты открыл некто, тоже носивший саблю, но зато не имевший бороды. Вместо нее из-под носа свисали усы. Даже не усы — усищи.

Бежать поздно, просить пощады — рано.

Оставалось одно — поправить шляпу, успевшую съехать на ухо. Наверно, оттого, что я слишком резко повернул голову, разглядывая то, что ярким золотом сверкало над занавешенными стеклами экипажа.

Герб!

Меня не взяли бы в герольды, но этот, с маленькой короной наверху...

* * *

— Синьор Адам?

Ей не было и восемнадцати. Девчонка — востроносая улыбающаяся девчонка в огромной соболиной шапке.

— Мы разве знакомы, синьорина?

— Конечно, нет! — Она засмеялась и внезапно выпрыгнула из кареты. Маленькая, в короткой шубке, ростом — чуть выше моего плеча.

Это если вместе с шапкой считать.

— Мы незнакомы, синьор Адам, но обязательно познакомимся. Более того, я вас сейчас украду и хочу заметить, что всякое сопротивление бесполезно. Ну, может, мы все-таки поздороваемся?

Я взглянул на герб, все еще не веря, а меня уже целовали. В щеку.

* * *

Триста лет тому, когда над Ла-Маншем прогремели залпы неуклюжих бомбард, знаменуя начало Столетней резни, а тут, в Вечном городе, Кола ди Риенци еще только готовил свой великий заговор, надеясь восстановить Великий Рим, в Киев вошли литовцы.

Случилось это как-то тихо и незаметно, может, потому, что и сопротивляться было некому. После татар всего-то и оставалось, что Лавра да две сотни домов. Последний князь сгинул неизвестно куда. Его и не искали. Никудышный был князек, только и славен тем, что митрополита Владимирского в полон взял. Взял — да не удержал. Бежал митрополит на крестьянских санных, а следом и князю черед пришел.

...Пустой город, руины Софии с чудом уцелевшей Нерушимой Стеной, на которой плачет Оранта. Кончилась давняя слава.

Пришельцы хмурились, криво цедили славянские слава, но не грабили — нечего было. И начал вылезать народ из погребов.

Кому досталось мечом по загривку, кому — по шапке боярской.

Василь Волчко, великий боярин, стал служить литовскому князю Ольгерду.

Так все и началось. Не знаю даже, можно ли гордиться столь благоразумным предком? Девиц красных от Змея не спасал, Золотые Ворота на копье не насаживал...

И было у Волчка три сына: Олизар, Иов, прозывавшийся Ивашкой, да Александр. Средний, Иов-Ивашко, породил Романа, тот — Остафия...

Бог весть почему мы стали прозываться Горностаями! Пожалели предки битых таляров ушлым герольдам. Те и не придумали. Горностаи — и все тут. А какую легенду можно было бы сочинить!

Завидно даже!

Так и пошло: наместники, державцы, господарские дьяки и маршалки, подскарбии, сенаторы, воеводы. Дворцы: в Киеве, Житомире, Вильне, Ейшишках... Знать бы, где эти Ейшишки! «Собинные друзья» краковских монархов, «хранители чрева», просто королевские собутыльники. После очередного загула прапрадед, Остафий Романович, был пожалован Гиппоцентаврусом. До сих пор спорят, по чьей милости — то ли короля Жигимонта Августа, то ли королевы Бонны Сфорцы. Красив, говорят, был мой предок!

А потом пошла резня. Да такая, что и вспоминать нет охоты. Делили наследство, а как огляделись, то и делиться стало не с кем. Повезло прадеду Гавриле — уцелел. Всю жизнь в Горностаеполе просидел, за частокол не выходя, тем и спасся. Сын его за ограду вышел — и голову сложил под татарскими саблями.

Отец умер от ран под Дорогобужем, добывая Мономахов венец королевичу Владиславу. Дивны дела: был батюшка протестантом, матушка — католичкой, а старший их сын снова в схизму перешел. Мы ни разу не виделись с ним, с братом Михайлой. Писал я ему — из Рима и после — из Гуаиры. Говорят, не пожелал гордый магнат знаться с братом-латинщиком.

Вот и все. Сестры давно замужем в чужой земле, а я...

А что — я?

Моя семья — Общество, отчизна — весь мир.

«...Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот мне брат, и сестра, и мать».

Всю жизнь я старался в это поверить.

8

Дверь в гостиницу оказалась запертой. Пришлось долго стучать, а затем ублажать ворчливого привратника несколькими байокко.

И правда — ночь на исходе, добрые люди уже седьмой сон видят.

На лестнице было темно, в коридоре — тоже, возвращаться же за свечой не хотелось. Говорят, ягуары видят в темноте, но на этот раз темнота была какой-то особенной: густой, плотной, сырой.

Скрип половиц, потрескивание старого дерева... Соседи слева съехали позавчера, в комнате шевалье — дверь настежь. В моей комнате...

Я взял за ручки двери — и замер. Появляю сквозняком.

За что хвататься — за нож или за распятие? За нож — вернее, но его-то я и не ношу.

Темнота дышала, холодный ветер из раскрытого окна задувал искры, не позволяя загореться труту. Фитиль свечи окаменел, заострился колом...

...Она сидела в кресле — недвижимая, все в том же черном платье. Мантилья брошена рядом, руки в темном шелке сцеплены на коленях.

— Надо было закрыть окно, — выдохнул я, стараясь говорить спокойно. — Холодно!

— Правда? — Франческа удивленно оглянулась, плечи дрогнули. — А я и не заметила. Долго гуляете, Адам!

Она ошибалась. Лучше бы мне задержаться до рассвета. А еще лучше — до полудня.

— Пришла попрощаться. Нам запретили выступать, так что бедным комедиантам, посмевающимся над духовным сатаном, придется поискать другой город. Они уезжают завтра.

...Я так и не понял, чего боюсь. Темноты? Открытого окна? Того, что уезжают «они», а не «мы»?

Рука скользнула за ворот. Распятие! Сразу же стало легче.

— Хотела вас спросить, святой отец. Вы думали, что вас пригласила на свидание я. Думали — и не пришли. Почему?

Лучше всего отшутиться. Но слова замерзали, не сходя с языка.

— Вы странный священник, Адам.

— Странный, — вздохнул я. — На что вы обиделись, синьорина? На то, что я принял бедную Климену за вас? Или на то, что я остался дома?

— Вас не было дома...

Слова прозвучали равнодушно, сухо. Ладонь, сжимавшая распятие, покрылась потом.

— В тот вечер я сама думала заглянуть к вам в гости. Как сегодня. Но мне не везет...

Я почти поверил. Почти — наш хозяин внимателен к гостям своих постояльцев. Но в то утро он промолчал.

— Что с вами, синьор гидравликус? — Она медленно встала, легким движением набросила мантилью на плечи. — Знаете, здесь действительно холодно...

Шаг, еще шаг... Она шла медленно, глядя не на меня, а куда-то в сторону. Ее взгляд...

Я стиснул зубы.

— От вас пахнет духами. Значит, вот в чем дело? Комедиантки вам не по вкусу? А я вам подарок приготовила.

— Какой?

Ее смех был почти такой же, как раньше, — веселый, живой.

— Увидите. Адам, вы что, думаете, я — призрак?

«Извольте видеть, монсеньор. Горло перерезано острым предметом, вдоль грудной клетки и живота — глубокий продольный разрез, глаза отсутствуют, что затрудняет опознание...»

— Та, что была убита, — не Климена.

— Правда? — шевельнулись бледные губы. — А кто же?

Ее рука медленно протянулась ко мне, замерла, дрогнула...

...Пальцы, лежавшие на распятии, сжались в кулак...

— Адам! Зачем вы так?

Ее голос внезапно дрогнул, отозвался болью, затянута шелком ладонь коснулась руки...

...И наваждение сгинуло. Усталая замерзшая девушка прижалась к моему плечу. Негромкий стук — крест с распятым Богом упал на пол.

* * *

Мы сидели рядом, из окна струилась серая предрассветная муть. От очага несло гарью, но это было лучше, чем ледяной холод.

— Ты сказала, что уезжает трупца, а не ты.

— Так оно и есть. — Франческа рассмеялась, прижалась щекой к моему плечу. — Я остаюсь на несколько дней. У меня здесь тетка. Только не в Риме — в Остии, так что пугать тебя я больше не смогу. Ты веришь в призраки?

— Конечно, нет, — охотно подхватил я. — Святая Церковь сие отрицает, а я весьма ортодоксален.

— Ты — поп.

Я вздохнул. Ничего тут не поделаешь. Поп и есть.

Да, я не верю в призраки. Не верю и стараюсь забыть о том страшном, что лежало на кровати в доме Дзаконне.

О той, что не была Клименой.

— Поэтому... Поэтому я и не писала тебе записок. И, наверно, уже не напишу. Ты знаешь, что следствие прекратили?

Это я знал. Семья Монтечело оказалась не по зубам сьеру Катанье.

— Актрис оскорбляют, насилуют, убивают. Актеры — не люди. А твои попы благословляют убийц.

— Это не так, Франческа.

Я мог бы рассказать ей о Гуаире, но знал — не поверит. В Вечном городе Гуаира мне самому начинала казаться сказкой.

— Пора. Мне действительно пора.

Она встала, накинула мантилью на плечи.

— Мы... Мы больше не увидимся? Никогда?

Хотелось сказать «нет». Очень хотелось сказать «нет»...

— Не отвечай, не надо! Знаешь, женщине, тем более актрисе, нетрудно найти хорошего любовника. А вот встретить хорошего человека... Ты — хороший человек, де Гуаира! Жалко, что ты — священник. Но если ты поп — сотвори чудо! Сделай так, чтобы мы встретились!

Она не шутила, и я вновь почувствовал, как пальцы сводит холодом. Чудес не бывает. Особенно — таких.

— Мы... Ты и я... Это неправильно, чтобы так — навсегда! Неправильно!

Кого она убеждала? Меня? Бога?

— Сделай!

Чего она хочет? Ведь мы не брат и сестра, не супруги, даже не любовники. Мы едва знакомы...

Священник и актриса. Даже облако Южный Крест не повенчает нас.

— Киев, — медленно проговорил я. — Август и сентябрь. Я буду там.

...Сказал — и сам себе не поверил...

Она подалась вперед, губы сжались.

— Киев? Ты уже говорил о Киеве! Я узнавала, это где-то в Польше... Хорошо! Я найду тебя, Адам! Прощай! Не забудь о подарке!

...Она уходила по пустой, затянутой утренним туманом улице. Каблучки звонко били тонкий лед...

* * *

Подарок я отыскал в углу — большой, в темном мохнатом чехле. У подарка было шесть струн, отозвавшихся на мое прикосновение нетерпеливым звоном.

Откуда она узнала, что я мечтаю о гитаре? Кажется, я ей говорил — мельком, проходя... Или не говорил, просто догадалась?

Пальцы легли на деку...

«Клирик не должен играть на гитаре! Вы слышите? Я приказываю вам не брать с собой гитару! Приказываю! Вы обязаны повиноваться!..»

Слушаюсь и повинуюсь, Ваше Высокопреосвященство!

9

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек:
О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?

На этот раз песня про славного принца Бурбона звучала в два голоса, да так, что с потолка сыпалась крошка. Пели уже в третий раз — и все с тем же вдохновением. Оно не иссякало — как и вино в кувшинах.

Шевалье дю Бартас был свободен. Как вольный ветер. Как шпага, выхваченная из ножен.

То спуски, то подъемы,
Ах, горы не легки!..
Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки!

Ради такого случая в кубках темной кровью плескалась «Лакрима Кристи». Удивленному шевалье я пояснил, что это дар от Конгрегации паломничества.

Интересно, существует ли такая?

* * *

— Мой дорогой друг! — прокашлявшись и причастившись «Слезы Христовой», возгласил дю Бартас. — Я скинул оковы и надел латы! Во мне кипит кровь моего пращура, славного рыцаря Анри де Гюра дю Бартаса, возложившего на себя Алый Крест, дабы шествовать в Иерусалим! Я трепещу — но не от страха, а от предчувствия подвигов! *Mort Dieu!* Пойдет дым коромыслом!

У меня было точно такое же предчувствие. Но, странное дело, я не испытывал восторга.

— Однако же, дорогой де Гуаира! Насколько я понял, надлежит нам странствовать без слуг. Я не слишком привередлив, но гоже ли благородному дворянину самому снимать сапоги?

Шевалье сокрушенно покачал головой.

— К тому же меня несколько смущает наш спутник. Вы, кажется, говорили, что он из грамотеев?

Я подтвердил и это. С синьором де ла Риверо нам предстояло встретиться уже в Остии.

— Не люблю мозгляков! — Дю Бартас скривился. — Перышки, бумажки... *Vieux diable!* Да разве это занятие для настоящего мужчины?

Римскому доктору богословия в этот вечер определенно икалось.

На столе, рядом с полупустым кувшином, лежал небольшой томик в новеньком желтом переплете. Теперь у славного дю Бартаса было целых две книги. Вторую — записки его соотечественника ле Вассера де Боплана, только что изданные в славном городе Руане, я случайно нашел в книжной лавке неподалеку от Колизея.

Увидев мой подарок, шевалье ужаснулся, но я твердо заявил, что чтение «Описания Королевства Полонии» входит в

программу паломничества. Дю Бартас смирился, пообещав прочитывать в день минимум два абзаца.

Этот томик пригодится не только ему. Матушка увезла меня в Италию, когда мне только-только исполнился год.

Какая ты теперь, родина?

— Да вы загрузили, дорогой друг! — Тяжелая ладонь шева-
лье легла мне на плечо. — Бросьте! Блуждать по дикой Татариин
все же отраднее, нежели гнить в римской тюрьме! К тому же...

Внезапно его глаза округлились, нижняя челюсть, дрогнув,
начала отвисать:

— Поп! Убей меня Бог! Поп!

В первый миг я решил, что речь идет обо мне, но палец доб-
лестного дю Бартаса указывал в сторону двери.

Поп?

Я оглянулся — и узрел попа.

*...Фиолетовая сутана, острый нос в прыщах, сверкающая лы-
сина вместо тонзуры, скрученное вервие, заменяющее пояс...*

В первый миг я, как и положено, не поверил глазам своим.
Затем решил, что кто-то из моих приятелей-комедиантов решил
нас напоследок разыграть.

— Рах vobiscum, дети мои! Не подскажите ли, где мне найти
монсеньора Адама?

Теперь челюсть начала отвисать у меня.

— Изыди! — рявкнул шевалье, сотворяя нечто напоминаю-
щее крестное знамение, но гость оказался настойчив.

— Ведомо мне, дети мои, что оный монсеньор Адам...

*...Голос под стать внешности — козлиный. Или ослиный. Или
все вместе.*

— ...в явной близости отсель пребывать должен...

Дю Бартас зарычал и начал грозно приподниматься. Пора
было вносить ясность.

— Дорогой шевалье, не утруждайте себя. Я разберусь.

Оказывается, для того чтобы приподнять попа за шиворот,
не требуется особых усилий. И чтобы выкинуть в коридор —
тоже.

— Только не бейте его, — напутствовал меня пикардиец и,
подумав, добавил: — то есть, я хотел сказать, до смерти.

Я втокнул фиолетовую сутану в комнату, бросил на табурет, хлопнул дверью.

— Вы что, ополоумели? Кто вас прислал, болван?

Прыщи на его носу побелели. Дрожащая ручонка нырнула за пазуху, доставая свернутый в трубочку листок.

— М-монсеньору Адаму де Гуаире!.. Я — брат Азиний, смиренный брат Азиний...

Я хотел вновь приложить его, но вовремя заметил печать. Знакомую сургучную печать на красном шнурке.

Его Высокопреосвященство Франческо Инголи не забыл обо мне.

Читал я долго — сперва раз, затем второй. Вроде и язык итальянский, и буквы знакомые...

— Не понимаю, брат Азиний. Тут сказано, что вы... едете со мной?! Куда?

— Истинно так, монсеньор! — радостно подтвердил попик. — Послан я, дабы споспешествовать вам, равно как и спутникам вашим. Споспешествовать — и помощь оказывать, какая мне по силам. В своей неизреченной милости Его Высокопреосвященство призрел меня, скромного брата, и, вызволив из узилища, доверил ехать в земли барбарийские, дабы узреть, яко воссияет там святость...

— Стойте! Стойте! — взмолился я. — Какое узилище? Какая, к черту, святость?

Брат Азиний скромно потупил очи и поспешил перекреститься.

— Та святость, монсеньор, что от святых, избранных Господних, истекает. Ибо сказано: яко же душа святого в горнии выси исходит, то Небеса ликуют!

Бог весть, кто сказал это! Небеса ликуют... Не беса ли куют?¹

— Церковь наша святыми, яко колоннами коринфскими, изукрашена. А посему поручено мне изыскать в Рутении праведников, что жизнью святою прославились, а тако же мучеников, за веру пострадавших. И теми примерами укрепить в пастве послушание, среди пастырей же — рвение...

¹ Каламбур Сергея Федина.

Его Высокопреосвященство явно решил мне отомстить.
За гитару.

— Значит, святых искать будем? — вздохнул я. — А при чем тут узилище?

Он вновь опустил очи долу, шморгнул носом.

— Грехи... Каждый грешен, монсеньор! Искусил меня бес, и согрешил я тремя органами чувств: увидел, услышал, коснулся...

— Денег?

— Ни Боже мой! — Он даже подпрыгнул. — Не грешного золота, но некоего отрока, летами юного, видом же ангелоподобного...

При этих словах брат Азиний почему-то причмокнул.

— Ясно, — констатировал я. — Ну что же, добро пожаловать! Прежде всего не смейте называть меня монсеньором...

* * *

— У меня хорошая новость, шевадье, — сообщил я, входя в комнату. — Кажется, проблема с сапогами решена.

— Отменно! — Дю Бартас ничуть не удивился. — *Mort Dieu!* Да за это надо выпить! Хотя нет, мы еще не пили за вашу гитару!

Подарок Франчески лежал тут же — роскошный, переливающийся перламутром. Мне даже не хотелось думать, сколько ей пришлось заплатить за такое сокровище.

Впрочем, перламутр — ерунда.

Гитара звучала... Бог мой, как она звучала!

— Но выпьем мы не прежде, дорогой друг, чем вы сыграете! *Parbleu!* Я чувствую, в пути нам не придется скучать!

Сыграть? Почему бы и нет? Я осторожно взял гитару, прижал к груди, тронул чуткие струны — и пожалел, что с нами нет Коломбины.

— Это испанская песня, шевадье. Она называется «Облако Южный Крест»...

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСО ДЕ ЛА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

Г

Отец Гуаира в восторге от своей палаческой работенки. Вместе с тем он сильно заблуждается в степени своих успехов. Ни о какой моей покорности и речи не шло. Он прав в одном: в том, какие чувства я к нему испытывал в те дни. Впрочем, за эти полвека они ничуть не изменились.

Конечно же, я никого не выдавал. Арест моего брата последовал по просьбе испанской Супремы, что же касается остальных, то это были не друзья, а совершенно посторонние люди.

Г

Автор не только склонен приукрашивать свои деяния (и злодеяния), но часто элементарно лжет.

Приведу пример.

Его взаимоотношения с этой жалкой комедианткой (с которой побрезговал бы якшаться любой порядочный человек) вовсе не были столь безобидными. Отец Гуаира не упомянул, что тем утром, перед тем, как он ее выгнал, вероятно, удовлетворив свою гнусную похоть, к нему зашел я. Не люблю подглядывать в замочную скважину, но ради истины отмечу, что они вовсе не сидели на его ложе. Упомянутая комедиантка, совершенно обнаженная, спала, укрытая покрывалом, а отец Гуаира стоял у окна.

Выводы делайте сами.

Впрочем, похоть — не единственный его порок. Я почти уверен, что убийство в доме Дзаконне не обошлось без его участия.

И вот почему.

Отец Гуаира знал некоторые подробности убийства, о которых просто невозможно догадаться («она умирала долго — и страшно»). Откуда?

Он знал, что убитая — не Климена (что выяснилось значительно позже). Опять-таки откуда?

Судя по всему, во время оргии с комедиантами и после нее распутный поп оказался слишком болтлив. А иезуиты, как известно, не терпят живых свидетелей. Кроме того, эта комедиантка знала о его участии в дуэли.

Он действительно испугался, увидев Франческу. Почему? Да потому, что, живая, она могла его изобличить, в том числе сообщить властям о его истинной роли в этой кровавой трагедии. Иезуит боялся не призрака мертвеца, а призрака разоблачения.

Н

Особо следует сказать о Гуаире, о которой столь часто вспоминает автор.

Иезуиты вот уже почти целый век откровенно лгут, пред-

ставляя свой парагвайский эксперимент в качестве попытки создания Нового Мира.

Смешно — и страшно.

Правда же в том, что на берегах Парагвая столкнулись две шайки рабовладельцев: испанские плантаторы и иезуитские «ловцы человеков». Отсюда их вражда. Порядки же в иезуитских редуциях ничем не лучше, чем в энкомиендо. Достаточно напомнить, что эти поборники мракобесия учат индейцев только четырем действиям арифметики и умению подписывать свое имя. Совершенно очевидно, что создание «самоуправления», отмена смертной казни и телесных наказаний, «защита» от испанцев, театр и праздники — это лишь способ обмануть бедных «инфлиес», дабы заставить их трудиться на благо Общества.

Недаром в начале своего путешествия отец Адам вел в Амстердаме переговоры с Ост-Индской компанией. Вот какому богу служит он и ему подобные! Я не говорю уже о том, что идея «социального равенства», изложенная в писаниях фанатика Мора и еретика Кампанеллы, порочна по своей сути.

Это и так очевидно.

I

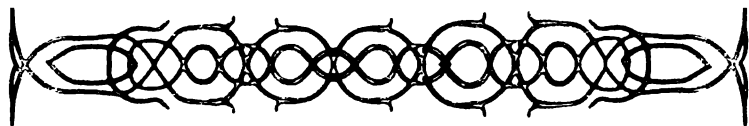
И наконец о некоторых частностях.

Об отце Адаме, лжеце, распутнике и гордеце, читатели уже имеют определенное представление. Добавлю лишь, что сей иезуит напрасно мнил себя (что очевидно) Аполлоном. На самом деле его внешность могла вызвать только смех — длинноногий, длиннорукий, смуглый, он в самом деле весьма смахивал на гнусную обезьяну из американской сельвы.

А вот за брата Азиния мне до сих пор обидно.

Отец Гуaira относился к нему хуже, чем к собаке. А между тем брат Азиний — очень хороший и честный человек. Он — бывший регент хора, искренне любивший своих воспитанников, приятный собеседник и, кстати, вовсе не такой урод, как считает автор. Брат Азиний действительно небольшого роста, но его наружность скорее приятна, особенно когда он не надевает сутаны.

Что касаясь его порока, то он извинителен. Еще древние греки, равно как и римляне, не видели ничего преступного в однополой любви. Достаточно вспомнить Сократа, Александра Великого и Цезаря. Чувства человека следует уважать, а не презирать!

КНИГА ВТОРАЯ.

в которой содержится рассказ о плавании из Остии в Истанбул и далее на север, о климате и достопримечательностях Крыма и Татарии, об обычаях и нравах тамошних жителей, о путешествии через Татарийские степи в земли, лежащие у великой реки Борисфен, именуемой еще Днепром, а также о многом ином, которую автор для краткости склонен

наименовать

СГИНУВШИЙ НОСТРАДАМУС

Главы VII—VIII Эпитама

В этих главах, неизмеримо затянутых, автор повествует о плавании на венецианском корабле «Святой Марк» из Италии в столицу Блистательной Порты. В них содержатся пространные и совершенно не представляющие интереса размышления о средиземноморской торговле, в том числе о соперничестве между Генуей и Венецианской республикой в Леванте. Значительно более любопытны мысли отца Гуаиры по поводу исторических судеб Византии. Автор справедливо видит первопричиной ее падения православие, оказавшее пагубное влияние не только на Второй Рим, но и на Балканы и Русь.

При описании пребывания в Истанбуле излишне подробно смакует мелкое и совершенно незначительное происшествие, связанное с братом Азинием. Несмотря на гнусные намеки автора, истина состоит в том, что этот достойный человек заблудился в кварталах Галаты и был вынужден воспользоваться гостеприимством одного греческого юноши.

Из Истанбула отец Гуаиры и мы, его спутники, направились на корабле «Яхья Бухтейн» в Татарийский Крым, где и сошли на берег Ахтиарской бухты

Глава IX

О том, что случилось на развалинах Топе-Тархана, о красотах и соблазнах города Бахчисарая, а также о некоторых обычаях и традициях Татарии.

Разбойники: Эй, парень! Присоединяйся к нам! Ты сможешь грабить, жечь, пытать, издеваться, насиловать девок и баб, пьянствовать и жрать вволю. Черт поberi! Ты не прогадаешь!

Илочечонк: Но зачем все это? Во имя чего?

Разбойники: Вот дурак непонятливый! Ясное дело — во имя свободы!

Действо об Илочечонке, явление девятое

1

торм, гнавшийся за нами от самой Варны, опоздал. Зато не опоздал ветер.

Загудело, зашвистело к полуночи, а под утро старая мазанка, в которой довелось ночевать, была готова взлететь — прямо к низким тучам, цеплявшимся за вершины близких холмов, покрытых черным мокрым лесом.

Очаг, сложенный из потрескавшегося известняка, чадил до рези в глазах, и я, как только на дворе побледнело, поспешил накинуть плащ и выйти на берег.

За ночь море подобралось ближе. Громадные волны несли седую пену, причал исчез, скрывшись под темно-зеленой рябью. Пропала и половина лодок, вытащенных загодя на берег. Резкий дух гнилых водорослей забивал горечь дыма, срываемого ветром из низких, приземистых дымоходов.

Да, нам повезло. Март — не лучший месяц для плавания по этому морю, давно переставшему быть Гостеприимным.

На востоке, над круглой бухтой, странно тихой в этот час, медленно проступало неровное светлое пятно.

Солнце.

Значит, нам пора. До ворот Топе-Тархана не меньше часа ходьбы, а спешить по скользкой старой траве, желтым саваном покрывавшей холмы, не хотелось.

Мертвая страна...

Говорят, весной здесь расцветают маки, но сейчас, в это холодное мокрое утро, пустынная земля казалась преддверием Аида, где среди жухлой прошлогодней травы цветут лишь асфодели — цветы Смерти.

* * *

Диспозиция была проста.

Рыбацкое селение, приютившееся на берегу Ахтиарской бухты, больше походило на пиратский табор, а посему доблестному шевалье дю Бартасу выпала нелегкая миссия по охране нашего багажа.

Остальных приходилось брать с собой. Сьера Гарсиласио не следовало оставлять без присмотра, брата же Азиния было просто опасно держать в непосредственной близости от кулаков грозного пикардийца. Особенно после Галаты. Синяк, темнеющий на скуле нашего «попика», был, по уверению шевалье, лишь авансом.

Почему-то вспомнилась детская игра «Волк, Коза и Капуста». Сыграем?

— А верно ли, достопочтенный синьор Адам, что руины сии — не что иное, как развалины Херсона, славного своими мучениками и подвижниками?

Я покосился на брата Азиния, удобно устроившегося в глубокой нише у подножия громадной башни с осыпавшимися зубцами. Место было удачным — защищало и от ветра, и от мокрых брызг. Море бушевало рядом — на севере, за неровным рядом стен, и на западе, где глубоко в сушу вдавалась узкая бухта.

Мне и сьеру еретику повезло меньше. Чудом уцелевшая калитка, врезанная в стену, могла укрыть от дождя — но не от бури.

Я оглянулся. Слева — мокрые желтые холмы, справа — серый камень.

Призрак города...

— Так действительно считают, отец Азиний. Но полной уверенности нет. Возможно, Херсон был севернее, возле устья Борисфена. Турки называют это место Топпе-Тархан.

Не без труда удалось договориться. Он — «отец», я просто «синьор» без совершенно лишней приставки «мон». Бывший регент покорился не без скрежета зубного.

— Я видел в стенах дыры, — негромко проговорил сьер де ла Риверо. — Круглые, как от ядер. Этот город брали приступом?

Дыры я тоже заметил — огромные рваные раны в серой плоти известняка. Когда-то здесь не жалели пороха.

— Может быть, сьер Гарсиласио. Но я слышал, что турки обстреливали уже пустой город. За этими стенами любят прятаться разбойники.

Из ниши донеслось что-то напоминающее стон. Брату Азинию с самого начала не нравился наш поход к древним руинам. Я тоже не был в восторге, но именно здесь мне назначил встречу брат Манолис Канари.

Поэтому я и спешил, торопился сквозь бурное страшное море. Двадцать первое марта, главные ворота Топпе-Тархана, час после заутрени.

Мы успели.

— Синьор Адам, а часто бывают здесь эти... разбойники?

Ниша была достаточно далеко, и брату Азинию приходилось повышать голос. Зато я мог говорить тихо, даже шептать — у бывшего регента оказался превосходный слух.

Наверняка и нюх тоже. Иначе зачем ему ехать с нами?

— Разбойники тут бывают часто, — не без удовольствия начал я. — Прежде всего это греческие корсары, которые режут турок. Затем турки и татары, которые режут греков. Ну и, наконец, черкасы-запорожцы¹. Эти режут всех подряд.

В нише что-то зашевелилось. Присмотревшись, я с изумлением заметил, что брат Азиний резво наматывает на голову нечто, издав далеко напоминающее чалму. Наверно, он рассудил, что турки тут бывают чаще.

О чалме мы уже с ним говорили. И не только о чалме.

Брат Азиний был твердо убежден, что каждый сын Общества, ступив на чужую землю, обязан «перевоплотиться». Бог ведь, где он этого слышался! Отсюда — чалма. Если следовать его логике, на берегах Парагвая мы должны появляться исключительно голыми — и с бусами на шее.

— Отец Азиний, — воззвал я. — Вы не похожи на турка!

— Отнюдь! — бодро отозвалась ниша. — Советовал бы и вам мон... то есть, синьор Адам, последовать примеру, который подал нам всем Святой Ксаверий!

Я только вздохнул. О Крестителе Востока говорят всякое. Например, о его первой поездке в Киото. Наслушавшись таких, как брат Азиний, Святой переоделся в рубище. Новоявленному нищему пришлось возвращаться назад, несолоно хлебавши. В следующий раз Ксаверий побывал в Киото уже при сутане и кресте — на этот раз с большей пользой.

— А не ведомо ли вам, синьор Адам, где возлегают чудотворные мощи Святых епископов Херсонских? Ибо земля сия поистине процветает святостью.

Я вновь оглянулся. Серый камень руин, мокрая желтая трава, мертвые улитки на сыром щебне.

Епископы, ау!

— Еще в часы апостольские сослан был сюда Святой Климент, что принял муки за грехи наши, будучи утоплен в море у сих берегов. Умер он в мучениях, посрамяв врага рода человеческого! Позже и Святой Мартин был заморен тут голодом, чем восхитил венец Небесный. Тогда же и Теодор, первый епископ здешний, муку мученическую принял...

¹ Черкасы — украинские казаки.

— А это обязательно? — поинтересовался сьер Гарсиласио. — Без муки — никак?

Обычно они не спорят, но сейчас даже римского доктора, как видно, допекло.

— Мученики — яко окна в храмине! — авторитетно пояснил бывший регент. — Ибо чем более страдает человек, тем ближе он к Господу. Иная же святость не столь заметна, но также имеет место: в посте, в молитве, в столпничестве, в подаянии нищим, а в особенности в юродстве, чему примером Святой Франциск из Ассизи, который тоже посрамил диавола...

— Ерунда все это! — со смаком прокомментировал сьер де ла Риверо.

Я запахнул плащ и подошел поближе к стене, прячась от расшалившегося ветра. Посмотрел бы кто с стороны! У ворот мертвого города еретик спорит с мужеложцем о святости.

Хорошо!

— Это все ерунда! — повторил сьер Гарсиласио. — Святость — нечто совсем иное. И заслуги, отец Азиний, тут неважны. Хоть сто лет на столбе стой!

Я ждал ответной реакции, но ее не последовало. Вероятно, наш попик временно окаменел от такого святотатства.

— Разве вы не заметили, отец Азиний, что многие святые — настоящие, а не ваши постники со столпниками, — молодость провели по уши в грехах? Так, что даже завидно! Им святость даже в страшном сне не снилась!

— Тем ценнее их подвиг... — нерешительно донеслось из каменных глубин, но сьер де ла Риверо лишь фыркнул.

— Подвиг! Подвиг — это сознательный поступок. А здесь было другое. В них словно что-то просыпалось — настолько сильное, что полностью меняло жизнь. Будто проявлялась какая-то... внутренняя личность, что ли?

Запахло дымом костра и одновременно — тухлыми мудростями мессера Кальвина о предопределении. Но вместе с тем... Взять того же Святого Игнатия! Полжизни — гуляка и вояка, а потом... Бог мой, а тот же Лютер? Жил себе горняк, руду ковырял, по праздникам ходил в ближайший кабачок... Правда, он-то как раз и не святой.

— Святость, отец Азиний, — это состояние, данное свыше. Святой способен творить чудеса, а это уже от Господа. Он — проводник, связующая нить между нами и Небом...

— Мон... Синьор Гуаира! — в отчаянии воззвала ниша. — Молю вас, вразумите сего вьюноша, ибо...

— Ибо — что? — жестко усмехнулся парень.

— Ибо, — подхватил я, — во всякой ученой драчке бьют прежде всего истину.

Я вновь осмотрелся. Белое пятно неспешно поднималось над неровным краем полуразрушенных стен. Пора бы и брату Манолису объявиться!

— Теория «проводника», иначе же «кеваля», сьер Гарсила-сио, — это каббалистика в чистом виде, а книгу «Зогар» вам читать еще рано. Молоко на губах не обсохло.

Его уши мгновенно вспыхнули, тонкие губы сжались. Тото! А «Зогар» он, кажется, читал!

Дров, дров сюда! Да побольше!

— Но нас интересует не «Зогар», а истина. В ваших словах что-то есть, юноша. Вспомним Святого Ксаверия! Когда он приехал в Индию, то вначале просто растерялся. Не зная языка, обычаев, традиций — что сделаешь? Я читал его письма — Ксаверий был в отчаянии. И вдруг...

— Помню, — без всякого почтения перебил он. — Ксаверий стал понимать все языки, научился спорить с лучшими богословами язычников... Читал, хотя и сомневаюсь. Значит, вы со мной согласны?

— Отчасти, — улыбнулся я. — Примем идею «кеваля» в качестве гипотезы. Как и теорию Коперника. Но не будем отрицать догматы.

— Нет! Нет! Мон... Дети мои! Что я слышу?

Вначале показалась чалма. Вслед за нею — и сам брат Азаний с воздетыми к небесам руками.

— Не должно мудрствовать, дети мои! Все сии гипотезы и теории не стоят слезинки Святой Исидоры, двадцать лет коленями на гвоздях простоявшей! Не стоят пылинки на стопах Святого Елизария, выколовшего себе зеницы, дабы не соблазняться соблазнами греховного мира! Не стоят... Ай!

Бедняга слишком увлекся.

* * *

Трое крепких плечистых парней в фесках и темных каптанах, перевязанных яркими кушаками, уже некоторое время с интересом прислушивались к его горячей проповеди. Мушкетеры-янычарки за плечами, ятаганы при поясе...

Действительно — ай!

— Калимера!

Я встал, быстро соображая, на каком языке с нами поздоровались, но ответить не успел.

— Иль алла! Басмилля! Салам! — взвизгнул брат Азиний и резво попятился обратно к стене. Но не тут-то было.

— Осман? — На усатых загорелых лицах проступило явное недоумение.

— Осман! Осман! Турок я! Турок! Мусульман ми! — с готовностью согласился бывший регент, выхватывая из-за пазухи какой-то помятый свиток. — Я есть Ислам-ага, потомственный баккал¹ из города Измита, рахмат якши! Вот, вот! Ираде самого падишаха, да продлятся его дни!

Я обреченно вздохнул. Потомственный баккал из города Измита в сутане и чалме, изъясняющийся на тосканском наречии!

Не лечится!

Парни в фесках переглянулись, тот, что стоял посередине, лениво потянулся к ятагану.

— Турок, значит? Мусульманин? — поинтересовался он на довольно чистом итальянском. — Ислам-ага?

— Ага! — в отчаянии завопил брат Азиний. — Я — баккал из цеха баккалов, у меня султанское ираде, я ехать по его высочайший повелений в Лехистан!..

— Как это будет по-турецки? — поинтересовался усач у своего соседа.

— Секим-башка, — с готовностью отозвался тот. — Освежем турецкую собаку!

Теперь они говорили по-гречески, на диком левантийском наречии — языке торговцев и пиратов, плавающих под косыми латинскими парусами от Крыма до Сицилии.

— Нет! Найн! Нон! — заголосил несчастный на всех известных ему языках и бухнулся на колени прямо на жесткий мокрый камень.

— Ай!

— Оставьте его!

Негромкий женский голос ударил, как бич. Парни замерли. Брат Азиний переместился с колен на брюхо.

— Калимера, синьоры! А турок, между прочим, мы не любим.

* * *

На ней был такой же каптан вкупе с кушаком, вместо фески — черный платок. Мушкет тоже присутствовал, вдобавок из-за пояса торчала рукоять пистолета.

¹ Баккал — бакалейщик.

Большие яркие губы, темные глаза, огромные — утонуть можно...

Артемиды!

— И кто же из вас будет синьор Гуаира?

— Не я-я-я! — поспешил сообщить искатель святости.

— Вижу. Может быть, ты, красавчик?

Она повернулась к сыеру Гарсиласио, взгляд ее сразу же стал иным — внимательным, оценивающим.

— Нет, не ты. Ты еще молод, чтобы тебя называли «папас». Калимера, парень! Меня зовут Василиса.

— Гарсиласио. Добрый день, синьорина.

Сьер еретик невозмутимо поклонился. Девушка не без сожаления отвела от него взгляд. Настала моя очередь.

— Калимера, синьор Гуаира. Дядя ждет вас. Я — Василиса Канари. Вы пойдете со мной, а ваши спутники подождут здесь. Далеко пусть не уходят — опасно.

— Повинуемся... каллос!¹

Она даже не улыбнулась, но в глубине бездонных глаз что-то вспыхнуло. Суровой Артемиде не было и двадцати.

Я повернулся к сыеру де ла Риверо, дабы назначить его старшим на время моего отсутствия, но меня опередили:

— Синьор Гуаира! Синьор! Прикажите этим добрым синьорам отпустить меня!

Брат Азиний, уже успевший встать на четвереньки, яростно мотал головой, сбрасывая чалму.

— Ибо имею потребность столь естественную, что отказать мне было бы поистине жестокосердно! Более скажу, потребность сия уже проявилась...

Один из усачей повел носом, скривился. Другие, последовав его примеру, поспешили отойти в сторону.

Ну что тут было делать? Разве что посоветовать использовать султанское ираде по назначению.

Рахмат якши, Ислам-ага!

2

Очаг горел прямо на старой мозаике.

Грубо околотый, потемневший от огня известняк попирал игривых дельфинов, обгоняющих чернобокие корабли, плывущие среди маленьких белых барашков.

¹ Каллос — прекрасная (греч.).

Я огляделся.

Ровные блоки стен, мраморный порог — и неровно прорубленное окошко. Над головой — черные балки, новые ли, старые — не понять.

Древний дом все еще жил, изуродованный, непохожий на себя, прежнего.

— Калимера, монсеньор. Простите, что приходится встречаться здесь.

Седоусый старик подкинул в огонь несколько чурочек, медленно встал.

— Я не всегда выбираю места. Еще раз простите.

— Пустое, брат Манолис!

Он был высок и костист, Манолис Канари, левантйский контрабандист и понтийский пират. Все та же феска, каптан, кушак, остроносые турецкие сапоги. Правда, оружия не было, словно старый корсар презирал опасность.

Странно, после всего, что довелось услышать в Истанбуле, он виделся мне совсем другим — толстым, в халате золотого шитья, с непряменным кальяном в жирных пальцах.

Кальяна я не увидел. Только трубка — большая турецкая «люлька». Трубка, пара кожаных выюков в углу, странная жаровня, полная песка, и еще более странная посудина, в которой дымилось что-то черное.

Небогато!

— Кофе будете, монсеньор?

— Простите?

Две маленькие чашечки — толстенные, с витыми ручками. Черное варево тонкой струйкой полилось из посудины.

— Кофе. Его привозят из Йемена. Он горький, но придает силы и бодрости...

Горечь я ощутил сразу. Осталось ждать остального.

— Вы редкий гость, монсеньор. В последние годы Общество забыло обо мне.

Это было не совсем так. Даже наоборот. В Риме брата Манолиса вспоминали очень часто, но его смелые прожекты, включая высадку в Морее испанского десанта, казались слишком несвоевременными.

Он тоже не любил турок. Потому и пришел к нам.

Бог мой! Никто в Высшей Конгрегации не мог даже сказать, католик он или схизматик! Захваченная у турок добыча справедливо делилась им между теми и другими. На Афоне его считали своим.

— Я рад, что смогу лично доложить вам о сделанном. Кроме того, у меня есть очень важные новости из Истанбула и Тегерана.

Жаль, я не курирую эту провинцию. С таким, как Канари, интересно работать.

Интересно — хотя и страшновато.

— Насколько я знаю, Конгрегация интересуется новостями по делу Шабтай Цеви. Я недавно получил письмо из Смирны...

Шабтай Цеви? Уж не тот ли мессия, о котором вещал кто-то из поделльников сьера римского доктора?

— Впрочем, вам виднее, о чем спрашивать, монсеньор.

Да, мне виднее. Жаль, нет времени узнать, как там дела у мессии из Смирны.

А вдруг — и вправду? (Храни нас Иисус от такого соблазна!)

— У меня к вам вопрос по поводу донесения из Киева.

Он не удивился, по крайней мере на его загорелом, странно гладком лице это никак не отразилось.

— Боюсь, ничего интересного вам рассказать не смогу. Сам я не видел этого русина....

Русина? Уже интересно! Черный напиток из Йемена сразу же стал значительно слаже.

В конце мая года от Рождества Христова 1649-го на окраине Бахчисарая появился путник. Усталый, изможденный, он упал на пороге Успенского монастыря. Старая рана в плече загнойлась, запеклась черной плотью.

Путник умер на следующий день, успев пересказать игумену о том, что случилось в Киеве, как скоро показалась трава на поле. Пересказать — и нарисовать странную карту: три холма, буква N — и река под названием Callapka.

Странно устроен мир! Православный игумен поспешил известить об этом не митрополита, а брата Канари.

Не будем задумываться почему.

— Все, что мне передали, я переслал в Рим, монсеньор. У меня осталась только запись его рассказа.

Широкая ладонь на миг исчезла в одном из выюков.

— Вот...

Я быстро пробежал глазами начало.

«Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопья на Киев, подступили к днепровскому перевозу...»

Все знакомо. Только по-гречески.

— Скажите, настоятель монастыря — грек?

— Грек. Кир Афанасий.

Значит, грек... Русин скорее всего рассказывал на родном наречии, кир Афанасий (или кто-то из братии) перевел, а в Риме все это изложили уже на хорошей латыни. Отсюда и «hlorae». Надпись на карте тоже была по-русински. Не Callарка, а именно Каллапка.

Дьявол, как известно, в деталях. Но дьявол молчал. Callарка, Каллапка — какая разница!

— Спасибо! — вздохнул я, допивая кофе. — Придется вспомнить греческий.

— Я вас разочаровал?

Что тут ответить? Почему-то думалось, что здесь я узнаю больше. В Риме со мной не были откровенны.

— Вы ничего не слыхали о братьях Алессо и Паоло?

Он подумал, качнул седой головой.

— О тех, кого вы ищите? Алессо Порчелли и Паоло Брахман? Разве что о втором. Это прирожденный мятежник, монсеньор. В Индии ему удалось свергнуть раджу Серингпатама. Поэтому брата Паоло называли не только Брахман, но и Джанардана — Бунтарь. Говорят, ему стоило заиграть на дудочке, чтобы начался мятеж. Увы, это все.

Все? Ничего себе — все! А тараканы? А связь между дудочкой, порождающей мятежи, и «Штудиями о происхождении и бытовании жуков, клопов и в особенности клещей...»? Прирожденный мятежник — и знаток клещей?

Может, старый корсар все же ошибся и Брахман с Бунтарем — просто разные люди?

Скрипнула дверь. Брат Манолис привстал, под усами шевельнулась улыбка.

— Вы, кажется, знакомы с моей племянницей?

Лицо Артемиды было по-прежнему суровым. Едва кивнув мне, она подошла к очагу, присела рядом с дядей, наклонилась, зашептала.

— Гм-м...

«Гм-м» прозвучало как-то странно. Невозмутимый грек явно смутился.

— Монсеньор... Василиса случайно услышала, будто один из синьоров, которые вас сопровождали, весьма ученый человек. Гм-м.. Н-да...

— Который? — откликнулся я. — Отец Азиний?

— Другой, — буркнула амазонка и поспешила отвернуться.

— Так вот, — вздохнул корсар. — Моя племянница всегда отличалась любознательностью... В общем, она просит разрешения побеседовать с ним.

Любого другого я, быть может, и пожалел. Но еретики недостойны жалости.

Я встал, согнулся в поклоне.

— Он ваш, синьорина!

Когда дверь вновь закрылась, мы с братом Манолисом взглянули друг на друга.

— А вожжами пробовали? — поинтересовался я.

В ответ грек только вздохнул, и я решил не бередить его раны.

* * *

Все-таки мы поговорили.

Он очень много знал, брат Манолис Канари, исповедник трех обетов и тайный коадьюктор Общества Иисуса Сладчайшего. Сицилия и Крит, Кипр и Сирия, Египет и бесчисленные острова Леванта, Истанбул, Дамаск, Багдад... Но из всего, что попадало в его паутину, мне требовались крохи. Правда, очень важные крохи.

Маршрут через Истанбул и Крым я избрал не случайно. Мои предшественники соблазнились коротким путем — через Вену, Краков и Львов, но это не привело их к удаче. Маршал Тюренн учил: лучше долгий поход по мощеной дороге, чем короткий — по болоту.

Но даже не это главное. Пропавшие искали не просто дорогу в далекий Киев, не просто след своих братьев по Обществу. Они искали Тайну.

Об этом я подумал сразу, как только Его Высокопреосвященство Джованни Аквавива поручил мне предпринять третью попытку. Тайна была, и не маленькая тайна предсказателя и любителя жуков, а нечто иное, пугающее.

Миссия в Киеве погибла. Не одна — вместе со всеми, кто исповедовал истинную веру.

Почему?

Город не брали штурмом, Святую Католическую Церковь не объявляли вне закона. Костелы и кляшторы никто не закрывал, не забивал ворота досками.

«Латинщики» готовили заговор? Резню? Шпионили?

Триста католиков на многотысячный город — какой уж тут заговор! Лазутчиков же принято хватать, вести в суд, привселюдно обличать, дабы посрамить врагов, а не резать по ночам.

Было иное. Кто-то умный и безжалостный побеспокоился, чтобы погибли все. Зачем? Не потому ли, что среди них был кто-то один — Тот, Который Знал?

Знал — что?

Уж не Тайну ли этой войны?

* * *

— Скажите, брат Манолис, что думали в Топак-хане, когда capitano Хмельницкий начал бунт?

— Гетьман Хмельницкий, — негромко поправил корсар. — Ничего не думали, монсеньор. Старый султан умер, а евнухам гарема было не до Лехистана. Я уже писал в Рим: Порта не готова мятеж. Она даже не пыталась им воспользоваться...

— Но ведь Крым... — начал было я, но Канари только махнул загорелой рукой.

— Вам не давали читать мои доклады, монсеньор! Уже пять лет, как Ханство порвало с Истанбулом. Падишаха даже перестали поминать в фетве на утреннем намазе. Но и Бахчисарай ничего не подозревал до последнего дня. Только когда Хмельницкий приехал и попросил подмоги, они проснулись. И то, признаться, не сразу. Нет-нет, монсеньор, пусть в Риме не смотрят в нашу сторону! Если кто и готовил войну, то не мы.

Может, поэтому брат Алессо и его неведомый спутник и бежали в Крым? Не в Краков, не в Москву. Впрочем, москвиты тоже ничего не знали о Хмельницком. Но не сами же поляки породили собственную гибель!

Тайна! Вот она — Тайна! И, конечно, киевская миссия пыталась ее раскрыть. Допустим, кто-то узнал. Узнал, доложил мессеру Джеронимо Сфорца. Но узнали и другие — как раз тогда, когда поднялась в поле трава. Спасать всех было поздно, и мессер Сфорца решил отправить в Крым брата Алессо вместе с помощником из верных русинов.

Значит, дело все-таки в Нострадамусе?

— Если вы любопытствуете относительно нынешних замыслов Порты...

— Да-да, конечно, брат Манолис...

Это меня как раз и не интересовало. Главное и так понятно. Турки наконец-то опомнились, сообразив, какая невиданная удача падает к ним в руки. Готовится договор с Хмельницким, золото послано и будет послано еще, какой-нибудь православный митрополит из Афин или Дамаска вручит гетьману меч, освященный на Гробе Господнем.

И пойдут казаки, рыцари православные, пластать в пень клятых католиков за турецкие деньги. То-то радость всем христианам! А там и янычарские полки подтянутся — под самый Чигирин.

Это все — дважды два. А меня интересовал корень квадратный из минус единицы.

Однако следовало слушать. Слушать, запоминать и, отрешившись, оставив себя-первого у дымящего очага, думать о Тайне...

...и не забыть поинтересоваться у брата коадьюктора о сущей мелочи: сам ли он беседовал с настоятелем Успенского монастыря?

И вообще, где сей монастырь находится?

3

Я застал шевалье дю Бартаса в полной боевой готовности. Два табурета у двери образовывали баррикаду, на скамье же в отменном порядке лежали пистолеты и обнаженная шпага.

Стало ясно: с нашими вещами ничего не случилось, да и случиться не может.

Сам шевалье, устроившийся на груде узлов и сумок, был задумчив. Причину сего я уразумел быстро, лишь только заметил в его руках раскрытую книгу.

Пикардиец штудировал Боплана.

— Мой дорогой друг! — вскинулся он, лишь только я заглянул в дверь. — Признаться, я уже начал волноваться!

Баррикада с грохотом разлетелась, томик в желтой обложке брякнулся на скамью.

— Однако же вы один! Уж не попали ли наши спутники в рабство к здешним татарам? Не подумайте, что я был бы рад этому...

Нет, конечно. Но, судя по тону, горевал бы он недолго.

О татарах он уже успел прочитать у Боплана.

— И как успехи? — поинтересовался я, кивая на книгу.

— Уф-ф-ф! Дорогой де Гуаира, сей писака изрядно темнит. Я так и не понял, кто затеял нынешний мятеж — татары или казаки?

— Книга написана еще до мятежа, — пояснил я. — Мятеж затеяли казаки.

— Р-разбойники!

Его тон мне понравился, но справедливость — прежде всего.

— Но вы же сами бунтовали против Мазарини, мой друг!

— Я — бунтовал?!

Дю Бартас нахмурился и впал в долгое раздумье. Наконец вздохнул:

— Однако же, друг мой, я обнажил свою шпагу против проклятого Мазарини, этого гнусного лакея, который... Ох, выходит, я и вправду — бунтовщик?

Целых два года он воевал в армии принца Бофора. И даже не попытался задуматься.

— Не огорчайтесь, шевалье! В некоторых случаях бунт дозволяется.

— Правда? — обрадовался он. — А в каких?

Настал черед размышлять мне. Объяснить пикардийцу, что такое неотъемлемые права людей, о которых писал доктор Марианна?

— В общем, когда твой враг — изрядная сволочь. Вроде Мазарини.

— Ага! Значит, эти казаки...

Я сбросил на лавку изрядно намокший плащ. За плащом последовал «цукеркомпф».

— У одного казацкого *capitano* украли жену и забили насмерть сына. Он обратился к королю, но тот отказался помочь. Тогда этот *capitano* собрал своих друзей...

— Ну-у, тогда все понятно! *Vieux diable!* Мой друг, я понимаю этих казаков!

Он понимал. Я, признаться, нет.

Войны никто не хотел, и в этом — одна из ее тайн. Значит, стихия? Ураган, налетевший неведомо откуда?

Не очень я верю в стихию!

— Однако же, — задумчиво молвил дю Бартас, — ежели взбунтовались казаки, о которых так скучно пишет мессер Боплан, какое отношение ко всему этому имеют татары?.. Эй, куда?

Последнее относилось к красной феске, которая внезапно появилась в дверном проеме.

— Каналья! — Шевалье грозно нахмурил брови, рука стиснула пистолет. — Mort Dieu! Мозги вышибу!

Феска дрогнула, подалась назад.

— Сын мой! Не поступай опрометчиво, ибо внешность обманчива бывает...

Брат Азиний, сверкая лысиной, переступил порог. Феска исчезла, зато остался весь остальной наряд: шаровары, темный каптан, подпоясанный кушаком, красные сапоги.

Турок превратился в грека.

— Счел я разумным, дети мои, перевоплотиться должным образом, в чем за скромную мзду помогли мне добрые люди.

Дю Бартас не выдержал и захохотал, рухнув на лавку. Я только вздохнул, ибо грек смотрелся немногим лучше турка.

— Надобно также разыскать мочало, поелику греки, как заметил я, носят усы...

Тут уже рассмеялся я, но совсем не так весело, как беззаботный шевалье.

Усы из мочала — смешно. А вот четверо чужеземцев в татарской степи — это уже не повод для веселья. Правда, брат Манолис обещал замолвить словечко перед своими друзьями-татарами, но этого мало. За степями лежат казацкие земли, где сейчас война.

Я открыл одну из сумок и разложил перед собой все, что удалось достать в Риме и Истанбуле. Еще год назад этих бумаг вполне бы хватило для безопасного путешествия. Но этой зимой Зборовский мир нарушен, и наше появление неизбежно вызовет слишком много вопросов.

А ко всему еще — язык! Русинское наречие знал только я. И то, признаться, скверно.

В коллегииуме отцы воспитатели делали все, чтобы я не забывал родную речь. Даже подарили славянскую Библию, изданную полвека назад князем Острожским. Читать я мог, а вот разговаривать...

Не с кем было. Да и незачем.

А потом пришлось учить гуарани, причем не одно наречие, а сразу несколько. Маской говорили иначе, чем кадуеи и гуайкура, а было еще наречие кечуа и многие другие, о которые с треском ломался язык.

И тут появился Станислав Арцишевский — Бешеный Стась. До сих пор не представляю, какая нелегкая занесла этого

полуполяка-полурусина в Бразилию. Но отчего ему пришлось бежать оттуда, я знал. Парень был честный, несмотря на то, что умел только две вещи: пить и стрелять из мортир. Но бить из пушек по безоружным индейцам и неграм он не захотел.

Так я снова вспомнил свою речь. И когда Станислав собрался домой, я почувствовал, что теряю брата. Веселого бешабашного брата, который громко хохотал над тем, как я пытаюсь говорить по-русински с индейским акцентом.

Я получил от него всего одно письмо, уже из Гамбурга. Стас собирался в Краков.

А потом началась война.

* * *

Я достал сложенную вчетверо бумагу, полученную от брата Манолиса, чтобы присовокупить ее к своему маленькому архиву, но тут же передумал. Такое не стоит хранить, к тому же я помню донесение наизусть. Разве что еще раз пересмотреть, освежить в памяти.

«Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек...»

Да, все верно. Помню. «...а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский, с которым было все улажено».

«...а в Киеве ждал их казак бывалый, мещанин киевский Павло Полегенький, с которым...»

Буквы дрогнули, словно готовясь пуститься в пляс. Бред! Я просто забыл греческий!

«...казак бывалый, мещанин киевский Павло Полегенький, с которым было все улажено. По данному им знаку Киев обступили со всех сторон, началась на улицах злая потеха...»

Хохот за левым ухом. Бумага дрогнула, налилась свинцом...

— Вы что-то уронили, мой друг!

• — Да-да, шевадье, сейчас подниму...

Я не сошел с ума. Это было. Было и есть, записанное неровными греческими буквами. Перо попало слишком острое, в нескольких местах бумагу прокололи насквозь...

«...казак бывалый, мещанин киевский Павло Полегенький, с которым было все улажено...»

Павло Полегенький — Паоло Полегини. Таких совпадений не бывает. Тот, кто приказал выкинуть его имя из документа, хорошо это понимал. Но ведь сказано «сгинул»! Неведомо куда! Я же помню: «А брат Паоло неведомо куда сгинул...»

«...А брат Паоло, свершив сие, неведомо куда сгинул...»

«Свершив сие»!

А я еще удивлялся, что за странная фамилия — Полегини? В Италии такую и не встретишь!

...Жуки, тараканы и в особенности — клещи. А также люди — зарезанные, утопленные, сожженные заживо.

Брат Паоло Брахман, прозываемый также Джанарданой, взялся за дудочку.

4

Похлебку на этот раз варил брат Азиний. Я проглотил две ложки и позавидовал сыеру Гарсиласио, до сих пор пребывавшему в нетях. Шевалье оказался более стоек, но после десятой ложки все-таки не выдержал.

— Признаться, синьоры, у меня сегодня отчего-то нет аппетита. Не иначе как от качки.

— Неужели не вкусно, сын мой? — наивно осведомился наш попик. — Ибо приложил я немало стараний...

И вправду! Немало стараний требовалось приложить, дабы сотворить такое с обычной хамсой.

— Отменно, отменно, святой отец, — вздохнул шевалье, глядя куда-то в сторону. — Однако же должно оставить трапезу и для синьора де ла Риверо.

Вот уж не ожидал от него такой вежливости!

Дворянин!

— А-а вы? — повернулся ко мне явно расстроенный регент. — Мон... То есть синьор де Гуайра! Должно сохранять силы телесные, как и учит нас Святой Игнатий...

Я покачал головой, мысленно поклявшись в следующий раз лично заняться трапезой.

— Так ведь вкусно! — в отчаянии воззвал брат Азиний, погружая ложку в котелок. — Дети мои! Готовил я по рецептам обителя нашей... О, синьор де ла Риверо! Наконец-то!

Я оглянулся. Сьер еретик стоял в дверях, имея вид задумчивый и несколько странный.

— Трапезничать! Трапезничать, сын мой! — возопил попик и, схватив сьера римского доктора за руку, потащил к столу. — Вот и ложка! Сейчас молитву прочтем!..

Мы с шевалье переглянулись, но я не внял его молчаливому призыву.

Муки телесные не менее мук духовных ведут к просветлению.

В пытошную еретиков!

* * *

— Что вы играли, друг мой? — поинтересовался шевалье, когда я отложил гитару.

— Похоронную песнь племени кадувеев, дорогой дю Бартас. Как раз под настроение.

Он вздрогнул и перекрестился, что с ним бывало не так уж и часто.

— Гоже ли играть сии языческие напевы? — пискнуло сзади. — Ибо сия песнь, по всей вероятности, есть часть зломерзкого обряда...

Я оглянулся. Брат Азиний, к этому времени уже успевший поменять каптан на сутану, восседал на лавке, тыча прыщавый нос в раскрытый молитвенник.

Не люблю попов!

— Кадувеи уже не язычники, а «кристиано» — добрые христиане, отец Азиний. Да и раньше они были очень странными язычниками. Чтили единого Бога и, между прочим, поклонялись кресту. Есть легенда, что их крестил еще Апостол Фома.

...Поэтому мы и называли наши поселки «редукциями» — приютами возвращения к истинной вере. Поэтому так охотно и слушали нашу проповедь.

— Индейцы, равно как негры и прочие китайцы, суть дикие животные! — упрямо проговорил попик. — Ведомо, что сотворил их Господь, дабы работали они в поте лица своего на благо наше! И да не обманет их человекоподобие истинных христиан!

Я встал, поглядел в мутное окошко.

— На дворе, кажется, дождь, не так ли сьер Гарсиласио?

Я поинтересовался именно у него, поскольку римский доктор уже несколько раз выглядывал наружу.

Интересно зачем?

Сьер еретик едва соизволил кивнуть. В этот вечер ему было явно не до меня.

— Прекрасно! Так вот, отец Азиний, по поводу индейцев. Да будет вам ведомо, что собор епископов в городе Лиме признал их людьми, сотворенными по образу и подобию Божьему. Это раз. Их признал людьми покойный папа Павел — это два. А сейчас будет три!

— Синьор! Монсеньор! Не нада-а-а!

Сначала за порог вылетел сам брат Азиний. Затем — его молитвенник и уж следом — феска.

Я хлопнул дверью и вновь взял гитару в руки.

— Отменно, друг мой, — прокомментировал невозмутимый шевалье. — Эти попы должны знать свое место. Однако же, друг мой, вы действительно не в настроении! Смею ли поинтересоваться причиной?

Причина? Да какая уж тут причина!

— Не знаю, друг мой. Наверно, из-за дождя.

* * *

Илочечонка, сына ягуара, предали.

Капкан, скрытый в высокой траве, яма с отравленным колом посередине, ловчая сеть, спрятанная среди листьев...

Предали!

Мне сообщили все — кроме главного. Тайна, которая вовсе не была тайной. А я еще недоумевал, никак не мог понять...

Миссию в Киеве тоже предали. И в Риме знали имя предателя! Знали — и не сообщили мне. А ведь бывалый казак Павло Полегенький служил в Республике много лет и прекрасно знал наши потаенные тропы.

Теперь ясно, как погибли братья Поджио и Александр! Им тоже не сказали!

Спросить бы, почему? Но у кого спрашивать?

Я — мягкий воск, я топор в руках дровосека.

Я — труп.

* * *

— Сьер де Гуаира! Можно вас спросить?

Голос римского доктора не предвещал ничего доброго, но я только кивнул.

— Вы сейчас так... эффектно заступились за наших заморских братьев. Почему же вы и ваши... (он покосился в сторону

шевалье) ваши друзья не построят Город Солнца тут, в Европе? Это проще, чем ехать в какую-то там Гуаиру!

— Вам это действительно интересно? — удивился я.

— Представьте себе, да.

— О чем вы, синьоры? — недоуменно поинтересовался шевалье, но его не удостоили ответом.

— Причина проста, сьер Гарсиласио. Собственность — и привычка к собственности.

— Ага! — Его глаза радостно сверкнули, но я поднял руку.

— Погодите! Город Солнца во всех деталях описал еще Платон. После него Блаженный Августин, затем Мор и Бэкон. Но никто не видел пути. Справедливость невозможна при наличии собственности, но люди слишком привыкли к ней...

— Забрать! — Тонкие губы сьера еретика дернулись в злой усмешке. — Забрать — и поделить! По справедливости!

— Да о чем вы, синьоры? — вскричал сбитый с толку дю Бартас. — Я ничего не понимаю!

— Позвольте вам разъяснить, синьор, — охотно откликнулся римский доктор. — Представьте, что крестьяне разграбили ваш замок, перерезали скот, землю поделили между собой.

— Что-о-о?!

— А в замке устроили общий коровник. Вам бы понравилось?

Влезать в подобный спор не хотелось. Проще всего довести любую идею до абсурда, тут сьер еретик далеко не оригинален. Но ведь когда-нибудь нам придется рассказать о Гуаире! И не только тем, кто читал Мора и Колокольца, но и таким, как шевалье.

— Из этого ничего не получится, — начал я.

— Слава Богу! — поспешил вставить дю Бартас.

— Так уже пытались делать — при Лютере. Имуущество целых городов объявлялось общим, делилось, распределялось. Но всегда находились обиженные, которым их кус казался слишком маленьким. И все начиналось сначала. Поэтому такой путь не годится.

— А ваши индейцы — ангелы! — хмыкнул сьер Гарсиласио. Я пожал плечами.

— Конечно, нет. Но они не знают, что такое «мое». Поэтому им легко привыкнуть к тому, что земля принадлежит всем. И не только земля...

— Жены, например, — подбросил дров в огонь еретик.

Шевалье перекрестился — второй раз за день.

И вдруг я понял, что разбит. Конечно, я сейчас могу расска-

зять, как мы строим Гуаиру. Как распределяем землю, как пытаемся убедить «инфлиес», что брак — это таинство, а не случайное сожительство, как учим их управлять миссиями.

Рассказать — но не убедить.

Для сьера Гарсиласио, отравленного протестантским ядом, Гуаира — ересь. Для шевалье — замок, превращенный в коровник.

Отец Мигель умел убеждать — даже таких, как эти двое.

Я — не он.

Сьер де ла Риверо удовлетворенно потер руки, празднуя победу. Хотелось осадить этого мальчишку, но внезапно я ощутил страшную усталость. Гуаира далеко, слишком далеко, дальше, чем Город Солнца и Остров Утопия. Здесь все иначе.

— Поэтому очевидно...

Сьер еретик встал, гордо расправил плечи, явно готовясь к произнесению победной речи. И тут я заметил, как у шевалье сама собой отвисает нижняя челюсть. Я даже не успел удивиться. Дю Бартас вскочил, молниеносным движением поправил воротник камзола...

— Калимера, синьоры!

Суровый голос прозвучал со стороны дверей. Я оглянулся.

На пороге стояла Артемида.

Что значит увлечься догматическим спором!

— Синьорина! Позвольте приветствовать... — Шевалье изящно поклонился, попытавшись по последней французской моде махнуть шляпой, но в последний момент сообразил, что его шляпа лежит на груди вещей. — Ваш приход, синьорина...

Василиса окинула дю Бартаса оценивающим взглядом, подумала, не без сожаления вздохнула и направилась напрямиком к сьеру римскому доктору.

Тот встал и потупил взор, начисто забыв о приготовленной инвективе. Артемида, не говоря ни слова, взяла сьера еретика за руку и двинулась к двери.

— Плащ! Синьор де ла Риверо, плащ! — вскричал шевалье, но тот даже не оглянулся. Оглянулась Василиса. Дю Бартас осекся и принялся задумчиво поглаживать бородку.

— Иногда мне кажется, что я уже старею, — наконец проговорил он. — *Vieux diable!* Мой дорогой друг, а нет ли у нас хотя бы глотка вина?

— Увы...

Пикардиец совсем пал духом.

— Бог мой, я как будто снова дома!

В его руках очутился знакомый потрепанный томик, зашестели страницы.

— Дорогой де Гуаира! Положительно сей неведомый пиит знал подобные минуты! Вот, к примеру.

Дю Бартас закатил глаза и завел мрачным голосом:

Свожу концы с концами еле-еле:
Залез в долги я по уши опять.
Пришли займы мне хоть пистолей пять
До пятницы на будущей неделе!
Я с воскресенья безнадежно пуст,
И кошелек мой тем же самым болен.
Пришли займы хотя бы пять пистолей,
Коль есть в тебе хоть капля добрых чувств!

Его голос креп, наполняясь живым, искренним пафосом. Славный шевалье явно знал, что такое пустой кошелек и пять пистолей займы.

Жениться с горя? — Лучше лечь в могилу!
Пришли мне хоть пистолей пять займы!
Фортуна-потаскушка изменила —
Я просто чудом избежал тюрьмы...
Что делать мне? — Схватить перо осталось
И написать тебе: читай с начала!

— Не в рифму! — не удержался я. — «Осталось» — «с начала» — даже не ассонанс.

— Зато правда! — отрезал дю Бартас и тяжело вздохнул.

Мое сердце не выдержало. Я взял с лавки плащ, надвинул на брови «сахарную башку».

— Ждите, мой друг! Схожу на охоту. Должны же здесь пить вино!

— О-о! — Пикардиец даже подскочил на месте. — Вы истинный друг, де Гуаира! Однако же не помиловать ли нам нашего попа? На дворе изрядный холод! Пусть лучше под лавкой сидит.

Я оценил его доброе сердце.

* * *

Шторм поутих. Седые волны по-прежнему захлестывали берег, но ярость уже ушла. Вода медленно отступала, обнажая черные, поросшие рыжими водорослями скалы и разбитый причал с обрывками мокрых веревок от исчезнувших в пучине лодок.

Я поднялся на высокий обрыв и глубоко вдохнул холодный сырой воздух.

Это еще не смерть, ягуар!

Гнев и растерянность уходили, словно смытые беспощадными тяжелыми волнами.

Меня никто не предавал. Общество не обязано давать отчет таким, как я. Тайна есть тайна, особенно если один из братьев становится изменником. Итак, есть приказ, есть человек, приказ получивший. А все прочее — от лукавого.

Это задание — не самое трудное. И не самое страшное.

В Риме хотят знать, что поделывает предатель Полегини? Куда исчез Нострадамус из Флоренции?

Они узнают. Узнают — и хватит об этом!

Я спустился ниже, к подножию холма, где возле невысоких голых маслин темнели неказистые рыбацкие мазанки. Вино здесь, конечно, найдется. А вот брат Азиний...

Брата Азиния я нашел неподалеку от причала. Попик был не один. Рядом с ним переступал с ноги на ногу худой чернявый мальчишка в дырявом каптане и огромной феске, налезавшей на нос. Оба они были очень заняты. Бывший регент что-то ворковал, склонившись к самому уху своего юного спутника, а тот слушал, разинув рот.

Я отвернулся.

* * *

Ночью меня разбудила какая-то возня. Негромко чиркнул кремьень, зажигая жир в светильнике.

— Синьора! Синьора! Куда вы?..

Их было трое.

Сьер де ла Риверо, мрачный, растрепанный, с соломинками в темных волосах, сидел на лавке, глядя в темное окно. Суровая Артемида, схватив ополоумевшего шевалье за руку, тащила беднягу к двери.

Брат Азиний пребывал в нетях.

— Де Гуаира! — отчаянно закричал дю Бартас, цепляясь за притолоку. — Мне, кажется, доведется ненадолго отлучиться!.. Синьора, синьора, смею вам заметить, что я отнюдь не владею греческим!

Я сочувственно поглядел на сьера римского доктора. Тот нахмурился, сделав вид, что разглядывает носки своих изрядно запачканных сапог.

Оставалось потушить свет и поудобнее укрыться амстердамским плащом. К счастью, поутру мы уезжали. Синьор Канари обещал дать проводника, трех коней и ослика — для брата Азиния.

Итак, ослов у нас прибавится. А вот брату Манолису надо все же порекомендовать воспользоваться вожжами.

Иногда помогает.

5

Долина Мертвых осталась позади, и я облегченно перевел дух. Сотни серых надгробий, обступивших со всех сторон узкую дорогу, черные старые деревья, заслонившие небо, тихий шелест, доносящийся словно ниоткуда.

И ни единого креста!

Даже бесстрашный шевалье явно обрадовался, когда мы выехали на открытое пространство. О брате Азинии нечего и говорить — бывший регент начал креститься, лишь только мы подъехали к высоким кладбищенским воротам. Невозмутимым оставались лишь сьер Гарсиласио да проводник — маленький худой татарин в драном халате и огромном малахае.

— Однако же тут покоятся отнюдь не христиане, — задумчиво молвил дю Бартас. — Странно, что мессер де Боплан не упомянул об этом месте!

— Караимы, — пояснил я. — Справа, на скале, их город. Монастырь будет слева, но чуть дальше.

— Караимский?

— Нет, — улыбнулся я. — Православный.

На третий день пути мы наконец-то увидели солнце. Тучи расступились, заполняя светом огромное ущелье, врезанное между серыми скалами. Мертвые не отпускали — мы въезжали в Иосафатову долину. Недоброе имя дали этому месту! Иосафатова долина — место встречи в день Страшного Суда.

Впереди был Успенский монастырь. Станный путь: караимская Долина Мертвых, Иосафатова и, наконец, Успение.

Дорога мертвецов. Дорога, где я искал следы мертвеца.

Выбора у меня не было. Если кир Афанасий не сможет помочь, придется ехать вслепую. Ехать самому — и вести других.

«Слепые — вожди слепых. Если слепой поведет слепого...»

Я думал увидеть храм, но передо мной была очередная скала. Узкие стертые от времени ступени вели в темную глубину. Маленькие окошки, прорубленные в серой тверди, издали походили на ласточкины гнезда.

Но крест все же был — неровный контур на выщербленном камне. Я с облегчением прочитал молитву.

Монастырь ушел в самые недра, словно пытаясь спастись от чужих сабель, вырубавших в людской плоти слова нечестивого Магомета.

Крепость Христова — последняя, все еще державшая оборону.

* * *

— Вы православный, сын мой?

Монах-привратник не спешил открывать узкую калитку. Настороженный взгляд из-под темного клобука, в руках — тяжелая палица.

— Я католик, отец. Мне нужен кир Афанасий. У меня к нему письмо.

— Оружие есть?

— Не ношу.

Молчание — долгое, настороженное.

— Войдете один. Ваши спутники подождут у входа.

...Ступени, ступени, маленькая темная часовня с мигающими лампадками у закопченных икон, снова ступени. Вверх, вверх, вверх...

Вокруг — сырой камень. Внезапно чудится, что это гигантский склеп, откуда нет выхода, есть только темные коридоры, узкие проемы дверей, ведущие в костницы, полные желтых черепов...

...И снова ступени.

Кир Афанасий оказался неожиданно молод — немногим старше меня. Я почему-то представлял его совсем иным — седым, согбенным, опирающимся на клюку.

Письмо от брата Манолиса он даже не стал читать, только взглянул на подпись.

— Чем могу помочь, сын мой?

Прежде чем ответить, я долго подбирал нужные слова. Последний раз по-гречески приходилось говорить еще в коллегиуме.

Он дослушал до конца, подумал, кивнул.

— Помню. Мы похоронили этого несчастного за оградой. Он был католиком. Ближайший католический храм возле Альмы, но это слишком далеко.

— Это он просил переслать бумаги синьору Канари?

— Да. Мы чтим волю умирающих. Я лично записал его рассказ...

Обо всем этом я уже знал — или догадывался. Умирающий говорил по-русински, но игумен неплохо знал этот язык. Карту русин нарисовал сам.

— Были еще бумаги. Много бумаг — полная сумка.

— Что? — вскинулся я. — Кир Афанасий!..

Он впервые улыбнулся — невесело, одними уголками губ.

— Мы все сожгли. Он попросил и об этом.

Наверно, я застонал. Во всяком случае, взгляд из-под темного клобука был полон сочувствия.

— Увы, сын мой! Увы... Разве что...

Негромкий звон колокольчика. В дверь кельи заглянул кто-то безбородый, с острым птичьим носом.

— Латинский молитвенник!

Птичий нос исчез. Игумен повернулся ко мне.

— Умирая, он завещал монастырю свой молитвенник. Это католический молитвенник, но таким даром грех пренебрегать. Он может вам помочь.

Спорить я не стал. Почему бы не прочитать бессмертные слова «Ищите и обрящете»? Знать бы где!

Молитвенник оказался самым обычным — маленьким, в дорогом кожаном переплете с золочеными застежками. Я взглянул на первую страницу: «Milano, MDCILII A. D.».

— Перелистайте!

Наши взгляды встретились. Я вздрогнул. Зашелестели страницы...

Маленький, сложенный вчетверо листок бумаги оказался как раз между молитвами Святому Сульпицию — об излечении от хромоты и об удаче в бурю.

...Мелкий ровный почерк, знакомые латинские буквы...

«Согласно предписанию куратора миссии монсеньора Джеронимо Сфорца. Воеводство Киевское...»

Я затаил дыхание. Есть!

— Не буду мешать вам, сын мой. — Игумен встал, пальцы сложились троеперстием. — Будьте мудры, яко змий!

И ягуар стал змием.

* * *

...Выврано из тетради. Сверху — маленькая цифра «I». Первый лист, возможно, самый важный, оттого и положен в молитвенник. Мне повезло: умирающий просто забыл о нем, а кир

Афанасий не решился сжигать то, что не велено. И отсылать брату Манолису тоже не стал. Удачно! Этот листок мог легко затеряться в недрах Среднего Крыла.

*«Согласно предписанию куратора миссии монсеньора Джеро-
нимо Сфорца. Воеводство Киевское.*

Начало работы — март 1642 А. Д.

Цель: пресечение эпидемии безумства, в особенности же на религиозной почве.

А. Определение границ территории, на которой предполагается воздействие, равно как мест с наибольшим и наименьшим резонансом...»

Я закрыл глаза, повторяя про себя странные слова. Думать можно будет потом. Сейчас — запомнить, заучить наизусть. «Пресечение эпидемии безумства»... Странно, очень странно!

*«...В. Исчисление «даймона» сего места. Для этого требуется:
Наблюдение за поведением животных, птиц и насекомых.*

Такое же наблюдение за людьми, пребывающими купно, в особенности же под час церковных праздников.

Сбор всех ведомых случаев отклонения от обычного, попадающих под известную систему...

*С. Нахождение оптимальных приемов и методов воздействия.
Примечание...»*

Запахло паленым. «Даймон»... Который? Козлоногий с кривыми рогами? Но его не требуется исчислять!

*«Примечание. Конечно же, из органов чувств наиболее эффективно воздействие на зрение, однако же на практике сие трудно-
достижимо. Посему оптимальнее всего влиять на слух, используя привычные звуки. Например, для данной местности логичнее всего применить колокольный звон, слышимый практически всюду.*

Д. После указанной подготовки осуществить снятие защиты от «даймона», для чего потребно нейтрализовать систему кровообращения у нужного числа людей. Для сего должно использовать подходящее насекомое...»

Внезапно я ощутил дрожь, словно «подходящее насекомое» уже заползло в рукав, готовясь ужалить. Подходящее насекомое — нам по книжечкам знакомое... «Жизнь Насекомых, или

же Штудии о происхождении и бытовании жуков, клопов и в особенности клещей...»

Не может быть!

А, собственно, отчего это не может?

«...из тех, что вводят известные секреты в людскую кровь. В изучаемом случае это обычный аргас, широкое распространение которого не представляет трудности. Люди со снятой защитой, то есть «проводники», должны составлять не менее одной двадцатой от общей численности. Их следует распределить равномерно по всей территории.

Примечание. Немалое количество бродячих безумцев, называемых юродивыми, позволяет удачно маскировать накопление «проводников».

Е. Далее действовать в обычном порядке, однако же следует не пренебрегать предосторожностями, поскольку после превышения нагрузки на «проводников» воздействие становится неуправляемым».

Вот так! Оказывается, предосторожностями тоже не должно пренебрегать. В особенности когда запускаешь полчища аргасов на ничего не подозревающее «нужное число людей».

Не Божья работа!

Ох, как вы правы, Ваше Высокопреосвященство!

Не Божья!

На обратной стороне ничего не было, и я облегченно вздохнул. Хватит и этого. Листок, вероятно, придется отдать, а по-сему...

Я вновь закрыл глаза. «Согласно предписанию... Сфорца... эпидемии безумства... известные секреты... широкое распространение которого...»

Помню!

Помню, ввек бы мне такого не читать!

Я перекрестился и принялся искать колокольчик.

* * *

..Ступени, ступени, ступени... Из темных поперечных проходов несло тленом, огромные немигающие глаза святых на облупившихся фресках смотрели холодно и презрительно, словно обитель покидал не гость, а вор.

Здесь не умели беречь тайн. Будь я на месте этого чернобо-

родого схизматика, я ни за что не показал бы подозрительному «латинщику» листок из миланского молитвенника. А что, если он (я!) тоже любитель клещей с клопами? Страшных многоногих чудищ, способных вводить секреты в людскую кровь?

О том, что было на сожженных страницах, кир Афанасий не сказал ни слова.

И слава богу!

Хватит и того, что я теперь знаю.

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек. А в Киеве ждал их казак бывалый, исповедник трех обетов и коадьюктор Общества Иисуса Сладчайшего брат Паоло Полегини, с которым было все сговорено. Онный брат был зело искусен в умении напускать на нужное число людей кровососущих аргасов, дабы сделать из них беспамятных «проводников». А потом весело звенели колокола, и толпа шла на штурм дворца раджи Серингпатама.

Есть ли колокола в Индии? Или там «логичнее всего» применять дудочку?

* * *

— И в бездну схизматика Фотия, анафеме преданного, впадаете!..

Крик я услышал еще за калиткой. Даже не крик — дикий рев.

Ослиный.

— А Фотий тот предания апостольские презрел и, яко безумец, вознес длань на престол Петра Святого, и онный престол хулил, продавшись магометанам безбожным, равно как иудеям, Спасителя за тридцать сребреников продавшим...

Из тьмы на свет... Я зажмурил глаза, но, к сожалению, забыл заткнуть уши.

— Вы же бреднями того Фотия сыты, яко пес, свою блевотину пожирающий! Горе вам, блудодеи, поругания ради клобуки воздевшие! Покайтесь! Покайтесь, дети мои, дабы осенила вас благодать Господняя!

Глаза я открывал без всякой охоты, заранее догадываясь, что доведется увидеть.

А увидел я феску.

Феска торчала над обломком скалы, лежавшим неподалеку от запертых монастырских ворот, под феской же свежими прыщами краснел нос брата Азиния.

Содомит проповедовал, сжимая в пухлой ручонке медное распятие. Вторая рука, сжатая в кулак, раз за разом рассекала воздух, тыча в безмолвные черные окна.

— Ведомо ли вам, свет истины отвергшим, что Собор Флорентийский схизму вашу, яко траву сорную, искоренил и чад Церкви Константинопольской к истинной вере направил? Равно как собор Брестский во времена недавние сие подтвердил и путь к спасению вашему проторил!..

Так-так! Брат Азиний, кажется, решил принять обет миссионерства.

Лошади скучали возле высокой черной маслины. Сьер Гарсиласио с независимым видом разглядывал вершины близких гор, славный дю Бартас, явно не зная, что делать, топтался посреди дороги.

Проводник спрятался.

Я оглянулся и понял почему.

К сожалению, ослиный рев услышали. И не только безразличные ко всему скалы.

Татары!

Четверо всадников на низкорослых лохматых конях. Огромные, закрывающие лица малахаи, темные халаты, подбитые лисьем мехом, красные сафьяновые сапожки. Кривые сабли, луки в сагайдаках...

Они стояли чуть в стороне, безмолвные, недвижные, словно высеченные из камня.

Слушали.

К счастью, попик вещал на скверной латыни, едва ли понятной этим гуннам. Но слишком уж громко!

— А посему молю вас, братья! Повторяйте за мной Символ Веры, на Феррарском Соборе заново утвержденный! Повторяйте, и да спадет с вас короста заблуждений ложных!..

Я начал быстро спускаться, надеясь успеть. Первым делом — кулаком по шее, затем заткнуть орущий рот феской...

— И осенит благодать, от престола Святого Петра исходящая...

Не успел!

Недвижный камень дрогнул. Малахаи переглянулись.

— Понтико!

Странное слово хлестнуло, словно плеть. Ударили в камень копыта.

— Эй-эй! — запоздало вскричал дю Бартас. — Это наш поп!

— Стойте! Стойте! — вторил ему сьер еретик.

Поздно!

Поп был уже не наш.

Свистнул аркан. Один из всадников резко дернул рукой...

— Ай-а-а-а-я-я!

Бросок был точен — петля упала сверху, захлестнула, потащила вниз, прямо на острые камни.

Я оказался на дороге как раз, чтобы успеть увидеть уходящих рысью всадников и жалкого червя, волочившегося за ними на веревке.

Червь извивался.

* * *

— Вы должны ему помочь! Вы обязаны!

Я покосился на сьера римского доктора без всякой симпатии.

— Вы отвечаете за него!

Хотелось спросить, что делал он сам, пока ополоумевший дурак расточал цветы своего красноречия, но ругаться не хотелось.

— А может, и без попа обойдемся? — задумчиво проговорил дю Бартас. — Хотя... Жалко! Говорят, эти басурмане сажают всех христиан на кол!

Кажется, шевалье перечитал мессера Боплана.

Я поглядел на пустую дорогу. В нескольких милях отсюда, за облепившим крутые склоны лесом, Бахчисарай. Значит, недоумка следует искать именно там, в столице Малой Татарии, именуемой также Крымом.

Еще и эта забота! Будто бы иных мало!

— Хорошо. Найдите проводника.

6

После Истанбула Бахчисарай казался истинным сараем.

Единственная узкая улица — и глухие заборы, над которыми темнели острые скаты черепичных крыш. Толстые иглы облупившихся минаретов, голубые, потемневшие от времени и дождей купола, грязные арыки, откуда несло сыростью и вонью...

Где ты, «Тысяча и одна ночь»?

Солнце было в зените, а до заката предстояло много дел. Так много, что я решил слегка побеспокоить сьера римского доктора. На постоялом дворе, куда мы направлялись, наверняка найдется кто-нибудь, говорящий по-итальянски.

Вот пусть и расскажет сьеру Гарсиласио, где искать речку Каллапку!

— Гость — дар Аллаха, Адам-эфенди! Прошу, отведайте кофе!

Ибрагим-ага, местный кадий, сносно изъяснялся по-гречески. Кофе нам подали в маленьких чашечках размером с наперсток. Пить было неудобно, сидеть — тоже. В небольшой обвешанной яркими коврами комнатке не оказалось ни стула, ни скамьи. Пришлось поджимать ноги и устраиваться на корточках, подражая хозяину.

— Был ли легок ваш путь, уважаемый Адам-эфенди? Поистине Аллах, великий и милосердный, явил вам великую милость, переправив через столь беспокойный ныне Понт! Недаром море это все чаще называют Черным, ибо темны его волны и глубока пучина.

Даром Аллаха и Адамом-эфенди я стал всего за один дукат, врученный привратнику. Но внимательный и чуть насмешливый взгляд городского судьи предвещал куда более крупные траты.

— Надеюсь, вам понравился наш Кырым? Вот уж поистине земля, благословенная Аллахом! И не только красотой гор и долин славен он, но и порядком, о котором столь печется Ислам-Гирей, наш Пресветлый хан, да продлит Аллах его дни! Поистине даже девственница с золотым кувшином на голове может без всякой опаски пройти от Кафы до Ор-капе!

Я кивал, прихлебывая черный горький напиток и мысленно сочувствуя упомянутой девственнице. Тащить на голове золотой кувшин пару сотен миль! Да поможет ей Аллах!

— Посему и стоит стража на дорогах, взыскав порядка. Ибо многие лихие люди тщатся нарушить благоденствие, вкушаемое подданными Пресветлого!

Разговор медленно, истинно по-восточному сворачивал в нужную колею, ведущую напрямик к сидящему в городском зиндане брату Азинию.

— Конечно же, ни вы, уважаемый Адам-эфенди, ни спутники ваши ни в чем не виновны. Однако по неведению своему один из них не учел, сколь не любят здесь проклятых «понтико», этих гнусных разбойников, да проклянет их Аллах!

У развалин Топе-Тархана не любили турок. Здесь же косились на греков, особенно на «понтико» — вольных мореходов, шнырявших на низкобортных баштардах вдоль побережья. А на тех, кто поднимал ослиный крик на большой дороге, — в особенности.

Феска и темный каптан вкупе с неуместным рвением сыграли с бывшим регентом злую шутку.

— У меня нет сомнений, уважаемый Адам-эфенди, в истинности ваших слов, но следствие может изрядно затянуться...

Его глаза лучились добротой, на губах играла ласковая усмешка.

— Нидерландскими дукатами возьмете? — поинтересовался я.

Кадий вздохнул, явно сожалея о грубости и бесцеремонности своего уважаемого гостя.

— За последний год дукаты со стрелком упали в цене. Говорят, кяфиры-голландцы кладут в них слишком много серебра...

Я постарался улыбнуться как можно любезнее.

— Могу разменять. Говорят, Аслан-бек, начальник городской стражи...

— Не надо, — твердо ответил судья уже без всякой улыбки. — Мы же с вами культурные люди!

* * *

Бац!

— Три! — печально констатировал шевалье. — Нет, уже четыре!

Бац!

Его камзол был разложен прямо на глиняном полу, плащ пристроился рядом, сам же доблестный пикардиец ловко орудовал ножами шпаги, поражая врагов.

— И откуда они только берутся? Поистине, дорогой де Гуаира, лучше выйти на бой с испанской пехотой, чем...

Бац!

— Промазал! *Vieux diable!* Ну и местечко!

Караван-сарай, где нам довелось остановиться, оказался вправду не самым уютным уголком. Холодно, сыро, мутный свет из маленьких, похожих на бойницы, окошек. Ну и, конечно, полчища врагов, которых с переменным успехом разил шевалье. Они были всюду — на старых кошмах, устилавших пол, на молитвенных ковриках, уложенных возле восточной стены, и даже на потолке. Во всяком случае, один из негодяев — маленький и черненький — прыгнул на мою шляпу в первый же миг, лишь только я успел переступить порог.

Ко всем неприятностям прибавилась еще одна. Никто в этом забытом Аллахом заведении ничего не слышал о реке с названием Каллапка. Эту печальную новость мне сообщил шева-

лье. Сьер еретик, не изволив меня дожидаться, отправился на прогулку.

— К фуриям пошел, — глубокомысленно предположил дю Бартас.

— К к-кому?

— Ну-у... — Пикардиец явно смутился. — Это я так поэтически выразился, мой друг. Слыхивал я, что в басурманском раю праведников ублажают некие девы, прозываемые...

— Гуриями, — вздохнул я.

— Mort Dieu! Да какая разница! Не хочу сплетничать, но на этой улице находится некий дом, который легко узнать по зеленой двери...

Когда только узнать успел? Что значит военный опыт!

Мне повезло меньше. Правда, искал я не веселый домик, полный фурий, а нечто совсем иное. Увы, торговые караваны начнут ходить на север только через месяц, когда в Крым потянутся ватаги чумаков, спешащих загрузиться перекопской солью. Навстречу им пойдут другие, с рыбой, а также бесконечные стада овец.

Мы напрасно спешили. Ехать вчетвером по холодной негостеприимной степи было бы просто самоубийством — верным и достаточно мучительным.

Итак, придется ждать, пока не покажется на поле трава.

Я с тоской вспомнил Истанбул. Если за неделю моя маленькая армия умудрилась основательно разложиться, то что случится за месяц в этакой дыре!

Фурии с гуриями — только начало.

* * *

— А верно ли, дорогой де Гуаира, что татары, как пишет мессер Боплан, не склонны к употреблению вина?

В голосе шевалье промелькнула тревога. Увы, утешить его было нечем.

— Vieux diable! Поистине наше паломничество будет куда труднее, чем мне думалось!

Славный пикардиец вздохнул и вновь взялся за ножны. Я почувствовал легкое жжение за лопаткой и понял, что самое время следовать его примеру.

— Raх vobiscum, дети мои!

Я повернулся к двери и обомлел.

Малахай, теплый стеганный халат, красные сапожки, широкий пояс, за который заткнута короткая плеть-камча...

...И знакомый прыщавый нос.

— Рад я несказанно, что пребываете вы в здравии добром! Возрадуйтесь и вы, ибо выпущен я бысть из узилища сугубого, зинданом именуемого. Выйдя же на свободу, озаботился я принять вид должный, как и учат нас Святой Игнатий купно со Святым Ксаверием...

— Хоп-якши, эфенди! — вздохнул я. Шевалье моргнул, долго открывал рот, но так и не смог ничего вымолвить.

— К вам же, синьор де Гуаира, имею я некую просьбу. Встретил я в узилище отрока по имени Юсуф, ликом сходного с ангелом и нравом подобного ангелу же. Страдает же сей отрок за сушую безделицу, о которой и говорить неуместно. А посему достойно было бы внести за него подходящую мзду ради человеколюбия христианского, равно как и великой пользы. Ибо готов наставить я его в началах истинной католической веры...

Не помню, чем я в него кинул — кажется, пустым кувшином. Попал!

7

Там, на Кургане Грехов, пред ликом Бирюзовой Девы Каакупской, под строгим взглядом Ее всевидящих глаз...

...Черное одеяло сна подернулось желтизной, пестрыми красками осеннего леса, недвижно застывшего на пологих склонах Высоких Кордильер.

Кордильеро-де-лос-Альтос. Каакупе — За Высокой Травой...

...Благословляющая рука вздымается над огромной молчаливой толпой. Это она — *Milagrossa Virgen Azul*, строгая заступница и судья грехов наших.

Мои грехов...

Тяжелый груз за спиной. У всех — у меня, у брата Паоло Полегини, у еретика де ла Риверо. Тащить далеко — до самой вершины холма. Только там, сбросив неподъемную ношу...

...Ее всевидящий взгляд...

* * *

— Мне не дойти, отец Мигель! И ты ведаешь почему...

Он молчит — отец Мигель Пинто, провинциал Гуаиры, когда-то подобравший среди сельвы несмышлениша Илочонка. Молчит, потому что мертвые уже все сказали.

— Они несут камни, но разве камни тяжелее грехов? Что мне делать, отец?

Я-Та, старый ягуар, молчит. А склон дыбится, вздымается отвесом. Бесконечный, непроходимый склон Кургана Грехов.

— Мне запретили, ты знаешь! Я даже не могу исповедаться! Даже перед смертью, отец! Брат Полегини убил сотни людей, вызвал «даймона» из самых глубин Ада, но он дойдет! И этот мальчишка, ненавидящий все, чему я посвятил жизнь, он тоже дойдет! Их ноша тяжела, но они идут, они уже впереди!..

Да, они уже высоко, у самой кромки, совсем рядом с черным камнем, на котором стоит Она...

...И пальцы впиваются в мокрый песок...

* * *

— Ты знаешь, отец, что я только выполнял приказ! В этом смысл моей жизни, ради этого я жил! Ради этого — и ради Гуаиры! Мы — солдаты Христовы, наш долг, наш святой долг повиноваться! Ведь я — всего лишь воск, всего лишь топор дрово-сека!

Все! Они уже там, на вершине холма. Тяжкий груз падает на истоптанную землю, и в бирюзовых глазах Заступницы каждый видит свой приговор.

Оправданы!

Они все оправданы — колдун, еретик, остальные...

...Песок из-под пальцев. Вниз, вниз, вниз... Круг первый, второй, седьмой, девятый...

И ледяной холод Джудекки.

«...Потом я видел сотни лиц во льду, подобных песьим мордам; и доныне страх у меня к замерзшему пруду...»

* * *

— Я сделал все, что мог, отец! Мы изгнали предателя — проклятого метиса Хозе Итурбидо, сообщившего бандерайтам день, когда ты собирался перейти реку. Изгнали — а наутро его нашли мертвым, распятым на стволе кебрачо.

Ветхий Завет в ту ночь заступил Новый.

Око за око!

«...И я дрожал в темнеющей пустыне...»

— Да, я сделал все, что мог! И потом, когда мне предложили стать провинциалом Гуаиры, я отказался. Я отказался, отец! От мечты, от дела всей жизни! Ведь я верил! Я и сейчас верю, что мы строим Будущее, что здесь, среди сельвы и болот, растет Град Божий!

«...Так, вмерзши до ташища стыда и аисту под звук стуча зубами, синели души грешных изо льда...»

* * *

— Я не виноват! Нет! Есть Устав, там сказано, что любой приказ, даже если он ведет к смертному греху...

Чем они лучше меня? Еретики, блудники, убийцы, колдуны!

«...Когда луча ничтожная частица проникла в скорбный склеп и я открыл, каков я сам, взглянув на эти лица...»

Холм исчез. Длань Бирюзовой Девы За Высокой Травой не благословит меня.

Никогда!

Илочечонка, сына ягуара, изгнали из стаи.

Там, на Кургане Грехов, пред ликом Бирюзовой Девы Каакупской, под строгим взглядом Ее всевидящих глаз...

«...Подняв лицо от мерзостного брашна, он вытер свой окровавленный рот...»

Мой окровавленный рот...

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСИО ДЕ ЛА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

J

Описанные выше события прекрасно характеризуют отношение отца Гуаиры к людям.

Если бы не я и не дю Бартас, он бы и пальцем не шевельнул,

чтобы выручить бедного брата Азиния. Следует добавить, что наш товарищ был страшно избит и высечен плетью, что послужило для надменного иезуита лишь поводом для дальнейших насмешек над несчастным.

К

Его тайный грех, которым отец Гуаира так интригует читателя (и в котором ни разу открыто не признается), очевиден. Это он, а не какой-то несчастный метис, выдал отца Мигеля Пинто на расправу бандерайтам. И дело не только в приказе, им полученном. Отец Гуаира был монитором провинции, то есть непосредственным заместителем отца Пинто.

Надо ли пояснять?

Другое дело, из этого ничего не вышло, и, думаю, вовсе не потому, что автор отказался от освободившейся должности провинциала. Руководство Общества Иисуса, при всем своем цинизме, относится к убийцам и предателям с некоторой гадливостью.

L

Надеюсь, читатель уже догадался, что гнусные намеки автора на характер моих отношений с Василисой Канари — всего лишь мерзкая ложь. Она очень славная и скромная девушка, может быть, излишне искренняя в проявлении своих чувств и желаний.

Глава X

О татарийской степи, вновь о речке Каллапке, а также окладах заложных, зачарованных и химерных

Ростовщик: Ты, мерзкий бродяга, грязный оборванец, жалкий нищий, босяк, голоштанник, latronae! А ну, убирайся отсюда! Как смеешь ты идти той же дорогой, что и я?

Илочечонк: А ты-то кто?

Ростовщик: Ха! Знай же, что у меня в подвалах — восемь сундуков золота! Пиастры, дублоны, цехины, экю, соверены, песо! Я ем на золоте, сплю на золоте, умываюсь из золотого таза, и даже ночной горшок у меня золотой! А ты — жалкое отродье с дырой в кармане, не знающее, что такое золото, как оно блестит, как звенит, как пахнет!.. Да, кстати, что у тебя в руке?

Илочечонк: Разве не видишь? Лепешка!

Ростовщик: Так продай мне ее! Вот тебе золотой, радуйся!

Илочечонк: Не хочу.

Ростовщик: Как?! Ведь это же... Это же золото!

Илочечонк: Вот ты его и ешь!

Действо об Илочечонке, явление десятое

1

Трупы мы увидели сразу же за Перекопом. Белые стены Оркапе еще виднелись вдаль, когда вперёдсмотрящий, резко повернув назад, с громким криком помчался к одной из повозок, возле которой на соловом жеребце восседал наш караван-баши.

Станный караван! Охрана в татарских халатах и высоких остроконечных шапках, зато с немецкими мушкетами и французскими пистолетами. То ли и вправду татары, то ли заброды-греки, не разберешь.

Старшой каравана, красовавшийся в зеленой чалме, звался Осман-ходжа, но изъяснялся почему-то исключительно по-итальянски.

Впрочем, после трех недель в Бахчисарае этому можно было не удивляться.

Странная это держава — Татария!

Новый крик. Повозки, скрипя смазанными колесами, начали медленно останавливаться. Охрана заняла места, держа мушкеты наготове, но их рвение опоздало. Мертвые были уже мертвы, а живые — далеко отсюда.

Сначала я увидел коня. Вороной красавец со снятым седлом лежал на боку, подняв переднюю ногу, словно пытаясь в предсмертный миг ударить убийцу. А дальше лежали люди — голые, растерзанные, с пустыми глазницами.

Тление еще медлило, но степные птицы уже пришли за данью.

Четверо погибли в бою, изрубленные, пронзенные стрелами. Еще двое — старик и совсем мальчик — испили иную чашу. Костер горел долго, и страшные ожоги на их телах говорили о нелегкой кончине.

Убийцы не спешили. Предсмертные стоны умолкли совсем недавно. Угли костра еще тлели.

Охрана рассыпалась по степи, но вернулась ни с чем. Только дорогая женская накидка среди молодой зеленой травы да отрубленные пальцы со следами колец — тоже женские.

Это был первый караван, ушедший на север.

Мы — второй.

Мрачные возчики, привыкшие за долгие годы степных странствий к таким встречам, деловито доставали большие деревянные лопаты. Солнце уже сползло к горизонту, до темноты всем хотелось уйти подальше от мертвецов. Мулла, молодой, белый от ужаса, бормотал молитву, прижимая к груди томик в зеленом сафьяне.

Невесело начинался наш путь!

— Однако же, мой дорогой друг, — вздохнул шевалье, вкладывая шпагу в ножны, — не знаю, радоваться или печалиться, что эти мерзкие разбойники не дождались нас! Mort Dieu! Тут бы пушка не помешала!

Я представил себе Стася Арцишевского с его лихими бомбардирами. Эти бы шороху наделали!

— Странно мне все же, что татары грабят своих же татар!

— По злокозненности своей, — пискнул брат Азиний, пугливо озирающийся из-за спины своего серого ослика. — Ибо нет для басурман ни закона, ни совести!..

Моя славная армия явно пала духом. Да к тому же еще и распалась.

Со съером де ла Риверо мы не разговаривали уже вторую неделю. При редких встречах со мной съер еретик лишь кивал и спешил отвернуться. Я не настаивал. Не стал спорить и когда он решил ехать отдельно, наняв телегу вместе с возницей. Степь широка, но римскому доктору никуда от меня не деться. Мы оба это хорошо понимали.

— Слыхал я, что здешний король весьма строго следит за порядком на дорогах, — гнул свое дю Бартас.

— Как и мессер Мазарини, — согласился я, и славный пикардиец скривился.

— Не удивляйтесь, друг мой, — решил пояснить я. — Татары из самого Крыма не грабят. А вот буджаки и ногаи, которые кочуют поблизости, плохо слушаются приказов Светлейшего хана. Вы же помните, как здесь набирают войско!

Шевалье кивнул. Сбор орды — последнее, что мы успели увидеть, покидая Бахчисарай.

* * *

Зеленый флаг над дворцом, оглушительные крики глашатаев, звон копыт. Ислам-Гирей, владыка Крыма, сзывает бесстрашных батыров на помощь другу своему Зиновию Хмельницкому, гетьману Войска Запорожского.

Толпа — на базаре, на узких улочках, на площадях. Татарские халаты, малахаи, остроносые сапоги — и чужая речь. Не татарская, не турецкая. Немцы, венгры, греки, черкесы, русины, поляки...

Поляки!

И пойдет орда, и заплачут полячки и русинки, проклиная ненавистных басурман...

* * *

Крик. Старик в зеленой чалме махнул рукой. Заскрипели колеса.

Пора!

Я взобрался в седло и пустил коня шагом. Шевалье пристроился рядом, оставив нашего попа далеко позади. Общаться с братом Азинием всегда было нелегко, теперь же, после того, как бывший регент расстался со своим Юсуфом, он впал в черную меланхолию, временно забыв даже о поисках святых, воссиявших в этих диких землях.

В общем, всем было не до веселья. Не исключая и меня самого.

* * *

— Мессер де Боплан пишет, что из Крыма до Киева можно добраться за месяц, верхами же — за две недели.

Я улынулся. Книга в желтом переплете была все-таки прочитана. К тому же у шевалье оказалась неплохая память.

— Однако же не помешает ли нашему путешествию война, которая, как я слыхал, началась этой зимой?

Ответить мне было нечего. Бои на границе Галичины и Волыни идут с января. Это далеко, но недавно разнесся слух, что Радзивилл, великий гетьман литовский, собирает ландскнехтов в Белой Руси, готовясь к броску на юг.

Но дело даже не в этом. Я не спешил в Киев. Правда, знать об этом славному пикардийцу было пока незачем.

Я оглянулся. Белые стены Ор-капе исчезли в море зеленой травы.

Степь.

Три недели в столице Крыма не пропали даром. Каждый из нас употребил это время по собственному разумению и, кажется, ничуть об этом не жалел.

Не жалел и я. Ягуар чует добычу издалека. Легкий шум, еле уловимый запах, шерстинки, прилипшие к мокрой листве...

Брат Паоло Полегини оставил свой след. Легкий, еле различимый, он все же был замечен — даже из далекого Бахчисарая.

Собственно, след оставил не Паоло Брахман, коадьюктор и исповедник трех обетов, а старый казак Павло Полегенький.

Его видели.

С ним говорили.

Татары, ходившие под Зборов, купцы, останавливавшиеся в Чигирине, православный монах из Почаева...

Тесен мир!

У меня имелся даже его портрет, набросанный свинцовым карандашом на клочке бумаги. Правда, кроме усов и надвинутой на лоб высокой шапки, разобрать что-либо было мудрено. Впрочем, остальное я вполне мог домыслить.

Он появился в Киеве той весной. После резни, когда трупы убитых братьев уносило разлившимся Днестром, казак Павло Полегенький повел свою ватагу под Збараж.

Там его видели — рядом с кровавым псом Морозенко, обменявшим свое шляхетство на казацкую похлебку. Под стенами Збаража пуля настигла предателя, но Полегенький уцелел и вскоре был уже у Зборова, где казаки вместе с ханом окружили Его Милость Яна-Казимира.

Потом — Молдавия. Павло Полегенький помогал Тимошу Хмельниченко вырезать Яссы.

Брат Манолис Канари не ошибся — Брахман оказался прирожденным мятежником. Высокий, плечистый, никогда не улыбающийся, с вечным загаром на гладком лице, с небольшим шрамом у правого уха.

И рука — правая рука без среднего пальца.

Значит?..

Значит, в Киеве мне делать нечего. Брахмана не найдешь в лаврской келье или на паперти Софии. Он где-то там, на западе, где *capitano* Хмельницкий собирает казаков против короля. Или на юге, в плавнях Борисфена, среди запорожцев. Или где-нибудь в Молдавии, в казацком пикете.

Так что славному шевалье дю Бартасу не скоро доведется завершить свое паломничество.

Жаль, никто даже краем уха ничего не слышал о брате Алессо Порчелли.

Сгинул Нострадамус!

* * *

На ужин был плов.

Плов, да еще бараний, просто наслаждение по сравнению с азу из конины, которое довелось вкушать на обед.

Но и азу — совсем неплохо.

От стряпни брата Азиния мы отказались еще в Джанкое. На следующем привале я, вспомнив первые деньки в редукции Тринидад, взялся за половник — но не тут-то было. Доблестный дю Бартас вздыбил бородку, поклявшись питаться соломой, но не допустить, чтобы дворянин прикасался к котлу. Поскольку съер еретик обзавелся собственным хозяйством, пришлось искать выход. Он был найден тут же. Наши соседи по каравану охотно согласились за небольшую мзду взять в долю «кяфиров». Поскольку переговоры вел я, дю Бартасу так и не довелось узнать, что есть придется не только баранину, но и конину.

Все остались довольны — кроме брата Азиния. Бывший регент предпочел каждый вечер собирать в степи прошлогоднюю солому и варить в маленьком котелке нечто невообразимое из соленой рыбы.

И всем стало хорошо.

* * *

Котелок, деревянная ложка, пряный дух от слегка недоваренного риса...

— Бар-якши, Нагмат!

— Хоп, Адам-ага!

В этих пределах татарский я уже изучил. Даже дю Бартас уже неплохо отличает «хоп» от «йок». В остальном же приходится рассчитывать на мимику и труднопереводимое «твоя-моя».

К счастью, Нагмат, старший из наших сотрапезников, уже много лет ездит по степям и кое-как изъясняется по-русински. Вот уж не думал, что впервые за много лет именно так доведется заговорить на родном языке!

— Наши добрые хозяева чем-то удивлены, мой друг? Не возьметесь ли вы за труд узнать?

Удивлены? Скорее им весело. Младший, Муса, подмигивает, скаля белые зубы, Газиз, средний, посмеивается в редкую бородку.

— Нагмат, что случилось?

Старик качает головой, явно осуждая несдержанность своих спутников, но тоже не выдерживает — дребезжит от смеха.

— Э-э! Адам-ага нукер видел? Нукер приезжал после намаз?

Ах, да! Ближе к вечеру караван действительно нагнал не-большой отряд. Они ехали со стороны Перекопа. Старший — в высокой шапке, с маленьким флажком на пике — о чем-то долго говорил с караван-баши.

— Нукер по степи айда! Нукер жинка искать. Жинка из Ор-капе убежать!

Пока он вновь дребезжит, новость можно пересказать шева-лье. Дю Бартас чешет бородку, хмыкает.

А ведь и вправду смешно!

Смешно, когда «жинка» убегает из гарема самого Ор-бека. Да не куда-нибудь, а в степь, к волкам и разбойникам. А еще смешнее, когда ее поймают.

Ай, весело!

Впрочем, про то, как надрезают кожу под горлом, чтобы удобнее было свежевать беглянку, я переводить не решаюсь.

— А она, эта бедняжка, не может где-нибудь укрыться? — сочувственно вздыхает дю Бартас. — *Vieux diable!* Бывают же на свете добрые люди!

Теперь смеются все трое — и старый Нагмат, и белозубый Муса, и бородатый Газиз.

— Твой друг, Адам-ага, веселый человек! Хорошо с веселым другом по степи ехать! Якши!

Шевалье действительно пошутил — и очень удачно. Спрятаться среди молодого ковыля негде. В каждом караване — старший, за каждой телегой — присмотр. А за голову бежавшей уже назначена награда, тем же, кто пожадничает или сердцем дрогнет и не выдаст, дорога одна — на кол. Сначала бревно вострят, затем задницей сажают, потом конями натягивают.

Якши!

А есть еще разбойники, и свои, и лихие запорожцы. Вон пальчики женские до сих пор в траве лежат — закопать забыли.

Плов почему-то начинает горчить.

* * *

Огонь в камине, бросив алый блик,
Совсем по-зимнему пятная стены,
Трепещет меж поленьев — злобный, пленный.
И он к своей неволе не привык.

Умирающие угли костра, усталая гитара на коленях. Голос шевалье звучит негромко, глухо.

Во Франции — весна, и каждый куст
Расцвел и пахнет трепетным апрелем.
А здесь в апреле — сырость подземелья,
Мир вымочен дождем, и нем, и пуст...

Лишь капель стук по черепицам крыши
Звучит в ночи. И сердце бьется тише —
Смерть кажется желаннейшим из благ...

Нет, не блеснуть мне вдохновенной одой:
Родник души забит глухой породой.
...И лишь рука сжимается в кулак.

Да, во Франции весна, а на берегах Парагвая уже осень. Дожди кончились, в бездонном небе ярко горит Южный Крест...

— Думал ли я еще год назад, дорогой де Гуаира, что буду встречать Пасху на чужбине! Увы!

И я не думал. И от того, что земля, лежащая за близким горизонтом, — моя забытая родина, почему-то не становится легче.

— А я ведь был женат, мой друг! Моя Элиза скончалась тоже весной, два года тому назад.

Странно, что он сказал об этом только сейчас. Наверно, очень не хотелось вспоминать.

— Не скрою, напоследок мы поссорились с нею, когда собрался я в войско славного принца Бофора. И с тех пор терзает меня печаль, ибо не пришлось принять мне последний вздох моей дорогой супруги. Не кинул я горсть земли на ее гроб, и даже не ведаю, что стало с дочкой нашей. Жива ли? Говорят, проклятые испанцы осадили Руссильон, куда увезла ее моя тетка, баронесса дю Брасье...

Сочувствовать? Утешить? Из меня плохой утешитель. И я снова трогаю струны гитары.

...Пусть души их повенчает облако Южный Крест!

3

День — ночь, день — ночь, день — ночь, день — ночь.

Скрип телег, тоскливое воловье мычание, конский топот, пряный запах плова...

— Если верить мессеру де Боплану, то скоро мы подьедem к весьма широкой реке. Никак не разберу надпись... Ньеппер?

— Днепр, шевалье...

* * *

День — ночь, день — ночь, день — ночь.

Молодой ковыль, курганы с черными идолами, коршуны в глубоком весеннем небе...

— А верно ли, сьер де Гуаира, что именно в сих местах проповедовал Андрей Апостол? И как раз тут, возле Борисфена, воссияли первые Святые земли скифской — великомученики Римма, Пимма и Инна?

— Вам виднее, отец Азиний.

* * *

День — ночь, день — ночь.

Горячее солнце, первая, еще робкая пыль, вздымающаяся из-под колес, яркие цветы среди изумрудной травы, темные силуэты всадников в лучах вечерней зари...

— Благодарю вас, сьер де Гуаира, но я прекрасно себя чувствую и без вашего общества!

— Как хотите, сьер Гарсиласио.

* * *

День — ночь...

А потом появились чайки. Белые птицы парили над степью, недвижно распластав острые крылья. Повеяло свежим ветром.

— Ну, я же говорил, дорогой де Гуаира! Вот он, Ньеппер!

— Днепр, шевалье.

— А у Боплана написано «Ньеппер». Вот, первая страница: «Река Борисфен, именуемая в просторечии Ньеппером»...

...Борисфен. Ньеппер. Днепр.

4

Переправу стерегли, и стерегли крепко. Два десятка всадников в мохнатых малахях у пристани, еще столько же — у огороженного тыном куреня, над которым возвышалась сторожевая «фигура». Легкий, еле заметный дымок — факельщик замер

возле смоляной бочки, готовый в любой миг известить весеннюю степь о внезапной беде.

Место называлось Кичкасы. Именно здесь находилась главная татарская переправа через древний Борисфен. Слева — заросшая лесом Хортица, справа — страшный Ненасытец, каменной грудью загородивший реку.

Обо всем этом мне бодро отрапортовал шевалье, не преминувший прибавить, что ширина переправы — три четверти лье, и главный ее недостаток — густые заросли камыша у противоположного берега.

У славного дю Бартаса оказалась и вправду отменная память. Однако всезнающий Боплан забыл добавить всего лишь одну мелочь. Здесь, у вытяшенных на пологий берег паромов, — Татария. Там, на правом берегу, за зеленой стеной молодого камыша — Русь.

Я вернулся. Тридцать лет! Целых тридцать лет...

* * *

Первые вozy привычно подкатили к парому, но тут случилась заминка. Крик, растерянная беготня возчиков, топот копыт, зеленая чалма караван-баши, мелькнувшая возле самой воды...

— Уж не казаки ли затеяли некую каверзу? — бодро предположил пикардиец. — Ибо мессер Боплан особо отмечает их привычку нападать на караваны.

Послышался испуганный писк. Брат Азиний истово крестился, надвинув малахай на самый нос.

Я привстал в стременах, но ничего не заметил. Легкая рябь на воде, белые чайки, молчаливая стена леса, подступавшая к самой воде...

Оставалось ждать, пока вернется Нагмат, а затем пытаться понять его обычное «твоя-моя».

Твоя-моя понимай мало-мало шибко однако. Но все-таки понимай, тем более причина всей этой суеты оказалась на диво простой.

Искали «жинку».

Как я понял, обычно телеги просто пересчитывались, дабы знать, какой «бакшиш» полагался с владельца каравана. Но Орбек не любил шутить. Виденные уже нами нукеры побывали и здесь, строго наказав проверять все повозки, да не вприглядку, а основательно: возчиков в сторону, тюки на землю, какие поболе — развязать, а ежели надо — вспороть.

Отсюда и крик, и беготня, и зеленая чалма у парома.

— Бояться нечего, синьоры, — резюмировал я. — А в особенности вам, отец Азиний.

Попик потупил глаза и поспешил раствориться между повозок.

— Лет этак сорок назад, — задумчиво молвил дю Бартас, — Ее Величество Мария, королева-мать, изволила тайно покинуть некий замок. Для сего употреблена была ивовая корзина с плотной крышкой. Mort Dieu! Говорят, тяжела была старушка!

— Потом все это изобразил нидерландец Рубенс, — улыбнулся я. — Правда, корзину он лишь обозначил, поместив на заднем плане. Этим был весьма недоволен мессер Ришелье...

— Погодите! — перебил дю Бартас, всматриваясь в запрудившую берег толпу. — Ma foi! Неужели поймали?

Действительно, у паромов стоял крик. Малахаи суетились, в центре толпы образовался водоворот, кого-то кинули на землю, заломили руки...

— Но... Насколько я вижу, это не дама, — растерянно прокомментировал шевалье. — Не странно ли?..

— Монсеньор! Монсеньор!

Ослиный вопль ударил в уши.

— Монсеньор! Он... Она... Они...

— Оне, — вздохнул я, поворачиваясь, дабы осуществить давнюю мечту — наградить благочестивого брата Азиния изрядным тумакон.

Повернулся — и тут же раздумал.

Раскрытый в ужасе рот, малахай, едва цепляющийся за лысый затылок, выпученные глаза...

— Монсеньор!

— Наш дурак вас что, за епископа принял? — хмыкнул пикардиец, но я отмахнулся.

— Что?!

Попик резко выдохнул, мотнул головой:

— Некая дева... В телеге под рядниной пребывающая... Они... Они... Синьор де ла Риверо! Синьор...

— Вы что-то поняли? — начал пораженный дю Бартас, но я уже соскакивал с коня, ругая себя последними словами вкупе с предпоследними и всеми прочими.

Но не только себя. Напрасно я считал брата Азиния самым большим дураком в нашей теплой компании.

Глаза! Мои глаза!

Протолкаться поближе оказалось мудрено.

«Некую деву» заслонял плотный ряд малахаев, и я даже не

пытался ее разглядеть. Зато сьер еретик предстал во всей красе — скрученный веревками, в разорванном камзоле, с залитым кровью лицом.

Все еще не веря, я вслушивался в беглую скороговорку двух наших охранников, дышавших мне прямо в затылок. Левантийское наречие оказалось все же понятнее татарского. Вскоре я убедился, что прав — и насчет дурака, и по поводу зрения.

Кажется, узнавать мессера Нострадамуса скоро станет некому!

* * *

Беглянка ехала в той же телеге, которую нанял римский доктор. Не особо и прячась, просто накинув сверху мужской халат вместе с шапкой. Охрана проглядела — или засмотрелась на блеск новеньких дукатов из кошель сьера Гарсиласио.

Наша охрана — но не те, что стерегли переправу.

Телегу выкатили к парому, сняли вещи, затем — полотно, прикрывавшее сено, один из нукеров наклонился...

...и получил удар ножом.

У «некой девы» оказалась быстрая рука.

* * *

— Я так и не понял! Мой друг, что происходит? — загудело над самым ухом. — Синьоры, синьоры, прошу вас, не толкайтесь, мне ничего не видно!

Шевалье, растерянный и изрядно встрепанный, протиснулся поближе.

— *Vieux diable!* — гаркнул он, заметив меня. — Да объясните же, Гуайра!..

— Смотрите! — перебил я.

Толпа расступилась, отодвинулась назад, образуя неровный круг, посреди которого сгрудились стражники.

Двое нукеров вынесли недвижимое тело товарища и уложили его прямо на траву. Подбежал мулла, склонился, что-то забормotal, качая головой.

Крики стихли, сменившись легким опасливым шепотом. Мулла медленно выпрямился, что-то крикнул.

— Аллагу акбар! — слитно охнула толпа.

Юзбаши, старшой переправы — высокий татарин в ярком халате, махнул рукой. Громкий стук — из телеги выламывали оглоблю. Дерево трещало, не поддавалось.

Кто-то подбежал, принес топор.

Удар, удар, еще...

Двое других уже копали яму, кто-то распрягал лошадей.

— Это... Для кого? — прошептал побледневший шевалье. —

Неужто для бедной синьорины?

Отвечать было нечего. Как я понял, беглянку полагалось вернуть назад, за белые перекопские стены. Полагалось — но в тот миг, когда нож вонзился в грудь излишне бдительного стража, правила изменились.

Оглобля поддалась, и теперь быстрые удары острой стали превращали один ее конец в острый стимул.

Кони нетерпеливо ржали.

— Неужели... Неужели кол? — ахнул дю Бартас. — Ma foi! Что за варварство?

Я поглядел на сьера римского доктора. Тот стоял недвижно, глядя куда-то в бездонную небесную ширь. Кровь из разбитого носа заливала подбородок, капала на помятый камзол.

Дурак! Господи, какой дурак!

Злость ударила, захлестнула волной, и я наконец очнулся.

Кол ничуть не хуже мокрой соломы, но всему свое время.

Сейчас мне выколют глаза!

Мне!

— Найдите попа!

— Что? — вскинулся шевалье, не отрывавший глаз от страшных приготовлений. — Думаете, нашему другу следует исповедаться?

Ну, нет! Сьера римского доктора я сожгу без всякой исповеди. Но не сейчас.

Толпа, воздвигаемый кол и дурак с разбитым носом меня уже не интересовали. Я оглянулся, пытаюсь сквозь окружившие меня малахал разглядеть пристань.

На прибрежном песке было пусто.

Два парома, больше напоминающие плоты, стояли у берега, брошенные растяпами-перевозчиками. На одном, том, что побольше, — груженный воз, второй, поменьше...

Ага!

— Шевалье! Найдите отца Азиния и вместе с вещами тащите его на паром. Оглянитесь!

Дю Бартас привстал на цыпочки, кивнул.

— И... лошадей?

— Если успеете. Мне — сарбакан, он в сумке. Там же, в тряпке, — колючки. Поняли?

Пикардиец только моргнул.

— И сразу же возвращайтесь.

У него хватило ума ничего не переспрашивать. Миг — и славный дю Бартас исчез среди малахаев. Я облегченно вздохнул.

Между тем топор и лопата закончили работу. Зрители вновь расшумелись, торопя палачей. Настала очередь веревок, затем оглоблю воткнули в землю, измерили высоту, снова вынули и принялись углублять яму.

Мои соседи оживленно обсуждали важный вопрос: выйдет ли кол через рот сьера римского доктора или нет? В прошлый раз, как я понял, палачи-неумехи проткнули жертву насквозь, и острое пробило спину.

Я поглядел на храброго спасителя пленных дев, по-прежнему изучающего облака.

А хорошо бы! Наверно, у брата Паоло была большая коллекция вот таких, нанизанных.

* * *

Приготовления закончились, кол был торжественно продемонстрирован публике. Толпа радостно взревела, и я понял, что опоздал. Сейчас с этого мозгляка сдерут штаны...

...И некому будет опознать брата Алессо Порчелли.

Амен!

Мгновения тянулись, малахаи нетерпеливо переступали с ноги на ногу, но распорядители торжества почему-то не торопились. Юзбаши подозвал одного из нукеров, что-то проговорил тому на ухо...

Начинают?

Пестрый халат поднял руку, подождал, пока стихнут крики, и начал что-то говорить. Чем дальше, тем радостнее дышала толпа. Наконец над берегом пронесся общий вопль, и я проклял себя за то, что не удосужился выучить татарский.

Нукеры расступились, выталкивая вперед кого-то невысокого, в старом рваном халате. Резкий взмах руки — и новый крик разгоряченных малахаев.

...Теперь на ней была только длинная рубаха. Светлые волосы рассыпались по плечам...

Я понял. Прежде чем сьера Гарсиласио нанижут на кол, чашу поднесут беглянке. Она стояла не так далеко, но заглядывать в лицо светловолосой не хотелось. Сразу же вспомнились рассуждения о надрезах под горлом...

— Держите, друг мой!

Что-то твердое коснулось ладони.

Сарбакан!

— И эти... Только, mon Dieu, осторожнее!

Рука шевалье дрожала, когда он передавал мне колючки.

Я поглядел назад и почувствовал, как отпускает сердце. На малом пароме, среди груды наших вещей, гордо стояли два осла: длинноухий и лысый.

Строjenные кони топтались по деревянному настилу.

— Надеюсь, друг мой, я все...

— Вы гений, дорогой шевалье! — Я хлопнул пикардийца по плечу и благословил тот миг, когда услышал его ругань в гостиничном коридоре. — А сейчас устройте какой-нибудь кавардак. Да погромче! И тут же — на паром!

— Ага! — Его глаза блеснули. — Славно, mort Dieu! Но что будет с этой бедной девицей?

Отвечать я не стал. Кому-то сегодня не повезет. И ничего тут уже не поделать.

— Поспешите, шевалье!

Он вновь кивнул и начал протискиваться сквозь толпу. Я повернулся к сцене.

Ее лицо...

Нет, не смотреть, снится будет!

Я думал увидеть нож, но в руках у палачей были камчи. Один из них легко толкнул девушку в спину.

Крик!

Забывший всеми съер Гарсиласио дернулся, бросился к нукерам и тут же упал — древко копья ударило в живот. Упал, скорчился, попытался встать...

Копье ударило снова.

Девушка уже лежала на траве. Камчи лениво приподнялись...

Толпа затаила дыхание, кто-то, совсем близко, начал громко хихикать, и я почувствовал омерзение.

Почему я не рыцарь, не безумный идальго из Ламанчи? Первую колючку тому, кто слева, вторую...

И снова крик. Но на этот раз кричала она.

Камчи свистели, гоготала толпа, на белой рубаше проступало неровное красное пятно. Мои соседи уже бились об заклад, сколько ударов выдержит несчастная, прежде чем испустит последний вздох.

Крик, крик, крик...

Я опустил глаза и поудобнее пристроил сарбакан в руке. Теперь колючки...

«Батарея, пся крев, холера ясна, к бою!» — так, кажется, говорил Стась, наливая очередной кубок огненного пульке.

К бою, пся крев!

Я толкнул того, кто стоял передо мной, и, не обращая внимания на обиженный вопль, пробрался вперед. В ноздри ударил запах конского пота.

...Ее пальцы вцепились в траву, в мягкую весеннюю землю...

Прости! Я не виноват, что мне нужны глаза!

* * *

Сначала был удар и лишь потом — звук. Удар бросил на землю, звук залепил уши...

...Черный столб над повозками...

Сарбакан!

Я вскочил, радуясь, что не оказался в толпе, в страшной каше, вбитой в землю тугим ударом взбесившегося воздуха. Кричащей, орущей, ничего не понимающей каше.

Неужели в караване был порох?

Ну, шевалье!

Думать некогда, некогда осматриваться, разглядывать очумелых палачей.

«Будьте мудры, яко змий!»

Мне незачем быть мудрым, кир Афанасий!

Я просто — змея!

Я — жарарака из бразильской сельвы, взбесившая от злобы и ненависти, шипящая, смертоносная...

Первый укус! Юзбаши, ты самый опасный, самый сильный, ты сейчас сообразишь, что порох взорвался не случайно...

Есть!

Пестрый халат еще ничего не понял, ему не до легкого жжения в руке...

Тот, с копьём!

Укус!

Эти двое, что стоят рядом с мальчишкой, с глупым мальчишкой, которого надо кусать первым, но нельзя, нельзя!

Укус!

Все? Нет, те, с камчами, они уже встают, уже оглядываются...

Комара ищете?

Колючки еще есть, маленькие, черные, как блохи из караван-сарая...

Кусаю, кусаю, кусаю!

* * *

Я обернулся только после того, как съер Гарсиласио, зацепившись ногой за какой-то выюк, ткнулся носом прямо в неструганные доски настила.

Перепуганный ослик дернулся в сторону, чуть не скинув ополоумевшего брата Азиния в воду.

Где шевалье, черт побери?

Сзади кипел водоворот.

Поначалу я решил, что зрители, кое-как встав на ноги и отряхнув пыль с халатов, недоумевают по поводу резкой смены декораций. К тому же распорядители зрелища отчего-то лежат на земле, подергивая конечностями.

Нет, уже и конечностями не дергают!

Дю Бартас, где ты, пикардийская башка?

Сейчас они опомнятся, сообразят, что порох сам собой не взрывается и колючки изо лба не вырастают!..

Съер римский доктор, кое-как поднявшись на ноги, завopil, рванулся обратно, но я толкнул его в грудь. Брат Азиний, что-то наконец сообразив, схватил нож и принялся резать спеленавшие парня веревки.

Шевалье, бес тебя съешь!

Я вновь оглянулся...

, Кол!

Кол ожил. Огромный, тяжелый, он летал над толпой, сбивая малахаи, бросая людей наземь.

Звон в ушах исчез, сменившись целым водопадом воплей.

На миг толпа расступилась, спасаясь от очередного удара, и я узрел дю Бартаса. Шевалье возвышался, словно кедр ливанский, сжимая оглоблю в руках. Какой-то излишне смелый халат попытался поднырнуть поближе, но кол снова взлетел...

— А-а-й-й-й!

— К веслам! — гаркнул я и, не дожидаясь, пока съер еретик очухается, принялся отталкивать паром от берега. Брат Азиний схватил другое весло, начал бестолково помогать...

— Стойте! Стойте! — взвизгнул съер де ла Риверо и вновь попытался соскочить на берег. Не оглядываясь, я двинул его кулаком в бок.

— Назад, дурак!

Краем глаза я заметил, что водоворот приближается к пристани. Шевалье пошел на прорыв.

— Да толкайте же!

Паром, чуть дрогнув, отвалил от берега в тот миг, когда на него с грохотом бухнулся дю Бартас, волоча что-то напоминающее длинный вьюк.

— Шевалье, весло!

Я ждал, что заговорят мушкетеры, но в помост ткнулась стрела. Одна, затем другая...

Смотреть на берег нет времени, некогда даже взглянуть, все ли целы, все ли живы. Раз, раз, раз! Весла врезались в воду, пот заливал лицо...

Вьюк! Какого черта! Паром и так перегружен!

Раз, раз, раз!

Я все-таки сумел скосить глаза и тут же решил, что зрение начало меня обманывать.

Вьюк исчез.

Еще одна стрела ударила у самых ног, но паром уже уносило течением. Настил шатнуло, возле краев зашумели маленькие бурунчики...

Ушли?

Я наклонился, плеснул в лицо горсть холодной воды. Берег был уже далеко. На втором пароме сустились люди, но отплыть не спешили. Юзбаши мертв, а старшему каравана не до

гонок по просторам Борисфена. Потому и молчали мушкеты: нашей охране ни к чему чужие напасти.

— Да возблагодарим Господа, дети мои, за избавление от оков басурманских и от мук сугубых!..

Знакомый гнусавый голос внезапно показался ангельским пением.

— Амен, отец Азиний!

— Амен! — тяжелым басом подхватил шевалье.

— Амен...

Почему-то голос съера еретика прозвучал странно. То есть даже не странно, это был просто не его голос...

— Да гребите, гребите, чего стали!

Я оглянулся — и очумел.

* * *

Есть такая сказочка — про козленка, который умел считать. Раз — корова, два — бык...

Раз — это я, два — шевалье в разорванном каптане, вытирающий со лба пот, три — брат Азиний, бухнувшийся на колени прямо у ослиной задницы.

Четыре — светловолосая девушка...

— Да гребите же скорее!

Я даже не удивился, услышав русинскую речь¹.

— Синьорина, синьорина, как вы?

Ага, вот номер пять — съер еретик.

Перебор!

Я закрыл глаза, подождал, пока стихнут маленькие молоточки в ушах, глубоко вздохнул, оглянулся...

Слева — голый песок, справа — густой лес Хортицы. Могучее течение несло на юг, обратно к беспокойному Понту.

— Я сказала: гребите! Тысяча цехинов каждому, ежели доставите меня к отцу!

Я понял, что самое время раздать сестрам по серьгам.

— Суши весла!

Подождав, пока дю Бартас сообразит, что с указанным вес-

¹ Русинским («руським») в описываемое время называли не один язык, а несколько: украинский, белорусский, а также так называемый «книжный», представлявший собой смесь двух первых с включением польских и церковнославянских слов.

лом следует делать, я перебрался ближе к центру парома, дабы не напрягать голос.

— Отец Азиний, прочтите-ка «Credo».

Пока он гнусавил, уткнув взгляд в неровные доски, я вновь, уже основательнее, осмотрелся.

Славный шевалье все еще тяжело дышит, на щеке — свежая царапина, но он явно доволен собой.

В глазах сьера Гарсиласио медленно гаснет ужас, он уже почти очнулся — и тоже доволен собой.

Брат Азиний... Ну, с ним все ясно.

Значит, недовольны лишь я и наша гостья. Причем если причина моего недовольства очевидна, то ее...

— Ну, вы! Кто среди вас старшой? Отвечайте!

Голая пятка ударила в деревянный настил.

Сьер де ла Риверо вновь заладил свое про «синьорину», а я невольно залюбовался светловолосой девицей. Маленькая, крепкая, словно с очередной картины Рубенса, кулачки сжаты, в синих глазах — огонь.

Будто не ее только что камчами стегали.

— Оглохли, что ли? Эй!

Шевалье с надеждой поглядел на меня. А если бы она заговорила по-китайски?

— Гратулюю мощную та зацную пани в нашей теплой кумпани! То пани себя добре почувас?

— Панна! — Ее носик нетерпеливо дернулся. — Эй, хлоп, кто тут у вас старшой есть?

Я восхитился.

Сьер Гарсиласио попытался влезть в разговор, но девица не стала его слушать, а я — переводить. Следовало что-то решать. Скидывать гостью за борт — не по-христиански, бросить на пустом берегу среди камышей — опять-таки не по-христиански.

Отдать ей на съедение сьера римского доктора? Пусть панне сапоги чистит! Правда, у панны зацной и сапог-то нет!

Внезапно мой взгляд упал на расплывшегося в довольной усмешке пикардийца. А ведь шевалье нагрешил не меньше, чем еретик! Тот ее прятал, этот — на борт волок.

— То старшим у нас, мощная панна, пребывает зацный и пышный пан Огюстен дю Бартас, славный лыцарь, владетель пикардийский, многих иных земель дедич и оберегатель и самого архикнязя Бофора мечник. С ним же духовник его, падре Азиний, и мугырь¹ письменный Гарсиласишка, и я, Адамка-толмач.

¹ Мугырь — мужик.

Она быстро оглянулась, безошибочно нащупала глазами шевалье. Короткий поклон — вежливый, полный достоинства.

— Гратулюю пана мечника!

Если дю Бартас и растерялся, то лишь на миг. В воздух взлетела шляпа. Взлетела, с шумом пронеслась над кончиками сапог, снова взмыла в воздух.

— Перетолкуй пану мечнику, что Ядвига Ружинска, дочь пана каштеляна гомельского, за помощь благодарит и на будущее надежду имеет.

Я с удовольствием перевел. Пикардиец, оставив шляпу в покое, гордо надул щеки.

— Друг мой, переведите прекрасной синьорине Ружинской...

Он задумался, но я не стал ждать.

— ...Защный и пышный пан дю Бартас в том великую честь видит и не пожалеет самой жизни для прекрасной панны, нима-ло на награду не надеясь!

Она кивнула, вполне удовлетворенная.

— В том слышу я голос истинного лыцаря. Однако же переведи, Адамка, что людишки пана мечника по тысяче цехинов получают за труды от отца моего, мощного пана Антония Ружинского, каштеляна гомельского.

Прежде чем сообщить эту радостную весть, я поглядел направо. Лес, лес, лес... Все еще Хортица — значит, нам дальше.

— Переводи, Адамка!

Пятка вновь ударила в настил. Пришлось подчиниться. Услыхав про цехины, славный лыцарь дю Бартас удовлетворенно хмыкнул, брат Азиний дернул прыщавым носом и поспешил уткнуться в молитвенник.

— Синьорина! Не слушайте его! Не слушайте!

Глаза сьера еретика горели гневом. Но гнев тут же угас, столкнувшись с ледяным холодом ее взгляда.

— То пан Гарсиласио — только секретарь? Так-так! Уйми его, Адамка, негоже мугырю письменному без спросу в панский разговор лезть!

Не знаю, что (и на каком наречии) он наплел нашей гостье за эти дни, но отныне судьба «пана секретаря» была решена.

Внезапно она застонала и медленно опустилась на помост. Странно, что у нее хватило сил на этот разговор.

— Брат Азиний! — распорядился я. — Кажется, у нас есть какая-то мазь. Помогите синьорине!

— Шут! — Сьер де ла Риверо сорвался с места, кинулся ко мне, сжимая кулаки.

Я поднял сарбакан.

— Комедиант! Я...

— Ты — паленое мясо, сопляк! Ты — и твоя семья! И моли Бога, что ты мне пока нужен!

Слушать, как он скрипит зубами, было приятно.

* * *

Острый мыс, покрытый огромными серыми валунами, уходил вдаль. Хортица осталась позади, и я понял, что пора браться за весла.

5

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек:
О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?

Шевалье поет — значит, все в порядке.

Я снял камзол и расстегнул ворот рубахи. Сапоги лежали поодаль, холодная вода приятно лизала ноги. Сейчас бы удочку! Правда, на Днепре не поймаетшь рыбу понсе. На берегах Паравая ее, правда, тоже изловить мудрено. Жабры — торчком, по ночам вылазит на берег, а уж глаза!

Даже когда жареную ее ешь — и то не по себе.

* * *

Итак, все было в порядке. Брат Азиний, удалившись в камышовые заросли, завершал врачевание ран панны Ядвиги (лечиться в нашем присутствии она категорически отказалась), сьер Гарсиласио с мрачным видом бродил по берегу, а шевалье...

— Не требуется ли моя помощь, дорогой друг? Ибо поистине изучил я сию карту как вдоль, так и поперек.

«Сия карта», извлеченная из книги мессера де Боплана, была разложена прямо на песке. К сожалению, даже яркое солнце не могло увеличить мельчайшие буквицы, рассыпанные по желтоватой плотной бумаге.

...В последние месяцы зрение начало сдавать. Так и до окуляра недалеко!

— Подскажите, ежели я ошибаюсь, дорогой дю Бартас. Это, насколько я понимаю, Хортица...

Я взял веточку и принялся рисовать прямо на песке, пользуясь подсказками пикардийца. Итак, Niepper, Chortizca, Kuczkosow...

Внезапно я рассмеялся. Какого черта! Я все-таки дома. Хватит всех этих Kuczkosow! Как там бишь придумали Константин с Мефодием? Днепр, Хортица, Кичкасы...

Совсем другое дело!

— Тут неподалеку две реки, — подсказал шевалье. — Обе впадают в Ньеппер. Одна называется... Vieux diable! Ну и шрифт, ровно муравьи какие-то! Ага, Konsekawoda, это на левом берегу, и Samarka, это здесь, только чуть южнее...

Konsekawoda... Конская Вода! Конская Вода и Самарка.

Я всмотрелся в то, что получилось, сверился с картой.

Ну и глушь!

— Однако же, дорогой друг, не спутайте: Samarka и Samaga — суть разные реки, ибо вторая значительно протяженнее и полноводнее... Но что вы написали?

Я вновь поглядел на свою карту. Что-то не так? Ах, да!

— Это кириллица, дорогой шевалье. Так пишут русины.

— Весьма странно! — Пикардиец присел, притронулся пальцем к начертанным на песке буквам. — Ка... Каллапка?

— Что?!

Гром не прогремел, не вздыбилась днепровская вода. И земля не раскололась.

Каллапка! Бог мой! Умиравший русин сам нарисовал карту, сам подписал!..

— Дорогой друг! Но что с вами?

— Нет-нет, шевалье, все отлично!

Самарка! Вот что было написано на листке бумаги, пересланном братом Манолисом в Рим! Какой-то неученый дурак из канцелярии наострил перо и...

...получил латинское «к» вместо «слово», латинское же «р» вместо «рцы», а славянское «мну» принял за неясно написанное двойное «l»!

Каллапка!

Я облегченно вздохнул. Затем возгорелся гневом на неведомого болвана, а потом махнул рукой.

Что с них взять? Почему-то славянские языки всегда были нашим слабым местом. Лет восемьдесят назад Антонио Поссевино просил прислать ему русинский шрифт для новой типографии в Берестье.

Ему прислали — албанский.

Самарка! Господи, как все просто!

— Дорогой дю Бартас! А не желаете ли получить отпущение грехов, вольных и невольных, на сто лет вперед? Или на двести?

— А что? — ничуть не удивился он. — Ma foi! А с удовольствием!

Я лег прямо на песок и уткнулся в карту.

Все сходилось! Все превосходно сходилось!

* * *

Тогда, после киевской резни, брат Алессо вместе с неведомым русином бежали на юг, «к Запорогам». Это недалеко — Томаковка или Микитин Яр, именно там гнездятся сейчас днепровские черкасы. К тому же это самый короткий путь в Крым — Кичикасы рядом. Но где-то здесь брат Алессо заболел...

...И появилась карта с речным изгибом и буквой «N».

Почему «N»? «Nota»? Впрочем, это не так и важно.

Самарка!

А ведь если б не сьер Гарсиласио с его донкихотством, кто знает, разгадал бы я этот несложный ребус?

Самарка!

* * *

Голубое небо над головой, тихий плеск воды, шелест камышей...

Только сейчас я сообразил, что это и есть — дом. Мой старый, забытый, давно покинутый дом. Я вернулся с черного хода, непрошенный, неузнанный.

Но — вернулся.

Кнеж Адам Константин, пан зацный и мощный, из кнежей Горностаев герба Гиппоцентавруса, рода Гедемина Великого, снова дома.

Дома...

Выстрел...

Испуганный крик, снова выстрел...

Я вскочил, пытаюсь сообразить, куда девался сарбакан и остались ли еще черные колючки.

— Мон... Монсеньор! Спасите! О-о-о-ой-й!

Да, я дома. И, кажется, меня решили встретить.

* * *

— Монсеньо-о-р!

Попик вылетел из камышей, опережая собственный вопль, зацепился за корягу, взвизгнул, ткнулся носом в песок.

— Пугу! Пугу! Лови гололобого!

Резкий свист — слева, затем справа.

— Пугу! Так вот вы где, такие хорошие!

— Ха! Хлопцы, да тут девка! Славно, славно!

Трое? Четверо? Орут по-русински, теперь бы увидеть...

Зашелестели камыши — и я увидел.

На берег неторопливо выходила Медвежья Шкура. Когда-то она была шубой, причем весьма богатой, но теперь, лишившись рукавов и воротника, выглядела именно шкурой, которую долго и неумело сдирали с бедного зверя. Из-под шкуры торчали голые ноги в грубо сшитых башмаках-постолах. Все завершала шапка, увенчанная дыркой, из которой торчал длинный клоч волос.

— Тю! Так то ж ляхи! А ну, хлопцы, сюда!

В руке — кривая сабля, в другой — аркан, красный поясушак завязан небрежно, вот-вот упадет.

Я не успел даже удивиться, как слева зашелестело, и сквозь зеленую стену камыша показалась Грязная Сорочка. Точнее, сорочек оказалось целых три, надетые одна на другую, причем каждая — дыра на дыре. Зато хороши были шаровары — роскошные, из дорогой красной китайки. Они прекрасно сочетались с босыми пятками.

— А вот и мы, панове!

Того, что подошел справа, я и разглядывать не стал. Кажется, на нем был татарский халат и тоже шаровары, но черные.

Черен был и ствол мушкета, старинного, с колесным запалом.

— Та-а-ак! Добридень, панове! И кто ж вы такие будете?

Ответить я не успел. В камышах вновь послышался шум, возня, затем громкий вопль.

— Ах, трьчорты, матинке твоей герц! Кусаться, сучонка!

Панна Ядвига Ружинска, по-прежнему в одной рубахе, измазанной кровью и зеленью, бесшумно проскользнула мимо хлопца с мушкетом и спряталась за широкой спиной шевалье. Итак, все в сборе — кроме сыера еретика.

— Хватайте чертову девку!

Из камышей вывалил широкоплечий усатый здоровяк в распахнутом жупане и меховой шапке с красным верхом. Лицо — глянуть страшно: рябое, безносое.

Четверо! Сабли, пистолы, у того, что справа, — мушкет. И у всех — усы, длинные, хоть за ухо закладывай.

— Добридень, панове! — вздохнул я. — То прекрасный денек сегодня!

В ответ ударил хохот.

— Ой, уморил! Ой, какой лях смешной! А шапка-то, шапка! Кажется, мой «цукеркомпф» им понравился.

— Ну, вот чего, — отсмеявшись, заявила Медвежья Шкура. — Давайте сюда девку да татарина. А потом и с вами, панами зацными, по душам поговорим!

— Руки коротки, хлоп! — отрезала панна Ружинска.

— Ого! — Хлопцы переглянулись. — То панночка слишком длинный язык имеет! Ну так мы его подкоротим! А за «хлопа» канчуков отведаешь!

Шутки кончились. Это понял не только я. Хмурый дю Бартас шагнул вперед и небрежным движением прочертил острием шпаги длинную неровную линию на белом песке. Мы оказались на маленьком полуострове между водой и незваными гостями. Пикардиец поудобнее пристроил шпагу в руке и стал на самой границе, широко расставив ноги.

Медвежья Шкура и Грязная Сорочка переглянулись. Между тем хлопец с мушкетом подошел к лежавшему на песке брату Азинию, взял за шкурку, встряхнул:

— Ах, татарва клятая! Чего ж ты, собачий сын, Днепр переплывал? Или не знал, как мы вас, гололобых, любим?

Не везло нашему попу с «перевоплощениями»!

— Это священник, — вновь вздохнул я. — Мы ехали из Крыма, он и переоделся в татарское. Его хоть не троньте!

Сказал — и прикусил язык, слишком поздно сообразив, что для схизматиков латинский поп хуже татарина.

Бедного брата Азиния подхватили, рывком поставили на ноги. Треснул ворот халата.

— Крест, хлопцы! Латинский! Так ты, пан отец, еще и католик! Ну, кумпания! Пан значковый, да чего с ними цацкаться! В песи их!

— Тихо, панове молодцы!

Пан значковый, он же Медвежья Шкура, выступил вперед.

— А ну, говорите, по какому праву да с целью какой порушили вы кордоны Войска Запорожского Низового? А соврете, так с места не сойдете!

Сарбакан остался где-то среди вещей. Но я вдруг понял, что он мне не понадобится.

Самарка рядом! Совсем близко!

— Про то я вам, пане значковый, одному скажу. Потому как дело то тайное да химерное.

...Посыл первый — все обожают тайны. Посыл второй — маленькие начальнички в особенности...

Я не ошибся. Удивленное хмыканье, здоровенная лапища потянулась к затылку.

— Ин ладно, пан зацный! То прошу, поговорим!

Дю Бартас тревожно заворчал, но я легко хлопнул его по плечу.

— Прорвемся, шевалье!

Между тем брат Азиний, воспользовавшись моментом, бухнулся на четвереньки и резво пополз в нашу сторону. Ему не мешали.

— А вы, панове молодцы, за этими смотрите! А за девкой — особливо!

Панове молодцы согласно закивали, не отводя глаз от панны Ружинской. Грязная Сорочка облизнулся.

Мы поднялись чуть выше, на невысокий песчаный горб, откуда хорошо был виден берег. Я быстро оглянулся, надеясь заметить сьера Гарсиласию, но того и след простыл.

Кажется, запас храбрости у него кончился еще на переправе!

— Ну, говорите, пан добродий!

Вблизи он смотрелся не таким страшным. Чуть старше меня, такой же загорелый, костистый. Усы черные, зубы крепкие, взгляд — хитрый.

Даже не хитрый — хитрющий.

Я открыл захваченный с собой мешок, встряхнул, достал небольшой свиток.

— То дозвольте отрекомендоваться, пане значковый. Адам Гуаира, гидравликус. Строю плотины, запруды, каналы, мельницы водяные. Прибыл сюда по приглашению воеводы киев-

ского мощного пана Адама Кисиля для возведения мельниц в его местностях, о чем писал он в миланский торговый дом Барди год назад. Меня же направили, потому как в деле своем весьма я искусен и русинскую речь ведаю. О чем и грамота имеется, самим паном воеводой подписанная.

Этот свиток — все, что удалось достать в Риме. Приглашение было настоящим — и печать, и подпись. Почти настоящим...

* * *

Я понадеялся, что пан значковый не силен в грамоте, но ошибся. Читал он долго, внимательно, еще дольше разглядывал печать.

— То пан Адам с воеводой нашим тезки? Так-так! А ведает ли пан Адам, что владетельный пан Кисиль еще в прошлом году к ляхам клятым перебежал? А как мы того пана воеводу изловим, то меж тарпанами дикими привяжем и на четыре стороны по ковылю разнесем. И будет пан Гуаира в райских садочках пану Кисилю мельницы строить!

...Подправленные дату и имя он не заметил. Приглашение было написано десять лет назад.

Оставалось пожать плечами. Я — человек маленький.

— На все воля Божья, пане значковый! Надо будет, и в раю мельницы выстроим. Рек там много, с четырех концов Эдем окружают.

...Имя одной — Фисон, второй — Гихон, третьей реки — Хиддекель, четвертая же река Евфрат. Дернет сейчас этот усац рукой — и строить мне там запруды до Страшного Суда...

— Мельницы, значит? Так то и есть химерия, про которую мне пан гидравликус говорил?

Он уже ухмылялся, скаля белые зубы, словно волк, исповедующий ягненка. Волк еще не знал, что встретил ягуара.

— То не химерия, — улыбнулся я, пряча бесполезный сви-

ток. — Химерию пан значковый уже видел. Пан думает, что то девка?

— А может, и молодлица, — охотно согласился значковый. — Моим хлопцам — все одно. Соскучились по бабьему мясу!

— То не девка. То четыре тысячи цехинов.

...Посыл третий и главный — все любят золото. И бандерай-ты, и кастильские идальго, и днепровские черкасы...

Ухмылка исчезла. Медвежья Шкура обратился в слух.

— Знатно! — молвил он наконец. — Я и гляжу — панна не из простых! Вот, значит, отчего у Кичкас веремия учинилась! Знатно, знатно!..

С минуту я раздумывал. Сейчас он предложит честно поделиться: нам — жизнь, им — цехины. Ради мешка с золотыми паннове молодцы отвезут «девку» хоть в далекий Гомель, хоть в Бэйпин. Оно и лучше — не надо будет тащить панну Ружинску с собой. Хлопцы, конечно, по бабьему мясу соскучились, но не беда. Жива останется.

Это, конечно, выход. Но Самарка рядом, совсем рядом!

— То пан значковый видел еще не всю химерию, — усмехнулся я, доставая карту. — В Риме я познакомился с одним человеком...

6

У берега все оставалось по-прежнему. Возле границы нашего маленького полуострова возвышался грозный дю Бартас со шпагой в руке. Панна Ружинска присела рядом, глядя куда-то в сторону, на ровную гладь реки. Брат Азиний врос коленями в песок, сунув прыщавый нос в молитвенник.

Трое панов молодцов расселись по кругу, не выпуская оружия из рук.

Волки!

·Увидев нас, Грязная Сорочка неторопливо встал, скривился:

— То что-то вы долго, пане значковый! Ну как, пластать латинщиков будем али откуп дадут? Да только чтоб сперва девка...

— Тут и разложим! — хохотнул владелец мушкета. — А пруж-

чаться станет, на реку отвезем и покрестим! Как тех баб в Трабзоне! А не захочет, ядро к ногам привяжем!

Краем глаза я заметил, что наша гостья встала и вновь скрылась за могучей спиной дю Бартаса. Шевалье, ничего не поняв, на всякий случай повел плечами.

— Цыть! — Медвежья Шкура окинул взглядом всю нашу «кумпанию» и хмыкнул. — Все будет, хлопцы! И путря, и борщ, и к борщу пампушки! А сейчас меня слухай!

* * *

Он поступил умно — как и я бы на его месте. Лошадей — и наших, и своих — брали с собой. Грязная Сорочка, получив мушкет вкупе с пороховницей, оставался на берегу с приказом глаз не спускать и держать нос по ветру.

Последнее было даже лишним. В степи пешим далеко не уйти, а камышовые плавни «панове молодцы» знали, как свой карман.

Оставался Днепр, но несколько точных ударов топорика-келепа превратили наш паром в бесполезные дрова.

Не убежишь, не уплывешь, не спрячешься.

Оставалось ждать к борщу пампушек.

* * *

Плавни остались за спиной, в лицо пахнуло свежим ветром. Знакомый ковыль, невысокие холмы у горизонта, яркое весеннее солнце над головой...

Степь! Оказывается, я уже успел соскучиться!

Из густой травы выглянула неосторожная дрофа, округлила желтые глаза, отпрянула назад, в зеленое море.

Страшно серой! И не только ей. Мне, признаться, тоже.

Медвежью Шкуру звали Васылем Челобитько, владельца жупана и высокой шапки — Пилипом Щуром, а рябой и безносый в татарском халате отзывался на Мыколу Горбатько.

Имя и прозвище Грязной Сорочки мне не сообщили, а я и спрашивать не стал.

Все четверо — с Микитинога Рога, где среди густых плавней затаилась Сичь, степной Порт-Ройял удалых днепровских корсаров. Пан значковый со своей ватагой «шарил» по днепровским берегам, высматривая татар и неосторожных путников. Им не везло: за месяц мы были первыми. Значит, теперь не повезет нам.

- От смотрите, пане Адам! За той могилой — Самарка.
- То смотрю, пан значковый.

«Могилой» они называли курган. Все-таки я здорово подзабыл русинский! А может, и не совсем забыл, просто здесь, на полдне, говорят по-иному, чем в Белой Руси или в Галичине.

- Так выходит, пане зацный, товарищ ваш сам ту мапу вам подарил?
- Так и было, пан Васыль.
- То добре!

«Мапа» — карта. В моем рассказе ее подарил мне дальний родич, чье добро пропало в Киеве во время погрома. Верный приказчик спрятал золото у Самарки.

Родич доживал последние дни. «Мапа» — его завешание. Поверили? Да какая разница!

- А почему добре, пан Васыль?
- Он хмыкнул, огладил пышные усы, но отвечать не стал. Отозвался хлопец в жупане — Щур.

— А потому добре, пан Адам, что мапа купленная неверной бывает. Уйдет клад сквозь землю, в чужие руки не дастся. А то и чего хуже будет!

Остальные двое согласно закивали. Я уже понял — дело затевалось нешуточное. А я-то думал просто предложить панам молодцам за близким золотом съездить!

— Или пан зацный не ведает, что клад — то самое химерное дело? Добре, когда на нем только заговор наложен — от глаза чужого да от рук жадных. А если, к примеру, он на головы заговорен?

Я взглянул в голубое бездонное небо, глубоко вздохнул. Ветер, степь, острый ковыльный дух, смерть, скачущая рядом на крепких кровных конях.

Хорошо!

- А как это — на головы, пан Пилип?
- Да разве пан зацный не ведает? Откуда же пан Адам приехал?

Наивный пан Адам приехал из Рима, где все действительно представляется несколько иначе. И не только проблема изъятия заговоренного клада из точки, обозначенной литерой «N».

Например, пан Адам, как и иные неглупые люди, был уверен, что днепровские черкасы, именуемые также запорожцами, сейчас спешат через весеннюю степь к capitano Хмельницкому, чтобы грудью стать против клятых ляхов.

Ан нет! Стоило заикнуться об этом, как мне со смешком сообщили, что гетьман — он лишь на полночь от порогов гетьман, а у них, на Сичи, всем вершит Семен Лутай, отаман кошевой, вольными голосами выбранный. А у кошевого — своя голова и свой интерес. Хмельницкий же лишь в первый год хорош был, когда ляхов да жидов дуванить разрешал. Теперь же он сам вроде короля, а им, черкасам низовым, любой король — кость в горле.

Кость в горле?

Так-так!

— А на головы клад так заговаривается: режется петух черный да козел с бородой седой. Кровь мешается да со словами на землю льется...

Запахло чем-то знакомым. Заклинания, ворожба, инкубы с суккубами. Ай, химерники!

— ...А слова те, пан Адам, непростые, и повторять их даром не след. Вот и лежит клад в земле, ждет. Заговорили его, к примеру, на семь голов. А как сунется кто без спросу, тут ему и конец, только эхо пойдет: «Первый! Первый!» И так, пока все головы в землю не лягут, не успокоится клад!

Я покосился на парня — тот был серьезен.

— Клад еще обернуться может, — прогудел Мыкола Горбатько. — Когда волком, когда псом, когда и молодницей. А особливо, ежели души заложные, неприкаянные, его стерегут. Обернется — да к тебе бросится...

— А ну, цыть! — Пан значковый нахмурился, качнул чубатой головой. — Доболтаетесь, даром ясный день на дворе! Поглядим — тогда и думать будем!

Трава все выше, все гуще, запах все сильнее. Из зеленого моря выглянула большая черная голова, всмотрелась, качнула кривыми рогами. Неужели тур? Кажется, мессер Боплан писал о чем-то подобном.

А вот и «могила»! На вершине, как водится, идол. Усатый, с чубом, при сабле — ну, точно «пан молодец»! И рожа — не отличить!

Перекрестились. Я не стал. Нагляделся такого на парагвайских берегах — и у кадуеев, и у чимакоки, и, конечно, у колдунов-тумрагами. Только идолы там пострашнее, клыкастые, многоглазые. У каких и черепа человеческие ожерельем на шею желтеют. А у людоедов-тапанюма, которые из этих черепов чаши делают...

Стоп! И вправду, этак и доболтаться можно! Неужели это и есть таинственная Каллапка?

С вершины кургана река казалась тонкой синей полоской, неровной линией, разрубившей зеленый степной ковер. Невелика речка, летом, поди, пересохнет...

— От вам, пан зацный, и Самарка! Там дальше зимовник наш, да бурдюги, да иное хозяйство. Кодацкая паланка это, наш Луг-батько. А не достанет ли пан Адам мапу?

...Речной изгиб, компас-паучок в левом верхнем углу, линейка масштаба в правом нижнем с маленькой буквой «М», три кружка, в центре среднего — буква «N»...

Поехали!

* * *

Почему-то мне все это представлялось иначе. Как — даже не знаю. Может, болтовня про химерию да про заговоренное золото повлияла. Почему бы не выйти в чисто поле, не зажечь свечу восковую перед иконой Черной Божьей Матери из Ченстохова, не заорать во всю дурь: «Клад, клад, никто тебе не рад, покажись люду, глядеть не буду, месяц уходит, мертвец землю роет, он найдет клад, а я не виноват»?

А вместо этого — ветер в ушах.

Скачем!

* * *

Рассыпались лавой — слева Щур на своем караковом жеребце, справа безносый пан Мыкола на тонконогой белой кобыле, в центре мы с Медвежьей Шкурой, между нами — завод-

ные кони под седлами. Небольшие холмы брали с разбегу, на тех, что повыше, останавливались, бросали быстрый взгляд вокруг.

Два холма. Слева — река, как стрела ровная...

Дальше!

Изгиб! Самарка отступает на запад, среди зеленой травы — белый песок обмелевшей старицы, высокая «могила» с усатым идолом...

Дальше!

Снова ковыль с набухшими метелками, испуганные крики птиц, взлетающих из-под самой конской морды. Солнце перевалило за полдень, горячие лучи обжигают кожу, «цукеркомпф» давно снят, ветер полощет волосы...

...А вокруг — холмистая степь, покрытая зелеными пятнами кустов, проклятые бандерайты уходят на север к подножию Высоких Кордильер, и отец Хозе торопит, скалит белые зубы. Впереди — бой, самый первый, мне только что исполнилось шестнадцать...

* * *

— А ну, стой, панове молодцы!

Заморенные кони тяжело дышат, мы спрыгиваем прямо в высокую траву. Я смотрю вверх, надеясь увидеть кондора. Кондор — добрая примета в пути.

Голубое небо, легкие перистые облака, мелкие глупые пичуги чертят след в горячем воздухе. Здесь не встретишь кондора. Моя добрая примета осталась там, за океаном.

— То как пан Адам себе думает? Отчего той приказчик к Самарке свернул?

Ага! «Думает»! Кажется, пан Васыль сообразил, что конским наскоком дела не решить. Этак можно всю Самарку объехать — милю за милей.

— Думаю так, пане значковый. Было их двое, ехали они из Киева в Крым самой короткой дорогой...

Усачи переглядываются, чешут затылки.

— То значит Черным шляхом...

— Где-то южнее порогов... Или южнее Сичи, не знаю, один из них заболел. Тогда они, наверно, и свернули к Самарке.

Пан значковый переглядывается с Щуром, тот кивает.

— Ну, тогда, пане Адам, считай, приехали. У Трех Братьев это. Там Черный шлях до Самарки всего ближе. Да и на полдень таких могил нет, сами видели.

Три Брата. Три холма?

— Что, не слышали, пане зацный? Сказывают, бежали три брата, три бедных невольника, из земли турецкой, из веры басурманской. Бежали, да в города христианские не попали. Там и лежат. То поехали?

Теперь кони идут шагом. «Панове молодцы» ухмыляются в густые усы, словно ловчие, затравившие зверя. Впрочем, не все. Пан Щур явно не в духе, хмурится, по сторонам смотрит, будто беду ждет.

— У Трех Братьев? Ой, то не добре, пан Адам, родич ваш учинил!

— Что так, пан Пилип?

Остальные только усмеваются, слушая наш разговор, но пан Щур серьезен.

— Ведь с чего те братья погинули, пане Адам? Добра турецкого набрали на чересседельники, да так, что кони еле шли. А потом у младшего конь оступился да ногу сломал. Тут им бы выюки да тороки снять и брата подобрать, да, видать, дидько им очи золотом замазал. Бросили брата у Самарки. А как одумались, назад повернули, так уже поздно было. Волки-сирوماхи возле бедолаги пируют, а за могилой засада янычарская ждет. Не отдадут они нам тот клад!

— А мы их попросим! — гудит безносый Мыкола. — Крепко попросим! Свои же, черкасы! Поделятся!

Кажется, не только неведомым братьям залепило золотом очи!

Не спорю. Увидим!

* * *

Сначала река резко ушла влево, на запад, затем впереди взбугрилась трава, накатом пошла вверх...

— То приехали, пане зацный!

Уже? Кони легко взбегают на вершину кургана — громадного, словно гора. Оглядываюсь. Всюду — знакомый ковыль под самое конское брюхо. Слева — еще одна «могила», справа — тоже.

Три Брата?

— Пускай коней! Побьем ножки, панове молодцы!

В первый миг я растерялся. Почему-то казалось, что холм

будет маленьким, голым. Буква «N» нарисована прямо в середине, но как найти эту середину в море травы?

— Ну вот, пане Адам, все как на карте. Вон Самарка, вот и могила.

— Да как же тут искать, пане значковый?

Пан Пилип, кажется, тоже недоумевает. Но Медвежья Шкура лишь ухмыляется в пышные усы.

— Кто же клад так ищет? Иконку на ночь поставим, он и сам свечкой объявится. А не свечой, так зарево.

— А как заговоренный?

— Хм-м-м... И вправду! Чего скажете, пан зацный? Ваш же клад, вам его и отворять.

Вновь оглядываюсь. Трава, трава, трава, серый камень, уто-
нувший среди зелени...

— То подумать бы, пан Васыль!

— Ага! То вы себе думайте, а мы пока костер запалим. А ну, панове молодцы, за дело!

Карта молчала. Она уже сказала все, что могла. Значит, теперь дело за мной. Илочечонк, сын ягуара, легко отыщет след в сельве. Но здесь не лес, не знакомые парагвайские болота...

Интересно все же, сколько я проживу после того, как клад «отворится»? Едва ли долго!

По вершине можно было ходить целый день. Или месяц — это уж как повезет. Когда я впервые увидел карту, то отчего-то решил, что найти место очень просто. Например, по осевшей земле. Как ни утаптывай, земля за два года обязательно уйдет вниз. Я не учел, что весной тут море — зеленое травяное море. И осенью тоже, только желтое. А зимой все покроет снег.

Вот и склон — противоположный, такой же пологий, почти незаметный. Самарка осталась за спиной, значит, именно отсюда, со стороны Черного шляха, взбирался на холм неведомый русин. Сам — или с братом Алессо. Нострадамуса из Флоренции к тому времени свалила хворь, поэтому он мог остаться внизу...

Что сделал бы я?

Дано: нечто, что необходимо спрятать. Это раз. Высокая «могила». Это — два.

Я оглянулся — трава! Хоть на землю клади, до самой зимы не сыщешь! Или копни в любом месте, отбрось толстый шмат дерна...

- Гей, пане Адам, как вы там, живы?
— Вашими молитвами, пане значковый!

Знаю я его молитвы! Наверно, тот парень-русин тоже по-встречал в степи этаких «панов молодцов». И все-таки ушел — с кровотокашей раной в плече. Он был смел и неглуп, неведомый новиций, иначе и случиться не могло — Общество умеет выбирать людей. А если он был умен...~

Я окинул взглядом вершину, пытаясь понять, как поступил бы я. Спрятать! Но не просто спрятать. Спрятать так, чтобы можно было найти! Это не заговоренный клад, что сам собой в землю уходит или в молодницу превращается! Тайна Общества, неведомая, но очень важная.

Тот, кто прятал, знал, что сюда пошлют меня. Меня — или кого-то другого. Значит, он должен оставить подсказку. Он и оставил — букву «N»...

Место можно было отметить крестом, точкой, как угодно. Но на бумаге именно «N»...

Я глубоко вздохнул, чувствуя далекий, но верный запах следа. Ягуар не спутает след. Буква «N» на бумаге... Значит, она должна быть и здесь!

На земле?

В траве?

Или?..

Камень, который я заметил еще при подъеме, — огромный, серый, утонувший в земле, молчал. Молчал и второй, поменьше, на противоположном склоне. И третий, совсем маленький, неподалеку от костра, на который уже ставили котелок...

Заговорил четвертый — черный, плоский, почти весь засыпанный землей. Только неровный выщербленный край выглядывал из-под травы. Буква «N», процарапанная чем-то острым, почти исчезла, и если бы не лучи закатного солнца, косо падавшие на вершину холма...

Прямо под «N» трава росла гуще. Земля просела — незамет-

но, чуть-чуть. Яма показалась мне странно большой, длинной. В самом центре вздымал розовую голову наглый репейник, между тонких травинок шныряли муравьи.

Да, я представлял себе это иначе. Совсем иначе!

7

— То прошу до кулешу, пане Адам! Вечеря не панская, да под горилку сойдет. Пан Мыкола, то передайте пану Адаму филижанку!

Черная звездная твердь над головой, острый запах травы, маленький уютный костерок. Жаль, гитару не взял!

— Хлебните, хлебните, пане зацный! Горилка страхи ночные прогоняет!

В филижанке — большой кожаной фляге — что-то подозрительно булькало. Я резко выдохнул, приложился губами к мягкому краю...

Да-а-а!

— А теперь кулешу, кулешу, пане Адам! Она, злодейка, такая — с непривычки быка свалит!

...Так пусть не пьет, скотина!..

— Ото пан хлебнул! Знатно хлебнул, даром что латинщик!

Меня потчевали — словно на убой. А почему, собственно, «словно»? Приговоренным к смерти принято наливать чарку. И даже не одну.

Меня ни о чем не спросили. Даже не намекнули. Поняли? Но возле камня с буквой «N» я был совсем один!

— А вот к примеру, пан гидравликус, можно ли Днепр плотинкой запрудить?

В глазах у пана значкового пляшут черти. В глазах остальных — тоже. Поняли! Я слишком долго стоял у камня!..

— Можно, пане Васыль. И даже нужно. Если перекрыть Днепр ниже порогов, можно будет плавать к Понту от самого Киева. Простая система шлюзов, такое уже делается в Нидерландах. Правда, там не река, там море...

— А пан зацный может и море перегородить?

Сарбакан остался там, у переправы. У меня нет даже ножа. Если усачи и вправду верят в заговоры и заклинания, то доживу до утра. Может быть...

Теперь говорят они, вразнобой, перебивая друг друга. Оказывается, пан значковый и его «паны молодцы» не всегда шарили по днепровским берегам. Три года назад, когда capitano Хмельницкий вывел черкасов в поле против гетьмана Потоцко-

го, они были среди тех, кто пошел защищать греческую веру и казацкие вольности. Их даже вписали в реестр, тот, что разрешил составить Его Королевская Милость Ян-Казимир после Зборова.

Реестр! Что-то знакомое! «Декларация ласки Его Королевской Милости на пункты супплики Войска Запорожского». Полный список казаков, роспись по полкам и сотням! Всех!

Значит, и старый казак Павло Полегенький!..

Микитин Рог! Сичь! Этот список должен быть там! Ведь за порожцам раздают королевское жалованье!

Так-так!..

Снова у меня в руках филижанка. Горилка дерет горло, огнем разливается по жилам. Да, это даже не пультке, не aqua ardiente! Усачам весело, они уже пересчитывают червонцы. Я для них — просто труп. Пока еще говорящий.

— А не споешь ли ты нам, пан Мыкола? Он славно поет, пане Адам, жаль, кобыз не захватил!

— Да что-то не хочется, пане значковый!

— А ты еще хлебни! Во-о-о! И мы с тобой!

Хмель постепенно берет свое. Почему бы не выпить со смертью! Рябая безносаемая смерть играет на турецком кобызе...

— Так про что спеть, пане значковый? Про Ивася Вдовиченко или про Настю Горовую?

— Да ну их всех! Давай чего веселее!

Пан Горбатко прокашливается, поправляет усы, заводит тяжелым басом:

— *То не тот ли хмель, что у тычины вьется?..*

— Ото дело! — удовлетворенно кивает пан значковый. — Давай, хлопцы!

Гей, то пан Хмельницкий, что с ляхами бьется!

Гей, поехал пан Хмельницкий да к Желтому броду.

Не один там лях лежит головою в воду.

Нет, не пей, батько Хмель, ты той Желтой Воды:

Идет ляхов сорок тысяч хорошего роду...

Уже не пели — орали. Мне внезапно почудилось, что эта песня — для меня. Чтобы перед смертью понял латинщик, с кем связался!

Утекали с поля ляхов разбитые полки,

Ели ляхов там собаки и серые волки.

Утекали вражьи ляхи, потеряли шубы,

Не один там лях лежит, оскаливши зубы!

Спели раз, затем затанули по новой, потом вновь пустили филижанку по кругу.

— Эх, не в показанное время вы, пане зацный, в поле наше собрались!

Кажется, меня уже начали жалеть. Того и гляди плакать начнут!

— Скольких мы таких, красивых да умных, под Корсунем попластали, а, пане Мыкола? А под Пилявцами? А у Львова? А какие паненки там были! Как плясали, как юбки задирали!

Теперь я слушал вполуха. Если незаметно отползти в сторону, в темную ночь, залечь в траве. Станут искать, разойдутся по одному...

Нет, не станут — умные. А утром в степи нагонят!

— А как в Полонном жидов резали! Ой, резали! А добра сколько взяли! Китайку на онучи мотали, шаровары дегтем мазали — не жалко! А жидовочек как крестили! Любо-дорого!

Кажется, крещение у «панов молодцев» — любимое занятие. То в Трабзоне, то в Полонном.

Лыцари!

— А та панночка, пан гидравликус, что с вами, она как, мягкая? Небось выучилась у басурман всяким штучкам! Ничего, и нас, сучонка, поучит!

* * *

Я лег на спину, закинул руки за голову.

...Забывшие звезды, нелепый ковш, острый зрачок Полярной...

Где ты, Южный Крест?

8

— Пане Адам, пане Адам! То просыпайтесь, пане зацный!

В голосе пана значкового — тревога. С чего бы это?

— То скорее!

Будил он меня зря — за всю ночь я не спал и минуты. Умереть во сне никогда не поздно — но и спешить ни к чему.

Я откинул плащ. Утреннее солнце резануло по глазам. Среди дымящейся золы дотлевали угли.

— Беда, пан Адам!

Кажется, действительно беда. И дело даже не в том, что глаза у пана значкового с венецианский цехин размером. К кому за подмогой прибежал? Ко мне?

— Клад-то ваш!.. Ой, нехороший тот клад! Утром, как солнце встало, просыпаюсь, а пана Мыколы и нет. Он последним в эту ночь сторожил, от утренней звезды до рассвета...

...Это я слышал. Сидел пан Мыкола, вздыхал, затем прошелся, нужду справил, после вновь повздыхал. А потом тихо стало.

— Мы-то с паном Пилипом на могилу поднялись, глядим!.. Ой, недобрый же ваш клад!

Я молчал, хотя сказать было что. Даже купец, когда от разбойников золото прячет, без верного слова клад не оставит. А «панове молодцы» решили пожить за счет Общества Иисуса Сладчайшего! Да я бы к такому кладу по своей воле и за милую душу не подошел!

Роса на траве, на сапогах, на сером камне...

— Вот, вот... О, Господи, пане Щур! Пилипко!

Он кинулся вперед, путаясь в высоком ковыле, но опоздал. Рука парня еще дрожала, в глазах бессильно и беззвучно кричала боль, но Пилип Щур был уже в объятиях Черного Херувима.

Как и Мыкола Горбатко. Как и третий, мне незнакомый.

* * *

Камень был тот же, неровный, с еле различимой литерой «N» на темном сколе. Изменилась земля. Там, где вчера ровно стояла трава, чернела глубокая яма. Среди рыхлой земли ярко светились тяжелые золотые кругляши. Рядом — распавшийся ларец с остатками серебряного узора.

Тот, кому это принадлежало, смотрел пустыми глазницами в глубокое весеннее небо. Сквозь истлевшую черную кожу светилась желтая кость. Щербатый оскаленный рот смеялся, на макушке чудом уцелел клоч седых волос.

Он умер давно. Не сегодня, не месяц назад.

Голова пана Мыколы уткнулась прямо в грудь мертвеца, скрюченные пальцы сжимали черную жирную землю. Пана Пилипа смерть уложила навзничь, чуть в стороне от остальных. Возле левой руки парня темнело что-то большое, очень знакомое.

, Распятие?

— Ничего не трогайте, пане значковый. Вы меня поняли?

— Но... Пане Адам!..

— Я сказал: не трогайте!

Итак, поглядим! Осторожно, ничего не касаясь. Очень осторожно!

...На трупах — ни крови, ни синяков, ни дыр в одеже. Все случилось очень быстро. От этого места до кострища минуты три ходу, а когда пан Васыль собрался меня будить, его товариш был еще жив. И даже умирать не думал.

Но все-таки умер!

Сзади послышался тяжелый вздох.

— Видать-таки, заговорили клятое золото на головы! Знать бы, на сколько!

У меня был ответ. На все — на все глупые головы, посмевавшие покуситься на Тайну.

— Ларец стоял сверху, на груди покойника, — заметил я. — Пан Горбатый его открыл... Погодите, что это?

Я склонился над остатками ларца. Дерево казалось еще крепким, ларец просто разбили, вероятно, чтобы не подбирать ключ к замку.

— Воск! Щели были залиты воском!

— И что с того? — Пан Васыль присел рядом, протянул руку к золоту, но тут же отдернул. — Воск — не гадючий яд!

Я встал, на всякий случай отряхнул руки, на миг закрыл глаза. Вот, значит, какая она, Смерть! А я ждал ее от казацких сабель!

Рядом послышалось бормотание — пан значковый читал молитву. Стало стыдно — мне бы хоть лоб перекрестить!

— Итак, утром вы не нашли своего товарища и отправили пана Пилипа на поиски...

— Отож, — вздохнул он. — Да чего искать-то было? Следили мы за вами, пане зацный, и камень этот, понятно, приметили. Пошел Пилипко шагом, а обратно — бегом. Слова не сказал, схватил за руку...

— И вы тут ничего не трогали? Все так и было?

Пан Васыль отошел в сторону, задумался, покрутил густой ус.

— То... То вроде так и было. Мертвяк в могиле, на нем Мыкола, вечная ему память. Ну и золото, дидько б его взял! А! Крыж иначе лежал!

Крыж? Ах да, распятие! Я уже успел разглядеть его — серебряное, с чернью тонкой работы, по углам креста — граненые камни чистой воды.

— Крыж этот возле Мыколы был, как раз под рукой. Знатный крыж! На камни целый город купить можно.

Страх исчез, в глазах вновь светилась знакомая алчность.

— Ай, славный крыж!

— Не трогай! Не трогай, дурак!

Я кинулся вперед — и опоздал. Серебряный крест был уже в его руке. Пальцы скользнули по острым граням алмазов...

— Да что за бес! Никак колется! Да не бойтесь, пане Адам, ваш же крыж, латинский! Чего же его... О-о-о-ох!..

Он умер почти сразу. Только дернулись веки, только дрогнули судорогой пальцы...

Распятие я засыпал землей, даже не пытаюсь узнать, где спрятана отравленная игла. Скорее всего под одним из камней. Как не взять такое в руку, не провести пальцем по живому огню бриллиантов!

...Затем и воск в щели лили. Яд не выдохнется, не отсыреет...

* * *

Трупы усадей я оттащил в сторону — одного за другим, стараясь не заглядывать в остекленевшие глаза. Дойдет ли моя молитва до Православного Бога? Слишком долго строили стены — и слишком высоко.

До самых Небес...

Теперь я был один — вместе с тем, кто глядел на солнце пустыми глазницами. Вспомнилась байка, слышанная этой ночью. Кто-то, уже и не упомяну, долго объяснял, как «отворять» заклятый клад.

— Брат Алессо Порчелли! — негромко проговорил я. — Брат Алессо Порчелли! Брат Алессо...

Трижды повторенное имя мертвеца — щит от неупокоенной души. Прости, брат, не по своей воле тебя тревожу!

Золото — в сторону. Истлевшее тело — тоже. Маленький серебряный крестик, черный полусгнивший кошель с несколькими талярами...

Главное лежало под трупом. Ящик — или ларец, покрытый толстым слоем чего-то черного, хрупкого. Яд? Едва ли, тут яд не нужен. Скорее топленый жир или смалец, давно превратившийся в камень. То, что лежало внутри, не должно было пропасть. Ни через месяц, ни через год...

Под черной крышкой — тоже чернота. Камень? Странный камень — ровный, с острыми углами. Сверху — знакомая корка, значит, заливали два раза — для верности. Неужели?..

Обложка распалась под рукой, первые страницы сгнили, почернели края. Но вот под ветхой бесформенной бумагой проступил странный неровный узор...

...Арабские буквы! Элиф, джим, гайн, каф... Нет, больше не знаю!

«Вопрос: Сын мой, не приходилось ли вам слышать также об Ибн Араби по прозвищу Ибн Афлатун, что означает Сын Платона?..»

Кажется, сын башмачника все-таки выучил наречие Пророка...

9

Черный ствол мушкета вынырнул из камышей, дрогнул, качнулся.

— Mort Dieu! Слезай с коня, разбойник!

— Дорогой шевалье! — вздохнул я. — Эти синьоры не понимают по-итальянски. По-французски, впрочем, тоже.

— Гуаира! Бог мой, это вы! — Из-за зеленой стены вынырнула знакомая шляпа. — Прошу простить, мой дорогой друг, но эти сумерки...

— Верно, — улыбнулся я. — Пришлось слегка задержаться.

— Не беда! — Бородака победно вздернулась. — Признаться, тут у нас некоторые перемены...

Это я уже понял.

* * *

Доски парома весело трещали в костре, Грязная Сорочка, связанный по рукам и ногам, тоскливо глядел на кипящий котелок, возле которого возилась панна Ружинска, брат Азиний листал молитвенник, а сьер де ла Риверо...

— Рад вас видеть, сьер Гарсиласио! Вы не помните, у брата Алессо Порчелли с зубами было все в порядке?

Если он и удивился, то и виду не подал.

— Кажется... Да, точно! У профессора Порчелли не было передних зубов, из-за этого он пришепetyвал...

Я вспомнил обтянутый кожей череп. Да, все верно.

— Но какое отношение?..

Отвечать я не стал. Хотя бы потому, что с этой минуты приговор, вынесенный Трибуналом, вступал в силу. Злостный еретик не пожелал искренне раскаяться перед Церковью, а посему...

«...А посему отпустить упомянутого сьера Гарсиласио де ла Риверо на волю и предать властям светским, дабы те наказали его по заслугам, однако же по возможности милосердно и без пролития крови...»

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСИО ДЕ ЛА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

М

История с «кладом» не нуждается в толкованиях. Отец Гуаира выступает в знакомом обличье — в обличье хладнокровного убийцы, при этом весьма неуклюже пытаюсь найти себе какие-то оправдания.

Между прочим, отец Гуаира ничего не говорит о судьбе пленного черкаса, которого он именует Грязной Сорочкой. И неспроста! По его приказу мы бросили несчастного связанным на берегу Борисфена. Какими бы ни были его грехи, такой смерти — от голода, холода и кровожадных комаров — он не заслужил.

Н

О синьоре Ружинской следует сказать особо. Здесь автор, как никогда, необъективен. Не имея возможности открыто солгать, он прибегает к насмешке и тонкому (как ему кажется) издевательству над ее внешностью и манерами.

А между тем она была прекрасна. Не боюсь написать об этом даже сейчас, через полвека. Кто осудит меня? Мне было тогда двадцать пять лет!

Страшно вспоминать ее рассказ о том, что довелось испытать несчастной в татарской неволе. Ядвига выдержала, не сломалась, не пала духом. Ее побег — пример истинного мужества.

Как мог, я помогал ей.

Естественно, и речи быть не могло о том, чтобы рассказать отцу Гуаире, кто прячется в моей повозке. Он бы выдал ее — в этом нет ни малейших сомнений. И в дальнейшем он признается, что спасал не ее и даже не меня, а свои «глаза». Такая откровенность не нуждается в комментариях.

На пароме отец Гуаира не просто «толкнул» меня. Он меня избил. Избил, а после предложил сбросить Ядвигу в воду. И сбросил бы, но тут уж мы все не выдержали.

Тогда он поступил еще подлее. Догадавшись о наших с Яд-

вигой взаимных чувствах, он поспешил сообщить ей, что я не дворянин.

Ядвига — замечательная девушка. Но ее воспитание, ее словесные предрассудки, впитанные еще с материнским молоком, к сожалению, оказались слишком сильны.

Как смеялся этот негодяй! Более того, он выступил в роли отвратительной сводни, всячески способствуя своему дружкю Бартасу, посмевавшему ухаживать за девушкой. Надо ли говорить, что чувства этого наглого француза, в отличие от моих, были низкими и по сути своей омерзительными.

Глава XI

О тайне Синей Бороды, хитростях астрологии, а также о местожительстве и занятиях днепровских черкасов, именуемых еще запорожцами

Вербовщик: Не сомневайся, парень! Макай палец в чернила да тычь его сюда. Раз — и ты уже солдат! Сыт-одет будешь, мир повидаешь, а за королем служба не пропадет. Армия наша — самая сильная, сильнее не бывает! А если подстрелят или чего в бою оторвет — не беда. Король за то заплатит, и заплатит щедро. Ухо — три золотых, нос — пять, рука — десять, нога — опять же десять, а ежели то, что повыше, — целых двадцать!

Илочечонк: А если голову?

Вербовщик: Ну-у-у! Тогда, считай, тебе и вовсе повезло! Сто золотых! Гуляй — не хочу!

Действо об Илочечонке, явление одиннадцатое

1

Последнюю тыквочку мате мы честно распили вместе с дю Бартасом. Пикардийцу досталось даже больше — бедняга с утра жаловался на жару. И вправду, солнце припекало, обещаая горячий день. Почти как в степях у подножия Кордильер в самом начале декабрьского пекла.

— Дорогой друг, — вздохнул я, выбрасывая столь славно послужившую нам тыкву, — а не слышали ли вы сказку о Синей Бороде?

Шевалье удивленно моргнул.

— О Синей... А-а! Вспомнил! Конечно же, дорогой де Гуаира, слышал, и даже неоднократно. Более того...

Он быстро обернулся и перешел на шепот, словно в бли-

жайших кустах мог сидеть сам Мазарини в компании с Торквемадой.

— Более того, поговаривают, что сия страшная история и вправду имела место быть с неким маршалом, имя коего я, признаться, запомнил. Но отчего вы спросили, друг мой?

Я привстал и без всякой охоты выглянул из густой тени на свет Божий. Скоро полдень, а мы никуда не едем, прочно окопавшись в глубине небольшой рощицы. И лошадям хорошо, и ослику брата Азиния, и самому брату Азинию. Вон сидит, молитвенник листаёт, носом пятнистым подергивает!..

— Спросил я это, дорогой шевадь, в связи с ключиком. Не забыли?

Глубокие морщины — спутники тяжких раздумий — рассекли его гладкий лоб.

— Mort Dieu! Не тот ли ключ вы имеете в виду, что доверен был молодой супруге сего злодея? Ключ от комнаты, которую не велено открывать! Однако, друг мой, сегодня вы говорите загадками!

Я говорил загадками, я валялся в тени вместо того, чтобы рысать по горячей степи, я умудрился пересолить похлебку, заслужив недоуменный взгляд панны Ружинской. А! Вот и она!

— Адамка! Переведи-ка пану мечнику, да побыстрее! Спроси его, почему не едем? И ежели есть на то причина, отчего не изволит мне сообщить?

Панна зацная гневалась. Будь на ней шитое золотом платье вкупе с красными сапожками и шапочкой-вилонной, дочь каштеляна гомельского смотрелась бы грозно. Но в рубашке дю Бартаса, моих штанах, в растоптанных постолах, взятых из казачьей сумы, и в казачьей же шапке сердитая панна выглядела совершенно иначе.

Я вздохнул. Переводить было лень, ругаться — тоже.

— Адамка! — Яркие губы сжались, синие глаза недобро блеснули. — Плетей отведаешь!

— Дорогой де Гуaira, — осторожно прошептал шевадь, испуганно косясь на грозную девицу, — вам не кажется, что синьора Ружинска воспринимает вас как-то... неправильно?

Спросить у нее самой бедняга не мог. Панна Ядвига, как выяснилось, сносно изъяснялась по-немецки (не считая, само собой, русинского, польского и школьной латыни в цитатах), но из всех богатств немецкого славный пикардиец знал только «Tertofel!»¹.

¹ Tertofel — черт (искажен. нем.).

— Пан мечник изволит сказать, что намерен думать тяжкую думу, — отрезал я. — А кто ему в том деле помешает, на того гнев его лютей сугубо падет. В гневе же пан дю Бартас истинно страшен и подобен злобной фурии! Шевалье, нахмурьте брови!

Последнюю фразу я произнес, само собой, шепотом и по-итальянски.

Пикардиец ничего не понял, но брови нахмурил.

Она уходила словно королева. Оскорбленная маленькая королева в нелепых широких штанах.

— Да чего это с вами, Гуaira? — не на шутку взволновался шевалье. — *Vieux diable!* Вас словно подменили!

— Ключик, дорогой дю Бартас, — вздохнул я. — Ключик...

* * *

«...И да направит вас слепой инстинкт безо всякого мудрствования, как Авраама, повеление от Господа получившего, дабы Исаака, сына своего единственного, в жертву принести. Ибо старший ваш — это сам Христос. Ежели даже начальником поставят над вами животное, лишенное разума, то и его вы должны слушаться беспрекословно!..»

Так учил Святой Игнатий. По этому правилу живем мы, воины Иисусовы.

Я — мягкий воск. Я — топор дровосека.

Я — труп.

«...Миссия же ваша, сын мой, и проста, и трудна. Должно узнать вам, что случилось с братьями Алессо и Паоло, равно как с плодами трудов их...»

Его Высокопреосвященство Джованни Бассо Аквавива, Генерал Ордена клириков Общества Иисуса Сладчайшего, говорил негромко, но каждое слово горячим железом отпечаталось в моей памяти. Именно это мне приказано сделать. Не больше — но и не меньше.

И что же?

* * *

Я оглянулся — шевалье куда-то исчез. Зато появился сьер Гарсиласио, с которым мы по-прежнему не торопимся общаться. Еще и эта забота! Доставлять его обратно в Рим нет никакой

нужды. Там ждет его мокрая солома, в лучшем случае — вечная сырость подземелья башни Ноли или замка Святого Ангела. Отпустить? Одного, в степь?

Сьер де ла Риверо прошествовал мимо, не изволив удостоить меня даже взглядом. Бедняга! Панна Ружинска наотрез отказывается беседовать с «письменным мугырем», а с остальными римский доктор сам не желает разговаривать.

Гордыня, гордыня! Смертный грех, да и только!

Впрочем, этот мальчишка не виноват.

Ключик! Молодой глупой синьоре вручили ключик от запертой комнаты!

...Книга лежала рядом, на расстеленном поверху травы плаще. Так лучше — солнце искорежит страницы, убьет затейливую арабскую вязь. «Плоды трудов» брата Алессо Порчелли, Нострадамуса из Флоренции...

Открыть?

Мне не приказывали этого делать. Но и не запретили. «...Что случилось с братьями Алессо и Паоло, равно как с плодами трудов их...» Знаю ли я ответ? Если знаю, то следует немедленно поворачивать назад, спешить в Гезлев или Кафу, садиться на первый же корабль...

...Так-так! Синьора королева и сьер еретик! Спасенная и спаситель! Тут бы целый роман написать можно, а вместо этого...

Даже не ответила! Нос — вверх, чуть бы подлиннее — до облаков достал бы. Говорят, у таких, как ее батюшка, за обеденным креслом шляхтич урожденный стоять должен, иначе ему кусок в горло не полезет. Не серебром платят — золотом!

А если бы она и в самом деле на меня плетью замахнулась?

...на первый же корабль, итальянские по Понту не ходят, значит, турецкий, галера или баштарда, из Кафы — в Истанбул, а оттуда уже — напрямик в Остию. Черная, покрытая закамением жиром книга у меня, и листок из тетради предателя Паоло Полегини тоже у меня, я видел могилу первого и знаю, что поделывает второй.

Но ведь Франческа будет ждать меня в Киеве!

— Синьор де Гуаира! Не позволено ли мне будет приготовить обед, ибо считаю постыдным прозябание в праздности...

Брат Азиний! Еще и он! Этого лысого осла надо дотащить поближе к его праведникам, которых он намерен исследовать, как брат Паоло — тараканов вкупе с клещами.

Посадить одного осла на другого и показать, где север? Доедет — до первого казачьего разъезда.

Франческа не будет ждать меня в Киеве. И никто не будет ждать. Сейчас там война, ландскнехты князя Радзивилла уже прошли Минск, а в Киеве у capitano Хмельницкого всего два полка...

Ей просто было одиноко. Одиноко, страшно, синьор в голландском плаще и немецкой шляпе случайно оказался рядом, к тому же я — поп, а она не любит попов...

Незачем ехать в Киев. Незачем сидеть здесь, на краю горячей степи, и ждать, пока брат Азиний накормит нас рыбьим клеем...

И незачем трогать ключик! На нем обязательно проступит кровь, ее не отмоешь, а мессер Синяя Борода обязательно вернется, и некому будет позвать на подмогу братьев.

К тому же брат Алессо писал по-арабски! Я все равно ничего не пойму!

— Дорогой друг! Раз уж мы устроили дневку, то не сыграете ли вы на гитаре?

— Нет, шевалье. Не сыграю...

«Плоды трудов их»... Но ведь их труды — не просто записи, это дела! Нострадамус служил в Киеве много лет, к его советам прислушивались, значит, то, что случилось, — тоже «плод»!

До черкасского бунта оставался всего месяц, а миссия в Киеве сообщала, что никакой опасности нет. И даже потом, после Корсуня и Желтых Вод, брат Сфорца считал, что все утрясется за пару недель.

Почти век мы работали в Республике, почти полвека — в Киеве. И то, чем все кончилось, — это и есть истинный «плод». И предательство брата Полегини, и трупы, выкинутые из склепов!

«По плодам познаете их»...

На что же ты замахнулся, Илочечонк? Кого вздумал судить?

...Полдень, тени уползают, беспощадный солнечный луч вот-вот лизнет черную обложку Книги-Ключа...

— Я могу поговорить с вами, сьер де Гуаира?

— Можете, сьер Гарсиласио, можете...

Объявился! Этот синяк на лбу его очень красит! И опухшая губа — тоже. Теперь уже начинаешь жалеть, что «гололобые» решили начать с камчи, а не с кола.

— Не хотел бы обсуждать наши личные отношения...

— Это действительно излишне.

Странно, мальчишка совсем не изменился! Такой же, как при первой встрече: в глазах — вызов, ноздри раздуваются, вот-вот лопнут. Сейчас требовать начнет.

— Не перебивайте, пожалуйста! Как я понял, мессер Порчелли мертв. Поэтому я требую...

Уже начал!

— ...чтобы вы выполнили обещание и отправили меня обратно в Италию...

Я вновь представил, какой из него получился бы инквизитор. Странно, а ведь мы действительно в чем-то похожи!

— Кроме того, я требую, чтобы вы написали письмо в Трибунал о том, что я оказал содействие...

Я скосил взгляд на Ключик. А что, если и вправду?.. Повернуть назад, обойти Кичкасы, где нас уже заждались, свернуть южнее, там тоже переправа. Этого сопляка — на костер, шевалье выписать пожизненную индульгенцию...

— Что вам обещали, сьер Гарсиласио? Жизнь?

— Конечно! — Разбитые губы возмущенно дрогнули. — Вы же знаете!

Я? Я-то знаю!..

— Это старое правило. Подследственному обещают жизнь, но про себя добавляют «вечную». Чтобы совесть потом не мучила.

В темных глазах что-то мелькнуло. Понял? Нет, пока еще только испугался.

— К тому же вы ничем мне не помогли. Даже на череп своего учителя не взглянули. Это раз. А теперь — два. Письмо могу написать. И ступайте себе на все четыре стороны! Далеко уйдете?

Я отодвинул книгу в сторону, подальше от солнца. Можно не спешить, подождать, пока сьер римский доктор начнет что-то соображать. Если сейчас он уйдет в степь, приговор будет

выполнен быстро. Только «милосердно и без пролития крови» не получится.

— Выходит... Выходит, я и дальше буду вынужден терпеть ваше общество?

— Рассказать вам о Джордано Ноланце? — улыбнулся я. — Помнится, в прошлый раз мы беседовали о его мыслях по поводу политического равновесия в Европе...

Как я понял, идеи великого еретика ему не по душе. Может, сьер де ла Риверо ждал, что я ему поведаю о семидесяти семи способах вызывания Сатаны? Бруно увлекался и этим — в его возрасте.

Ладно...

Ключик, ключик... Почему я не знаю арабского? Сын башмачника ни разу не ошибся — и ни разу его предсказание не могло помочь. Неужели все повторилось? Значит, это и есть Тайна? Но это Тайна лишь для меня, в Риме все знали — и о киевской миссии, и о предательстве брата Паоло! Я ничего нового не открою, просто нарушу приказ!

— Эй, Адамка! Ты чего разлегся, хлоп? Открой глаза, к тебе обращаюсь!

Да, Рубенс был бы доволен! Аллегория Гнева в старых штанах и казацких пстолах. Интересно, в гареме Ор-бека она так же командовала?

— То панна ясная пришла экзекутировать меня плетью?

Кажется, перебрал. В глазах уже не гнев — обида. Ужасно, когда кричишь, кричишь — а тебя никто не слушает!

— Ты... Как смеешь? Ты думаешь, если я... Если меня... Я — шляхтянка урожденная, что было со мной — не в позор, слышишь, ты, хлоп!

Она не заплакала — такие не плачут и под камчой. Но я вдруг понял: у каждого — своя боль. Когда она бежала из Ор-капе, то думала только о свободе — о чем ином некогда было. Теперь же — о другом мысли. Кем она вернется в свой Гомель? Бывшей наложницей — опозоренной, сеченой? Церковное покаяние, темная накидка на голову до конца дней, может быть — монастырь...

— То чем могу помочь зацной панне?

— Я... Мне надо постираться! Я не умею стирать. Совсем не умею! То к кому мне обратиться? Пан Гарсиласио хоть и хлоп, но человек письменный...

— То что за беда? — Я встал, сообразив, что отдохнул на неделю вперед. — Я сам постираю для панны.

— Спасибо...

Что? Я, кажется, ослышался?

* * *

Ручей был рядом, маленький, но чистый. А мылом я запасаю еще в Истанбуле. Мыло — лучшее, что есть у турок, если не считать артиллерии.

Перед принятием обетов, как и велит Устав, каждый будущий брат обязан неделю нищенствовать и питаться подаяниями. Мне не пришлось — сразу же отправили в Гуаиру. Я, помнится, даже обиделся...

Откуда у панны зацной столько вещей? А рубашку уже не отстираешь — кровь намертво въелась. Черт, хоть бы наш осел не напутал с мазями! Ведь до мяса разорвали!

Вода плещется, мыло пенится...

Зря! Все это — зря! Я ничего нового не открою, никого не спасу, даже не накажу злодеев. Надо добратся до Черкас, а лучше до Чигирина, отправить всех в разные стороны, а самому — назад! И черную книгу смотреть нечего, пусть себе скушает Ключик!

— Ma foi! Гуаиру, чем вы заняты?

— Догадайтесь, шевадьё!

Коломбина не станет ради меня ехать в Киев. А если и поедет — что за беда! Зачем нам встречаться? Разве что за гитару спасибо сказать!

— Я понял, друг мой! Поистине это поступок истинного рыцаря — не погнушаться... Н-да, не погнушаться тем, чем вы заняты. Кажется, в легендах о короле Артуре...

— А вы присоединяйтесь!

— А-а... А как?

И вообще, то, что здесь происходит, не так и серьезно. Крысиная возня! Мало ли было бунтов, мало ли резали и убивали! Гуаиру! Вот что важно! Я не смогу вернуться, но можно по-

мочь нашему делу и в Риме, и в Париже, и в Амстердаме. Здесь — мертвые хоронят своих мертвецов. Там — заря Грядущего...

Значит, решено? Я уже все сделал? По домам?

— Дорогой друг! Гложет меня подозрение, что сей предмет необходимо... э-э-э... отжать... выжать... выкрутить.

— Правда, шевалье? Меня тоже.

Вот и все! Измученная синеглазая девушка не будет плакать, сьера Гарсиласио отправят в башню Ноли, брат Азиний разыщет под Каневом столпника, просидевшего сиднем сто двадцать лет...

* * *

— Знаете, дорогой дю Бартас, все забываю вам сказать. В Риме, перед отъездом, я купил индульгенцию — на нас двоих. Она позволяет вернуться, как только мы увидим воды Борисфена.

— Но как же Киев? Эта, как ее... Лавра? Мы же с вами давали слово!

Больше всего хочется извиниться. За все — за подлую выдумку с дуэлью, за тюремные решетки, за «паломничество». Может, и простит — ведь мы с ним друзья!

— Индульгенция, шевалье! Ее продают по благословению Его Святейшества. Можете считать, что он лично вам разрешил.

— Но... Выходит, мы трусили? Паломничество — это же обет! Кто не выполнит Божий обет — тот трус!

Лучше бы он меня ударил!

Все верно!..

«Каждый, кто не следует Христу, — презренный трус», — так сказал Святой Игнатий. Я забыл. Нет, не забыл — помнил, потому и убеждал сам себя, потому и валялся в теньке, не желая открывать глаз!

Презренный трус!

Правильно!

Илочечонк, сын ягуара, слишком долго жил в людской стае. Он заразился худшей болезнью — постыдным страхом за собственную жизнь.

Да, я начал забывать Гуаиру. Иначе бы не пускался в философствование, глядя на поднесенную мне чашу. Какая разница, что в ней? Она — моя!

— Седлаем коней, шевалье!
— Но... Да, конечно! Признаться, я уже начал волноваться.
Однако же ваша индульгенция...
— Считайте, что я ее порвал!

2

В степном океане много дорог. Много — и ни одной. Ты сам прокладываешь себе путь через зеленые волны.

На север? На запад? На юг?

Мы могли свернуть на северо-запад, на Чигирин или Черкасы. Так ближе к Киеву.

Могли направиться еще западнее, прямо на Умань и Ладзыжин. Это путь на Краков.

Я приказал ехать точно на запад. Слева — днепровские плавни, впереди — река Томаковка и Красный лиман, за ними — Микитин Рог.

Степные корсары первыми нанесли нам визит. Я решил быть вежливым — и самому завернуть к ним в гости. Микитин Рог, речка Пидпильна, густые плавни вокруг...

Сичь — казацкий Порт-Ройял.

* * *

Проклятый зной!.. Ругаясь по привычке,
Взметая башмаками пыль дорог,
Идем, идем... Ни выстрела, ни стычки.
Я б отдал пять пистолей за глоток!

Шевалье декламировал, не слезая с седла. Теперь ему не требовалось каждый раз доставать томик без обложки. Кажется, он умудрился выучить сонеты наизусть.

Торчат ограды выжженных селений —
Картина, надоевшая давно.
Кто написал здесь: «Шатильон — изменник?»
Давай исправим: «Генрих Гиз — ...дурак!»

Хоть бы колодец! Чертова жара...
Сюда б Ронсара: сочинил бы оду —
Не про божественный нектар, про воду!
А мне сейчас, клянусь, не до пера:

Пишу пока свинцом. Чернила — порох.
Да временами — мелом на заборах!

Дю Бартас величественно махнул рукой и обернулся, явно ожидая одобрения. Увы, лишь я поспешил воскликнуть: «Браво!» Сьер римский доктор ехал чуть в стороне, делая вид, что

ничего не слышит, брат Азиний... Да что с него взять? А панна Ружинска...

— Гей, Адамка, то не вирши ли рецитует пан мечник?

Неужели догадалась?

— Так, панна зацная. Мощный и пышный пан дю Бартас рецитует вирш про гугенотскую ребелию в Королевстве Французском. Той пиита-ребелиант архикнязя Гиза сугубо лает та скаржится на декохт, то есть неимение, воды...

Фу! На каком это я языке?

Ответом был удивленный взгляд. Плечи под казацким жупаном (опять-таки из числа наших трофеев) недоуменно дернулись.

— То неужели пан зацный дю Бартас ересь гугенотскую гра-тулюе? Лучше спроси, Адамка, пана мечника про то, куда мы едем?

— К Микитиному Рогу, панна ясная.

— Я сказала — спроси!

В ее голосе — знакомый гнев, в синих глазах — огонь. Хороша! Я вдруг представил себе панну ясную под венцом, а после — на ложе супружеском...

...И впервые возрадовался, вспомнив, что на мне — чин ангельский.

— Дорогой шевалье! А не скажете ли вы синьоре Ружинской, куда движется наша маленькая армия?

Бедняга моргнул — раз, еще раз...

— Но, дорогой Гуаира! Ma foi! Да ко всем чертям с ангелами, да кровь Христова и крест лурдский животворящий, Пресвятой Богородицы гроб да всем воинствам небесным аминь — откуда мне знать-то?

Я постарался перевести слово в слово.

* * *

От близкой воды несло знакомой сыростью, пламя костра все время норовило прижаться к белым углям, и даже плащ грел плохо.

Чертомлык совсем близко. Веселое имечко! Самое подходящее место для моей затеи!

Говорят, возле плахи страх проходит. Он уже позади, за плечами. Страх проходит, любопытство остается.

Связку камыша — в огонь. Плащ — на траву. Черную книгу — из сумки.

— Дорогой шевадье! Если сейчас кто-то будет мне мешать, пристрелите его, будьте добры!

— А-а! Вы, как всегда, шутите, Гуаира!

...На этот раз — едва ли.

...И помоги рабу Твоему грешному Адаму, решившему идти путем Твоим, ибо бремя мое тяжело и не удержать мне его одному без руки Твоей.

Амен!

Обложка распадается под рукой, первые страницы ссохлись, пошли трещинами. Как ключик Синей Бороды, там тоже была трещинка, из которой сочилась кровь...

Арабский!

...Справа налево, переплетаясь, изгибаясь, словно лианы в сельве. Почему я не выучил все это? Что может быть проще? Легким движением калама наносим на тростниковый лист изящные изгибы извода джери или закорючки истанбульского письма рика...

...Страница третья, пятая, двадцатая. Жаль, что не сохранилось начало! Там могла быть пометка, дата, имя...

...Двадцать пятая, двадцать восьмая... Так и тянет заглянуть в конец, перевернуть десяток листов сразу. Или сорок...

А почему бы и нет?

О, Господи!

Вместо арабских букв — дуги, окружности, треугольники. И цифры — тоже арабские.

Он что — еще и геометр? «Но некий Черный Херувим вступился... А ты не знал, что я геометр тоже?»

Цифры, цифры, цифры, круги — один в одном, снова цифры. А вот и слова. «Gradus», «transit», снова «transit». Латынь? Странная латынь! «Infortuna minor», «infortuna major»! О, Господи! А что-нибудь повеселее есть? «Fortuna minor»... Ну, слава богу!¹

«Директная фаза»... «Попятный ход»... Итальянский?

Супруге Синей Бороды было проще. За дверью — комнатка, в комнатке — трупы. Все ясно и понятно, бухайся на колени, готовься к смерти. И никаких изводов джери вкупе с пифагоровыми штанами!

...Цифры, цифры... А это что? Кружок, в нем точка?

¹ Infortuna — несчастье; minor — малое; major — большое; fortuna — счастье, удача (лат.).

...Я прикрыл глаза и понял, что пора кидать в костер новую порцию сухого камыша. Зрение начало шутить. Точка в круге — это уже не отсюда. Она из иной, очень знакомой книги. Фома Кампанелла, «Город Солнца»: «Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке...». Когда я впервые это прочитал, то весьма удивился, отчего это правитель именуется точкой в круге. И лишь потом я узнал, что это астрономический знак, обозначающий...

...Солнце!

Господи, да он же астролог! «Transit» — прохождение планеты! А вот они: Меркурий — внизу крестик, вверху рожки, Венера — тоже с крестиком, но без рожек, а это Марс — кружок со стрелочкой. Позвольте, но Марс и есть «малое несчастье»! А «большое» — это уже Сатурн. А вот и значки созвездий — Овен, Дева, Скорпион...

Итак, планеты, звезды, орбиты — и очень много цифр. Я искал Нострадамуса, а нашел Птолемея. Птолемея, который изъясняется по-арабски.

— Дорогой де Гуаира! Не поделитесь ли вы со мной причиной столь бурного веселья? Признаться, мне что-то взгрустнулось.

— Охотно, дорогой шевалье! Но сначала тащите сюда мальчишку!

— Простите?

— Ах, да! Пригласите, пожалуйста, высокоученого сьера Гарсиласио де ла Риверо.

* * *

От цифр и окружностей рябило в глазах. Лишь кое-где проскакивало более понятное: «поправка», «следовательно», «учитывая». Так и тянуло перелистать всю эту абракадабру и пройти в запрещенную комнату дальше, но добросовестность превозмогла. Арабский никто из нас не знает, но вот что касается астрономии...

— Вы хотели меня видеть, синьор де Гуаира?

— Да. Взгляните, пожалуйста, это по вашей части.

— Не имею ни малейшей охоты!

В уголках тонких губ — презрение, в глазах — знакомый вызов.

— Пожалуй, вы правы. Для вас это будет сложновато. Не смею задерживать!

— Что? — Его лицо дернулось, скривилось. — Вы думаете, что своими дешевыми приемами заставите меня... Заставите меня!.. Покажите!

Чего же тут думать? Уже заставил.

Он читал долго, водил пальцем по строчкам, шелестел страницами — вперед, назад, снова вперед. Лицо менялось — презрительная мина исчезла, сменившись недоумением, даже тревогой.

Я ждал. Спешить было некуда. Невидимый в темноте Чертомлык набухал серым туманом, вдалеке перекликались ночные птицы...

— Это, конечно, астрология, сьер де Гуаира. Только очень странная.

Сьер Гарсиласио откинулся назад, сцепил пальцы на коленях.

— Предупреждаю сразу: я в астрологию не верю и считаю ее лженаукой...

От комментариев я воздержался — дабы не спугнуть.

— Но это необычная астрология. Прежде всего она исходит не из Птолемея и даже не из Коперника, а из Кеплера.

— То есть? — осторожно переспросил я. — Отрицает эпиклы и предполагает эллиптическое движение планет?

— Да, первый закон Кеплера. Сомнительная теория, что и говорить!.. Но это не все. Расчеты ведутся не по двенадцати, а по тринадцати знакам зодиака.

Самое время креститься. Тринадцать знаков зодиака, шестьсот шестьдесят шесть звезд...

— Это рукопись мессера Порчелли? Тогда понимаю! Насколько я помню, он исходил из того, что звезды движутся. Это, конечно, нонсенс...

...А я и не знал, что брат Алессо столь близко к сердцу принял идеи мессера Джордано Бруно!

— В этом случае картина звездного неба должна была измениться за последние несколько тысяч лет. Отсюда и тринадцатый знак зодиака — Змееносец. Кроме того, здесь учитывается так называемая Темная поправка, то есть поправка на неизвестные нам планеты...

...Привет Бруно Ноланцу!

— А самое главное, сьер де Гуаира, анализ здесь не перспективный, а ретроспективный...

Он замолчал, а я вновь не стал торопить. Ретроспективный анализ? Не того, что будет, а того, что было?

— Такое впечатление, что мессер Порчелли сперва описал возможные последствия влияния планет и звезд за определенный период, а затем попытался понять причину. Зачем?

...Луч! Маленький лучик в темной комнате, куда меня угрозило попасть. Понять причину! Ну, конечно! Понять! Причину!

— Если вы не возражаете, я бы проглядел это все внимательнее...

— Да, — спохватился я. — Буду вам весьма признателен. Только скажите, какой именно период интересовал мессера Порчелли?

Сьер римский доктор вновь придвинул к себе Черную Книгу, зашелестел страницами.

— Кажется... Да, семь лет, с 1646-го по 1653-й. Критический год — 1648-й. Странно, ведь сейчас только 1651-й!..

Я встал, стараясь не шуметь, и осторожно отошел в сторону, словно охотник, не желающий спугнуть дичь. Ягуар умеет охотиться — и на индюка-гокко, и на жакатунги, пугливого фазана с разноцветным хвостом.

...Маленький лучик света в темной комнате. Еле заметный след в траве...

* * *

— Шевалье! У меня появилось непреодолимое желание поиздеваться над гитарой...

— О-о-о-о!

— Только отойдем с сторонку, и тихо, тихо...

Костер исчез, скрытый травянистым холмом. И сразу же подступил туман — густой, зябкий. Ничего, как раз под настроение!..

Я поудобнее пристроил гитару на коленях, провел рукой по перламутру...

А я ведь даже не сказал спасибо синьорине Франческе!

Из темноты неслышно вынырнула грозная панна Ружинска, присела рядом, отвернулась.

Ясновельможная пришла слушать, а не смотреть на хлопа!

Ну и ладно!

Пальцы коснулись струн...

Хота!

Наваррская хота! Безумная, горячая, как ночи в карнавальном Асунсьоне. Под огромными недвижными звездами, под сенью Южного Креста. Где-то рядом — сухой треск кастаньет, хриплый голос пейдаро...

Хота!

Я исчез. Кто-то другой терзал струны, кто-то другой отбивал ритм костяшками пальцев...

...Маленький лучик света в темной комнате. Еле заметный след в траве...

Нострадамусу не нужно вычислять Грядущее по звездам. Он его видит. Как, почему — ведает лишь Бог. Брат Алессо Порчелли видел сожженную Германию и Японию под властной рукой Токугавы. Видел — но ничего не мог изменить. Ни он, ни кардинал Инголи, ни Святейшая Курия...

...Пальцы пляшут по струнам, пляшут босые девчонки в пестрых юбках, парни в тяжелых черных башмаках отбивают такт по булыжнику узких улиц...

Хота!

Критический год — 1648 А. Д.! Год capitano Хмельницкого и его удалых черкасов, пустивших по ветру все, что строили мы в Республике целый век. Коллегии, типографии, театр, сотни молодых русинов в европейских университетах, Уния, наконец-то преодолевшая вековой разлад. В горький дым, в черную гарь! Брат Алессо увидел — заранее, за много лет!

Хота сменяется гренадиной, танцы только начались, гудит праздничный Асунсьон. Его Преосвященство Карденас заперся в епископских палатах, боясь показаться на улице в эту пьянящую ночь. Он всего боится, подлый францисканец, а всего более — веселья, музыки и, конечно, того, что мы строим в Гуаире. Прячься, крыса!

Пальцы на струнах, Южный Крест над головой...

...Он увидел, но на этот раз не спешил докладывать мессеру Инголи. Он был умен, сын башмачника, и поэтому попытался понять. Любой итог — следствие тысяч и тысяч причин. Армия разбита, потому что в кузнице не было гвоздя. Но поди найди этот гвоздь перед битвой!

Брат Алессо обратился к звездам. Почему бы и нет? Во всяком случае, он решил попытаться. Ретроспективный анализ! Нострадамус из Флоренции попытался увидеть корни будущего — будущего, которое еще не наступило!

Но ведь ничего не вышло? Саритано Хмельницкий разбил гетьмана Потоцкого. А потом поднялась в поле трава...

Гренадина сменяется малагеньей, малагенья — севильяной. Его Высокопреосвященство Франческо Инголи запретил мне брать гитару. А мог бы запретить умываться — или чистить зубы.

Спьем, мессер кардинал?

Итак, в Киеве знали, чего ждать от года Anno Domini 1648-го. Ждали — и пытались что-то изменить? Может, отсюда спокойствие брата Сфорца?

Не это ли Тайна? А как же клещи и тараханы брата Паоло Брахмана?

Нет, нет, это только лучик, комната темна, в черных углах что-то шевелится...

Карнавал, карнавал, карнавал...

* * *

— Вы не устали, мой друг?

— Нет, что вы, шевадьё!

Неправда. Устал — словно и в самом деле всю ночь плясал на асунсьонских улицах. Руки налились свинцом, ломит спину... А ведь не прошло и часа!

Часа? Почему здесь сьер еретик? Ведь он должен читать Черную Книгу, я дал ему Ключик!..

— Прекрасно играете, сьер де Гуаира!

От похвалы несет ледяным ветром. Словно душа кардинала Инголи на миг переселилась в этого мальчишку.

— Поговорим?

Карнавал кончился.

Сьер римский доктор подбросил сушняка в костер, пододвинул рукопись. Негромко хрустнула пересохшая кожа.

— А вы никогда не хотели стать музыкантом, сьер де Гуаира? Или актером?

— Что? — не понял я. — А, это вы в том смысле, зачем я пошел в попы?

По тонким губам змеей скользнула улыбка.

— Вроде того. Знаете, надо же когда-нибудь приносить пользу людям!

— А разве ваш Кальвин не запретил театр вместе с музыкальными инструментами?

Бац-хряс! Ты мне в ухо, я те в глаз!

Поговорили!

Он, кажется, остался доволен. Во всяком случае, соизволил перейти к делу.

— Итак, получается вот что... — Обложка затрещала, с трудом поддалась. — Мессер Порчелли анализировал некий период времени, который он называл «кадар»...

— Кадар? — удивился я. — Это астрологический термин?

— Нет. — Мальчишка вновь усмехнулся, на этот раз весьма снисходительно. — Это не астрологический термин. Мессера Порчелли интересовало целое столетие, но в нем он выделил семь лет. Это годы интенсивного влияния Сатурна, а также сближения Сатурна с Юпитером. Кажется, он был уверен, что данный период, «кадар», имеет решающее значение для Республики и сопредельных территорий...

— Критический год, — кивнул я. — Сорок восьмой!

— Не перебивайте! — Сьер еретик поморщился. — Да, семь «сатурнических» лет, и один год — особый. Его «критичность» мессер Порчелли видит в том, что год этот — високосный. Кроме того, начиная с января наблюдается вхождение Марса в градус Овна. Но транзит Марса не обязательно имеет негативные последствия. Он лишь провоцирует импульсивность, в некоторых случаях — безрассудство и раздражительность. Правда, мессер Порчелли добавляет Темную поправку, которая якобы усиливает негативную реакцию людей, но это, извините, весьма сомнительно. Даже если неизвестная нам планета существует, совсем не обязательно, что в директной фазе она столь пагубна. Знаете, сьер де Гуаира, по-моему, покойный мало разбирался в астрологии!..

Я даже обиделся за беднягу профессора. Его собственный

студент изволит поднимать копыто! Еще чернила в конспектах не просохли!

— У меня такое впечатление, что он просто хотел доказать свой посыл. Причем весьма бездарно.

Я не стал спорить с самоуверенным юнцом. Может быть, брат Алессо и не смог доказать свой «посыл». Зато это успешно сделали другие. Саритано Хмельницкий, например.

Пусть даже сьер еретик прав. Он был плохим астрологом, сын башмачника из Флоренции. Но до него никто не пытался понять, как придется нить Парок. Не предсказать — вычислить. Математика и астрономия — слабое оружие в исчислении Путей Господних. Он делал что мог.

— Кроме того, мессер Порчелли пытался найти, так сказать, противовес воздействию транзита «Infortuna minor», то есть Марса. С его точки зрения, это три звезды — Бетельгейзе, Ригель и Капелла. Он считал, что если эти звезды сохраняют свое влияние, год пройдет спокойно и весь период — «кадар» — закончится без особых потрясений.

— Погодите! — вздохнул я. — Что значит «сохранят влияние»? Они что, могут погаснуть?

— Понятия не имею, — сообщил сьер Гарсиласио не без злорадства. — Очевидно, это какая-то особенная иезуитская астрология. Вот, смотрите!

Зашелестели страницы. Грязный, испачканный палец ткнул в одну из строчек.

— Извольте!

...Сфера, вокруг нее — небрежно нарисованные эллипсы. Цифры, цифры, цифры. Ага, вот!

«Бетельгейзе — принц Краков, Ригель — принц Молдова, Капелла — регус Ваза. Основа равновесия».

— Убедились?

Я кивнул — убедился. И прежде всего в том, что мальчишка ошибся. Это не просто звезды.

— Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено, сьер де Гуаира?

Он был доволен. То ли глумлением над покойным учителем, то ли тем, что озадачил меня.

— Вполне, — согласился я. — Только еще одно — слово «кадар».

— Ах, это!

Страницы снова зашелестели. Он листал их легко, небрежно, словно заранее предвкушая эффект.

— В арабский текст не заглядывали? А напрасно!

Я без звука проглотил его тон. Арабский? Он что, Коран в подлиннике читает?

— Всегда полезно смотреть первую страницу!

Первую? Но ведь первых страниц нет, они пропали, сгнили, превратились в серые лохмотья...

— Арабы, да будет известно сьеру иезуиту, пишут справа налево...

Бац! На этот раз — прямым в челюсть. Я на земле, из носа идет кровь, а нахал-еретик приплясывает на моих костях.

Справа — налево! Значит, текст начинается не с первой страницы, а... с последней! То есть последняя становится первой...

Есть!

Над узорной вязью, над ничего не говорящими гайнами и кафами...

«Краткое изложение трактата «Фусус ал-хикам» сочинения Мухии Ибн Араби ад-дин Абу Абдаллаха, известного также под именем Аш-Шейх Аль-Акбар, что означает Великий Учитель, и Ибн Афлатун, то есть Сын Платона. Родился в городе Мусия 1165 А. Д., умер в городе Дамаске в 1240 А. Д.

Учение об Аль-Барзах, сиречь Промежуточном Мире, а также о Дне Предопределения, именуемом Ва-ль-Кадар, и о том, как и на какой срок сей День определяет судьбы мира, равно как державы или человека».

* * *

...Я думал, что попал в темную комнату, но очутился в Промежуточном Мире. Ва-ль-Кадар, День, определяющий судьбы. Нострадамус из Флоренции увидел День, который решил судьбу державы.

Увидел — но не смог предотвратить.

3

«Фигура» — огромная, черная, вся в блестящей смоле, выросла словно из-под земли. Мы как раз выезжали из небольшой роши, и дю Бартас, обогнавший меня на несколько шагов, не успел даже остановиться.

— Ха! Пане паланковый, так до нас гости!

Пятеро — длинноусые, чубатые, с пистолями, заткнутыми за красные кушаки. Правда, медвежьих шкур, дырявых сорочек и босых пяток на этот раз не было. Усачи щеголяли в шарова-

рах, татарских сапожках и долгополых безрукавках-черкесах. Кровные кони, привязанные к подножию смолянистой вышки, лениво жевали траву.

— То добридень, панове! Ба-а! А это кто такой важный? Никак поп латинский? Прячься, хлопцы, сейчас кадилом на-вернет!

...Брат Азиний как раз этим утром скинул татарский халат и надел сутану. Что и говорить, вовремя!

— Ой, любим мы ксендзов, ой, любим! А это кто еще?

Ухмыляющиеся усатые физиономии уставились на невозмутимую панну Ружинску.

— То цапля, — уверенно заявил один. — Убей меня Бог, цапля!

— Да какая то цапля, дурень! — возмутился другой. — То качка!

Лицо панны зацной начало наливаться густой кровью. Увы, это было только начало.

— Дрофа!

— Сverbигузка!

— Пане паланковый, рассудите!

— Тихо! — Высокий плечистый здоровяк неторопливо поправил кушак, огладил усы. — То хомяк, хлопцы!

В ответ ударил дружный гогот.

— Хомяк! Хомяк пожаловал! Да еще в жупане! Да постолы надел!..

— Ах, хлопы, пся крев!

Синие глаза вспыхнули гневом. Испуганно заржал конь. Маленькая королева, лаской спрыгнув с седла, бросилась на обидчиков.

— Тикай, хлопцы, задерет!

Но не тут-то было. Двое успели подпрыгнуть и уцепиться за доски «фигуры», еще двое отскочили в сторону, но один, тот самый, что помянул цаплю, все-таки попался.

— Хлоп! Хлоп! — Маленькие твердые кулачки ударили в подставленную спину. — Подлый хлоп! Мугырь загоновый!..

— Рятуйте! Рятуйте! Панотца зовите, помираю! — вопил избиваемый, но «хлопцы» лишь посмеивались в густые усы.

Мы с шевалье переглянулись. Он покосился на эфес верной шпаги, но я покачал головой. Кажется, панночка и сама разберется.

— Вот тебе, вот тебе, сиволапый! — Кулачки яростно молотили в могучую спину. Наконец силы иссякли, и панна Ружинска, тяжело дыша, отступила на шаг.

— То, может, пышна пани еще почешет? — вежливо осведомился усач. — А то год в бане не мылся!..

Все стало ясно. Я подождал, пока «пышна пани», синяя от бешенства, вернется к нашему маленькому отряду, приподнял шляпу, кивнул:

— Добридень, панове! То хороша служба, сидячая да лежачая?

* * *

Это была сторожа — последняя перед Сичью. До Микитина Рога оставался пустяк — миля по узкой избитой копытами дороге. Я поинтересовался, не требуется ли особый пропуск, но старшой — пан паланковый — заверил меня, что на то и вольности запорожские, дабы всех на Сичь пускать. Кроме «пышной пани», понятно. Ей дальше ворот хода не будет, иначе «товарищи войсковые» сильно испугаются.

Об этом я и сам слышал. Днепровские черкасы играли в мальтийских кавалеров. Порт-Ройял носил монашеский клобук.

Вначале я удивился. Затем растерялся. Потом — снова удивился.

Бог весть, что я ожидал увидеть — то ли многобашенный замок, ошетилившийся стволами гармат, то ли пристань, полную черных парусов, а может быть, табор, кишаший одетыми в золото корсарами.

Запорожская Сичь! Даже в Кастильских Индиях о ней слышали. Еще бы! Кто еще в Европе осмеливался скрестить клинок с турецким ятаганом! Сожженные Варна и Синоп, пограбленные предместья Истанбула, разоренный Крым. А теперь еще и разметанная по степи и болотам польская гусария, гетьманы, связанные, словно бараны, и прикованные к пушкам, осажденный Львов и захваченный с лихого налета Бар.

Богатыри, степные лыцари — они же кровожадные чудища с тигриными клыками.

Чингисханы!

И что я увидел?

Речка, маленькая, курица вброд перейдет, через нее — старенький мостик. Слева — поросший камышом затон, в нем несколько лодок. А впереди — скопление мазанок и сараев.

И все?!

Нет, не все. Чуть дальше — вал, на валу невысокая стена,

даже не стена — загородка, сапогом прошибить можно. А за ней — соломенные крыши да деревянный крест невысокой церквишки.

Пусто, тихо, скучно.

Первой нам дорогу перебежала курица (та, что речку вброд перешла). Затем из-за тына несмело подавала голос какая-то шавка. Из открытых дверей сарая вывалил полуголый детина с большой глиняной кружкой в руке. За ним другой — в сорочке, но без сапог. Голые пятки четко отпечатывались в пыли.

И это — Сичь?

Впрочем, скоро все стало понятнее. Мазанки да сараи оказались посадом — поселком перед самой крепостью. За мазанками тянулся выгон, через который вела дорога, упиравшаяся в ворота.

Наконец я увидел пушку — одну, возле самого въезда.

Ворота оказались открытыми — настезь.

* * *

— *Vieux diable!* — Шевалье дю Бартас окинул взором открывающийся вид и с сомнением покачал головой. — Похоже на засаду, друг мой! Не иначе эти разбойники притаились за стенами. Мессер де Боплан особо отмечает их привычку к внезапным нападениям.

— Тем славнее будет наш подвиг! — с пафосом воскликнул я. Пикардиец, нахмутив брови, погладил эфес шпаги.

Но атаковать было рано. Следовало позаботиться об обозе.

Первый сарай, в который мы постучали, оказался заперт. Второй — тоже. В третьем нас встретил старикашка армянин, сносно говоривший по-гречески.

Тут все и выяснилось. Я не ошибся — перед крепостью действительно находился посад, где квартировали заезжие торговцы. Обычно жизнь в нем кипела, но сейчас намечалась сиеста. Лыцари-запорожцы ушли в многомесячный поход, а посему скупать добычу, равно как продавать горилку, было не ко времени.

Потому и пусто. Потому и ворота настезь.

Впрочем, как объяснил мне говорливый торговец, ворота в Сичи запирались редко. Лыцари не боялись и не собирались отсиживаться за стенами из старых досок и гнилого камыша. Да и желающих атаковать степной Порт-Ройял находилось мало. То есть их попросту не было.

Оставалось отдать боевой приказ: кому в сарае оставаться,

кому Сичь приступом брать. Последнее я оставил на свою долю, но бравый дю Бартас уперся скалой, желая разделить и труды, и славу.

Поп да фрондер — против всего Войска Запорожского Низового.

Вперед!

* * *

— Пан Адам бросает нас среди этих ребелиантов?

Пан Адам? Давно ли?

— То что за радость, пан Гуаира, себя за мутыря загонового держать? Или пан бардзо шутки любит?

Выдали! Интересно, кто?

— Зацная панна Ружинска не должна беспокойство иметь. Завтра панна поедет домой и забудет нас, как страшный сон.

— Вы — плохой сон, пан Адам!

* * *

Первый раз нас обидели в воротах. Чего можно ждать в крепости? Пропуск, пароль, расспросы, обыск в конце концов. У ворот же попросту никого не оказалось, даже пушка стояла без присмотра. Шевалье нахмурился, предположив, что засада ожидается еще более хитрая и коварная.

За воротами были сарай — камышовые и слепленные из досок. Несколько усачей лениво грелись на солнышке, не озабовавшись даже окинуть нас взглядом. И мы снова обиделись.

Огромная площадь, больше похожая на выгон, дощатая церковь с деревянным крестом, еще несколько сараев — но чуть побольше.

И это — Порт-Ройял?

Получалось, что именно так. Еще пара усачей сидела на бревнышке, колотя по черной коре картами, двое мальчишек тащили куда-то огромный котел с водой, на краю выгона скучало огромное медное било, привязанное веревкой к столбу.

Дю Бартас внимательно огляделся, после чего резонно рассудил, что мы наверняка пропали. Много засад он встречал на своем веку, в некоторых и сам сиживал, но такой ловушки видеть еще не приходилось.

Хоть бы окликнули! Хоть бы мушкетом погрозили!

Оставалось заорать: «Э-э-э-й!», но в последний миг я передумал. Еще разбегутся, ищи их потом в плавнях!

— То паны зацные в зернь не желают?

Я оглянулся. Худой небритый парень в сорочке навывпуск подкидывал на ладони игральные кости, один вид которых говорил о том, что с первого же броска они выкинут «13». Или даже больше.

— Старшого! — вздохнул я. — Кто тут у вас старшой?

— Так нема, — грустно сообщил любитель зерни. — И кошевого нема, и старшины. И куренных тоже нема. И паланковых... То, може, пан зацный кинет разок?

Я поглядел внимательнее на то, что лежало на его ладони. Парень потупился.

— Когда в следующий раз будешь кость подпиливать, разрез делай поуже, а то свинец больно виден! Так кто тут еще из старших имеется?

— То спасибо пану, — ничуть не смутился он. — А из старшины нема никого. Судьи нема, товмача нема, обозного нема, и писаря войскового, и осавула, и довыбыша, и булавничого, и хорунжего. Да что им тут делать-то? А коли надо чего, то пусть паны зацные до пана старшого канцеляриста зайдут. Вон в том курины он!

Я проследил за тем, куда указал его шкодливый перст. «Куринь» — обычный сарай, только деревянный, — стоял в дальнем конце выгона.

— То, може, паны зацные в карты желают?

* * *

Не без труда удалось уговорить шевалье пустить меня одного в разбойничье логово. Славный дю Бартас был совершенно уверен, что все это затеяно с единственной целью — разделить наш маленький отряд, после чего атаковать поодиночке и вырезать. А может, и того хуже — съесть. К счастью, я вовремя напомнил ему о необходимости прикрывать тыл атакующей колонны.

Пикардиец расставил пошире ноги, положил руку на эфес и занял боевую позицию у крыльца. Я толкнул дверь.

Сарай оказался сараем и изнутри. Только пол скрипел неровным настилом да возле окна возвышался сбитый из толстых плах стол, заваленный кипами бумаг. То, что не поместилось там, лежало прямо на полу вперемешку с книгами.

— Гратулюю, пан добродий!

Неярко блеснули толстые стеклышки окуляров. Молодой парень в длинном сером каптане без рукавов неслышно подошел откуда-то сбоку.

— Добридень! — Я поспешил снять шляпу. — То я вижу пана старшего канцеляриста?

Он коротко поклонился, даже не поклонился — дернул головой. Рассматривать владельца окуляров было невежливо, но я все же заметил, что мой новый знакомый мало похож на виденных уже «панов молодцев». Ни усов, ни бороды, вместо длинного чуба — короткая стрижка «в скобку». Школяр — да и только!

И вообще он кого-то мне напоминал. Кого-то очень знакомого.

— То прошу пана...

Я последовал приглашению и присел на колченогий табурет у окна. Пан канцелярист пристроился тут же на скамейке.

Стеклышки вновь сверкнули. Взгляд стал внимательным, пристальным.

— Честно говоря, я в затруднении. Вы одеты по-голландски, но ваш загар... Не смею, конечно, любопытствовать...

Он говорил по-немецки — бегло и чисто. Я улыбнулся.

— Боюсь, придется вас разочаровать. Я ваш земляк — только из Кастильских Индий. Там меня называли Адам Гуaira.

— Хвилон Головатый, старший военный чиновник нашей канцелярии. Рад знакомству!

Трудно сказать, был ли он действительно рад. Небольшие серые глаза смотрели с интересом, но без всякой улыбки. И вообще, он очень напоминал...

...Сьера еретика! Parbleu! — как говаривает шевалье.

— То чем могу помочь пану добродию из Индеев Каштильских?

— Можете, пан Головатый, — улыбнулся я, тоже переходя на русинский. «Индеи Каштильские» мне чрезвычайно понравились.

Я уже хотел спросить его о главном — о том, ради чего я и прибыл в Микитин Рог. Но внезапно почувствовал: тот, за левым плечом, дергает меня за ухо. И пребольно.

А почему бы и нет?

— То не разрешит ли пан старшой канцелярист некую загадку? Кто есть в вашей... в нашей земле принц Краков?

Бетельгейзе, Ригель, Капелла. Три звезды — три человека.

Это я понял сам — без всякой подсказки. Звезды, способные остановить мятеж.

— Пан Адам любит загадки? Принц Краков... То позвольте, позвольте. Принц, то есть кнеж...

Если он и удивился, то ненадолго. На губах впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Кнеж Краков... Кнеж Краковский... То кнежем, нет, но паном Краковским звали его мосць Станислава Конецпольского, великого гетьмана.

Я подался вперед, словно передо мной внезапно «отворился» клад. Гетьман Конецпольский, командующий коронным войском на юге! Он умер... осенью 1646 года!

— То у пана Гуаиры есть еще загадки?

— Есть! — выдохнул я. — Принц Молдова!

Пан Головатый развел руками.

— Ответов много, пане Адам. Могу перебраться весь молдовский господарский дом, если пан Адам желает. Васыль Лупул, господарь Молдовы, брат его Стефан...

Нет, не то! «Принц Молдова» — это кто-то из своих. Звезда Регул светила над Республикой.

— Красно благодарю пана Хвилона! — вздохнул я. — Пан — мастер решать загадки. Просьба же моя в ином будет. Требуется мне найти знакомого давнего, ныне в Войске Запорожском пребывающего. Зовется он Павло Полегенький, вписался же в войско весной позапрошлого года.

...После того, как поднялась в поле трава...

— То какого он курия?

Вначале я не понял и лишь после сообразил. Днепровские черкасы расписаны по куриям — батальонам. Но Паоло Полегини не вступал в сичевики!

— Он в войске *capitano*... гетьмана Хмельницкого. В одном из полков.

Пан Головатый задумался, поджал губы. Я хотел напомнить ему о Реестре, но вовремя укусил себя за язык. Гость из «Индеев Каштильских» не может быть столь осведомлен в здешних делах.

Размышлял он недолго. Зашелестели бумаги. Пачка — налево, стопка — направо.

— Вот. Пан Адам может взглянуть.

Книга — огромный том в красном сафьяне. Я подошел к столу и неуверенно поглядел на пана Хвилона. Тот вновь улыбнулся — одними уголками тонких губ.

— Реестр — Список Войска Запорожского. Сложен по повелению Его Королевской Милости Яна-Казимира. Сорок тысяч человек, точнее — тридцать восемь тысяч семьсот сорок пять. Но пан Адам должен учесть, что здесь записаны только шестнадцать полков, войско значительно больше.

Еще больше? Я не без ужаса поглядел на тяжелый том.

Тридцать восемь тысяч семьсот сорок пять фамилий! А ведь я даже не знаю, в какой полк попал брат Полегини!

— Пан может взглянуть. Это не военная тайна — Реестр есть и в Варшаве.

Я понял, что передо мной — омут. Сорок тысяч! Лютер, Кальвин, Анамембире и все исчадия его! Старый казак Павло Полегенький сыграл со мной недурную шутку!

Камень на шею — ныряем!

* * *

Виньетка, незнакомый герб — острый зигзаг с крестом на среднем выступе. Буквы: Б Х Г В Е К М З. Наверно, «Богдан Хмельницкий Гетьман...» — и все прочие титулы. Ага, вот: «Согласно с волей и условием Е. Кор. М., пана моего милостивого, до того Реестру, печать войсковую приложив, рукой собственной подписал Богдан Хмельницкий...»

Подписи нет — копия. А жаль, хотелось бы взглянуть на руку *capitano*!

Внезапно я почувствовал интерес — острый, жгучий. Список наших врагов — тех, кто надолго (не навечно ли?) сокрушил власть Святого Престола над Русью. Они не боялись, не прятали свои имена, словно бросая вызов современникам и потомкам. Это мы! Мы, черкасы днепровские, лыцари православные!..

«...Полк Чигиринский. Полковником же его милость гетьман Хмельницкий. А в том полку в первой сотне чигиринской: Тимош Хмельницкий, гетьманич, Иван Чернята, обозный войсковый, Михайло Лучченко и Демко Лисовец, осавулы войсковые, писарь войсковый Иоанн Остафиевич, Васько, бунчужный, Опанас Процовкин, хорунжий...»

Все ясно! Гвардия! Волк, волчонок и вся стая. Не здесь ли брат Паоло? Нет, он из Киева, значит, надо искать дальше...

Имена, имена, имена... Полк Черкасский, полковник Ясько Воронченко, сотни Мошенская, Богушкова, Пишанская, сотники Фесько Шубец, Петро Синоданович. И снова — имена, имена...

Полк Каневский. Может быть, он здесь? Полковник Семен Савич, шестнадцать сотен: Межирицкая, Терехтемировская, Ржищевская, Масливская... Сотники — Иван Стардуб, Максим Кулий, Демко Креховецкий...

Полк Корсунский, полк Белоцерковский...

Я прикрыл глаза. Сизифов труд — даже если искать только среди сотников. А ведь Павло Полегенький мог быть осавулом, десятником — или вообще не попасть в реестр.

— То пан Адам устал?

— Да, пожалуй...

Нет, не устал. Просто стало не по себе. Я словно воочию увидел их — мрачных усачей в жупанах и черкесках, в мохнатых шапках и красных шароварах. Бесконечные шеренги живых и мертвых, вставших за свою проклятую схизму и диких попов. Наука, культура, книги, театр, музыка — все, чем дорожим мы, стали навозом под их сапогами. Этих не подкупить, не напугать, не обмануть сладкими речами.

Чингисханы! Гунны во главе с усатым Аттилой, гордо носящим герб с острым зигзагом и крестом.

Неужели мы проиграли? Германия, Япония, Абиссиния, Русь...

Я должен ненавидеть их, моих земляков, отвергнувших свет Истинной Веры. Но... Но, будь у инки Атауальпы такие усачи, кто бы сейчас помнил о Писарро?

* * *

— То пан просто не умеет искать. Если пан Адам не против, я сам погляжу. Всех я, конечно, не помню, но, думаю, к вечеру...

Негромкий голос пана старшего канцеляриста прозвучал словно «Лазарь, воскрес!» Я с надеждой поглядел на этого излишне серьезного молодого парня.

— Пан Хвилон окажет мне сикурс? То он не останется внакладе!

Внезапно он рассмеялся — негромко и совсем не весело.

— Пан Гуаира слишком долго жил в своих Индеях. Мне не нужны ваши таляры, пане Адам! Я помогу вам не только из долга гостеприимства, всеми христианами чтимого, но из потребности не околеть от скуки, раз уж велено мне оставаться здесь.

Я понял — парня не пустили на войну.

— Вечером найду вас, пан Адам. Имею надежду, что спутники ваши пребывают в здравии добром, равно как панна, что из неволи турецкой выбегла.

Укол! Да еще какой! Сидит себе в сарае школяр в очках, ничего не видит, ничего не слышит. А вокруг — ни сторожи, ни караулов...

— Сейчас у нас в посаде места на всех хватит. Дивное дело — крамари иудейские еще зимой за море подались, так что и торговать некому. Слыхать, мессия у нехристей этих объявился!

Мессия? Что-то очень знакомое!

— Шабтай Цеви из Смирны. — Я поглядел ему прямо в стеклышки окуляров.

И мы не одним лыком шиты!

— Так... И не только отсюда выбегли, но из городов польских, немецких и даже свейских. Вроде бы идут они в град Иерусалим, потому как свету конец настает.

Он не шутил, да и мне стало не до шуток. Не нам ведать сроки, но чем-то история эта не нравилась мне с самого начала.

...И ты Смирна, град османский, ничем не меньше воеводств Иудиных...

Я уже повернулся к двери, когда сзади послышалось негромкое:

— Вспомнил!

Я обернулся — пан школяр улыбался, словно и вправду решил мудреную задачку на исчисление дробей.

— Принцем Молдова считать должно покойного владыку Петра, прозывавшегося Могиллой, поелику и он из рода володарей Ясских.

* * *

...Бетельгейзе — принц Краков, Ригель — принц Молдова.

Его мосць Станислав Конецпольский, гетьман коронный, и Петро Могила, митрополит Киевский.

Имя звезды Капеллы я угадал сам. Регус Ваза — Его Королевская Милость Владислав Ваза, покойный государь Полонии и Литвы.

4

Вначале я увидел пыль. То есть не увидел — почувствовал, вдохнул, поперхнулся...

— Вали! Вали немца! Покотом, покотом!

Пыль!

Я отступил на шаг, уперся спиной в теплые доски курия. Там, за клубящейся завесой, что-то падало, каталось по земле, хрипело, булькало.

— Покотом! Вали немца! Нем-ца! Нем-ца! Нем! Ца!

Знакомых немцев у меня отродясь не было, даже в колле-

гиуме, но странное предчувствие заставило зажмуриться, на-
двинуть шляпу на брови и...

— А-а-а-ах! Ай, немец, ай, силен пан латинщик!

...нырнуть прямо в душное облако. Чувствовал я, чувство-
вал, и шевалье чувствовал, не даром все о засаде толковал!

Шевалье дю Бартас, голый по пояс, гордо выставив серую
от пыли бородку, возвышался над поверженным усачом. Тот
лежал на лопатках, по уши утонув в серой пыли. Голая пятка
пикардийца упиралась противнику в грудь.

Зрители — десятка два чубатых и усатых — качали голова-
ми, оживленно обсуждая только что виденное:

— Ой, кинул Мытряя немец! Ой, кинул! Ой, все печенки
отбил! Ой, весело ж, панове, было!

Босая пятка чуть приподнялась, и Мытряй резво пополз в
пыли, оставляя за собой глубокую борозду.

— Ну, чего, хлопцы, товарищи войсковые! — Широкопле-
чий черноусый крепыш неторопливо шагнул вперед, расстегива-
вая сорочку. — Или никто из вас немца не свалит? Неужто мне,
отаману старому, самому доведется?

Товарищи войсковые потупились, не спеша с ответом. Дю
Бартас небрежным движением отряхнул пыль и, повернувшись
ко мне, подмигнул.

Я облегченно вздохнул. Без засады не обошлось, но слав-
ный шевалье и сам справился.

Или нет?

— Не спеши, батька Ладыжник! — Худой костлявый усач
одним движением сорвал с плеч рубаху, ударил босой пяткой в
пыль. — Мы и сами немчуру сопаткой в землю ткнем! Ну, че,
Бартасенко, или как тебя там? Становись, цап бородатый!

— Любо! Любо! — прогремел слитный хор. — Давай, Дух,
свали, свали немца!

Шевалье дернул бородкой, смерил костлявого Духа прене-
брежительным взглядом.

— Казак ла рюс — хомьяк э трус!

Я только ахнул — когда выучить успел? Ну, шевалье!

— Ух, немчура!

Взбешенный Дух зарычал, широко развел худые жилистые
руки...

Начали!

— А-а-а-а-ах!

Рот раскрылся сам собой, но меня не хватило даже на «а-а-ах!».

Как начали — так и кончили. Только мелькнули в воздухе
грязные пятки, только ткнулись острые лопатки в пыль...

— Хлопцы! Панове товарищи! Так что ж это делается? Духа! Духа завалил!

Дю Бартас удовлетворенно огладил бородку, поглядел на костлявое тело, неподвижно лежавшее на земле, нехотя приподнял ногу, подержал на весу — и опустил.

— Брезгует! — прокомментировал кто-то. — Пышный немец!

Дух вставал медленно, нехотя, стараясь не смотреть на мрачных усачей.

— Ну, самому доведется! — Чернявый крепыш с треском разорвал сорочку, не глядя, кинул ее оземь. — Эх, вы, бабы!

— Так батька Ладыжник! — обиженно отозвались «бабы». — Немец-то хитрый! Крученный немец!

Теперь они стояли друг против друга — дю Бартас с бородкой-пистолетом, нацеленной прямо в грудь сопернику, и мрачный батько Ладыжник, глядевший не на пикардийца, а куда-то под ноги.

— Гаплык немцу! — вздохнул кто-то. — Ой, жалко пана латина, ой, жалко! Где ж мы его, сердечного, хоронить-то будем?

Шутки кончились, и я пожалел, что вовремя не вмешался. Теперь уже поздно, пикадоры на арене, бандерильи впились в мясо, мулета развернута...

Торро!

...Схватились, замерли, дрогнули...

Рывок! Шевалье ныряет в пыль, падает боком, вскакивает, снова бросается вперед.

Торро!

...Сцепились, застыли, ручищи пана казака впились в плечи дю Бартаса, или в бока, или в локти... Не вижу — пыль, пыль, пыль!.. Сейчас он его повалит, этот батька Ладыжник, экий здоровяк, небось постов ввек не соблюдает...

Бросок! Кто на земле? Кто?! Ладыжник?! Ура, шевалье!

Нет, встал! Сейчас бросится!

Бросился!

Торро!

Пыль!!!

...Р-р-раз! Теперь уже дю Бартас на земле. Падает, встает, упирается руками, упирается в скалу, в гору, в землю, ту, что на трех китах. Атланту было легче, земля просто давила на плечи, земля не хватала его здоровенными клешнями, не поднимала в воздух, не швыряла наземь, как жабу... Неужели лопатки? Пыль, проклятая пыль!..

...А-а-а-а-ах!!! Эх!..

Да, это уже не Атлант! Это Антей. Оторвали бедолагу от земли...

— Батька! Батька! О-са-вул! О! Са! Вул! Не-мец! Не-мец! Бар-та-сен-ко!

Шевалье повержен, но огромная лапища Ладыжника рывком поднимает его с земли. Казарлюга что есть силы лупит пикардийца ладонью по спине.

— То-то! А вы, бабы, — это уже всем прочим, — учитесь! Может, лет через двадцать и выучитесь!

* * *

На лице у дю Бартаса столько пыли, что я даже не могу понять, расстроен ли он таким исходом. Наверно, расстроен!

— Поздравляю, дорогой друг! Вы дрались как лев!

— Увы! — вздыхает пыль. — Сей жантильом оказался мне не по зубам! Ма foi! Что за боец! Однако же, дорогой де Гуаира, могу сказать, как и король Франциск под Павией: потеряно все, кроме чести!

— Панове зацные!

Мы оборачиваемся. Пыльные усахи теперь стоят слитной толпой. Впереди — могучий Ладыжник.

— То не желают ли панове добродии горилки выпить? После такой баталии — не во грех!

— Пан Бартасенко желает, — улыбаюсь я. — Пан Бартасенко в полном изумлении от превеликого мастерства пана отамана!

Батька Ладыжник степенно кивает.

— Отож! Да пан Бартасенко и сам — боец мощный. А не спросит ли его пан добродий: отчего это столь славный лыцарь до сих пор не в казаках?

От затона несет гнилью и сыростью. Брошенные лодки тычутся острыми носами в белый песок. Высоко в небе — чайки. И здесь тоже чайки — деревянные, вырубленные из цельных стволов. В Гуаире такие лодки называют «чатос». Даже имя в чем-то сходно.

Тихо, очень тихо...

Чайки...

Теперь меня уже не удивляет эта тишина. Так и должно быть в Порт-Ройяле. Корсары не сидят дома, корсары в походе, в степных сторожах, в плавнях Днепра. Здесь — око тайфуна, островок покоя, вокруг которого вздымаются волны...

Где-то там — брат Паоло, Паоло Брахман, мастер мятежей, Джанардана-Бунтарь с дудочкой. Теперь я его найду. Ягуар вышел на след, след свежий, пахнет кровью...

...Он скажет! Он все скажет!

Чайки, чайки...

Странно, уже вечер. А я мало что успел. Даже не открыл Черную Книгу, не заглянул в темную комнату...

Надо ли? Я даже рад, что не знаю арабского. Что там, в Промежуточном Мире? Истина, призраки грядущего? Или отблеск Дита? «Не Божья работа»... Кому помог Нострадамус? Что смог изменить Алессо Порчелли?

Если каждый воин узнает, что ждет его после боя... Не самый ли великий дар Господа — Незнание?

Чайки все ниже, крик бьет в уши, белые крылья касаются темной воды...

Три Звезды... Сьер еретик прав: астрология тут вообще не нужна. Любой умный человек мог предположить, что железная рука гетьмана Конецпольского, мудрость Петра Могилы и державный разум Владислава Вазы удержат Русь от бунта. Но...

...Гетьман умер в 1646-м, через год не стало Могилы, еще через год — Владислава.

Звезды погасли, Марс — Малое Несчастье — вошел в градус Овна...

Братья в Киеве знали, что ждет Русь в високосный 1648-й. Знали — и что? Ждали? Писали в Рим? Или...

Тайна... Почему мне так не хочется знать ее, эту Тайну? И почему все время вспоминается Шабтай Цеви, еврей из Смирны, лжемессия, сорвавший с насиженных мест своих единоверцев со всей Европы? Какое дело брату Манолису Канари до чаяний потомков Авраама? Почему это интересует Рим?

Куда ты попал, глупый Илочечонк? Ты ведь знал, что люди страшнее ягуаров!

...Найдет ли меня синьора Коломбина? Найду ли я ее? Актриса и поп, веселая интермедия, явление второе...

Чайки... Почему они улетають? Ведь я же сижу тихо, словно усатый идол на кургане!

Ах, да, конечно! Я уже не один.

Жаль!

* * *

Ко мне подкрадывались — с шумом, пыхтением, шарканьем, но я даже не повернул головы. Крадущийся осел... Осел, решивший застать врасплох ягуара.

— Не соблаговолит ли монсеньор...

Я чуть не зарычал. Ну за что мне навязали этого длинноухого!

— ...выслушать меня, потому как пребываю я в недоумении и сомнении...

Брат Азиний потоптался по песку, нерешительно взглянул.

— Садитесь, — вздохнул я. — Ну, что там у вас?

Попик бухнулся на песок. Я покосился на знакомую лысину.

Лысина исчезла. На ее месте красовалась высокая казацкая шапка с красным верхом. Под шапкой торчал прыщавый нос, а ниже...

Господи! Опять «перевоплотился»! Сорочка, черкеска, шаровары, желтые сапоги, тугой кушак. Хорошо еще, саблю не навесил!

— Не мудро ли будет, монсеньор, остаться мне тут на некоторое время, дабы исследовать местность сию...

Я застонал. Тоже мне, Боплан нашелся!

— ...многими праведниками изобилующую?

— Какими, к чертям собачьим, праведниками? — возопил я. — Это же Сичь! Здесь запорожцы! Они латинских попов с соломахой жрут!

— Отнюдь! — бойко возразил попик. — Прослышал я, что находится неподалеку обитель Межигорская, своими отцами славная, также и по берегам Борисфена живут отшельники, пещеры себе изрывшие. И чую, исходит от сей местности свет истинной святости!..

— Это православные, — вздохнул я. — Схизматики, понимаете?

— Схизматики? Как же так? — Прыщавый нос огорченно дернулся. — Неужто все сии достойные мужи — схизматики?

— Все! — подтвердил я, и брат Азиний горестно поник головой.

Внезапно мне стало его жаль. Послали дурака святых искать!

— Также рассказал мне некий отрок...

Я поперхнулся. Опять?!

— ...в здешней таверне в услужении пребывающий...

(Послышалось знакомое чмоканье.)

— ...о дивной истории, случившейся в городе Каневе. Когда черкасы-разбойники три года назад сей город взяли, попалась им в руки девица, дочь родителей праведных и сама рвением к вере известная...

— Католичка? — безнадежно поинтересовался я.

— Да! Да! Отрок сей это твердо знает! И учинили над ней черкасы насилие гнусное, были же они в числе немало, а именно сто сорок семь человек. Однако же заступничеством Господа свершено было чудо: не повреждена оказалась девственность, и встала сия девица, и пошла ногами своими в храм, и помолилась Святой Деве. Через положенный же срок родила она младенца, причем девственность ее при том отнюдь не...

Под моим взглядом он осекся, замолчал, вновь потупился.

А хорошо бы длинноухому вернуться с этакой историей в Рим!

— Увы, монсеньор, увы! Тяжек мой путь и труден! Кстати, сказать я должен, что ждет вас некий юноша, именуемый Филоном, пришедший, по его словам, по делу важному...

— Давно?

Я вскочил, отряхнул песчинки. А я тут сию, ослиный рев слушаю!

— Давно. Потому и спешил я...

Наши взгляды встретились. Брат Азиний умолк, побледнел и начал медленно отползать в сторону ближайших кустов.

Надеюсь, он там встретится со ста сорока семью черкасами!

Пана старшего канцеляриста я нашел в полупустой таверне, именуемой на здешнем наречии весьма странно — schinok. «Schin» — на всех европейских языках означает «китайский». Бог весть, что имели в виду мои земляки!

Пан Хвилон был не один. Я даже не удивился — недаром они показались мне столь схожими! Еретик да схизматик — хороша парочка!

Перед сыером де да Риверо стояла полная скляница с чем-то белесым и мутным, перед паном старшим канцеляристом — еще одна, но полупустая.

Познакомились!

— О чем беседа, господа мои? — осведомился я по-немецки, присаживаясь на скрипящую зыглю — страшную помесь стула и табурета. — Надеюсь, не очень помешал?

— Отнюдь! — На тонких губах сыера Гарсиласио зазмеилась знакомая усмешка. — Ваше присутствие весьма к месту, господин де Гуаира, ибо мы рассуждаем о принципах наилучшего общественного устройства.

На миг мне стало плохо. Хоть бы о девках поговорили, все легче!

— Господин Риверо преувеличивает, — поспешил уточнить пан Хвилон, явно не понимающий всей остроты ситуации. — Я лишь пытался объяснить господину профессору суть некоторых наших обычаев...

— Налейте! — вздохнул я, отнюдь не чувствуя облегчения. «Господин профессор» вновь одарил меня улыбкой и взялся за скляницу. Мутное пойло плеснуло в деревянный ковшик...

...О-о-о-о-о-ох!

Пан Хвилон не без любопытства понаблюдал за моими конвульсиями, после чего извлек кисет, а вслед за кисетом — знакомую турецкую люльку.

— Не приучились, господин Гуаира, в Индиях Кастильских?

Сизый дым пополз к потолку, и я почувствовал, что попал в ад. Огонь внутри, дым — снаружи. И полным-полно грешников!

— Господин Гуаира, между прочим, желает жить исключительно на Острове Утопия, — голосом, полным скрытого торжества, произнес сыер еретик. — Представляете, господин магистр? Общие дома, общие жены, общие штаны...

Оказывается, пан Головатый ко всему еще и магистр! Надо было сразу догадаться! Два ученых мужа за скляницами горилки...

Пропал!

— Идеи Мора и Кампанеллы сугубо сомнительны! — Глаза за толстыми стекляшками сурово блеснули. — Они ограничивают свободу личности, а также ведут к хозяйственному застою, поскольку отсутствие частной собственности не позволяет...

— А Нострадамус считал, что именно на Руси идеи Мора воплотятся в жизнь, — не выдержал я. — Может быть, помните? «Есть сила в ученье и замыслах Мора, ее сквозь века понесет Борисфен...» Начнется великая революция, которая продлится семьдесят лет и три года...

— Чушь! — Сьер Гарсиласио даже подпрыгнул от возмущения. — Ваш Нострадамус — шарлатан. Все его пророчества либо выдуманы задним числом, либо просто бессмысленный бред. Ни года, ни даже столетия — поди проверь! Какой-то Франко сплотит Испанию, какой-то Хитлер попытается захватить Европу!..

— Верно! — Пан Головатый пристукнул ковшиком по столу. — Особенности общественного устройства Руси полностью исключают построение здесь общества без частной собственности...

Спелись, умники!

— Налейте еще! — попросил я.

...У-у-у-ух!

— Бред этих фанатиков — Мора, Колокольца, Бэкона — величайшая опасность для человечества! — тут же подхватил сьер Гарсиласио. — Знаете, я против произвола, но король Генрих был прав, когда отрубил голову Мору. Только делать это надо было раньше. Вы со мной согласны, господин магистр? Всех этих, прости Господи, «утопистов» я бы отправлял на плаху!..

...Пошел-поехал — по кочкам, по кочкам! Теперь ему уже, выходит, головы подавай? Растет мальчик!

Третий ковшик я налил себе сам.

...Ы-ы-ы-ых!

Закусить бы! Да на столе — один таракан. Рыжий. Впрочем, и он в щель спрятался. Почуял!

Сьер римский доктор закончил с плахами и перешел к веревкам. Но я уже не слушал.

Пусть его!

— Пан Адам густо «*михайлики*» опрокидывает! — усмехнулся пан канцелярист, переходя на родной русинский. — Сразу видно, каких пан кровей! То пану профессору Риверо не в пример!

Еще бы! «Пан профессор» только губы в ковшик тычет! Зато болтает!..

— То не налить ли нам пану профессору еще оковитой?

Черт возьми! Первая здравая мысль за весь разговор!

«*Михайлик*» — доверху. Жалкое сопротивление сьера еретика сломлено.

...Краснеет, синееет, кашляет, задыхается, зеленееет...

Будет знать!

— То Бог с ними, с политиями этими, — вздохнул пан канцелярист, дымя люлькой и с сожалением поглядывая на мучения сьера Гарсиласио. — Сии политии мне еще в коллегии Киевской изрядно надоесть успели. Пришел я сказать, что пана Адама знакомый, прозываемый Павлом Полегеньким, записан в полк Переяславский. Полковником там Хведор Лобода, пан же Полегенький вписан сотником Воронкивской сотни. Ныне полк Переяславский по повелению ясновельможного гетьмана из Чигирина по запад отправлен с иными полками вместе.

— Спасибо...

Огненная горилка внезапно показалась болотной водой.

Скоро увидимся, пан сотник!

Переяславский полк, Воронкивская сотня...

Скоро!

— А-а! Вот вы где!

Стены содрогнулись, затрещали косяки...

— А вот и я, *parbleu*!

Грозный шевалье дю Бартас долго поднимал ногу, пытаясь переступить через порог. Наконец это ему удалось — с третьей попытки.

— Открою вам секрет, мой дорогой друг! Я изрядно пьян!

Не может быть!

— Увы, шевалье, я тоже.

— Не-е-ет! Разве вы пьяны? Это я... А что я? Ах, да! Я — пьян! *Vieux diable!* Это не горилка. Это — смерть!

От его камзола уцелели одни лохмотья. Рубаха и вовсе сгнула. Сапог, правда, остался — один.

— Гуаира! Давайте позовем сюда нашего попа! Позовем и... Э-э-э-э... Поколотим! Нет, нельзя! Ну, тогда напоим до смерти! Знаете, я так ненавижу этих божьих дудок!

Идея была хороша, но брат Азиний оказался предусмотрителен и вовремя исчез. В последний раз я видел его, когда входил в шинок, — попик пребывал в компании с неким бойким юнцом. Не тем ли, что поведал о ста сорока семи черкасах и не-пробиваемой девственнице?

— А мне они грамоту дали! Нет, не грамоту — универсал! То есть... *Ma foi!* Прочитайте сами!

Свеча никак не хотела загораться, глаза — разбирать затейливую вязь. К счастью, пан старшой канцелярист пришел мне на помощь.

— Это называется «аттештат», пане мощный, — сообщил он. — Тут сказано, что Августиний Бартасенко, то есть вы, хоть и клятый латинщик, но лыцарь отважный и всему казачеству запорожскому друг.

Я поспешил перевести.

Вздых — тяжелый, полный тоски.

— Правда? Эти бунтари, эти мятежники!.. Но ведь я сам — мятежник! Как же быть, Гуаира?

Я покосился на сьера еретика, брезгливо нюхавшего ковшик. Раз нельзя напоить попа...

...Только когда ученая голова сьера Гарсиласио ткнулась лбом о деревянный стол, я счел экзекуцию оконченной.

Это ему за Томаса Мора!

Шевалье — добрая душа — был в восторге. Пан Хвилон сочувственно покачал головой, присовокупив, что в Киевской коллегии «пан профессор» не проучился бы и семестра.

Слаб пошел ныне еретик!

Прежде чем распрощаться с владельцем окуляров, я задал вопрос, на который, честно говоря, не ждал ответа. Но пан Хвилон не стал темнить.

Переяславский полк у Золочева, где *capitano* Хмельницкий добивает отряды коронного гетьмана Калиновского. Но под Золочев мне не успеть. Войско Его Королевской Милости Яна-

Казимира уже в Сокале. Впереди — Полесье, куда поворачивает полки казачий *capitano*.

Полесье! Леса, болота, тысячи речек и речушек, древние города, помнящие еще Владимира Святого...

Ты ждешь встречи, Брахман?

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСО ДЕ ЛА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

О

Несмотря на все старания, отец Гуаира не может скрыть своей ненависти к славным запорожским черкасам, посмевающим выступить против всесильного папского престола и его верных слуг — польских магнатов. Ненависти — и страха.

Тут добавить нечего.

Однако любовь к истине заставляет меня вернуться к сцене в таверне. Наш разговор, а точнее — спор проходил совершенно иначе.

Никто не пил и, естественно, не пытался напоить меня. Зато мы впервые поговорили весьма откровенно. Отец Гуаира пытался доказать преимущества общества по Мору и Кампанелле. Его аргументы хорошо известны: отсутствие собственности ведет к равенству и исправлению человеческой природы, что позволяет постепенно избавиться от всех органов принуждения, включая государство.

Мои аргументы не менее очевидны: отсутствие собственности ведет не к свободе, а к рабству. И тот, кто желает этого, по сути, стремится стать рабовладельцем.

Следует заметить, что в этом споре отец Гуаира был полностью разбит. И не только. Синьор Головатый, рассказывая о черкасских порядках, обрисовал совершенно иную, куда более справедливую картину общественного устройства, в основе которого заложен древний принцип: права — тем, кто это общество защищает с оружием в руках. Именно так строилась держава гетьмана Хмельницкого.

Возразить на это отец Гуаира ничего не мог.

О «пророчествах» мессера Нострадамуса и упоминать не хочу. Прошло уже полвека — и где обещанная революция на Руси? Не было, нет и, конечно, не будет!

Этим же вечером произошла омерзительная сцена, о которой автор, естественно, не упоминает. Дю Бартас, действитель-

но изрядно пьяный, попытался излить свои чувства бедной синьоре Ружинской. Последствия этого очевидны. К счастью, наглый пикардиец слишком слабо держался на ногах, чтобы прибегнуть к насилию.

Р

И, наконец, по поводу дальнейших событий.

Автор об этом ничего не пишет, поэтому ради связности сюжета я вынужден вкратце о них упомянуть.

На следующий день мы выехали из Сичи и через две недели без всяких приключений добрались до Чигирина — столицы гетьмана Хмельницкого. Здесь синьор дю Бартас, брат Азиний и я прожили около месяца. Не могу скрыть, что все это время дружок отца Гуаиры провел в беспробудном пьянстве.

Отец Гуаира и синьора Ружинска уехали куда-то на север. Насколько я знаю, Ядвига сумела благополучно вернуться домой.

Не хочу вспоминать о нашем с ней последнем разговоре. Злые наветы проклятого иезуита дали свои плоды. Мне казалось, что я говорю с ледяной статуей.

Куда ездил сам отец Гуаира, выяснилось лишь значительно позже. Вернулся он в Чигирин уже в начале июня, после чего мы вчетвером поспешили под Тарнополь, где собиралось казачье войско. Но догнать его смогли только в селе Колодном, а затем вместе со всей армией двинулись к галицийской границе.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

повествующая о великой битве под Берестечком между войском Его Королевской Милости Яна-Казимира и rebelliантами capitano Хмельницкого, об одержанной там победе, а также о том, как воссиял в болотах Полесья свет истинной святости, с приложением краткого жития Святого Адама Горностая, которую следует назвать

ИБРАННИК ГОСПОДЕНЬ

Главы XII—XIV

Эпитама

В этих главах автор пытается анализировать политику Святого Престола и Общества Иисуса Сладчайшего по отношению к Руси. При этом он упирает на то, что после образования в середине 20-х годов Конгрегации распространения веры Рим перестал поддерживать людоедские планы польских магнатов по ополячиванию и окатоличиванию русинов и выступил за создание самостоятельного Русского княжества и отдельного Патриархата, который объединил бы православных и униатов. Осуществлению этих планов помешала якобы только смерть папы Урбана и последовавшее за этим возмущение казаков под предводительством Хмельницкого.

Нелепость этих бредней очевидна. Иезуиты всегда были верными псами на службе польских королей и магнатов, стремившихся к порабощению Руси.

Далее автор излагает свои взгляды на происхождение и сущность казачества. Вопреки известным фактам и здравому смыслу он не исключает возможности происхождения днепровских черкасов от какого-то древнего народа, жившего сотни лет назад в низовьях Борисфена. При этом он приводит совершенно неубедительные доказательства, связанные с особенностями жизни, быта и обрядов (в особенности похоронных), присущих запорожцам. Все это, конечно же, чушь, ибо всем известно, что днепровские черкасы — это беглые крестьяне, спасавшиеся от крепостного гнета.

Глава XV

О блуждающем Вавилоне, тайнах Промежуточного Мира и о том, как началась Берестейская битва

Мудрец: Внимай же, юноша! Посыл мы превращаем в Абсолют, Абсолют же — снова в Посыл, что дает нам идею теплорода, ко-

торый есть всемирная субстанция и эмульсия. Теплоход же делим на атомы, атомы, в свою очередь, соединяем в Абсолют, который есть сублимированный Посыл, с этим же мы приходим к математическому исчислению человеческой души, которая есть тоже Абсолют. Ты все понял?

Илочечонк: Помоги-и-и-ите-е! Спаси-и-ите-е!

Действо об Илочечонке, явление пятнадцатое

1

рошу! Эвлия-эфенди вас сейчас примет! Янычар-чауш — молодой, гладко выбритый, в новеньком цветном каптане — коротко поклонился и распахнул полог шатра. Пахнуло теплом и чем-то знакомым, терпким. Я улыбнулся — кофе! Сначала меня угощали греки,

затем татары. Настала очередь турок.

Полог с легким шумом опустился. На миг почудилось, что я снова в Истанбуле. Мягкие подушки, яркие ковры, столик, на котором дымится кальян. Сейчас за окном послышится гортанный вопль муэдзина, сзывающего правоверных на молитву...

Но Истанбул остался далеко за морем. По толстой ткани шатра еле слышно молотил холодный частый дождь.

Полесье. Янычарский лагерь. Зеленое знамя Пророка над огромной мокрой от дождя поляной.

* * *

— Калимера! Проходите, проходите, уважаемый! Прошу сюда, на подушки!

Эвлия-эфенди оказался неожиданно молод — и необычайно толст. Из-под зеленой чалмы пузырились румяные щеки, маленькие глазки тонули в розовых складках не знавшей бритвы кожи. Несколько тонких волосков на подбородке тщетно пытались выдать себя за бороду.

— Надеюсь, мой гость пьет кофе?

— Да, спасибо.

Он говорил по-гречески, и я облегченно вздохнул. Повезло! Не в каждом янычарском орте¹ найдется образованный мулла. Впрочем, титул «эфенди» говорил о многом.

¹ Орт — рота.

— Простите, как вас следует называть?

— Меня? — По толстым губам плавала радушная усмешка. — Позвольте!.. Вы ведь... священник?

Он улыбался, а мне стало не по себе. Острый глаз у толстяка в зеленой чалме!

— Брат Адам, клирик римско-католической церкви.

— Тогда я — брат Эвлия. — Мулла поудобнее облокотился на подушки, пухлые ладошки бабочками взлетели вверх. — Да славится имя Аллаха, великого и милосердного! Мы все братья и все служим Ему... несмотря на некоторые несущественные расхождения во взглядах. А вообще-то я муфтий, служу в главной соборной мечети Силистрии. Итак, кофе?

Муфтий? Кажется, я угодил на аудиенцию к епископу!

— Не хотелось вас отрывать надолго от дел...

— Помилуйте! — Ладочки вновь взлетели на воздух. — Не спешите ли вы, брат мой, обратиться и принять религию Пророка — единственно истинную в мире этом и во всех иных мирах?

Он шутил, но мне было не до шуток. Янычарские орты в пяти переходах от Львова! Эвлия-эфенди пьет кофе среди полесских болот.

— Но если нет, то и торопиться нечего!

Горбатый слуга, чем-то неуловимо напоминающий брата библиотекаря из Среднего Крыла, расставил маленькие чашечки, в которых дымился густой черный напиток. Почему-то вспомнилось, что незваным гостям в кофе подмешивают алмазный порошок.

Во рту стало горько. И не только йеменское питье было тому виной.

Я ошибся.

Думал, что окажусь в толпе новых крестоносцев, фанатиков, готовых умереть за схизму и своих бородатых попов. За те недели, которые я провел среди своих земляков, довелось наслушаться всякого. От Чигирина до Киева стоял неумолчный тысячеголосый крик: свобода и греческая вера! Звон колоколов, охрипшие попы на пыльных майданах, косноязычные универсалы Хмельницкого на каждом столбе. Мне казалось, что среди этих болот собирается новый Иерусалим.

...А довелось попасть прямоком в Вавилон. В страшный многоязыкий Вавилон, растянувшийся на сотню миль по грязным, залитым дождями дорогам Полесья. Татары на лохматых низкорослых конях, московские стрельцы в красных каптанах с

тяжелыми бердышами, чернобородые донские казаки с серебряными серьгами в ушах. И турки — семь сотен янычар под бунчуком силистрийского пашы.

Два месяца назад мне виделась турецкие войска у Чигирина. Я ошибся и тут — янычары уже подступали к кордонам Короны Польской. Их пока мало, только авангард, но силистрийский паша торит путь остальным.

Вавилон двигался на Запад. Татары, турки, московиты, дончаки — все собрались под золотой булавой capitano Хмельницкого. А с ними шла Русь — бесконечные толпища в жупанах, кожухах, свитках и просто драных рубахах. Пики, сабли, мушкеты, бердыши, келепы, косы...

Смертные враги помирились. Православный крест и Полумесяц бросали вызов Европе.

— Вижу, вы чем-то удивлены?

Проще всего было отшутиться. Но слишком в точку попал вопрос.

— Признаться, да, Эвлия-эфенди. Я ожидал увидеть здесь взбунтовавшихся казаков и посполитых...¹

— А увидели нас? — Улыбка стала шире, маленькие глазки задорно блеснули. — Чего же удивляться, брат Адам? Вы думаете, это война гетьмана Богдашки? Нет! Это наша война! Гетьман Богдашка бил челом Его Величеству Падшаху, и тот милостиво соизволил взять его под свою высокую руку и даровать власть над Роксоланией. Мы здесь для того, чтобы поддержать нашего данника. Это уже Турция, брат Адам!..

Да, самое страшное случилось. Две сотни лет казаки держали кордоны, не пуская османов на север. Двести лет! И вот...

Теперь я начал понимать своих земляков. В Крыму и таврийской степи татары казались обычными людьми. Заунывные песни, плов из казана, веселые белозубые усмешки. Люди как люди. Но для тех, с кем пришлось говорить в Каневе и Стародубе, это была сама Смерть — Смерть на злых лохматых конях.

Ядвига попала к ним в руки два года назад. Только раз она решилась рассказать, что было с ней, когда ее, привязанную к хвосту коня, волокли к Перекопу. Как только выжила? Не сошла с ума, не наложила на себя руки?

¹ Посполитые — крестьяне.

Хмельницкий пустил Смерть в самое сердце Руси.

Туркам даже не нужно посылать превеликое воинство. Зачем? Гетьман Богдашка сам положит Роксоланию к истанбульскому порогу.

— ...Хотя, надо сказать, в Силистрии климат несколько лучше!

Он улыбался, он был доволен, самодовольный толстяк, неторопливо цедающий кофе. Уж не ему ли поручено возвести первую мечеть в Варшаве или Кракове?

— Напрасно Казимирка, круль Лехистана, так легкомысленно отнесся к предложениям Высокой Порты! Наши требования были более чем умеренны, но... Но, дорогой брат Адам, к чему такие скучные материи?

Было заметно, что муфтию приятно подбирать мудреные греческие слова. Казалось, он смакует халву.

— В такой сумрачный вечер как-то не хочется беседовать о погоде...

Кажется, мне предлагали переходить к делу. Я облегченно вздохнул.

— Вы правы... брат Эвлия. В такой дождливый вечер приятнее всего поразмышлять на богословские темы.

Хихикнул. Подмигнул. Снова хихикнул и наконец — захохотал.

— Брат Адам! Брат Адам! Что за приятного собеседника послал мне Аллах!

Я вздохнул. Век бы с этим смешливым не видеться, но сегодня, увидев белые янычарские шатры, я вдруг понял, что судьба дарит мне редкий шанс.

Черная Книга в распадающейся под руками обложке далеко. Но мне она пока не нужна.

— Не могли бы вы, эфенди, просветить меня по поводу некоего Ибн Араби, известного также как Сын Платона?

Послышался странный звук. Кажется, мой собеседник подавился смехом.

— Что?! Брат Адам, но... Извините, вы не шутите?

— Увы, нет.

Щеки опали, зато глаза явно начали вылезать из орбит. Я чуть не попятился.

— О, Аллах! О великий и милосердный, чьи три тысячи

имен запечатлены в сердцах всех правоверных! Десять лет в медресе! Десять лет с каламом в руках, среди пыли, среди выживших из ума старцев! Помилуйте, друг мой! О чем угодно! О ценах на соль, о лучших способах кастрации, о преимуществах латинского паруса перед прямым!.. Помилуйте!

Я ждал. Конечно, толстяк мог попросту выставить меня за полог — прямо под разыгравшийся с вечера дождь. Но я был гость, а эта земля — уже Турция.

...К тому же он наверняка принял меня за польского лазутчика. Оно и к лучшему!..

— Хорошо! О, Аллах! Мои рубцы на плечах вновь начинают чесаться! Кстати, вы где учились, брат Адам?

— Римский коллегиум Общества Иисуса Сладчайшего, — улыбнулся я.

— Вот как!.. Я напишу великому муфтию Аквавиве, чтобы он распорядился преподавать в коллегииуме не только Аристотеля и Фому Аквината. Что вас интересует?

Что? Очень многое! Но для начала...

— Промежуточный Мир и ва-ль-Кадар.

— Ва-ль-Кадар или аль-Када?

Левый глаз смотрел прямо, а в правом плясали бесенята. Кажется, меня решили обжегить.

— Да все вместе, — вздохнул я.

— Хорошо! Да поможет нам обоим Аллах, великий и милосердный, вместе с праведным халифом Али, а также с Абу-Бекром и Османом, мир с ними со всеми!

Он привстал, подобрался, втянул живот, хитрые глазки блеснули.

— Содрогнитесь, о брат Адам, как когда-то содрогался я, ибо сейчас нам предстоит досконально обсудить вопросы аллегорического толкования Корана, поговорить об учении «ар-Рахма», что означает «Божественная милость», о первопричинах творения, о «макамат» и «ахвал», сиречь о «стоянках» и «стояниях» Божественного, а также о проблеме «аулийа», то есть иерархии святых подвижников.

Последнее мне что-то напомнило. Уж не брата ли Азиния?

— Промежуточный Мир и ва-ль-Кадар, — повторил я как можно вежливее. — Об остальном — в следующий раз!

— Так и я пытался просить моих наставников в Дамаске и Каире. А они, знаете, все за палку брались.

Он вновь осел на подушки, махнул рукой.

— Вы Каббалу изучали? Ну, книгу «Зогар»?

Я только моргнул. На этот раз меня принимали за сьера Гарсиласио.

— Если изучали, то советую просто обновить ее в памяти. Ибо все премудрости факиха Мухии ад-дина Абдаллаха Мухаммада... ну и так далее вполне вмещаются в ее обложку.

Кажется, на этот раз толстяк не шутил. Да и мне стало не до шуток.

— Но, Эвлия-эфенди! «Зогар» — это тайная книга иудеев!..

Он скривился, ладонь-бабочка вновь взлетела на воздух.

— Да бросьте! Все эти мудрствования были известны в Индии и Тибете еще за тысячу лет до Пророка! Ни в Каббале, ни в учении суфиев, которых так чтит Араби, ничего нового нет. Между прочим, «Фусус аль-хикам» и «Зогар» писались в одно и то же время и практически в одном месте. Считают, что их авторы были даже знакомы. А в общем, это ересь!

— Простите? — совсем растерялся я.

— Мы, мусульмане, куда более терпимы к инакомыслию, чем люди Писания. Но даже для нас, правоверных суннитов, некоторые суфийские откровения — дикость. Представьте себе, если кто-нибудь бы вам сказал, что душа смертна, цель человека — не только слиться с Господом, но и поглотить его...

— К-как?

— Поглотить, — не без удовольствия повторил он. — Кажется, я верно подобрал греческий эквивалент. И ко всему — чернокнижие, заклинания, юродство, грязные штаны, пляски на площадях...

— Ва-ль-Кадар, — вновь напомнил я.

— Ну-у... — Эфенди явно скис. — Если это вас действительно интересует... Ва-ль-Кадар или аль-Када — название ночи, когда ангелы определяют судьбу людей на ближайший год. Так написано в Коране. Ночь ва-ль-Кадар — Ночь Предопределения...

* * *

Выходя из шатра, я оглянулся. Янычары стояли ровно, не двигаясь, не шевелясь. Густая цепь часовых в одинаковых острых тюрбанах и мокрых от дождя кольчугах. Чистые, бритые, кормленные...

Знают ли тысячи моих земляков, мокнущих возле костров, что они пришли воевать и умереть за то, чтобы Эвлия-эфенди возглашал кыблу с амвона разоренных храмов Христовых?

Турция! Здесь уже Турция!

Когда червям на праздничный обед
Добычей лакомой достанусь я,
О, как вздохнет обрадованный свет —
Мои враги, завистники, друзья!

Этим вечером шевалье дю Бартас был явно не в духе. Я даже не решился спрашивать, дождь ли тому виной, гаснущий костер, от которого тянуло сизым дымом, грязная дорога — или все вместе.

В ход пустят пальцы, когти и клыки:
С кем спал, где крал, каким богам служил.
Испакостят их злые языки
Все, чем поэт дышал, страдал и жил.
Лягнет любая сволочь. Всякий шут
На прах мой вылетит ругани ушат.
Пожалуй, лишь ростовщики вздохнут:
Из мертвого не выжмешь ни гроша!

— Бросьте, друг мой! — не выдержал я. — К чему повторять такое? Слушайте, у нас, кажется, еще осталась горилка!

Дю Бартас молча помотал головой. Слипшаяся от воды борода уныло свисала вниз, напоминая кусок мочала.

Я поглядел вокруг. Возле соседних костров было тихо. Уставшие за день люди давно заснули, укрывшись чем попало от беспощадного дождя. Рядом негромко похрапывал сьер еретик. Ему повезло — густая крона старого ясеня, под которым мы расположились, почти не пропускала воду.

Десятый день в пути. И восьмой — под дождем.

— Увы, дорогой де Гуаира! — печально молвил шевалье. — Если я и отличаюсь чем-то от неведомого сочинителя, то лишь тем, что едва ли обо мне будут судачить и перемывать мои холодные кости! Дома меня забыли, а здесь... Кому я нужен здесь, кроме, конечно же, вас, мой друг!

Стало ясно — пора доставать горилку. Но даже это не подействовало. Дю Бартас отхлебнул из филижанки, сморщился, брезгливо вытер рот.

— Что значит чужбина! В последнее время я начал скучать по анжуйскому вину! *Vieux diable!* Представляете? Дома я мог выпить эту пакость только в виде наказания! А теперь вот ску чаю. Кажется, я скоро начну скучать по Мазарини, будь он трижды неладен! Скорее бы добраться до Киева, а там в Лавру — и домой!

Мне стало стыдно — причем уже не в первый раз. Бедняга и не подозревал, что мы с каждым днем удаляемся от золотых лаврских куполов. Впереди — Львов, а за ним уже — Польша.

— К тому же... — Дю Бартас быстро оглянулся и перешел на

шепот: — Друг мой, я только сейчас подумал, что могу никогда ее больше не увидеть! Никогда! Какой ужас! Это славно, Гуаира, что она наконец дома, но ее дом так далеко!

Поначалу казалось, что память о синеглазой панне Ружинской быстро развеется. Увы, случилось иначе. Несколько дней назад дю Бартас проговорился, что усиленно учит русинский, дабы в следующую их встречу не оплошать.

«Усиленно» — это он, конечно, преувеличивал, но с полсотни слов все-таки умудрился запомнить.

Всем, в том числе и славному пикардийцу, я рассказал, что дочь гомельского каштеляна благополучно прибыла в отчий дом. Это была правда, но я не сказал другого. Встретили ее плохо. Очень плохо...

Маленькая королева плакала, когда мы расставались. Впервые я увидел на ее лице слезы. Слезы — и черный платок на голове.

Ядвиге было страшно под крышей родного дома.

— Ее дом не так и далеко, — не выдержал я. — Вот доберемся до... гм-м... Киева, и вы поедете в Гомель. Неделя пути от силы, к тому же в Белой Руси сейчас спокойно. Справим вам новый жупан...

Впрочем, и в старом, купленном вместе с шапкой и шароварами еще на Сичи, шевалье смотрелся хоть куда. Еще бы усы — и справный бы вышел казарлюга!

— Что вы говорите, Гуаира! — Пикардиец вновь помотал головой, разбрызгивая тяжелые капли. — Она — знатная дама, ее батюшка — владетельный сеньор!..

— Хотите сто тысяч экю? — улыбнулся я.

— Ах, мой друг, вы никогда не унываете!

В последнем он был не прав. Но я вдруг понял, что совершенно незачем возвращать в Рим спрятанные за поясом векселя. Черт побери! Скажу шевалье, что нашел клад! Поверит?

Поверит!

— А кстати, дорогой дю Бартас, чем кончается этот сонет?

Тяжелый вздох.

Я вам мешаю? Смерть моя — к добру?
Так я возьму — назло! — и не умру.

— Вот видите! — Я протянул ладони к гаснущему огню. В лицо ударил дым, удушливый, горький. — Вот вам и ответ!

— Сын мой! Не должно пребывать под дождем столь долго, ибо болезнь, ревматизмом именуемая, иначе же ишиасом, весьма прилипчива и сугубо зловредна!

Я вздрогнул. В последнее время брат Азиний научился подкрадываться совершенно незаметно, да так, что мне порой становилось страшно. Особенно ночью.

— Принес я, мон... то есть синьор де Гуаира и добрейший синьор дю Бартас, вместилище со снедью, которую надлежит потреблять горячей...

* * *

Наш попик продолжал удивлять. И даже не тем, что умудрялся в любой час дня и ночи доставать упомянутые «вместилища со снедью» (попросту говоря — горшки с пшенной кашей или борщом).

Искатель святости стал лекарем.

Случилось это как-то само собой. Еще в Колодном, когда мы очутились посреди гигантского табора, вместившего не одну тысячу самого разнообразного люда, отец Азиний в первый же вечер исчез. Помня везение бывшего регента, я уже думал увидеть его поутру на колу. Но вышло иначе. Как выяснилось, кто-то из наших соседей умудрился попасть ногой под колесо своего же воза. Отец Азиний, добрая душа, поспешил наложить лубки и сварить из трав жуткое пойло, которое он посчитал успокоительным.

Помогло или нет — не знаю. Но с тех пор наш попик стал незаменим.

Болели много. Болели — и умирали. А три дня назад появились первые раненые.

* * *

— Слышал я, сьер де Гуаира, что злокозненные татары этим утром побывали возле королевского табора, что расположен у реки, Стыром именуемой. И будто бы король решил дожидаться именно там, покуда не подойдут оные татары вместе с ребелиантами. И о том рассказал мне некий отрок...

Все это я уже знал. Ян-Казимир оставался у Берестечка, чтобы прикрывать дорогу на Семиградье, где Юрий Ракоци, союзник *capitano* Хмельницкого, уже сажал войско на коней.

Бог мой! Турки, татары, московиты, донцы! И молдаване,
если верить слухам. Теперь еще и Семиградье!
Вавилон!

Передали мне и кое-что более важное. Переяславский полк
где-то к северу от Берестечка, в густых лесах. Воронкивская
сотня под началом бывалого казака Павла Полегенького полу-
чила приказ перехватывать польские обозы.

В Колодном я почти догнал его. Но — не вышло.

— Однако же, дети мои, надлежит предаться трапезе, пока
она еще горяча...

— Сами варили или некий отрок помог? — не сдержался я,
и попик обиженно задышал.

Может, зря я его так? Тем более каша оказалась хороша,
даже мрачный шевалье слегка повеселел. Один только съер де
ла Риверо, сонный и недовольный, лишь ткнул ложкой в гор-
шок, после чего вновь полез под плащ.

Вот и корми такого! Хоть бы толк был!

Толк?

* * *

— Съер Гарсиласио!

Добрый, полный искренней любви взгляд был мне ответом.
Но я устоял.

— Вы мне нужны. Подкиньте что-нибудь в костер. Я сейчас
подойду.

Оставалось разогнать остальных. Впрочем, печальный ше-
валье уже устраивался на относительно сухом пятачке под ясе-
нем, подкладывая под голову мохнатую казачью шапку (очень
удобно!). Брат Азиний... Нет брата Азиния! То ли к страждущим
пошел, то ли к некоему отроку. Тоже страждущему.

— Вы мне нужны, съер Гарсиласио, как еретик и каббалист.

Кажется, он зашипел, но я храбро проигнорировал это. Ере-
тики в эту пору года неядовиты.

— Сейчас я вам расскажу нечто, а вы прокомментируете.
Поскольку у вас нюх на все враждебное Святой Католической
Церкви, надеюсь на ваше живое участие...

Я помедлил — не для пущего эффекта, а просто собирая не-
послушные итальянские слова. Бедняга муфтий! Этакое перево-
дить с арабского!

— Господь сотворил мир из самого себя...

— Эригенна¹, — буркнул парень, стараясь не глядеть в мою сторону.

— Погодите! Итак, Господь сотворил мир из самого себя. В результате из единого Мира-Господа образовалось множество миров. Но они разные. Та часть мира, которая есть Господь, нам неведома. Мир человеческий, наш, существует в трех измерениях и во времени...

...«Ахвал» — состояния Творца. Неужели я и это запомнил?

— Другие миры, нам неизвестные, могут иметь больше или меньше измерений, но они тоже вещественные и подвержены ходу времени...

...Вещественные миры — «макамат» — места стоянки Господа.

— Но существует некий мир, устроенный принципиально иначе. Он нематериален в нашем разумении и не обладает таким свойством, как время. Человек не может попасть туда телесно, но иногда способен, так сказать, заглянуть...

— ...И узнать все тайны мира нашего. — Сьер еретик скрипел. — Интересно, как можно узнать, например, будущее, если оно еще не наступило? Его попросту нет!

— У нас нет, — согласился я. — И мы его все вместе творим — на страх нашим бедным потомкам. Но в ином мире, Промежуточном, нет времени.

— Угу...

— А вы представьте, — усмехнулся я. — Еретика Джованни ведут на костер. Если поглядеть с высоты птичьего полета, то мы вначале увидим еретика в повозке, затем — на помосте, во время чтения Акта Веры, потом — попирающего ногами поле...

Вновь послышалось шипение. Кажется, дрова сегодня сыроваты!

— Следом за этим мы наблюдаем, как еретик Джованни корчится на огне, затем — его обгорелые кости кидают в Тибр...

— Идите к черту! — не выдержал он. — Неостроумно!

— Зато очень понятно, — отпаривал я. — А из Промежуточного Мира, где нет времени, можно увидеть все сразу: повозку, помост, дрова — и круги на тибрской воде.

Я ждал ответа, но сьер де ла Риверо молчал. Переваривал.

¹ Эригенна — средневековый богослов.

— Байки! — наконец отрезал он. — Существование такого мира не соответствует физическим законам. Впрочем, подобное я тоже читывал — как раз в книге «Зогар». Живут в этом вашем мире малахи, то есть ангелы. Они весьма зловредны, потому как завидуют человеку, ибо тот имеет свободу воли.

— Правильно! — улыбнулся я.

— Книга «Зогар» в изложении для сельских попов. Сказочка мессера Нострадамуса. Он, видите ли, регулярно в сей мир наведывался. А поелику там нет времени, то его душа регулярно поглядывала в наше будущее. Чушь и бред!

Чушь?

«Вопрос: С какого возраста, подсудимый, посещали вас сии сомнительные видения, навеянные, без сомнения, силами, далекими от Господа?»

Ответ: С самого детства, монсеньор. Вначале не ведал я, что вижу, однако же в семь лет было мне видение моей матери...»

Значит, Эвлия-эфенди прав! Каббалисты и суфии говорят об одном и том же. И Нострадамус писал об этом! Вначале человек не понимает, что встает перед ним, но затем начинает управлять своими видениями, учится сам переходить невидимый и неведомый рубеж...

Наверное, не каждый. Сколько было пророков-безумцев!

— Такие люди являются «кевалями» — проводниками между мирами. Отсюда и святые отца Азиния — они якобы ближе к Господу...

— Святые? — очнулся я. — Да при чем здесь они?

Сьер Гарсиласио поглядел на меня так, что я почувствовал, как над моей головой неслышно смыкаются своды монастыря Санта Мария sopra Минерва. Какой бы из него получился инквизитор!

— По крайней мере это более логично, чем верить, что стояние тридцать лет на одной ноге делает какого-нибудь плешивого дурака ближе к Богу!..

Бедный брат Азиний!

— ...В святых это... это свойство заложено с рождения. Есть даже довольно нелепая идея, что святые — настоящие — не люди, а потомки ангелов, которые когда-то грешили с дочерьми человеческими. Потому им легче мысленно проникнуть к своим родичам.

Потомки ангелов?

...«Аулийа» — учение об иерархии святости. Только самых достойных, имеющих в крови «ангельский свет», допускают в Промежуточный Мир!

— Пойдите! — встрепенулся я. — Но ведь это действительно сказки! «Сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены...»

— И звали сих сластолюбцев Аза и Азель. — Сьер еретик привстал, потянулся. — Надеюсь, это все, сьер де Гуаира? Если хотите, могу рассказать о логовах короля Артура или о дхарах принца Фроата — они как раз считали себя потомками этих Азы и Азеля. Но только не сегодня. Хватит с меня и одной Вегилии!

— Как хотите...

С меня тоже хватит. Потомки ангелов, иерархия святых, мир, сотворенный Господом из самого себя... Какое все это имеет отношение к тому дню, когда поднялась в поле трава и хлопья подступили к днепровскому перевозу?

Я снял шляпу — вода полилась с набухшей, потерявшей форму ткани. Прощай, «цукеркомпф»! Самое место тебе на огородном пугале. Никогда не любил шляпы!

— Сьер де Гуаира! Я хочу вас спросить...

Оказывается, мальчишка все еще не спит.

— Как я понял, мы собрались воевать?

Я покосился на сьера еретика, выглядывавшего из-под плаща. Что-то в его голосе я не услышал избытка храбрости! Странно, ему бы радоваться...

— Не желаете лечь костями за зеленое знамя?

Ответа я не дождался.

3

Бурбон, Марсель увидя,
Своим войкам рек:
О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?

На этот раз песня про принца Бурбона звучала под аккомпанемент орудийного гула. И сам шевалье, восседавший на худой мосластой коняге, не походил уже на Плутона, когда-то гонявшего по гостиничному коридору одуревших от страха лакеев. По раскисшей от дождя дороге ехал Марс — хмурый, облепленный грязью, с бородкой-пистолетом, направленной, словно

стрелка компаса, в сторону, откуда гремели пушки. Марс спешил на войну.

Дождь сменился туманом. Татарская конница, погоняя камчами визжащих от боли коней, еще на рассвете ушла вперед. Туда же, к берегам близкого Стыра, беглым шагом промаршировали одетые в красное стрелецкие сотни. На дороге мы остались одни — трое всадников, два осла — и огромная тихая толпа в свитках и белых рубахах.

Посполитые. Селяне.

Русь.

* * *

Мы шли с ними от самого Колодного. Из разумной предосторожности я старался держаться подальше от пестрой толпы усачей-запорожцев, разодетых в жупаны и цветные шаровары. Вдруг там окажутся друзья моих знакомых-кладоискателей? Загнаться в селянском море, среди свиток и кожухов, было проще — и безопасней.

Я не понимал этих людей. С остальными было все ясно. Черкасы были готовы умереть за «реестр», за право называться новыми шляхтичами. Их сотники и полковники — за «грунты», уже обжитые, прикипевшие к рукам. Попы — за право перебить иноверцев, мещане — за «магдебургию» и возможность торговать без конкурентов-католиков. Но посполитым нечего было тут делать. Людям в белых рубахах никто ничего не обещал.

В первые дни даже казалось, что их гонят на войну насильно, как дешевое гарматное мясо, которое можно не считать и не жалеть. Ни лат, ни оружия. Косы, топоры-келепы, самодельные пики, просто дубины — смешно! Нет, не смешно — страшно! Латная гусарская конница со стальными крыльями за спиной, немецкие наемники, служившие Валленштейну и Тилли, миланские мортиры — и сонмище в лаптях и опорках. Так любил воевать Чингисхан — гнать безоружную толпу на вражий строй, экономя силы и кровь настоящих бойцов.

Но людей в белых и серых свитках никто не гнал, не караулil, не ловил по узким лесным тропинкам.

Они шли сами.

На привалах, махнув рукой на осторожность, я пытался заговаривать с ними, выпросить, понять. Мне отвечали, когда неохотно, когда горячо, захлебываясь словами. Но всегда — с удивлением. Моих случайных собеседников поражало, как это

пан, хоть иноземец, да ученый, все наречия знающий, не понимает столь очевидного.

Серые свитки и белые рубахи шли умирать за свободу.

Пан-иноземец не понимал. Не мог понять.

* * *

— Дорогой де Гуаира, — молвил шевалье после некоторого раздумья, — по некоторым моим наблюдениям, мы приближаемся к полю битвы!

Я прислушался. Пушки гремели уже совсем близко. Если бы не туман и не лес, подступавший к самой дороге, мы давно бы увидели, что происходит у берегов Стыра.

— Мне тоже так почему-то кажется, — согласился я. — Впрочем, я человек цивилизный.

— Да! — Славный пикардиец приосанился, огладил бородку. — Поверьте мне, здесь точно пахнет порохом. А-а... А кто с кем воюет?

Совсем рядом послышался негромкий злой смешок. Сьер еретик, ехавший чуть сбоку, кривил ухмылкой узкий рот.

— А давайте спросим сьера Гарсиласио! — предложил я.

Жабьи губы дернулись, темные глаза победно блеснули.

— Рутенийцы борются за свободу, синьор дю Бартас!

— Ру... Простите, кто? — недоуменно поинтересовался наивный пикардиец.

Снова смех — уже погромче.

— Видите ли, синьор дю Бартас, эта земля зовется Рутения или Русь.

Шевалье растерянно моргнул. Кажется, он до сих пор не задумывался, в какой стране находится. Тут и Боплан помочь не мог. В желтой книжице рассказывается о Полонии и ее безымянных окраинах¹.

— Ее еще называют Украина, но это в данном случае не так важно. А важно то, синьор дю Бартас, что русины восстали против польского короля.

Топот, громкое ржание. Несколько всадников в одинаковых черных каптанах, в шапках с красным верхом проскакали мимо колонны. Один из них держал в руках пику с намокшим от дождя синим значком.

— Восстали? Гм-м... — Шевалье нахмурился. — Я что-то

¹ В первом издании знаменитой книги Боплана названия «Украина» и «Русь» не употреблялись.

слыхал об этом! Однако же есть присяга, есть долг верноподданного! Я воевал с проклятым Мазарини, этим жалким лакейшкой, но особа Его Величества для меня священна!

Уже не смешок — хохот. Мальчишка с трудом держался в седле, и я пожалел, что не могу дотянуться и сбросить наглеца в грязь.

— А вот русины, представьте себе, думают иначе. Они хотят свободы. И обратите внимание, все они — волонтеры!

— Эти?!

Марс обвел взглядом людей в свитках, месивших опорками грязь, и остался явно недоволен. Я его понимал. Не войско — толпа.

— Их обманули... — начал я, но сьер еретик тут же перебил, не дал договорить:

— Да! Их обманывали! Обманывал король, обманывали дворяне, обманывали проклятые иезуиты. И теперь они все поняли! Скоро по всей Европе, по всему миру!..

Голос сорвался на крик. Я поморщился, пожалев, что не закнул уши.

— Им никто не обещал свободы, — вздохнул я. — Capitano Хмельницкий не собирается уничтожать права магнатов. По соглашению в Зборове посполитые остаются собственностью своих хозяев. А вместо убитых магнатов появятся новые, уже из самих черкасов. Неужели вы думаете, что своя плеть бьет слаше?

Меня не слушали, да я и не надеялся никого убедить. Даже себя самого. Там, на берегах Парагвая, мы действительно защищали нашу свободу. Смуглые парни в таких точно белых рубашках с луками и сарбаканами не боялись сцепиться насмерть с закованными в латы копьеносцами-ланца. Но за что воюют эти?

* * *

В лицо ударил ветер — сильный, неожиданно холодный. Я с трудом успел удержать готовую взлететь шляпу. И в тот же миг стена тумана рухнула, распадаясь на бесформенные рваные клочья. Солнечные лучи блеснули на остриях отточенных кос...

Вот оно!

Я привстал в седле в странном нетерпении. Это не моя война! Мне незачем спешить вперед, туда, где над неровным мокрым полем вьется пороховой дым...

...Дым казался не белым, не серым, а темным, почти черным. Он не плыл и не клубился — полз по земле, медленно поднимаясь по склону. Только вершина холма, на которой темнел

острый силуэт высокого шатра, возвышалась словно утес над темным хаосом. Ветер рвал хвосты рыжего бунчука.

Татары!

И словно в ответ послышался визг — громкий, отчаянный, он перекрывал даже пушечный гром. Порыв ветра на миг разогнал дым, и я увидел сотни всадников на маленьких лохматых конях.

Снова визг, затем тысячеголосое: «Кху-у-у-у! Ху-у-у-у!»

Негромко пискнул брат Азиний, в это утро не проронивший ни слова. Очевидно, и он понял, что мы едем не на ярмарку.

— Атакуют! *Ma foi!* Они атакуют!

Дю Бартас тоже привстал, придерживая рукой мохнатую казачью шапку. Его коняга, словно почуяв настрой седока, ударила копытом в жидкую грязь.

— Гуаира! Эти проклятые татары, кажется, решили напасть на черкасов! *Parbleu!* Надо им помочь, все-таки христиане!

На этот раз даже сьер Гарсиласио предпочел промолчать, настолько хорош был шевалье — наш Марс, наивный, простодушный бог войны.

Черкасам было нечего бояться. Ислам-Гирей, владыка крымский, дружок гетьмана Богдашки, бросил свою вопящую и орущую конницу на войско Его Королевской Милости Яна-Казимира. Первый камень в фундамент будущей мечети во славу Великого Турка.

— Но... Но мы едем совсем не туда! — Дю Бартас растерянно оглянулся. — Синьоры! Нам не сюда, нам в ту сторону, где стреляют!

Добродушный Марс так спешил помочь своим друзьям-черкасам!

* * *

Дорога сворачивала влево. Кони с трудом одолевали грязь — тысячи ног и копыт за эти дни превратили проселок в топь. Впереди показался долгий ряд повозок, блеснуло золото — на возносившихся к небу православных крестах, на полумесяце, парившем над огромным шатром-мечетью.

Табор!

Река Вавилон вливалась в море. И море поглотило нас.

Мы потерялись сразу, как только первый ряд телег остался за спиной. Кипящая толпа окружила, закружила, понесла вперед. С писком сгинул в налетевшем водовороте брат Азиний, бурный поток подхватил и унес сьера еретика. Мы с шевалье пытались противостоять стихии, но...

— Гуаи-и-ра-а-а!

Его голос был еще здесь, со мной, но сам дю Бартас уже растворился в людском Мальмстриме. Тщетно я оглядывался, тщетно пытался разглядеть его шапку с красным верхом.

Шапок — море, маками цветут, да все не те.

Я соскочил с коня, заметил вдалеке коновязь и направился туда, решив, что на все — воля Божья. Не утонули мы в море Черном, не погибли в море степном. Не пропадем и здесь.

Suim quique. Каждому — свое. А мое было где-то совсем рядом, там, где стояли сотни Переяславского полка. Павло Полегенький, казак бывалый, решил скрыться в глубинах Вавилонского моря.

Нырнем!

* * *

Хоругвь — огромную, белую, с клювастым красным орлом — волокли прямо по земле. Гордая, увенчанная короной птица бессильно опустила крылья, униженная, брошенная в грязь.

— Потоцкий! Потоцкий!

Крик рос, поднимался до низких облаков и оттуда рушился вниз, на острия отточенных кос, на белую сталь наконечников казачьих пик.

— Ай, гетьман Потоцкий! Иль у тебя разум женоцкий?

Свистели, ревели, верещали. Белая хоругвь польного гетьмана¹ покрывалась грязью, истоптанная, оплеванная.

— Слава! Слава! Победа!

Бой еще догорал, еще гремели пушки, еще слышался отчаянный визг татарской конницы, но в лагере уже ликовали. Из уст в уста несло: победа! победа! победа! Лучшие королевские полки: Станислава Потоцкого, Миколы Потоцкого, Леона Сапеги, Юрка Любомирского — порубаны, постреляны, повязаны

¹ Польный гетьман — заместитель коронного гетьмана (главнокомандующего).

татарскими арканами. А с ними — посполитое рушение Холмщины, гусарские эскадроны и немецкие роты. Шумела, гремела страшная переключка:

— Его мосць Адам Осолинский, староста люблинский!

— Убит, собака!

— Его мосць Станислав Казановский, каштелян галицкий!

— Убит! И голова на пике!

— Его мосць Казимир Казановский, сучий потрох, подстолий волынский!

— Сдох! К хвосту коня привязали!

— Зигмунд Лянцкоронский, воевода брацлавский!

— В полон попал, конским лайном накормлен!

— Свинья поганая Кшиштоф Сапега...

Радовались, выкатывали обитые железом бочки, черпали, разливали прямо на мокрую землю. А хоругвь волокли все дальше, на невысокий горб, к малиновому шатру, к трем сверкающим крестам. Тучный старик в блистающей золотом рясе неторопливо шагнул вперед, наступил прямо на опозоренную корону.

— Батька! Батька! Благослови жидов и ляхов бить!

Золотой наперсный крест вознесся над толпой. Иосааф, митрополит Коринфский, призывал милость Божию на победителей.

...Я вновь оказался прав. Перед боем митрополит опоясал *capitano* Хмельницкого тяжелым мечом, освященным на Гробе Господнем. В Истанбуле не жалели подарков для своего нового данника Богдашки.

Но вот новый крик потряс табор. Сотни людей, забыв о растоптанной хоругви, бросились к огромному шатру, стоявшему чуть в отдалении под сенью двух штандартов — белого и красного. Невысокий широкоплечий человек в зеленом жупане и высокой шапке с соболиной опушкой резко взметнул руку к небу. Тускло блеснула золотая булава.

— Гетьман! Гетьман! Слава! Сла-а-ава-а-а!

Зиновий Богдан Хмельницкий приветствовал своих бойцов.

Я всмотрелся — и покачал головой. Казачий вождь стоял под двумя штандартами. Белый польский орел и золотой османский полумесяц осеняли самозваного царя Вавилонского.

К вечеру хаос начал становиться космосом. Вавилон был велик, но все же не безбрежен. И различить, кто есть кто, оказалось очень просто — по цветам. Пестрые, черные, белые...

Я поглядел на бушевавшую возле митрополичьего шатра толпу. Пестрые! Запорожцы в разноцветных жупанах и черескалах, в шароварах из яркой китайки — усатые, чубатые, раскрасневшиеся от крика и горилки. Их немного, зато они — самые шумные, самые горластые. А коли горло охрипнет, хватай рушницу да пали в белый свет!

Черные держались в стороне. Вот и сейчас почти никто из них не пришел сюда хвастаться победой да лить горилку на истоптанную траву. Реестровцы — спокойные, молчаливые, знающие свое дело. Они понимали, что баталия только началась, что первый успех — еще не успех, коронное войско побито, но не разбито. Их полки стояли в стороне, поротно и посотенно, под красными и синими значками, тихие, готовые к новому бою.

Где-то там — Воронкивская сотня. Мне опять не повезло. Они были в сражении, на правом фланге, но в табор не вернулись. Бог весть, куда послал их сарипано Хмельницкий!

— Пане, пане! А выпьем! Чтoб всех ляхов до ноги перерезать!

Я уклонился от сунутой прямо под нос глиняной чарки и начал протискиваться через толпу. Они зря радовались, горячие усачи, зря спешили праздновать! Если слушать не крики, а шепот, если не туманить голову горилкой...

Слева от высокого холма, вокруг которого стояли татары, доносился вой. Не победный, не радостный. Немецкие пушкар-и знали свое дело — сотни всадников в малахаях остались на поле боя. Погибли самые лучшие, самые смелые. Убиты мурза Мехмет-Гирей, ханский племянник, мурза Муфрах, бахчисарайский подскарбий, говорят, сам хан ранен.

Убит и Тугай, Ор-бек Перекопский. Выходит, панна Ядвига — вдова?

Янычары, пытавшиеся сгоряча атаковать гусарский строй, едва сумели вырваться из железного кольца.

Это еще не Турция, Эвлия-эфенди!

У турок нет пушек, а всадники в малахаях бессильны против мортирных стволов. Им еще повезло, что в королевском войске нет Стася Арцишевского! Как бишь он говорил? «Батарея, огонь, пся крив, холера ясна!»

Завтра татарам — снова на пушки. Они уже знают, что такое «пся крев».

Пойдут? Не побоятся?

* * *

Возле телег и возов, неровным полукольцом обступивших табор, было тише. Часовые в одинаковых черных каптанах напряженно всматривались вперед, в сторону королевского лагеря, все еще скрытого за клубами дыма. Но черных реестровцев было мало. Здесь царили белые.

Свитки, рубахи, полотняные штаны, соломенные шляпы. Кто в лаптях, кто в постолах, кто просто босиком. Посполитые — сотни и сотни молодых парней, почти без оружия, без лат, без значков и штандартов. Они не кричали, не праздновали, не хвалились — работали.

Тысячи лопат раз за разом врезались в землю. В мокрую землю, в сухую, в гнилую, болотную. Земля уступала, уходила вглубь, змеилась глубоким рвом. А за ним рос вал. Пока еще невысокий, приземистый, он поднимался вверх с каждой секундой, тяжелел, осыпался вниз рыжей порушенной твердью и снова рос...

— А от пан зацный до работы стать хочет!

— То просим пана до лопаты!

Они шутили — лишних лопат не было. Сотни копали, а еще сотни стояли на подхвате, готовые прийти на смену. Они привыкли работать и теперь, пока другие праздновали, не торопились к откупоренным бочкам.

Лыцари пируют, смерды копают. Так было всегда, ничего не изменилось.

* * *

Я медленно направился вдоль растущего на глазах вала. Может, повезет, может, среди часовых найдется тот, кто видел неуловимую Воронкивскую сотню?

— Какого полка, козаچه?

— Тарнопольского, пане!

Дальше, дальше... Табор заворачивал влево, к болотистым берегам маленькой речушки со странным именем Пляшивка. Здесь тоже рыли землю — по щиколотку в воде, разбрызгивая

рыжую жижу. Сколько же их, белых? Двадцать тысяч, тридцать? Больше, наверняка больше!

— Какого полка, панове черкасы?

— Кропивянского, полковник пан Хведор Джаджалий!

Дальше, дальше...

Внезапно ровный строй возов и телег, сцепленных цепями, связанных веревками, разорвался. Вал, до этого ровно обтекавший лагерь, резко завернул вправо. Люду прибавилось — не десятки, а целые сотни муравьями рылись среди болотистой земли. Что-то большое, странной пятиугольной формы, росло на низких болотистых берегах.

— Эй, ви! Копать, копать! *Vieux diable!* Это есть редьют, а не фарм дю кошон!

Я не поверил своим ушам. Не поверил своим глазам. Захотелось перекреститься.

— Пане пулковнику! Пане пулковнику! А куды хвашины ставить?

— *Ma foi!* Ставь на фланг ля гош, глупий голова! Тудья, тудья!

Славный шевалье дю Бартас... То есть пан полковник Бартасенко...

— Шевалье?! Мой Бог! Что вы тут делаете?

— Ба! Гуaira! Мой дорогой друг!

Жупан — нараспашку, мохнатая шапка набекрень, борода торчком.

— Как видите, строю редут. Этот фланг, признаться, мне совсем не нравится! Синьор Богун, здешний фельдмаршал-лейтенант, обещал прислать десяток мортир!..

Смеяться? Плакать?

— Дорогой шевалье! Вы что, решили воевать?

— Но... — Его голубые глаза удивленно моргнули. — Надо же помочь этим славным черкасам против проклятых татар! Они уже совсем близко, я сам видел!

Наивный бог Марс так ничего и не понял!

— Конечно, эти вилланы — не войско, но синьор Богун обещал прислать три сотни ландскнехтов из этого, как его, про-сти Господи, реестра...

Мы поднялись на вал, и шевалье гордо развел руками, показывая сделанное. Оставалось только восхититься — редут строился по всем правилам.

Я поглядел на поле — неровное, усеянное неподвижными те-

лами — людскими и конскими. Дым уже развеялся. У дальнего леса проступили ровные контуры бастioned.

Королевский лагерь. Сегодня Его Милости Яну-Казимиру не повезло...

— Признаться, позиция тут очень удобная. Справа — болота, коннице не пройти, да и пушки подтащить трудно.

Менее всего хотелось думать о стратегии и тактике, но энергия шевалье захватила и меня. Редут — дело полезное, очень полезное, особенно если завтра счастье переменится. Но вот болото...

— Вы ошибаетесь, дорогой друг. Это ловушка.

Я прошел чуть дальше, к самому краю строящегося укрепления. Недоумевающий дю Бартас проследовал за мной.

— Смотрите! Через болота течет река. Она называется Пляшивка. Видите?

Узкая синяя полоска была почти незаметна среди густой зелени.

— Ну и что? — удивился он. — Очень удобно, с этой стороны лагерь нельзя атаковать! К тому же всегда можно отойти через гати...

Я вздохнул. Неплохо бы capitano Хмельницкому пригласить сюда хорошего гидравлика. С одним митрополитом каши не сварить.

— Дожди, шевалье! Река выступила из берегов. К тому же ее легко запрудить. День работы — не больше. И тогда здесь будет Венеция. Поверьте, я строил плотины, и не один год.

— Гм-м...

Трудно сказать, насколько шевалье оценил мои выводы. Военные — люди особого склада. Порох, шпаги, пушки — вещь незаменимая, конечно. Пока вода не подступит к горлу.

— Пане пулковнику, пане пулковнику! Гарматы привезли! И пушку большую, «Сирота» называется! Ох, и справная пушка! Куды ставить?

Шевалье вздохнул, взъерошил бородку.

— Извините, дорогой де Гуаира! Эти вилланы сами ничего не могут! Приходите вечером, моя штаб-квартира будет здесь, и... Mort Dieu! Давно я так не веселился!

Грозный полковник Бартасенко устремился прямо в гушу белых свиток, а я сообразил, что так и не успел рассказать ему о гибели Ор-бека. Ничего, еще будет время! С такой новостью можно прямо к панне Ружинской ехать!

Солнце ушло, и дождь, словно выпущенный тьмою на свободу, опять забарабанил по полотну палаток. Я порадовался, что так и не успел избавиться от шляпы. Плохо ли, хорошо ли, но «цукеркомпф», несмотря на свое название, все еще не развалился окончательно.

Мне не везло.

Воронькивская сотня оставалась неуловимой. Хлопец из Переяславского полка, которого удалось найти возле брошенных на землю чугунных гармат, сообщил, что «батька Полегенький» со своими черкасами ушел «шарпать». Я хотел переспросить — но понял. Кому-то этой ночью придется несладко!

* * *

Пороховой дым сменился гарью от пригоревшей каши. Веселье стихло, но возле чадающих костров по-прежнему шумели, поднимали кубки и чарки, хвалились победами.

Вавилон оставался Вавилоном. Это было. И не раз, и не два...

...И сделал Валтасар-царь пиршество для тысячи вельмож, и перед глазами тысяч и тысяч пили они вино. И славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных. В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского...

Мене, такел, упарсин... Исчислено, взвешено, поделено...

Найдется ли тут хотя бы один Даниил?

Я шел мимо костров, мимо шумных усачей, мимо тихих хлопцев в белых свитках, и мне стало казаться, что я попал в преддверие Дита. Они еще не знают, они еще верят, что царь Валтасар, турецкий данник Богдашка, завтра подарит им победу. Валтасар пирует, пируют вельможи его, и тысяченачальники, и колесничие, и сотники...

Громкий смех. У ближайшего костра зашумели, кто-то вскочил, тряхнул чубом:

Ох, и славно нынче стало у нас в Украине!
Нема ляха, нема жида, не будет унии!

Подхватили, заорали в десяток глоток.

И словно в ответ из темноты донеслось негромкое:

Взбунтовалась Украина, и попы, и дьяки.
Погинули в Украине жида и поляки,
Погинули кавалеры хорошего рода,
Даже шляхта загонова, даже хлеборобы.

Крикуны стихли, а голос креп, наливался горечью.

Обещали нам свободу, а настало горе:
Посмотрите, как повсюду вера веру борет.
Эй, Богдане, наш гетьмане, как нам жить на свете?
И поляки, и русины — Адамовы дети!

Голос оборвался, словно певцу не хватило сил. Тишина, неуверенное молчание, а затем веселье вновь вступило в свои права.

Вавилон пировал.

* * *

Возле недостроенного редута меня впервые за весь день остановили часовые. Рослые хлопцы в черных каптанах отвели меня к маленькому костерку и поинтересовались, кто я такой и чего мне надо в «хозяйстве» пана полковника Бартасенко. Пришлось назваться. Помогло — но не сразу. Несколько минут пришлось проскучать под дулами мушкетов. Я вновь восхитился. Ай да шевалье!

— Его мосць Августин Бартасенко просит пана Гуаиру в свое хозяйство пожаловать!

Вот это да!

Его мосць восседал возле полупустого казана, от которого отчаянно несло горелым салом. Рядом с ним пристроился кто-то подозрительно знакомый, но почему-то в черном черкасском каптане, при мушкете и сабле. Каптан лениво тыкал ложкой в казан, кривил тонкие губы...

— Вечер добрый панам зацным! То пан Гарсиласио теперь в реестровцах состоит?

Ответом меня не удостоили. Подозреваю, не только потому, что я заговорил по-русински. Зато славный шевалье даже подскочил. Откуда-то появилась ложка, затем миска, за нею — чарка. Я с трудом сумел отбиться — этим вечером кусок не лез в горло.

— Но, мой друг!.. — Дю Бартас явно расстроился. — Конечно, это каша не то, что едят жантильомы, но обещаю вам, что завтра я лично прослежу...

Завтра?

Я огляделся. Тьма накрыла усыпанное трупами поле, спрятала королевские бастионы у леса.

Завтра?

— Дорогой шевадье! Мой аппетит вырос бы десятикратно, если бы вы помогли найти нашего попа.

Я честно осматривал лагерь, но ни кола, ни веревки с болтающимся на ней братом Азинием увидеть не удалось.

— Попа? Parbleu! Так нет ничего проще!

Оказывается, дю Бартас озабочился и этим. Впрочем, обнаружить бывшего регента оказалось несложно. Под вечер на редут наведалься некий румяный отрок, сообщивший, что «пан Озимов» находится поблизости и спрашивает, не прислать ли пану полковнику горшок с пшенной кашей.

Отрок? Ну, тогда понятно!

— Тащите попа сюда! — распорядился я. — И побыстрее!

* * *

Дождь слегка стих, зато налетел ветер. Он был с запада, со стороны сгинувшего во тьме королевского табора. Мне показалось, что я слышу знакомый напев. Да, «Te Deum laudatum» — «Тебя, Боже, хвалим». Они тоже не спят.

Мне не повезло. Самое время скользнуть в темноту, неслышно, словно настоящий ягуар, обойти посты и...

Нунций Торрес, посланник Святого Престола в Короне Польской, ждет меня. Он единственный знает о том, зачем я здесь. Но меня все нет, и Его Преосвященство наверняка решил, что я уже присоединился к братьям Поджо и Александру.

Я жив, но мне не повезло.

Вавилон не отпускал беднягу Илочечонка.

* * *

— Рах vobiscum, дети мои! Да благословит Господь яства и питье, равно как пошлет нам удачу на поле бранном...

Слава Богу!

Я вернулся к костру, возле которого — наконец-то! — собралась моя маленькая армия. Поп, еретик и мятежник. Хороша компания!

Сразу? Или лучше объяснить? Нет, сразу!

— Синьоры! Этой ночью, прямо сейчас, вы должны покинуть казачий табор. Королевский лагерь рядом, вас примут.

Мертвое молчание было мне ответом. Шевадье и брат Азиний смотрели с изумлением. Во взгляде сьера Гарсиласио светилась ненависть.

— Вы меня поняли? Уходите немедленно! Сейчас же!

Тишина. Переглядываются. Думают. Не понимают.

— Дорогой друг, а вы?

— Отчего же, монсеньор?

— И не надейтесь!

Прорвало!

Я подождал, пока они выговорятся. Время еще было — до рассвета. Наконец все трое умолкли. Итак, придется объясняться.

— Завтра будет бой. Почти наверняка ребегианты потерпят поражение. Более того, уйти им не дадут. Король не сможет сдерживать шляхту, а когда начнется резня, никто не будет просить вас показать нателный крестик. Не хотел бы напоминать вам, синьоры, но еще в Риме вы обещали мне во всем повиноваться!..

...Десять дней назад нунций Торрес опоясал Яна-Казимира мечом, присланным из Рима. Говорят, его тоже освятили на Гробе Господнем.

Меч — приказ, простой и понятный. Не щадить, не мловать!

Гроб Господень, ты все терпишь!

— Но, мой друг! Черкасы почтили меня доверием, и было бы не по-рыцарски сие доверие обмануть. Ma foi! Надо жесыпать проклятым татарам! Да и без вас, дорогой Гуаира, я никуда не пойду!..

— Мон... Синьор де Гуаира! Обнаружил я в таборе немало страждущих, исцеления чающих, и не по-христиански было бы оставить их! Кроме того, не встретил я до сего дня должного примера святости, среди сих лесов и болот воссиявшего...

— А я, знаете, решил сменить оружие критики на критику оружием. Наконец-то я смогу поспорить с вами на равных!

* * *

Они не понимали. Не видели. Не чувствовали.

Ночь ва-ль-Кадар наступила, и ангелы Господни уже собрались, дабы вынести приговор. Над тихим полем, над пирующим Вавилоном, над всеми — виновными и невинными — неслышно развернулся Свиток Суда.

Я молча встал и пошел прочь. И никто не последовал за мной.

«Те Deum» отзвучал, и над полем повисла тишина — сырая, мертвая. Так тихо бывает в зале суда перед вынесением приговора.

Ночь ва-ль-Кадар — Ночь Предопределения. Почему-то думалось, что это — очередная богословская заумь. А все оказалось просто, слишком просто!

Сырой ветер ударил в лицо, и на миг мне почудилось, что я снова на болотистых берегах Парагвая. Сзади — асунсьонская переправа, впереди — Тринидад, слева — дорога на Каакупе, где Бирюзовая Дева обещает прощение всем — кроме меня. Тучи закрыли Южный Крест, но они скоро уйдут...

...Тебе не вернуться, Илочечонк! Для тебя тоже наступила Ночь Предопределения — Ночь ва-ль-Кадар.

Мы все свободны.

В это не всегда веришь, не всегда понимаешь, но мы — свободны.

Тысячи дорог, тысячи поворотов — и за каждым Будущее. Его еще нет, оно не наступило, оно зависит только от нас.

Мы — свободны!

Моя маленькая армия — поп, еретик и мятежник — могла вообще не встретиться со мной. Они могли разбежаться еще в Бахчисарае или позже, в Чигирине, пока я отвозил непокорную королеву в ее Гомель. Они могли повернуть назад позавчера, вчера, сегодня утром, минуту назад.

Но сейчас — порог. Перекресток, переправа, вход в пещеру. Мене, такел, упарсин — исчислено, взвешено, поделено. Сейчас — Ночь ва-ль-Кадар, после которой остается лишь один путь, одна дорога.

Будущее уже есть, оно маячит впереди, его можно рассмотреть, потрогать руками. И ничто уже не изменит приговора, начертанного на Свитке Суда.

Свобода Воли — и Предопределение.

Ночь ва-ль-Кадар...

Поп, еретик, мятежник... Мне не нужен Нострадамус, чтобы увидеть ваше Будущее. И брат Алессо Порчелли может спокойно спать в своей могиле. Я знаю, что вас ждет. И я не виноват, что вы все слепы!

* * *

— Не огорчайтесь, мой друг!

Сочувственный вздох. Тяжелая ладонь опустилась мне на плечо.

— Мы все верим, что вы желаете нам добра...

Вот как? И сьер Гарсиласио тоже?

— ...но бывают обстоятельства, которые сильнее нас. Вы же сами не можете покинуть сей табор! Не спрашиваю о причине, но...

Нет, он спрашивал. Впервые за все наше знакомство.

— Простите меня, дорогой шевалье, но я действительно... действительно должен остаться.

— Вот видите! Тогда вы поймете и нас. *Vieux diable!* Завтра разобьем проклятых нехристей, а там — в Киев, а затем... Вы и в самом деле знаете дорогу в этот... Гомель?

— Знаю, дорогой дю Бартас.

— Тогда, надеюсь, вы... Впрочем, нет! Потом — после боя.

* * *

Гомель... Маленький тихий городишко, острые шпили костела, полужнакомый польский говор... Что там поделявает панна Ружинска? Черный платок, суровая речь исповедника, запертые комнаты. Судьба грешницы... Насиловали, били плетьюми, держали за решеткой, снова насиловали, снова били...

Вывалась — и теперь виновна во всем. Недоумковатый ксендз так и порывался допросить ее по поводу верности римско-католической вере. Я оказался рядом — очень вовремя. Но я уехал, она осталась...

* * *

— Полно, дорогой де Гуaira! Вот увидите, все образуется!

— Конечно, шевалье! А как же иначе!

Обрадовался, улыбнулся, огладил бородку.

— *Vieux diable!* Чувствую, завтра тут будет жарко!

Да, жарко. Надо сходить за гитарой. Черная Книга — в надежном месте, а все остальное — пропадай оно пропадом!

— Дорогой дю Бартас! А не прочитаете ли вы мне какой-нибудь сонет?

Пикардиец на миг растерялся, бородка недоуменно вздернулась.

— Но... Вы уже все слышали, Гуаира! Впрочем... Ага, вот! Признаться, несколько высокопарно...

Прокашлялся, помолчал, вспоминая. Я не торопил. Странно, иногда начинало казаться, что не забытый поэт, умерший много лет назад, а сам дю Бартас написал эти неуклюжие четырнадцатистрочники.

Четыре слова я запомнил с детства,
К ним рифмы первые искал свои,
О них мне ветер пел и соловьи —
Мне их дала моя Гасконь в наследство.

Любимой их шептал я как признание,
Как вызов — их бросал в лицо врагам.
За них я шел в Бастилию, в изгнание,
Их, как молитву, шлю родным берегам.

В скитаниях, без родины и крова,
Как Дон Кихот, смешон и одинок,
Пера сломив иззубренный клинок,
В свой гордый герб впишу четыре слова.

На смертном ложе повторю их вновь:
Свобода. Франция. Вино. Любовь.

6

— Король! Король убит!

Еще ничего не понимая, я дернулся, привстал, рука привычно скользнула к сарбакану...

Сарбакана нет, лишь мешок да гитара в чехле.

— Короля убили! Насмерть! Слава!

— Слава! Слава! Сла-а-ава!

Я протер глаза. Выходит, я все проспал? Кажется, бой уже начался! И не просто начался!

— Ядром! Он впереди гусарии своей ехал! Наповал! Наповал!

* * *

Тучи сгнули. Яркое солнце заливало неровное поле. Дым, маленькие, словно игрушечные, фигурки...

Ни черта не понять!

Черные реестровцы, забыв о привычной сдержанности, выстроились на краю вала. Кто-то кричал, кто-то размахивал саблей.

— Победа! Победа!

Белые свитки держались поодаль, но в их глазах я тоже заметил радость.

Неужели правда?

Хочот за левым ухом. Перекреститься? Нет, не поможет!
Плохой из меня получился пророк!

— Бегут! Бегут!

Я поглядел туда, где клубился черный дым. Сквозь прорехи можно было заметить неровный отступающий строй.

Чей?

Шевалье! Где шевалье, черт его поберет?!

* * *

Дю Бартаса я нашел на самом краю вала. Грозный пикардиец стоял, скрестив руки на груди и надвинув мохнатую шапку на самые брови.

Тоже мне, принц Бурбон нашелся!

— А-а, Гуаира! Ну и спите же вы, мой друг! А баталия, признаться, преизрядная!

Я еле сдержался, чтобы не сбить с пана полковника шапку. Стратег, *parbleu*!

— Пока вы спали, нас, как видите, изволили атаковать. Но фельдмаршал-лейтенант Богун вовремя развернул пушки. *Vieux diable*! Ну и молодец!

— Король! — не сдержался я. — Что с королем?

— Гм-м... — Пикардиец нахмурился. — Признаться, я не совсем понял. Тут все толкуют о каком-то короле. Но ведь мы воюем с татарами! Правда, татар я отчего-то не видел, нас атаковала латная конница...

Дьявол!

* * *

Клубы дыма сгустились, скрывая поле боя. Но вот откуда-то слева послышался знакомый визг. Сначала еле слышный, затем все громче и громче. Земля задрожала от ударов тысяч копыт.

— Кху-у-у-у! Ху-у-у-у-у! Алла-а-а!

Татары! Ну и тяжелый язык у шевалье!

Я растерянно оглянулся. Неужели так и делается история? Сейчас орда сметет остатки разбитых гусарских хоругвей, ворвется в королевский лагерь...

И все? Полумесяц над Варшавой, полумесяц над Краковом? Вместо Республики — Лехистан?

— Слава! Сла-а-ва!

Вот они! Огромная серая туча, стелющаяся над самой тра-

вой. Ни людей, ни коней — одно неровное грязное пятно. Наползает, затопляет поле...

А я понадеялся на польские пушки! У capitano Хмельницкого их тоже оказалось преизрядно.

Арцишевский, пся крев, где тебя черти несут?

Наконец гроыхнуло — далеко, возле самого польского лагеря. Негромко, неуверенно. Гроыхнуло, стихло...

Я махнул рукой и стал спускаться вниз. *Sit ut sunt aut non sint!*¹ Если Ян-Казимир все-таки жив, еще есть надежда. А если нет, то уже сейчас паны шляхта разбегаются по ста разным дорогам и тропкам. В атаке — волки, в бегстве — зайцы...

То-то радость сыеру римскому доктору! И не ему одному. Захочет ли теперь Паоло Полегини даже разговаривать с посланцем Конгрегации?

Vae victis!

* * *

Крики не стихали, пушки у королевского лагеря продолжали огрызаться, но я уже не обращал внимания на весь этот шум. Забавно читать в книгах про войну о том, как с высокого холма некий очевидец наблюдает за ходом баталии. Полк налево, хоругвь направо... То, что это ерунда, я понял лет в шестнадцать, когда отец Мигель разрешил мне садиться на коня. Сельва, свист стрел у самого уха, резкий запах пороха, ветки, бьющие по глазам, — и чье-то окровавленное тело под копытами хрипящей лошади. Лишь потом узнаешь, кто, собственно, победил. Но и тут, на огромном поле, ничего не понять. Дым, фигурки мечутся, даже неясно — отступают ли, атакуют. И пушки гремят — непонятно чьи...

Кстати, кажется, они гремят уже громче! Куда громче — и ближе!

Кажется?!

— Тикают! Тикают!

«Цукеркомпф» упал с головы, но я даже не обратил на это внимания. Почудилось, что вал внезапно вырос, стал выше пирамид, выше Кельнского собора.

— Тика-а-аю-ют! Татары тикают!

Ноздри вдохнули острый пороховой запах — ветер бил в лицо. Там, впереди...

¹ *Sit ut sunt aut non sint!* — Пусть будет, как есть, или вообще не будет! (*лат.*).

...Там, впереди, не было ничего — кроме надоевшего черного дыма. Но вот мелькнуло что-то серое, за ним еще, еще...

— То что ж они творят, гололобые? Ах, сучьи дети!

Наконец ветер смилоствовался, ударил по черной пелене, разорвал, погнал клочьями. И сразу же стало видно все — далекие бастионы, сверкающий белым железом конный строй — и огромное серое пятно, уползающее с поля.

Татары бежали. Но не влево, где на холме ветер развеивал многохвостый ханский бунчук, а направо, к голубой ленте Стыра. А за ними, медленно и ровно, словно на королевском параде, разворачивалась латная конница. Часть хоругвей поворачивала вправо, готовясь идти вдогон за убегающей с поля битвы ордой, остальные же строились фронтом к замершему от неожиданности Вавилону. Неужели?..

— Ma foi! Пушки готовить! Бистро! Бистро!

Резкий голос шевалье заставил очнуться. Дю Бартас тоже увидел. Увидел — и понял раньше меня. Что же случилось? Татары уходят к Стыру. Хитрость? Засада? Сейчас коронные полки ударят в лоб, их левый фланг почти открыт, на правом — турки...

— Заряжай! Бистро!

— То первый готовый, пане пулковнику!

— Второй готовый!

— Третий...

А земля уже дрожала — мерно, грозно. Гусарские сотни мчались к табору, солнце горело на острых стальных крыльях и наконецниках пик. Среди белых хоругвей высоко поднимался огромный штандарт со знакомым орлом.

— Король! То король!

Растерянный крик прокатился, замер, отозвался дальним эхом.

— Король!!!

Его Милость Ян-Казимир вел гусар на мятежный табор.

Впрочем, растерянность прошла быстро. Короткие команды, дымки фитилей, негромкое лязганье затворов. Черные реестровцы молча, не суетясь, строились вдоль вала. Три шеренги — задняя заряжает, средняя ждет, первая бьет по врагу...

Топот все ближе, уже слышен лошадиный хrap, видны уса-тые лица под стальными шлемами. Глаз зацепился за что-то странное, желтое, в черных пятнах. Леопард! Огромная шкура, распластанная поверх стальной брони! Еще одна, еще...

Встречай, Илочечонк, родичей!

— Ля редют! Атансьо-о-он! Пали!

— Первая пали! Вторая!.. Третья!..

Грохот ударил по ушам. Кажется, и без меня нашлись встречающие!

— Пали!..

* * *

Земля исчезла, остался лишь страшный водоворот, орущий, кричащий, воющий. Всадники падали, лошади катились по земле, королевский штандарт накренился, исчез, снова взвился вверх.

— Первая!.. Вторая!.. Пали!

Били со всех сторон. Только сейчас я понял смысл простой затеи дю Бартаса. Недостроенный редут огромным мысом выдавался вперед, рассекая атакующих, расстреливая их с флангов.

Черт, дьявол! Почему я не отправил шеваляе в Гомель?

— Пали! Пали! Слава!

Они вновь радовались, вновь размахивали мушкетами.

Рано!

Неровный конный строй дрогнул, распался, уступая место невысоким коренастым пехотинцам в темных латах и остроко-
нечных касках. Дружный яростный крик сменился громом — мушкеты ударили в упор, сметая все живое с вершины вала. Из глубины строя показались длинные лестницы, потянулись вперед, ткнулись в истоптанную насыпь.

— Немцы! Хлопцы, то немцы!

Я замер. Вот они, бойцы Валленштейна! Ужас Германии, кошмар Богемии, страшный сон Австрии.

— До бою, панове! До бою!

Поздно! Острые каски уже на лестницах, на валу, за валом, у первых шатров...

— Гу-р-ра-а!

Навстречу стальной волне ударила другая — в ярких жупанах и шароварах из красной китайки. Запорожцы вступили в бой.

— Робы грязь, хлопцы! За Матинку Богородицу да за Свя-
тую Покрову! Гур-р-р-а-а-а!

И словно в ответ под самым ухом:

— А бош, миз анфан, а бош! Вперед!

Страшный бог Марс с обнаженной шпагой на миг замер на краю вала, махнул рукой, исчез среди каптанов и свиток.

Шевалье ни черта не понимал в политике — зато хорошо знал, кто такие немцы!

Время остановилось, отступило, съежилось, спряталось за блеском железа, за предсмертными стонами, за пороховой гарью. Медленно, медленно, словно сама себе не веря, стальная волна начала отступать, пятиться, распадаясь на маленькие темные брызги...

Я отвернулся. Смотреть не было сил. Неужели все зря? Неужели проклятый Вавилон непобедим? Тогда почему я... Рад? Нет, мне нельзя радоваться! Ведь это мятежники, ребегианты, клятвопреступники, турецкие наймиты!..

...С немецкой пехотой врукопашную, без доспехов и пик! А шевалье, шевалье-то каков!

Марс!

7

На этот раз уже не кричали о победе. И вообще не кричали. Говорили негромко, больше стонали и ругались. Над огромным табором, над измученными окровавленными людьми медленно, неспешно начало проступать Непоправимое. Новые пленные, новые хоругви, брошенные у митрополичьего шатра, — все это уже не имело значения перед лицом случившегося. Снова переключка, но уже другая, тихая, полная отчаяния.

— Амурат-султана арканами повязали!..

— Эх, справный татарин был! Как он под Збаражем ляхов гонял!

— Уже не погоняет!

Молчание, долгое, тяжелое.

— А хан-то уже за Стыром!

— За Стыром! Телеги бросил, пленных порезал...

Татары ушли — все, разом, бросая обозы, добычу, даже коней. На холме возле опустевшего ханского шатра развевалась хоругвь с коронованным орлом.

Пушки все же оказались сильнее.

Странно, я не чувствовал радости. Волки в малахях бежали, они уже далеко, им не страшны немецкие мортиры и польские клинки. Сейчас они пойдут в свое крымское логово, сжигая, убивая, угоняя в полон.

Бог не простит тебе, capitano Хмельницкий!

Брата Азиния я вначале даже не узнал. Попик съезжился, стал ниже ростом, лысина — и та потухла. Маленький, сгорбленный, постаревший...

— Монсеньор! Вы не знаете, где можно добыть некое количество корпии, равно как и жгутов? Ибо полотно, что в наличии имеется, отнюдь для сего не подходит.

— Много раненых? — понял я.

Брат Азиний только вздохнул. Здесь, неподалеку от красного гетьманского шатра, лежали те, кому сегодня не повезло.

— Обидно также, что не озаботились сии ребелианты не токмо о том, дабы позвать лекарей, столь сейчас необходимых, но даже о милосердных братьях, опыт хождения за больными имеющих. Способы же лечения, сими варварами применяемые, суть зверство и естества людского поругание...

Я посочувствовал. Затем все-таки удивился.

— Вы лечите мятежников, брат Азиний! Схизматиков! Врагов нашей веры!

Он испуганно моргнул, попятился.

— Но, монсеньор, разве милосердие Божье не распространяется и на них?

Запахло чем-то знакомым. Уж не подземельем ли Святой Минервы?

— Да и не лекарь я вовсе! Но порой и доброе слово, в миг нужный сказанное...

Я кивнул, соглашаясь, и только затем начал что-то понимать. Я и раньше чувствовал какую-то странность, еще в Крыму, когда наш попик так лихо объяснялся со всеми встречаемыми отроками.

— Брат Азиний! А на каком языке вы с ними общаетесь?

Спросил — и тут же пожалел. Маленькие глазки моргнули, подернулись страхом.

— М-монсеньор! А разве сии ребелианты не говорят по-итальянски? Я... Я думал...

И тут уж стало страшно мне самому. Пустая лысая башка вообразила, что все вокруг говорят по-итальянски. Вообразила — и?..

— Пане Озимов! Пане лекарю! Допомогить!

Я оглянулся. Окровавленные ноши, чья-то рука, бессильно свисающая вниз...

— Идите, брат Азиний!

Он быстро кивнул, повернулся и засеменил к раненому. Какой-то парень в темной свитке и окулярах подскочил, что-то

спросил, указывая на ноши. Бывший регент принялся объяснять, указывая, куда перенести, что сделать.

Я перекрестился.

Не помогло.

* * *

— Шевалье, а что вы думаете о чудесах?

— Гм-м...

Иного ответа я, признаться, и не ожидал. Да и едва ли славному полковнику Бартасенко было сейчас до тонкостей догматики. Редут рос, белые свитки суетились возле вала, черные каптаны возились у пушек. Сам бог войны восседал на огромном полосатом барабане. За неимением его подобия я устроился прямо на истоптанной траве.

— Чудеса? Вы знаете, у меня однажды была золотуха...

Оказывается, славный пикардиец не отмахнулся от моего вопроса. Он просто думал. И безуспешно.

— Мне тогда было восемь лет, мой друг. Мои родители, люди весьма небогатые, издержались на лекарей, но, надо сказать, без толку. И тогда батюшка решил отвезти меня к королю.

— Простите?

Кажется, к лекарю пора мне. Самое время: брат Азиний заговорил на всех языках, короли врачуют золотуху...

— Как, дорогой де Гуaira, разве вы не слышали? Ma foi! Я думал, об этом ведает весь свет! Ибо короли французские, потомки Святого Людовика, лечат золотушных прикосновением рук.

Я покосился на пикардийца. Тот был серьезен.

— Короля мы встретили в Блуа. Его Величество спешил, но батюшка был знаком с королевским сенешалем де Ту...

Внезапно я позавидовал сьеру еретику. Посмеяться бы вволю! Или заплакать.

— Я преклонил колени, Его Величество возложил руки... И знаете, друг мой, помогло! Не прошло и пяти лет...

Я глубоко вздохнул. Потом еще раз. Затем еще.

— Не знаю, право, верно ли я ответил на ваш вопрос, друг мой! Слышал я также, что чудеса способен творить седьмой сын в семье, а особенно ежели он сам — сын седьмого сына. Но как по мне, сие не чудо, но мерзкое колдовство. Ибо чудеса должны творить лишь те, кому положено.

— А кому положено? — не выдержал я. — Кому?

— То есть как кому? — поразился он. — Кому начальство

определит! Король, Его Святейшество, император... Чудо, друг мой, дело серьезное! Если бы каждый начал чудеса творить, то представляете, что началось бы?

— Вполне, — кивнул я. — Представляю...

...Бедный глупый мужеложец поехал искать святых...

— Однако же, друг мой, хочу поделиться с вами некой новостью. — Дю Бартас оглянулся, заговорил шепотом: — Сдается мне, что синьор де ла Риверо прав и сии черкасы воюют не против татар, но против своего короля, которого, как я выяснил, зовут Жаном-Казимиром!

— Да быть того не может! — вяло откликнулся я. — С чего вы взяли?

* * *

Пушки заговорили к вечеру, когда солнце, словно устав светить, спряталось за огромную черную тучу, наползавшую с запада. Били издалека — ядра врезались в землю, тыкались в подножие вала. На них уже не обращали внимания. Вновь задымались костры, запахло горклым салом, деревянные ложки зачерпнули горячий кулеш. Вавилон не сдавался. Победа ускользнула, вырвалась из рук, но победителей еще не было. И никто не хотел замечать тучи, медленно надвигавшейся на табор. Гроза была близко, совсем рядом, но ее не ждали, о ней не думали.

Вначале зашумело — еле слышно, словно легкий ветер ударил в наскоро поставленные шатры. Зашумело, отозвалось эхом дальнего пушечного грома.

— Бежал! Бежал! Увезли!

Мало кто услышал, мало кто понял. Но голоса крепили, пушечный гром не умолкал, а черная туча уже закрывала небо, наваливалась неровным брюхом на не ожидавших беды людей.

— Увезли! Увезли!..

И вот — ударило. Дробный топот сапог. Резкий крик.

— До пана полковника! Срочно! Срочно, тебе говорят!

Лицо хлопца, подскочившего к костру, было белым. Как снег. Как сама Смерть.

— Пανε полковнику! От полковника Джаджалия! Беда!

Шевалье понял. Привстал. Дернул бородку.

— Парле! Говорьи!

Хлопец открыл рот, поперхнулся воздухом.

— То... То никому пока, пане полковник. Гетьмана... Гетьмана Хмельницкого татары в полон взяли! Увезли гетьмана!

— Ке?

Дю Бартас растерянно поглядел на посланца, затем на меня. Еще ничего не понимая, я поспешил перевести.

— Как это? Куда? — Пикардиец быстро оглянулся, словно надеясь с высоты редута увидеть увозимого в неведомую даль capitano. — Vieux diable! Да спросите его, Гуаира!

— Увезли! — Хлопец резко выдохнул, облизал растрескавшиеся губы. — Видели его! К седлу привязанный, на ногах — веревки! И Выговского увезли, писаря генерального...

Кто-то негромко ахнул. Белые свитки и черные каптаны окружили нас.

— Никому пока... Не говорите никому! Пан Джаджалий приказал, его гетьман за старшего оставил!..

Не говорить?

Я оглянулся. Поздно!

Над Вавилоном стоял крик — отчаянный, страшный. Ударил мушкетный выстрел, другой, затем загремело вокруг.

— Гвалт! Гвалт! Зрада! Гетьман бежал! Увезли! Спасайся, хлопцы! Спасайся!

...А черная туча уже висела над головой, цепляясь за острые колья шатров, повеяло холодом, резкий порыв ветра ударил в лицо...

— Гуаира! Что это значит? — Дю Бартас недоуменно оглядывался, все еще не понимая. — Parbleu! Как это — увезли? Мне ведь сказали, что татары — союзники!

Я молчал — ответить было нечего. На черном бурлящем брюхе страшной тучи медленно проступало: мене... такел... упарсин...

...Исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты взвешен и найден очень легким; разделено царство твое и отдано Мидянам и Персам...

— Да расспросите же его, Гуаира!

Я очнулся. Впрочем, помощь моя не понадобилась. Гонца уже взяли в плотное кольцо. Белый, еле шевеля непослушными губами, он начал рассказывать. Его слушали, все еще не веря, все еще надеясь на чудо...

Я отошел в сторону. Ненужные, пустяковые подробности

скользили, не удерживаясь в памяти. Хан отвел орду за Стыр, гетьман послал гонца, затем еще одного, потом решил ехать сам...

* * *

Простодушный шевалье оказался прав. Чудеса совершают те, кому положено. Гетьман Зиновий Хмельницкий восстал против Короля и Церкви, собрал войнство вавилонское, бросил против Европы весь ужас мира. Его воины храбры, его подданные покорны, он сам умен и хитер.

Но есть еще воля Божья!

Я перекрестился.

...Верую во единого Бога Отца... видимым же всем и невидимым...

— Дорогой друг! Прошу вас, переведите! Я ведь ни черта не понимаю!

— Да, конечно, шевалье...

Почему-то вдруг стало трудно говорить по-итальянски. Хотя что может быть проще? Одни глаголы и местоимения. Он поехал, он думал, он хотел...

...Хотел вернуть. Нет, повернуть колесо, колесо Судьбы. Но поздно, персты огненные уже пишут на стене, и вероломный Ислам-Гирей смеется в лицо пленному гетьману: «И ты наш, и все добро твоё наше, и Украина наша...»

Слушали молча, не перебивая. Поняли, они уже все поняли! А черная туча клубилась, опускалась все ниже на обреченный табор...

— Спросите его, друг мой, — д-ю Бартас вздохнул, вновь дернул ни в чем не повинную бородку, — кто это все видел? Вы же знаете, иногда противник склонен распускать слухи...

Я перевел. Хлопец качнул головой.

— Перекажите, пане зацный, что мы все видели. Мы в секрете стояли, у Стыра. Переяславский полк, Воронкивская сотня. Пан Полегенький, старшой наш, приказал гетьмана отбить, да куда там! Татарвы — полон берег, из луков бьют, из пищалей, а наших едва три десятка...

...Гром не ударил, и молния не опалила землю у моих ног...

— Шевалье! Я сам схожу к этому сотнику и узнаю, что к чему!

— Но, мой друг!..

Мы шли по обезумевшему, кипящему ужасом табору. Потомнело, холодные капли падали на щеки, на непокрытую голову...

* * *

Человек в черном жупане стоял спиной ко мне, глядя куда-то вдаль, на исчезающую в неверной дымке реку, уже подернутую косой сеткой ливня.

— Пане сотнику! К вам. От пана полковника Бартасенко!

Человек обернулся...

— *Salve, fraterae Paolo!*

...Дождь рухнул с черных небес.

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСНО ДЕ ПА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

R

В этой главе отец Гуаира превзошел самого себя. Он не лжец, но поистине Отец Лжи!

Его ненависть к восставшему русинскому народу не знает границ. Я даже не буду опровергать бессмысленные рассуждения о «Вавилоне». Совершенно ясно, что Зиновий Богдан Хмельницкий, великий предводитель казаков, справедливо называемый Кромвелем Руси, думал прежде всего о благе своего страдающего народа. Союз с ханом, равно как и переговоры с Высокой Портой и иными державами, был ему необходим для получения военной помощи против польских магнатов. Нелепо и думать, что славный гетьман собирался положить Украину «на истанбульский порог». Сама жизнь отвергла эту гнусную клевету.

Вместе с тем, не любя автора, но уважая истину, должен заметить, что янычар из Силистрии было под Берестечком не семь сотен, а около пяти тысяч. Они отважно сражались и принесли большую пользу, что еще раз говорит о правильности политики гетьмана Хмельницкого.

Поразительно! Выше автор фактически оправдывает переговоры Фомы Кампанеллы с теми же турками. Отчего же для Хмельницкого делается исключение? Не потому ли, что он посмел выступить против Святейшего Престола?

S

Циничны и смешны рассуждения отца Гуаиры о крестьянском ополчении. Почему-то, говоря об иезуитских колониях в Америке, автор всячески подчеркивает стремление «инфлиес» и негров-рабов к свободе (хотя, еще раз подчеркну, речь идет не о свободе, а об утонченном рабстве). Чем же посполитые Украинны хуже? Не тем ли, что владения семьи Горностаев находятся именно здесь?

T

Его отношение к нам, своим спутникам, было поистине иезуитским. Отец Гуаира накануне решающего боя (вечером 29 июня) действительно предложил нам покинуть казацкий табор. Но почему? Совершенно очевидно, что он опасался нашего активного участия в войне. Мне он прямо запретил брать оружие, угрожая моей семье и моим друзьям. Не считаю себя героем, но эти угрозы я игнорировал.

По поводу отца Азиния автор, конечно, заблуждается. Бедный регент знал только итальянский и с трудом мог выдать из себя несколько латинских фраз. Совершенно очевидно, что отец Азиний объяснялся со своими пациентами жестами и мимикой.

Глава XVI

О том, как Его Королевская Милость осаждал табор мятежников, а также об иных событиях, большей частью весьма печальных

Судья: Стало быть, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Однако, подсудимый, у тебя имеется выбор: колесование или четвертование. Так что радуйся, негодник! Ты сам можешь выбрать. Итак, что тебе больше нравится? Выбирай!

Илочечонк: Ваша честь! Я бы предпочел луковую похлебку!

Действо об Илочечонке, явление шестнадцатое

«...Но тут мне в уши стон вонзился дальний, и взгляд мой распахнулся, недвижим. «Мой сын, — сказал учитель достохвальный, — вот город Дит, и в нем заключены безрадостные люди, сонм печальный». И я: «Учитель, вот из-за стены встают его мечети, багровея, как будто на огне раскалены» — «То вечный пламень, за оградой вея, — сказал он, — башни красит багрецом; так нижний Ад тебе открылся, рдея»... Мы внутрь вошли, не повстречав врагов, и я, чтоб ведать образ муки грешной, замкнутой между крепостных зубцов, ступив вовнутрь, кидаю взгляд поспешный и вижу лишь пустынные места, исполненные муки безутешной...»

* * *

— Все-таки нашли!..

— Все-таки нашел...

...Дождь сбивал с ног, потоки воды струились по истоптанной земле, превращая ее в жидкую грязь, холод пробирал до костей.

— Давайте пройдем чуть дальше. Здесь трудно говорить...

Навес, испуганные лошади жмутся друг к другу, остро пахнет навозом и конским потом.

— С кем имею честь?

— Я специальный посланник Конгрегации. Прибыл по личному приказу мессера Джованни Бассо Аквавивы.

— У вас есть имя?

— Да. Я брат Илочечонк.

Мы не спешили. Крепкий седоусый старик молча глядел на меня, и взгляд его был спокоен. Паоло Брахман, называемый также Джанарданой, не боялся. Или просто оставил страх позади.

Я мог бы убить его. Он — меня.

Но мы молчали.

Наконец он засмеялся — негромко, хрипло. Я вздрогнул — этому человеку и вправду было весело.

— Честное слово, брат Илочечонк, вы удачно выбрали момент! Тьма, ливень... Не хватает лишь грома и молнии! Знаете, на что это похоже?

— Знаю, — согласился я. — Меня уже сравнивали.

«...Но некий Черный Херувим вступился, сказав: «Не тронь, я им давно владел. Пора, чтоб он к моим рабам спустился...»

Он оглянулся по сторонам, покачал головой.

— Знакомо. Вы — здесь, один стрелок где-нибудь за шатром, другой — у коновязи... Почему не убили сразу? Хотелось взглянуть в лицо?

И это тоже. Хотя ничего особенного в его лице не было. Разве что загар — темный, вечный — очень похожий на мой. Мы оба — меченые.

— Что случилось с братьями Поджио и Александром?

— Я их убил. Второго — лично.

В голосе промелькнула не жалость, не раскаяние — презрение. Волк смеялся над псами-неудачниками.

— Оправдываться не собираюсь, ибо я ни в чем не нарушил Устав. Надеюсь, вы помните, брат Илочечонк, что каждый из нас вправе защищать свою жизнь любыми способами. Узник должен бежать из тюрьмы, жертва — спастись от убийц. Поступат отца Ро!¹

Он не оправдывался. Он тянул время. Наверно, так и погибли неведомые мне посланцы Конгрегации.

Я, в свою очередь, оглянулся. Дождь неистовствовал, во круг — ни души, все, кто мог, забились в шатры и под навесы.

— Я был на могиле брата Алессо Порчелли...

В его лице что-то дрогнуло. Дрогнуло, вновь затянулось камнем.

— Если... Если к концу разговора мы оба будем живы, вы расскажете, где он... Где его похоронили? Мы... дружили.

Я не ответил. Зачем это знать Брахману? Помолиться на могиле друга — или выкопать из земли Черную Книгу?

— Давайте сразу, брат Илочечонк! Каяться мне не в чем, исповедоваться — тоже. В Риме все знают, я сам написал. Да вы, наверно, читали!..

Я благословил тьму за то, что он не видел моего лица. В Риме все знали... И Генерал? И Его Высокопреосвященство Инголи? Знали — что?

— Вы натравили фанатиков на киевскую миссию. Убили сотни невинных! Женщин, детей!..

...По данному им знаку Киев обступили со всех сторон, началась на улицах злая потеха: начали разбивать латинские кляшторы, до остатка все выграбили, что еще в них оставалось, и монахов, и ксендзов волочили по улицам, за учениками же коллегіума

¹ Отец Ро — иезуитский богослов, считал, что человек ради спасения собственной жизни имеет право не подчиниться решению суда, королевской воле и даже воле Церкви.

*гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хвата-
ли их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, прочих
братьев, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду...*

Кажется, не уследил за голосом. Брахман подошел ближе,
покачал головой.

— Вы что, из новичков, брат Илочечонк? Крови боитесь?
Цель оправдывает средства — не мною сказано. Погибли сотни,
но спаслись десятки тысяч! Вы что... не знаете? Действительно
не знаете?

Знал ли я? Догадывался? Чувствовал кожей? Нет, конечно!
Укус клеща незаметен, нечувствителен...

*«...Обыкновенный клещ, а тако же клещ собачий, к которому
относятся вышеприведенные наблюдения, был известен Аристо-
телю под названием «кротона»...»*

*«...Это прирожденный мятежник, монсеньор. В Индии ему
удалось свергнуть раджу Серингпатама. Поэтому брата Паоло
называли не только Брахман, но и Джанардана — Бунтарь. Гово-
рят, ему стоило заиграть на дудочке, чтобы начался мятеж...»*

*«...После указанной подготовки осуществить снятие защиты
от «даймона», для чего потребно нейтрализовать систему крово-
обращения у нужного числа людей. Для сего должно использовать
подходящее насекомое...»*

— Вы... Вы хотели с помощью ваших... клопов подавить мя-
теж?

— Что? — Брахман даже отшатнулся. — Я?! О чем вы? А-а!
Теперь понимаю! Вам решили ничего не говорить! Умно!..

* * *

Мы стояли, глядя друг другу в глаза, а дождь все лил, вода
заливала навес, и лошади жалобно ржали, чувствуя на своих
теплых боках ледяные струи.

Темнота сгущалась, твердела, наваливалась каменной глы-
бой, мешая дышать, не давая биться сердцу...

— Ma foi! Гуайра! Господи, скорее переодевайтесь! Нет, сначала водки! Пейте! Да пейте же!

Я не стал спорить. Глотнул из филижанки, сбросил пропитанный холодной водой плащ, расстегнул камзол.

— И рубашку тоже! Parbleu! Да где вас носило? Тут у нас такое! Когда они час назад снова пошли на штурм, я Бог весть что подумал! Нет вас и нет...

Оказывается, был еще один штурм? Странно, я ничего не слышал!

Нет, не странно. Сейчас бы я не обратил внимания даже на Армагеддон.

— Вы были правы, друг мой! Нас осадили с трех сторон, а проклятый дождь залил гати! Мы в ловушке, дьявол их всех разрази! Но ничего, этот генерал Джаджалий знает свое дело! Однако же почувствовал я, что иные генералы не особо спешат исполнять его приказы!..

Сухая рубашка, казацкие шаровары, черкеска... Вот и мне довелось «перевоплотиться»! Господи, как холодно! Как холодно!..

— Кажется, отсутствие генералиссимуса Хмельницкого обойдется черкасам весьма дорого! Vieux diable! Я всегда знал, что с татарами нужно держать ухо востро!..

Я не слушал, не отвечал. Все и так было ясно.

Без capitano Хмельницкого его воинство превратилось просто в огромную охваченную страхом толпу. И не потому, что Джаджалий или Богун бесталаннее своего повелителя. Слишком сильна рука гетьмана, слишком он страшен (даже сейчас, даже в плену!), чтобы кто-то решился поднять брошенную булаву. Пусть на время, пусть для спасения окруженной армии!

Без Вальтасара Вавилон не продержался и недели. Мене, такел, упарсин!

— Дорогой друг! Ваша гитара чуть не пропала! Mort Dieu! Такой дождь! К счастью, я вовремя заметил и приказал ее спрятать.

— Спасибо, шевалье...

* * *

У меня — гитара, у брата Паоло — дудочка. Не такая, как у Джанарданы-Бунтаря, разумеется! В Индии — гонги и заунывные молитвы, здесь — перезвон колоколов.

Он так и не сказал, сам ли научился вычислять «даймона» или ему помогли друзья-брахманы. Да это не так и важно. Кажется, его не спрашивали об этом даже в Риме. Достаточно того, что людьми можно управлять. Сначала — непонятное нашествие клещей, затем — во всех храмах звонят гонги...

...И разбегается воинство раджи Серингпатама. И открываются окованные железом ворота. Марионетки пляшут, корчат рожи, бьют друг друга картонными палками, пальцы кукловода еле заметно дергаются...

Странно, но брат Паоло действительно верил, что служит добру. Разогнать вражье воинство — без выстрелов, без крови, обуздать толпу погромщиков, смирить безумцев.

Верил в Индии, верил в Киеве. Верил — до той весны, когда поднялась в поле трава...

Почему он не выстрелил мне в спину? Почему отпустил?..

— Кстати, дорогой друг, после штурма сюда забегал наш мозгляк — синьор Гарсиласио. Он, кажется, вообразил себя Баярдом. Ему чуть не оторвало ядром руку, представляете?

— Лучше бы язык!

— Гм-м... Жалко! Хотя...

...Не выстрелил, не выхватил саблю. Я бы на его месте...

Я не был на его месте. К счастью. У меня не хватило бы сил на такое. Нет, не на атаку беззащитного Киева, не на резню и погром. На большее — перестать быть трупом, топором, кистенем в чужих руках.

Секира вырвалась — и ударила дровосека. Брат Паоло Полегини узнал о замысле мессера Сфорца...

А я не понимал! Не мог догадаться, почему киевская миссия была так спокойна! Почему даже зимой високосного 1648-го брат Сфорца слал в Рим заверения в том, что все скоро образуется! Он не боялся бунта, не страшился того, что capitano Хмельницкий собирает войско, зовет на помощь хана, ведет переговоры с Москвой и турками.

До осени 1648 года в Варшаве и Чигирине думали договориться. Зимой стало ясно, что договариваться не о чем. И тогда брат Сфорца приказал позаботиться о клещах. Стоило лишь дожждаться весны, зеленой травы и первых листьев. И тогда ударили бы колокола...

«Согласно предписанию куратора миссии монсеньора Джеронимо Сфорца. Воеводство Киевское. Начало работы — март 1642 А. Д. Цель: пресечение эпидемии безумства, в особенности же на религиозной почве...»

Наивный брат Паоло!

Не пресечение — уничтожение. Десятки тысяч безумцев затопили бы страну, передавая свое безумие дальше, до самых польских кордонов. И тогда колокола бы вновь заговорили — но уже по-иному. Коронное войско железной поступью двинулось бы вперед, заливая кровью Русь.

Страшная работа велась уже без ведома брата Полегини. Но он узнал — уже весной, когда до колокольного звона оставалось всего несколько дней...

...И тогда хлопы подступили к киевскому перевозу. И встретил их там Павло Полегенький, казак бывалый, с которым было все сговорено. Убивали всех — чтобы не спасся кто-то из знающих.

...Кроме брата Алессо. Бывалый казак пощадил друга, помог бежать.

А может, Полегини не столь и наивен? Бог весть какие серебреники мог предложить ему capitano Хмельницкий! В одном из докладов Джеронимо Сфорца вскользь упомянул о своей «размолвке» с братом Паоло.

Из Общества трудно уйти. Тысячи невидимых нитей держат каждого из нас, сплетаясь гордиевым узлом. Трудно — но все же возможно.

Брахман разрубил гордиев узел.

* * *

— Дорогой де Гуаира! А не сыграете ли вы нам? Здесь, под навесом, сухо.

— О чем вы, шевалье? Впрочем... Прикажите принести гитару!

— Ага!

Теплое сухое дерево под руками... Что играть? А, все равно, пальцы сами найдут дорогу среди струн!

Там, на берегах Парагвая, музыка всегда была с нами. И не только потому, что кадуеи и маскира не трогали тех, кто играл на флейте или лютне.

Наша музыка несла мир, несла слово Божье. Мог ли я тогда

подумать, что в далекой Индии брат Паоло Брахман тоже примеряется к дудочке!

Не Божья работа!

Не Божья!

Ох, как вы правы, Ваше Высокопреосвященство!

Правы?

Но ведь брат Паоло выполнял приказ! И брат Сфорца тоже выполнял волю Конгрегации, волю Общества Иисусова! Мы все — солдаты Христовы, и тот, кто не следует Ему, — презренный трус!

Полегини трусил — и стал предателем, мерзким предателем и убийцей! Но ведь то, что готовил Джеронимо Сфорца, — хуже чумы! Брат Паоло спас тысячи, может быть, десятки тысяч!..

Трус? Предатель?

Герой?

Разве взбунтовавшийся топор может быть героем? А я? Кто я? Я, всегда выполнявший приказы?

— *Что это было, друг мой? Ma foi! Я никогда не слышал, чтобы вы так играли!*

— *Не помню, шевалье. Не помню...*

— *Но как же так?*

* * *

К полуночи ливень стих, лишь редкие капли продолжали метко и точно бить в переполненные водой навесы и пологи шатров. Табор наконец умолк. Все, что могло случиться в этот страшный день, уже случилось.

Издаലെка, от королевского лагеря, сквозь волглую мглу ветер принес обрывки знакомого песнопения. «Te Deum laudatum». Там славилл Бога.

3

И вновь черное покрывало сна разлетелось в клочья, в глаза ударила яркая синева зимнего неба, и лик Бирюзовой Девы Каакупской глядел на меня сурово, без сожаления, без милости.

Руки черпали песок, скрюченные пальцы цеплялись за уходящий из-под ног склон. Тщетно, тщетно! Исчезло небо, навсегда сгинул Ее лик, сменившись серым холодным сумраком.

Надежды нет! Я падал, скользил, снова падал, и вот подо мной разверзлась бездна.

Я знал, что там, внизу. Круг первый, второй, пятый, огненные мечети Дита, сырой огонь Злых Щелей...

...Ниже, ниже, ниже. Без остановки, без задержки. И вот подо мной необъятное ледяное поле. Джудекка, обитель предателей.

Круг девятый.

* * *

Я уже был здесь, и мне почему-то не страшно. Страх остался позади, там, на поляне, возле дерева кебрачо, возле окровавленного тела отца Мигеля Пинто, провинциала Гуаиры, строителя Города Солнца. Моего отца...

Да, мне уже не страшно. Пусть лед, пусть вечный холод, вечная мука. Я заслужил! И если была бы пытка горше этой...

...Хохот за левым ухом. Рука Черного Херувима хватает за волосы, тянет вниз, вниз, вниз...

И тут вернулся страх. Значит, есть мука еще страшнее? Что там? Пасть Люцифера? Его мерзкие клыки, рвущие обреченную душу на части?

...Вниз, вниз, вниз...

Ледяное поле обдаёт холодом, превращая меня в снежинку, в осколок разбитой сосульки, в ничто, в серое пятнышко...

Куда же мы? Куда?

Хохот — страшный, торжествующий...

Вниз, вниз, вниз...

Перед глазами — темный лед, но странно, холод отступает, кровь снова пульсирует в венах, звенит в висках. Куда же мы? Рука Черного Херувима мертво вцепилась в волосы, в мои волосы, никогда не знавшие тонзуры. Я не священник, я — лжесвященник, лжеклирик, лжебрат. Мне нет пощады, нет прощения...

...Но где мы?

Вместо ледяной пропасти — яркий, невыносимо прекрасный блеск звезд. Южный Крест нависает над головой, под ногами — белое теплое свечение...

— А ты не думал, что находится ПОД Джудеккой?

Голос Черного Херувима звучит странно. Я оборачиваюсь...

Вместо страшной личины — знакомое, виденное много раз лицо. Только раньше оно было каменным или бронзовым, оно смотрело на меня с пожелтевших страниц. Теперь же...

— Под Джудеккой, брат Адам, находится Рай!

Святой Игнатий смеется, ему весело, он шурится, качает головой:

— Нельзя быть маловеком, сын мой! Ты что, думал, я отпущу тебя в Ад? Смотри!

Рука указывает вперед, туда, где за черным провалом клубится серебристое облако. Провал широк, но через него переброшена нить, тоже серебристая, тонкая, словно гитарная струна.

— Все, что тобой сделано, сделано по приказу Общества. По моему приказу, сын мой! Иди!

Его голос гремит, хриплый голос, привыкший командовать сотнями латников. Надо идти! Дон Инниго Лопес де Рекальде де Лойола не привык к послушанию...

— Нет...

Я сам не понимаю, как шевельнулись мои губы.

— Нет! Я грешен, отче! Грешен!..

Он уже не смеется. На бледном лице — брезгливая гримаса.

— Кто ты такой, чтобы судить? Ты труп в моих руках, ты топор дровосека! Или ты не знаешь, что сын Общества обязан выполнить любой приказ — даже заложить свою душу Дьяволу?

Я холодею. О таком не говорят вслух, но каждый из нас ведаёт, что ради Общества можно все. И мы делаем все!

Делаем — и побеждаем!

— Ступай в свой Рай! Ты ведь знаешь: когда праведник восходит к Престолу Божьему, Небеса ликуют!..

Под ногами — черный провал и тонкая нить. Гитарная струна, ведущая в Эдем. Мое место там...

Небеса ликуют... Не беса ли куют?

Беса? Еще одного Черного Херувима?

— Чего ты ждешь? — Хриплый голос бьет в уши, звоном отдается в висках. — Иди! Или ты не знаешь, что выполнить приказ — твой долг? Разве отец Мигель Пинто не вел переговоры с голландцами, врагами нашей Церкви? И разве ты не должен был доложить об этом?

Я закрываю глаза. Должен... Доложить, дожидаться ответа, исполнить повеление Конгрегации. Я помнил о долге...

...Стальные клинья в запястьях, стальное острие пробивает сердце...

Почему я жалею о Джудекке?

— Погоди! Нить может порваться, оставь это здесь!
Я открываю глаза. Это? Но ведь у меня ничего...

...Слева — Черная Книга. Справа — гитара в чехле.

— Оставь здесь! — Рука Святого нетерпеливо тычет в рукопись брата Алессо. — Ты не должен был даже заглядывать в нее! Оставь!

Уже не хрип — визг. Его рука жадно тянется к Черной Книге, хватает, швыряет в сторону...

— А это можешь взять!

Гитара? Но почему? Ведь мессер Инголи запретил!

— Бери!

Я нерешительно тянусь к подарку Коломбины...

...Знакомый хохот. Лицо Святого исчезает, передо мною — скалящаяся свиная рожа. Черный Херувим хватает меня за волосы, толкает вперед, к узкому мосту, ведущему в Рай.

— И никогда не пытайся мудрствовать! Никогда! Никогда!..
Почему мне так страшно? Или Рай ужаснее Преисподней?

4

Все утро ждали штурма, но королевский лагерь молчал. Лишь несколько всадников со стальными крыльями за спиной промчались мимо вала. Затем ударили пушки, но быстро смолкли, и вскоре на мертвое поле вышли те, кто еще остался жив. Перед тем, как убивать дальше, люди спешили похоронить мертвецов.

* * *

— Осада, друг мой, — наставительно заметил шевалье, поудобнее устраиваясь на барабане, — отнюдь не столь скучна, как считают некоторые. Напротив! При осаде всегда есть чем

заняться! Вылазки, мины, контрмины, засады, траншеи, эскарпы и контрэскарпы... *Vieux diable!* Вот увидите, нам будет весело!

Марс не бросал слова на ветер. С утра сотни ополченцев в белых свитках месили грязь, поднимая валы редута к самому небу. Черные реестровцы притащили еще три пушки и теперь деловито устанавливали их жерлами к врагу.

Все мои тонкие намеки пропали даром. Славный пикардиец не собирался оставлять редут. Как и брат Азиний — раненых, как и сьер еретик — свой мушкет.

А между тем вода успела смыть две гати из трех. Последняя уже исчезла под водой, пройти можно было только по поясу грязной болотной жиже...

— Вы напрасно беспокоитесь, Гуаира! Я только что был у генерала Джаджалия, беседовал с ним...

Черт возьми, на каком языке?

— ...И он сказал, что продовольствия у нас хватит на месяц. Ха! Да с такими запасами и с такими молодцами мы их всех разобьем! *Parbleu!* Вот когда мы осаждали Париж и проклятый Мазарини приказал уничтожить все припасы, вот тогда было и вправду тошно. Крысы жрали, честное слово! А здесь бояться нечего!

Я не стал спорить с простодушным богом войны. Он был прав: еды хватало. И не только еды.

Пить стали с самого утра. Вначале — по шатрам, скрываясь и стыдясь. Затем, когда горилка ударила в головы, выкатили бочки на улицу. Пили молча, не глядя друг другу в глаза, черпали, снова наливали...

Пир кончился. Началась тризна.

— Генерал Джаджалий надеется, что синьор Хмельницкий скоро вернется. Говорят, хан отпустил канцлера Выговского и дал ему двадцать тысяч татар...

Я кивнул — говорят. И это, и многое другое. С самого утра, как только топоры ударили в дерево, раскупоривая бочонки с водкой, по табору поехало, понеслось, отразилось многоголосьем эхом...

• ...Гетьмана увозят в Крым, его отпустили, требуют выкуп: три бочонка червонцев, четыре, десять. Ракоци спешит на помощь, Ракоци сговорился с королем, король обещает всех помиловать, повесить, посадить на колья, требует выдать старшину, оружие, гетьманскую хоругвь, собирается бежать в Варшаву,

в Краков, в польском войске бунт, чума, голод, все то же — в казацком таборе, вместо сухарей и муки в мешках нашли крысиный помет, литовцы подходят к Лоеву, к Киеву, к Чигирину...

И потянулись через неверную гать вереницы усачей в ярких жупанах. Буревестники-запорожцы первыми почуяли беду, но не спешили встречать ее, неминуемую, лицом к лицу. Что им гетьман? Кость в горле, чужой кнут над плечами!

Шли молча, не огрызаясь, под общий свист. Но вскоре свистеть перестали, и среди жупанов появились черные каптаны.

Пока еще немного. Реестровцы держались.

Странно, но белых рубах на гати я не увидел. Посполитые оставались в обреченном таборе.

* * *

— Однако же вы грустите, дорогой друг! — Тяжелая ладонь дю Бартаса ударила меня по плечу. — Бросьте! Ma foi! Мы еще повоюем!..

— Пане пулковнику! Пане пулковнику! До вас!

Вестовой джура — худой паренек в косо сидящем черном каптане ударил каблуком в мокрую землю.

— Говорят, из Воронкивской сотни!

Шевалье поморщился, пытаясь понять полужнакомые русинские слова.

— Ке?

— Из Воронкивской, Переяславского полку. Говорит, вы ему нужны да какой-то пан Илочеченко...

* * *

Сейчас, в лучах выглянувшего из-за туч солнца, брат Паоло показался мне древним старцем. Обтянутый темной кожей череп, клок седых волос, выбившийся из-под мохнатой шапки, жидкие длинные усы. И глаза — близорукие, потухшие. Сколько ему? Семьдесят? Больше?

— Господин полковник? Вы разрешите мне поговорить с господином Илочеченком?

— С кем? Гуaira, это он вас так называет?

От удивления шевалье даже не сообразил, что с ним заговорили по-французски.

Объясняться было некогда. Как и соображать, каким обра-

зом меня нашли. Но тут же вспомнились слова моего провожатого: «...От пана полковника Бартасенко!»

Сам виноват, глупый Илочечонк!

Мы подошли к самому краю вала. Отсюда поле было видно целиком. Живые суетились возле мертвых, православный священник и кзэндз стояли бок о бок, читая молитвы — каждый свою.

Вера веру борет... Доборолись, Адамовы дети!

* * *

— Значит, синьор Илочечонк Гуаира? — Под седыми усами сверкнули острые хищные зубы. — Или просто — Гуаира?

Я пожал плечами.

— Как вам будет угодно, пан Полегенький!

— Гуаира... Позвольте... Так вы из Гуаиры? А я еще подумал, откуда у вас индийский загар?

Он пришел днем, в открытую, словно заключая негласное перемирие. Что ж, и нам надо похоронить своих мертвецов.

— Значит, строили Город Солнца? Позвольте, так вы, наверно, знали брата Мигеля Пинто? Мы с ним вместе учились в мадридском коллегииуме.

Я вздрогнул, чувствуя знакомый холод в разом оледеневших ладонях. Нет-нет, Брахман ни о чем не подозревает! Он просто спросил!..

— Брат Мигель погиб девять месяцев назад.

— Упокой, Господи!.. Знаете, в молодости, когда я был меньшим циником, мне казалось, что брат Пинто наверняка станет святым.

Я сжал зубы, отвернулся, прикрыл глаза. Milagrossa Virgen Azul, ты все видишь!..

— Жаль... Еще одним настоящим человеком меньше! Знаете, я шел сюда, чтобы посоветовать вам поскорее скрыться.

Теперь настало время усмехаться мне.

— Взаимно, брат Паоло!

— Вы не понимаете. Думаете дожидаться здесь королевских войск? Не получится! Будет резня, страшная резня!

Я поглядел вниз, на молодых парней в свитках и рубахах. Да, будет резня. А у них даже нет оружия!

— То красно дякую за турботу, пане сотник!

Мы медленно двинулись вдоль вала, стараясь держаться по-

далее от падающей с лопат земли. Я вдруг представил, как там, посреди мертвого поля, кто-то старательно, не торопясь, наводит на нас мушкет, выбирая первую жертву. На миг стало не по себе, но затем страх исчез, сменившись пустым гулким равнодушием. Пусть себе!

— В коллегии мне самому очень нравились идеи Мора. Да и здесь, в Киеве, я часто спорил с братом Алессо. Наш Нострадамус был от Мора в ужасе.

...Оказывается, в Киеве бывшего башмачника тоже называли Нострадамусом!..

— Он был уверен... То есть он якобы видел, что в будущем идеи Мора и Колокольца будут использованы во зло.

— Чушь! — не сдержался я. — Весь смысл того, что мы делаем в Гуаире, состоит в мирном переходе к новому обществу. Только идеи Мора способны остановить войны, сделать людей по-настоящему, по-Божьему, равными, счастливыми!..

— Bravo! — Его ладонь на миг коснулась моего плеча. — Завидую вам, брат Гуаира! Признаться, лично я не очень верил в видения брата Алессо, а тем более в его астрологию и арабскую мистику. Зато верили другие... Присядем? По-моему, подходит.

Внизу, под самым валом, сиротливо стояла брошенная кем-то тачка. Я не возражал.

Дерево предательски закрипело, но все же выдержало. Брат Паоло достал из кармана широких шаровар турецкую люльку и принялся, не торопясь, ее раскуривать.

— Так вот, ему верили... Вы что-то знаете об этом?

Прежде чем ответить, я задумался. Черный Херувим прав — это не мое дело. Совсем не мое!

Отмолчаться?

— Брат Алессо увидел, что Республике грозит опасность. Он считал, что период, который он называл «ва-ль-Кадар», продлится семь лет. Критический год — 1648-й...

Удивленный взгляд, невеселая усмешка.

— Вы ошибаетесь, брат Илочечонк!

Ошибаюсь?!

— Он действительно видел опасность, но почему-то на этот раз не смог назвать точную дату. Эти семь лет определил не брат Алессо, а мессер Джеронимо Сфорца, причем без всякой астрологии и тем более видений. В эти семь лет заканчивались так

называемые урочные лета в большинстве латифундий Поднепровья...

Кажется, я перестал понимать итальянский!

— Не знали? В Республике есть такая традиция. Магнат получает землю от короля, как правило, пустую, где-нибудь на татарской границе. Тогда он зовет посполитых, обещая не брать с них подати и не посылать на работы в течение определенного срока. Обычно это двадцать — двадцать пять лет. И вот в конце 40-х годов урочные лета в основном заканчивались. Кроме того, именно на эти годы сейм наметил окончательное уничтожение Запорожской Сичи...

Посмеяться? Промежуточный Мир, потомки ангелов, Ночь Предопределения, книга «Зогар»... Ну и дурак же я! Вот позову сьера Гарсиласио, вот расскажу ему все!

Так мне и надо!

Я покосился на брата Паоло, неторопливо пускавшего трепещущие сизые кольца. Слава Богу, не знает!

— Брат Алессо увидел также нечто другое. По его мнению, эта земля, Русь, в ближайшие три-четыре столетия станет ареной нескольких страшных войн. Особенно опасна первая половина двадцатого века. Брат Алессо считал, что в этих войнах погибнут более пятидесяти миллионов человек.

— В смысле тысяч? — переспросил я, окончательно убеждаясь, что забыл итальянский.

Он отложил дымящуюся люльку в сторону, помолчал, затем неожиданно хмыкнул:

— Нет! Миллионов! Более пятидесяти миллионов! Даже если он ошибся в десять раз, в двадцать, в пятьдесят!.. Вот это да!

— Господи!

Сколько сейчас народу на Земле? Сколько в Европе? В Республике, кажется, девять с небольшим миллионов...

Миллионы погибших страшно, но его «вот это да!» — еще страшнее.

— Эта война... Эти войны будут вестись каким-то страшным оружием. Брат Алессо рассказывал о самодвижущихся повозках, покрытых броней, о стальных птицах, об огненных стрелах размером с большое дерево. Честно говоря, не очень верится...

‘ Да, не верится. Но я тоже видел это! Еще в детстве, когда в мареве Последней Битвы передо мною предстал Сатана в зеленом берете и синяя шестиконечная звезда над Иерусалимом. Алессо Порчелли занесло в Промежуточный Мир. А я? Где побывал я?

— И ваш друг предложил изменить Грядущее?

Брат Паоло молчал, не спешил с ответом. Где-то вдалеке глухо прогремел пушечный выстрел.

— Кажется, перемирие кончилось... Нет, Порчелли был против. У него уже был какой-то опыт.

...В Германии, Японии, Абиссинии...

— Он даже вывел нечто вроде закона — закона Алессо Порчелли. Целенаправленные попытки изменить будущее приводят к обратному результату.

...Протестанты торжествуют, японцы топчут иконы, кости абиссинских христиан растаскивают стервятники...

— Но отец Джеронимо Сфорца решил все же попробовать. Сами войны нас, признаться, не очень волновали. Люди всегда будут воевать, а колями или бронированными повозками — не так уж важно. Но весь этот ужас в двадцатом веке станет возможным только в результате гибели Речи Посполитой, оплота Святейшего Престола на востоке...

— Решили спасти? — горько усмехнулся я.

— Решили. Если бы Республика пережила свою Ночь валь-Кадар благополучно, шансы бы выросли. В общем, это был интересный научный эксперимент. Чуть ли не спор с Творцом! Отец Сфорца вначале надеялся на мудрость короля и железную руку гетьмана Конецпольского...

...И на слово митрополита Могилы. Бетельгейзе, Ригель, Капелла. «Бетельгейзе — принц Краков, Ригель — принц Молдова, Капелла — регус Ваза. Основа равновесия».

— Но Конецпольский умер, а король поссорился с сеймом. Тогда мы предложили, не дожидаясь весьма вероятного бунта черкасов, ввести войска на Сичь и ликвидировать нескольких наиболее популярных казацких *capitano*. В том числе Хмельницкого...

...И казацкий capitano, спасаясь от верной гибели, вывел в весеннюю степь взбунтовавшихся запорожцев!..

— А меня вызвали из Индии, чтобы, так сказать, подстраховаться. Вначале я думал, что речь и в самом деле идет об успокоении. А когда понял... Я привык работать скальпелем, мессер Сфорца предпочитал топор. Признаться, стало противно...

Он вновь замолчал, я не стал расспрашивать дальше. Зачем? Что наступило следом, я мог увидеть, не сходя с места. Дорога, заботливо вымощенная благими намерениями, привела именно туда, куда следовало. Закон Алессо Порчелли. Обратный результат...

* * *

— Панове! Пан пулковник Бартасенко вас на кулеш кличут! Знакомый хлопец в нескладно сидящем черном каптане ударил каблуками в грязь. Мы переглянулись.

— Пойду! — Брат Паоло устало повел плечами. — Сейчас моих хлопцев нельзя оставлять надолго одних.

— Погодите! — заторопился я. — Вы мне все это рассказали... Зачем?

— Пан пулковник...

Я оглянулся. Бравый посыльный замолчал, попятился, сгинул.

— Затем, чтобы вы поняли, что такое Общество, которому вы служите и которому служил я.

Вот оно что! Кажется, предатель не прочь и меня потянуть за собой!

— Не возводите хулу на Общество Иисуса Сладчайшего, — отчеканил я. — Брат Сфорца допустил страшную ошибку, о которой следует немедленно доложить в Рим...

Смех — злой, торжествующий. Смех Черного Херувима.

— Вы с ума сошли, брат Илочечонк! В Риме все знали! Конгрегация одобрила все планы киевской миссии! А вас послали на верную смерть. Знаете, почему я не попытался вас убить? Да просто потому, что не хочу исполнять ИХ планы!

Хотелось крикнуть, возмутиться, схватить изменника за горло. Но я молчал. ИХ планы... Илочечонка вырвали из родной сельвы, из Прохладного Леса, и отправили, ничего не сказав, ни о чем не предупредив, под нож брата Паоло...

— Между прочим, работа в Риме сейчас идет вовсю! Перед смертью брат Алессо сообщил, что нашел какой-то способ воздействия на этот Промежуточный Мир. Проникать в само Грядущее! Не знаю, как, он писал по-арабски, боялся, что отец Сфорца узнает. Если это правда, представляете, о чем идет речь? Бедняга! Он не знал, что все его записи копируются и пересылаются в Конгрегацию!..

...Не знал. Потому и думал унести Черную Книгу с собой — в могилу. Наивный брат Алессо хотел остановить эту работу. Не Божью работу.

— Теперь его исследованиями занимаются в Риме. Впрочем, не только ими. Тут я не смогу вас убедить, это увидят наши правнуки. Но, к сожалению, мои штудии им тоже известны. Вы слышали о Шабтае Цеви?

Я вздрогнул. Шабтай Цеви — имя, не дававшее мне покоя. Еврейский мессия, заботливо опекаемый братом Канари!

— В Конгрегации решили разобраться с иудеями. Не ново, конечно! Но на этот раз придумали кое-что эффективнее костров и погромов. Что может быть лучше — пустить слух о мессии, сорвать с места десятки тысяч людей, заставить их бросить имущество, дома, погнать куда-то в Турцию...

В Турцию... А там их ждет брат Манолис Канари.

— Евреи не звонят в колокола, брат Паоло!

Острые волчьи зубы вновь оскалились. Ему было весело.

— Колокола — ерунда, средневековье! Я разработал метод воздействия одновременно на слух и на зрение. Скажем, чтение послания того же мессера Шабтая в синагоге! А на самого мессию можно воздействовать по-другому. В общем, наших паломников в Иерусалим ждет большая неожиданность. Представьте, весь кагал собирается в Палестине, а мессия... Ну, скажем, переходит в ислам! Смешно, правда? И знаете, в этом — и только в этом — я согласен с Конгрегацией. С иудеями давно пора кончать!

Я отвернулся. И этот человек смеет хулить Общество!

— А русинов, значит, пожалели?

Смех. Я так и не понял, чей — брата Полегини или того, Черного.

— Да бросьте! Такие, как мы, никогда никого не жалеют. Просто в Киеве перестали со мной считаться. Что ж, я поставил их на место!

Он улыбался. Нет, скалился! Джанардана был доволен собой.

— Убирайтесь отсюда! Быстро!

— Но...

Наши взгляды встретились, и Паоло Брахман умолк.

Сатана уходил. Седой костлявый Дьявол со страшной усмешкой на покрытом вечным загаром лице. Я прогнал его, но поздно, слишком поздно! С Противостоящим нельзя вступать в спор, ибо слова его — яд. Яд, от которого нет спасения.

Особенно если этот яд — правда.

Хотелось завывать, упасть на грязную землю, ударить кулаками в равнодушную твердь. Но сил не было. Ядовитый шип из сарбакана вошел слишком глубоко — не вытащить, не прижечь рану.

Во что ты верил, глупый ягуар?

«...А говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему».

«Но ты низвержен в Ад!..»

5

Ночью в разрывах туч показалась луна. Мертвый лик скалился, освещая покрытое трупами поле. Подобрали не всех, и тлетворный дух, сладковатый запах Смерти, уже воскурился кошунственным фимиамом к равнодушному Небу. Черные птицы пировали до вечера, радостно перекликаясь и терзая клювами беззащитные тела.

Но теперь птиц спугнули. В лунных лучах тускло блеснула сталь. Ровный строй пехотинцев вырос напротив вала, а за ним уже двигалась земля. Второй вал, такой же высокий, необозримый, поднимался навстречу первому.

Осада!

‘Шевалье ошибся, а может быть, это я оказался слишком далек от бесшабашной Марсовой потехи. Дни — тяжелые, неимоверно тоскливые, сливались в один, медленно приближаясь к неизбежному финалу. День — ночь, день — ночь...

* * *

— Монсеньор! Прикажите им! Прикажите!..

— Я не могу здесь приказывать, брат Азиний!

— Но... Что же делать? Очень много раненых, их нужно увозить, срочно увозить! Я говорю, но меня никто не хочет слушать!

— Хорошо. Я попытаюсь...

День — ночь...

* * *

— ...Его Королевская Милость обещает пощаду всем, кроме вождей злонамеренной ребеллии. А посему повелеваем: сотников и полковников в железа ковать, гарматы же и прочее оружие выдать, тако же гетьманскую булаву и иные клейноды...

— Долой! Геть! Долой! Не сдадимся, матери твоей черт, трясця в печенки, в глотку кол! Пусть Его Милость нас сперва в сраку поцелует!

День — ночь...

* * *

— Шевалье! Что у вас с ухом?

— А, пустяки, Гуаира! Просто царапина! Слыхали, как мы сражались? Ma foi! Эти немцы бежали словно зайцы. Мы отбили холм, тот, где татары стояли, помните?

— Но там сейчас королевский штандарт!

— Да? Ну, под конец немного не повезло. Vieux diable! Зато какая была драка!

День — ночь...

* * *

— Хлопцы! Крыса бежал!

— Какая, к бесу, крыса?

— Михайло Крыса, полковник чигиринский, гетьманского полку! В табор королевский ушел с посольством и сбега, проклятый!

— Крыса и есть!

День — ночь...

* * *

— По приказу его мосци полковника Джаджалия!.. По трусам, присягу забывшим и бежать пытавшимся, — пли!

— Да, панове, этот не шутит!

День — ночь...

* * *

— Возьмите письмо, сьер Гарсиласио. Если выберетесь отсюда, покажете его в Риме. Я написал все, что мог.

— Благодарю, сьер де Гуаира. Зная ваше красноречие, могу себе представить! Наверно, меня сделают кардиналом!

— Едва ли. Зато сохранят жизнь — вам и вашим близким. Может быть...

День — ночь...

* * *

— ...И о том, что ни день, в таборе болтают. А посему я, полковник Джаджалий, гетьман наказной, слово даю и клянусь: мы, черкасы реестровые, друзей своих посполитых не бросим и без них из осады не уйдем! И в том целую Евангелие и крест святой!..

— Хлопцы, поцеловал!.. поцеловал... поцеловал...

День — ночь...

* * *

— Наливай, панове! Все одно — конец пришел! Выпьем там и выпьем тут, на том свете не дадут!..

— Ну а ежели дадут, выпьем сразу там и тут! Первую чарочку — да за шинкарочку!

— Где ж та шинкарочка?

День — ночь...

* * *

— Гуаира! Гуаира! Беда! Река!.. Река разлилась! Татары, то есть — тьфу! — король приказал построить гра... гре... грэблэ!

— Греблю, шевалье. Я же вам говорил!

— Но... Parbleu! Сделайте что-нибудь! Вы же строили эти...

— Плотины? Строил. Воду можно отвести, зади есть подходящая низина. Я покажу, что нужно сделать.

— Ура!!!

— Погодите! Передайте генералу Джаджалию, что у меня есть условие. Как только откроется гать, первым делом переправите раненых. Вы меня поняли? Раненых — первыми!

День — ночь...

* * *

А чтоб того Хмеля пуля не минула,
Что велел орде он брать девки и молодилы!
Хлопцы зачинают, девки подпевают:
А чтоб того Хмеля пуля не минула!

— Тише, дурак! Услышат!

— И что? Думаешь, боюсь? Эй, панове, все слушайте: гетьман Хмель зрадник, зрадник, зрадник, зра!..

— Докричался, собака!

День — ночь...

* * *

— Хвала Богу, монсеньор, раненых, самых тяжелых, уже начали переправлять! Но... У меня просьба. Большая просьба! Здесь нет ни одного католического священника, а мне... Мне надо исповедаться! Ибо согрешил я тремя чувствами: зрением, слухом, особенно же — осязанием...

— ...И отпускаю тебе грехи, сын мой, вольные и невольные, дабы безгрешным предстал ты на Божий суд. Амен!

— Помилуй, Господи, помилуй, Господи... Монсеньор, я конечно, недостойн... Но я тоже священник, я могу принять исповедь у вас! Мало ли что может случиться!

— Нет, брат Азиний. Нет...

— Но, монсеньор! Вечное спасение, ад, муки! Ваша душа, монсеньор!

— Нет...

И снова день — последний. Июльское солнце — беспощадное, жаркое...

* * *

— Дорогой друг! Признаться, я в некотором недоумении. На том совете, куда меня изволили пригласить, говорились странные вещи. Хотя и слабо я понимаю русинский, однако же

очевидно, что генерал Джаджалий впал в немилость. Кроме того, меня расспрашивали о моем гарнизоне, но не обо всем, а только о наших черных мушкетерах. *Vieux diable!* Мне это не нравится!

— Мне тоже, шевалье.

— *Ma foi!* Не будем горевать! Позиция наша блестящая, мы уже отбили шесть приступов... Ну да ладно! Гуаира, как вы думаете, синьорина Ружинская вспоминает нас? Ну... И обо мне?

— *Parbleu!*

— Так говорите, Гомель не очень далеко? Кстати, у меня появилась блестящая мысль! Знаете, у меня есть родич — старый, слепой и совершенно выживший из ума. Давайте его на ней женим!

— На синьорине Ядвиге?!!

— *Mon Dieu!* Вечно я попадаю впросак! Нет, конечно, не на ней! На вашей римской знакомой, синьорине Франческе. Она ведь актриса! А так — баронесса, имя, герб! Родича я беру на себя... Будете смеяться, Гуаира?

— Представьте себе, нет.

* * *

Ночь — тоже последняя. Странно, я словно чувствовал это. И не один я. Табор затих, даже веселые компании вокруг полупустых бочек куда-то исчезли. Зато появились собаки. Темные, почти незримые в угольной черноте, они неслышными тенями носились у самых валов, где гнили забытые трупы. Но вот взошла луна — и тишину разорвал громкий отчаянный вой. Они тоже что-то чувствовали, что-то понимали...

Вой — долгий, хриплый, несмолкаемый.

Реквием по Вавилону...

«...Горе городу кровей! Поднимается на тебя разрушитель: охраняй твердыни, стереги дорогу, укрепи чресла, собирайся с силами... Князя твою, как саранча, и военачальники твои — как рои мошек, и когда взойдет солнце, то разлетятся они, и не узнаешь места, где они были...»

6

Разбудила меня тишина.

Гулкая, скользкая, какая-то ненастоящая, она плотной завесой опустилась с темного, подернутого тучами неба. Но зана-

вес был тонок, сквозь него уже слышались неясные звуки: голоса, скрип телег, лошадиное ржание. Тут, на окруженном осклизлыми от дождя валами редуте, было спокойно. Парни в свитках и белых рубахах спали у погасших костров.

Белые — черные исчезли.

Я поднялся на вал, но тьма мешала разглядеть уснувший табор.

Уснувший?

Завеса становилась все тоньше, громче звучали голоса, к лошадиному ржанию прибавился звон металла.

Что-то в этом было знакомое, очень знакомое. Тревожное ожидание, неверная тишина, голоса вдали...

Сцена!

Сцена, пока еще скрытая занавесом. На площади тихо, публика замерла в ожидании, но актеры уже на сцене, капокомико шепотом отдает последние указания...

Нет, не капокомико! То, что начиналось, — не комедия, не фарс. Мистерия! Страшная мистерия, которая называется...

...Шум, уже рядом, совсем близко. Негромкий голос часового. Кто-то приоткрывает занавес, готовясь произнести первую реплику...

...«Гибель Вавилона»! Все по правилам: сцена огромна, актеры не ждут выхода, они собрались по «беседкам», готовясь играть вместе, все сразу. Пэджэнты — скрытые тюлем повозки — вот-вот двинутся.

Но сначала — гонец. Вестник, герольд, Меркурий. Он спешит, зная, что публика заждалась.

— Гуaira! Mon Dieu! Где же вы?

Голос гонца звучит странно, как и положено в мистерии. Он кричит — шепотом. Такое нигде не услышишь, но в театре не бывает невозможного.

— Что случилось?

Несмотря на темноту, лицо дю Бартаса кажется блее мела. Не лицо — трагическая маска под мохнатой казацкой шапкой.

— Надо уходить, друг мой! Parbleu! То есть нет, уходить нельзя! В общем... Что мне делать?

Ответа он не ждет. Вестники не спрашивают, их дело — поведать ничего не подозревающим зрителям о том страшном, что вот-вот случится.

— Был совет... Рада — так ее, кажется, здесь называют. Ге-

нерала Джаджалия сняли с командования, вместо него назначен фельдмаршал-лейтенант Богун...

Странно, откуда шевалье берет эти звания? Впрочем, полковник Богун всегда считался правой рукой гетьмана.

Итак, Рада — ночью, тихо, без криков и ругани.

— Он приказал собрать все войска у переправ — все шестнадцать полков. Переправы, то есть эти... гати сейчас срочно укрепляют. *Vieux diable!* Гуаира, вы понимаете?

Я понимаю. Секрет мистерии прост. Усачи-запорожцы уже за Пляшивкой, не помогли ни заслоны, ни расстрелы...

— Бегут?

— Ну... Эвакуируются.

В его голосе проскользнул упрек. Бог Марс не мог вслух сказать о бегстве.

— Решено взять половину пушек, самых новых, всех лошадей и...

Мы одновременно обернулись в сторону погасших костров. Люди в белых свитках спали, не зная о том, что мистерия уже начинается.

— Их приказано не брать! Представляете, Гуаира? Никого не брать, у переправ выставить заслоны... Мои мушкетеры уже там, я ничего не мог сделать, мне приказали! Я пришел, чтобы забрать вас!..

Шепот исчез, крик вырвался наружу. Пикардиец бухнулся на землю, обхватил голову руками.

— Гуаира! Я ведь воевал! Я знаю, что такое приказ, но солдат нельзя бросать! Пусть эти люди — простые вилланы, но они смелы и отважны, они пришли сюда добровольно! *Mort Dieu!* Я пытался спорить, но вы ведь знаете мой русинский!..

* * *

Бедняга! Да будь он самим Златоустом!

Наивные парни в белом пришли воевать за свободу. Им разрешили — и воевать, и умереть. Генерал Джаджалий присягал на Евангелии и кресте, но сейчас командует не он, а Иоанн Богун никому ни в чем не клялся.

— Приказано пустить слух, что поляки прорвались за реку, а потому наш маневр — всего лишь вылазка. Решили не брать даже этого... кардинала, чтобы все подумали, будто войско остается...

И действительно! Зачем бегущей армии митрополит Коринфский? Еще один мученик в коллекции брата Азиния!

Брат Азиний!

Сьер еретик!

— Нас не подпускают к переправе? Вместе с посполитыми? — спросил я, заранее зная ответ.

Шевалье в отчаянии помотал головой.

— Нет, будут стрелять! Mon Dieu! Мой пращур погиб при Азенкуре, потому что не захотел бежать, бросив своих вассалов! Гуаира, вы же умный, придумайте что-нибудь!

Ответить было нечего. Еще несколько дней назад, когда я помогал отводить прочь от лагеря взбесившиеся воды Пляшивки, мне очень не понравились вопросы, которыми засыпали меня сьеры реестровцы. Их очень интересовало, пройдут ли по новым гатям лошади и пушки. О людях — не спрашивали.

— Верните своих мушкетеров сюда.

— Что? — Дю Бартас удивленно поднял голову. — Сюда?!

— Сюда, — кивнул я. — Скажите, что любой, кто попытается оставить позицию, будет расстрелян. Это первое. Второе — разбудите посполитых... вилланов и прикажите им собрать все возможное оружие. Третье — тащите на редут попа и мальчишку. Все! До моего возвращения ничего не делать, ясно?

Шевалье принялся в задумчивости лохматить свою бородку, но я не стал ждать ответа.

Мистерия началась.

«Гибель Вавилона», акт первый.

* * *

У западной гати меня остановила стража. Черные реестровцы долго присматривались, наконец старшой, рыжий и рябой усач, неохотно кивнул, вероятно, рассудив, что посполитые в голландских плащах не ходят. Но я не спешил к переправе, навивно поинтересовавшись, что, собственно, происходит.

Реестровцы переглянулись. Рябой усач, ухмыльнувшись, сообщил, что Станислав Лянцкоронский, трясца ему в селезенку, со своими ляхами пытается обойти табор. Но Богун, новый гетьман наказной, сей маневр угадав, ведет войска наперерез. Волноваться нечего, так что пан зацный может передать, чтобы посполитые и прочая чернь спали спокойно.

Слово «чернь» старшой выговорил особенно вкусно.
Итак, «чернь» может спать спокойно.
Вечно!

* * *

Еще западнее, ближе к заваленному непогребенными телами полю, болото подступало к самому табору. Пляшивка исчезла, чтобы вынырнуть из тихой хляби далеко отсюда, за гатями. Когда я намечал места новых переправ, то сразу заметил это место. Удобный пологий берег, холм, закрывающий королевский лагерь, южнее — пушки нашего редута. Но именно здесь болото оказалось особенно глубоким. Не болото — топь.

Я подошел к краю темной воды, скрытой высоким камышом, и неуверенно ткнул носком сапога в черную грязь. Мне сказали, что в этих местах есть какая-то тропинка, обозначенная прутиками-вехами. Но кто разглядит ее в этой суматохе! А ведь переправлять надо не одного, не десяток, не сотню.

В Гуаире я нагляделся на болота. Нагляделся, набродился, нахлебался. Не через каждую топь можно проложить гать. Правда, кадуеи и гуарани уверяли, что могут ходить напрямик через хляби, не думая о тропах, — если, конечно, великий дух Тупи поможет.

Я был гидравликусом и не верил в великого духа Тупи. Даже он не спасет, когда булькающая трясина схватит за лодыжки, заурчит, потянет вниз. Но сейчас, когда мистерия уже началась, я был готов поверить и в него, помолиться, помазать жиром губы клыкастого идола...

Болото молчало. Потревоженная мною лягушка неторопливо шлепала в гущу камыша.

* * *

Темная завеса исчезла, сменившись бледным неярким расцветом. Страшный день вступал в свои права, но начинался он обычно, буднично и даже скучно. Ветер разносил по табору надоевший запах горелой каши, возле митрополичьего шатра привычно топталась толпа, пришедшая на утреннюю службу. Разве что черного цвета стало меньше да почти стихло лошадиное ржание.

Но кое-что все же изменилось. С нашего вала исчезли часовые, а на польской, противоположной, стороне собралась густая толпа.

Зрители. Пока еще зрители. Надолго ли?

...В этом тоже было что-то знакомое. В первом акте мистерии на сцене собираются все — кроме тех, кому доведется завершить трагедию. «Diablerie» — Дьяволово воинство. Они недалеко, совсем рядом, наиболее любопытные уже заглядывают, припнухиваются, корчат рожи.

Diablerie — войско Его Королевской Милости Яна-Казимира. Ты совсем стал еретиком, бедный Илочечонк!..

* * *

За высокими валами редута уже никто не спал. Но кашу не варили. Белые сорочки собрались в центре, разбившись на несколько отрядов. Черные реестровцы суетились между ними, пытаясь привести лапотную армию в порядок. Откуда-то появились мушкеты, пики, небольшие переносные мортиры, называемые здесь странным словом «гакивница».

Бог Марс вновь восседал на своем барабане. Борода — пистолетом, верная шпага — в руке.

— Бистро! Бистро! Ряды строить, не бродить а ли кошон, parbleu!

Я залюбовался. Не беспорядочной толпой, не ведающей, где лево, где право, а самым шевалье. Эх, нет тут панны Ружинской!

Увидев меня, славный дю Бартас с достоинством встал, повел плечами.

— Дорогой друг! Ваши указания выполнены! Все! То есть почти все...

На «почти» я вначале не обратил внимания. Хорошо и то, что реестровцы не побоялись вернуться. И что белые свитки не разбежались — тоже хорошо.

— Сюда все не вместились, я приказал остальным вилланам собираться у южного эскарпа. Ma foi! Там их тысячи четыре, не меньше!

...Из почти сотни тысяч, что пришли сюда по зову capitano Хмельницкого. Но все равно...

— Браво!

Пикардиец удовлетворенно огладил бородку.

— Vieux diable! Мне бы неделю, и я сделал бы их людьми! Однако же, дорогой де Гуайра, наш попик категорически отказался последовать за мной!

— Какого черта! — возмутился я. — Из-за его ослиного упямства...

— Раненые, мой друг! Он не может их оставить.

Черт, дьявол, Лютер, Кальвин! Как я мог забыть? Вывезли не всех, вчера вечером еще оставалось не меньше двух сотен только тяжелых!

Неужели фельдмаршал-лейтенант даже раненых бросит?

— Ноши! — гаркнул я. — Надо срочно достать ноши! Или сделать — из чего угодно!

Кажется, я перенапряг голос. Шевалье испуганно моргнул.

— Да-да, конечно, в таборе есть полотно, можно связать вместе пики... Я еще не успел рассказать о синьоре де ла Риверо. Наш грамотей тоже не желает...

Я лишь махнул рукой. Не желает? Так пусть катится к своему Лютеру!

* * *

Первый акт продолжался — неторопливо, нарочито скучно. Так и должно быть в мистерии. Зрителям надо привыкнуть, освоиться, окунуться в атмосферу надвигающейся беды. И когда им начнет казаться, что самое страшное так и не случится...

Крик — долгий, отчаянный — разорвал привычный монотонный шум. Крик, тишина, неуверенное молчание.

— Предали! Зрада! Предали!

Тишина раскололась, разлетелась звонким жутким эхом:

— Предали! Ушли! Бегите, братцы! Бегите!!!

И начался акт второй.

* * *

— Шевалье! На вал, быстро!

Бледные лица часовых. Мушкетеры дергаются в руках.

— Пан пулковник! Пан пулковник!..

Дю Бартас зарычал — и парни умолкли. Табор! Что в таборе?

В таборе — белым-бело.

Я даже не подозревал, что здесь столько народу. Огромная толпа в знакомых белых рубахах появилась словно из-под земли, набилась в узкие проходы между шатрами, затопила холм, где золотом горели высокие кресты.

— Измена! Ушли! Все ушли! На гати! На гати!

Людское море замерло на миг — и тут же волны ударили во

все стороны. Ближайший шатер дрогнул, начал заваливаться набок.

— На гаты! Утекай, братцы!

Кто-то упал, исчез под обутыми в лапти и постолы ногами. Кого-то отбросило в сторону, к подножию вала. Где-то вдалеке человеческим голосом закричала обезумевшая лошадь. А море плескалось, выходило из берегов, орало тысячеголосым хором:

— Утекай! У-те-кай!

Я заметил, как дернулась в крестном знамении рука дю Бар-таса. Нечасто увидишь, но сейчас — самое время.

— Шевалье! Передайте своим, чтобы не двигались с места!

— Мои не двинутся. — Пикардиец с силой провел ладонью по лицу. — *Merde!* Что они делают? На одну переправу больше сотни за один раз не поместится. Вы представляете, что сейчас начнется? Ведь это же конец!

Он ошибался — это был всего лишь акт второй. Быстрый, короткий. Все площадки и «беседки» заполнены, заскрипели канаты, двигая пэджэнты...

...И прибавилось зрителей. Польский вал был заполнен народом, наиболее смелые уже подобрались к самому табору, кто-то начал карабкаться на насыпь.

Ударил мушкетный выстрел. Часовые редута были на посту. Но это только здесь, табор беззащитен! Зрители скоро поймут, они уже понимают, еще миг, и толпа любопытных превратится в стаю *diablerie*...

— Шевалье! Дайте мне сотню ваших мушкетеров! Надо добраться до раненых, уложить их на ноши...

— Вас затопчут, друг мой!

Я оглянулся, окинул взглядом обезумевшее белое море. Шатры исчезли, погасло сияние крестов. Остались люди — преданные люди, ничего не понимающие, не способные видеть, слышать, соображать.

Чернь... Какое отвратительное слово!

Снова выстрел! Еще, еще! Неужели?..

Я вновь оглянулся и понял, что второй акт позади. Они уже здесь — ландскнехты в темных латах, гусары со стальными крыльями за спиной, усаые здоровяки в ярких жупанах. Заполнили вал, деловито заряжают мушкеты, кто-то уже разворачивает брошенную часовыми гармату...

Diaiserie выходят на сцену.

Акт третий.

Реестровцы — впереди, тремя рядами, парни в белом — посередине, на мою голову кто-то водружает тяжелую каску.

— Заряжай! Ряды ровней! Пан Гуаира, то прошу ближе к хоругви!

Кажется, я тоже стал полковником!

А спереди грохочут выстрелы. Вначале редкие и неуверенные, они теперь звучат все чаще, вот ударил залп, глухо рывкнула мортира.

Diablerie все еще на валу. Они не спешат в табор, боятся засады, какой-то невероятной, невозможной хитрости. Им незачем торопиться, незачем рисковать. Каждая пуля, каждое ядро попадает в цель.

— С Богом, друг мой! Если вас не будет через полчаса...

Дю Бартас хмурится, пистолет-бородка смотрит мне в грудь.

— Если меня не будет, шевадье, то вы будете пробиваться к переправе!

Сказал — и пожалел. Глаза бога Марса вспыхивают огнем.

— Parbleu! Гуаира! Извольте не пререкаться со старшим по званию!

О, Господи! И вправду!

— Oui, mon colonel!

Меня толкают вперед, к красно-синей хоругви, возле которой ошетинились мушкетами несколько мрачных усачей. Сзади ревет дю Бартас — на дикой смеси всех возможных наречий:

— Атансьо-о-он! Хлепцы! Тавай! Тавай! Марш-о-о-он! Пьесня!

Какой еще к черту-дьяволу «пьесня»? Но усачей ничем не удивишь. Резкий свист, и десятки голосов дружно рывкают:

Нам поможет Святый Бог и Пречиста Мати
Ляха порубати!

Эх, пан чи пропал! Дважды не вмирати!

Вперед!

Мы успели вовремя. Как только наш таран, разгоняя перепуганную толпу, прорвался к лазарету, откуда-то сзади донесся дикий леденящий душу вопль, перекрывающий все, даже адский шум агонизирующего табора:

— Ля-я-я-я-хи-и-и!

Я понял. Diablerie уже здесь.

Акт третий. Кульминация.

Вскоре стало ясно, что мое присутствие совершенно излишне. Командовать не пришлось. Реестровцы привычно построились в три шеренги, готовясь к отпору. Ополченцы бросились к раненым, снимая с плеч самодельные ноши. Повезло — и нам, и этим несчастным. Отступая, Богун все же не забыл о лазарете. Забрали почти всех, но к нескольким десяткам оставленных за последние полчаса добавились те, кто попал под обстрел. А пушки продолжали греметь, и каждую минуту смельчаки, каким-то чудом не потерявшие голову в этом аду, укладывали на окровавленную траву все новых и новых.

Брата Азиния нигде не было. Я уже было обрадовался, решив, что попик впервые за наше знакомство проявил столь не свойственное ему благоразумие. Как вдруг...

— Монсеньор! Ради Господа, монсеньор!

Хорошо, что шумно! Хорошо, что реестровцы не понимают по-итальянски!

На этот раз на брате Азинии была фиолетовая сутана вкупе с большим наперсным крестом. Я только головой покачал. Самое время!

— Монсеньор! Сюда! Сюда!

Вначале мне не понравился его голос. Затем — лицо. Затем...

— Сюда! Вот! Вот! Что мне делать, монсеньор?

...Сьер Гарсиласио де ла Риверо, доктор римского права и нераскаявшийся еретик, лежал на залитых кровью ношах. Знакомые тонкие губы посинели, рука, все еще теплая, упала на траву.

— Я не успел! Не успел исповедать! Что же делать, монсеньор? Без исповеди, без причастия!..

Я наклонился, прикоснулся к артерии на шее, затем — уже для верности — к запястью.

«...А посему отпустить упомянутого сьера Гарсиласио де ла Риверо на волю и предать властям светским, дабы те наказали его по заслугам, однако же по возможности милосердно и без пролития крови...»

Без крови не вышло. Пуля попала в грудь, чуть ниже сердца.

— Надо уходить, брат Азиний.

Мальчишка не бежал вместе с остальными. Не бросил мушкет, не испугался, не спраздновал труса...

— Нет! — Попик шморгнул носом, и я с изумлением заме-

тил на его лице слезы. — Так нельзя! Я... Я прочитаю отходную. Нет! Я помолюсь за его жизнь! Может, Господь меня послушает?

Я оглянулся. Сквозь белые рубахи уже сверкала сталь. Di-ablegie близко.

— Нет. Надо уходить!

Брат Азиний помотал головой, упал на колени, ткнулся прыщавым носом в молитвенник.

Я отвернулся. Нечего жалеть этого еретика! Ему еще повезло: пуля в грудь — не костер из мокрой соломы. Но все же, все же...

...Упокой, Господи, душу раба твоего Гарсиласио, и прости ему грехи, вольные и невольные...

* * *

На этот раз мы опоздали.

Ненадолго, всего на несколько минут. Редут был уже близко, когда во всю глотку рывкнули мушкеты, что-то звонко ударило по шлему, отдалось болью, желтой волной разлилось по глазам.

— Ляхи! Ляхи! Пан Гуаира ранен! Пали! Пали!

Подхватили под руки, сорвали шлем, что-то мокрое прикоснулось к губам...

— Пали! Пали! На прорыв! Робы грязь, хлопцы!

Все смешалось. Земля, небо, окровавленные белые рубахи, красные лица под немецкими касками, сабельный блеск, черный пороховой дым.

— Робы гря-а-азь!

Живые исчезли. Пропали, сгнули, провалились сквозь землю. Остались только мертвые. Странно, я только сейчас увидел их...

...Хлопец в серой свитке. Молодой, совсем мальчишка. Кровь на лице, через всю грудь — глубокая рваная рана.

...Старик в нелепой соломенной шляпе. В спине — длинная стрела, рука все еще сжимает кобыз. Струны порваны, уцелела лишь нижняя — «до».

...Сразу трое, один на другом. У того, кто сверху, вместо головы — кровавый обрубок.

...А вот и голова. Она высоко, ее водрузили на шест. Темная кровь заливает бороду, мертвый рот недобро скалится, но я все

же узнаю того, кто каждое утро благословлял мятежный Вавилон.

Мир твоей душе, Иосааф, митрополит Коринфский!

...Женщина. Копье проткнуло ее насквозь, застряло, его даже не стали вынимать.

...Мертвые, мертвые...

* * *

— Синьор дю Бартас! Синьор дю Бартас! Скорее, монсеньор... Синьор Гуаира!..

Азиний? Шевалье? Значит, мы уже на редуте? Тогда почему я вижу только мертвых? Почему они всюду, не отпускают, толпятся, тянут костлявые руки?

— Mort Dieu! Ноши! Бистро! Бистро! Гуаира! Вы меня слышите? Слышите?

Слова исчезают, сменяясь глухим погребальным звоном. Брат Паоло Полегини бьет в колокол, черным дьяволом висит на канате, раскачивая тяжелый медный язык. Брахман умен, он не захотел умирать, предатели любят жизнь...

...Бом... бом... бом...

Мертвые, мертвые, мертвые...

«...Я сказал Господу: Ты Бог мой; услышь, Господи, голос молений моих! Господи, Господи, сила спасения моего! Ты покрыл голову мою в день брани. Не дай, Господи, желаемого нечестивому; не дай успеха злему замыслу его: они возгордятся. Да покроет головы окружающих меня зло собственных уст их. Знаю, что Господь сотворит суд угнетенным и справедливость бедным. Так! Праведные будут славить имя Твое...»

Праведные будут славить имя Твое...

Misteria finita.

7

Я очнулся только на переправе. Очнулся, скривился от боли, привстал, пытаясь опереться на непослушную руку.

В глаза ударило солнце. Я зажмурился, отвернулся, снова приоткрыл веки.

Зеленая стена камыша. Очень знакомая. Камыш, наглая лягушка, невозмутимо шлепающая по черной грязи...

Вот мы где! Черт, но здесь же топь!

— Гуаира! Ma foi! Слава Богу!

Я попытался улыбнуться. Марс был по-прежнему хорош — в помятой каске, с оцарапанной щекой, с опаленной бородкой.

— Почему мы здесь, шевалье?

Пикардиец вздохнул, мотнул головой.

Я все-таки встал. Пошатнулся, выпрямился, прижал ладонь к звенящему болю виску.

— Надо... Надо прорываться к гатям! Здесь не пройти!

Дю Баргас снова вздохнул, отвернулся.

Берег был заполнен людьми. Тонкая шеренга реестровцев с мушкетами, а за нею — огромная тихая толпа в белых рубахах, ноши с ранеными, какие-то повозки, несколько перепуганных лошадей. Сколько здесь народу? Тысяча? Пять? Больше? Табор остался в стороне, переправы совсем рядом! Чего мы ждем?

— Шевалье! Мы должны прорываться...

— Поздно, друг мой!

От его негромкого голоса мне стало страшно — впервые за весь бесконечный страшный день.

— Там резня, Гуаира. Вилланы пытаются уйти через болото, но в лагерь ворвалась кавалерия, они развернули пушки... Я приказал занять оборону.

Я стиснул зубы, с трудом заставив себя обернуться. Оборона? Три сотни реестровцев — и огромная безоружная толпа. Впереди — озверевшие *diablerie*, за спиной — болото.

— Мы пытались искать путь, говорят, тут есть тропинка. *Vieux diable!* Такая трясина!

Зеленый камыш застыл непроходимой стеной. Великий дух Тупи, где ты?

— Ну, мне пора...

Пора? И тут прозрачная пелена боли наконец-то отпустила. В глаза ударил блеск — невыносимо яркий блеск начищенной стали. Они уже здесь, латники с крыльями за спиной, совсем рядом. Спешенные, сбитые в толпу, они не спешат, приближаются медленно, шаг за шагом. Торопиться некуда, дичь в ловушке, охота близится к концу...

— Монсеньор! Монсеньор!

Знакомый визгливый голос. Знакомый прыщавый нос. Только его здесь не хватало!

— Я взял вашу лютню, монсеньор! Она могла пропасть!
Ну и вид! Лысый поп в сутане с гитарой за спиной. Еще бы флейту в зубы!

— Монсеньор! Синьор Гуаира! Не поясните ли мне, отчего мы пребываем в положении, столь незавидном?

От его голоса боль снова проснулась, радостно ударила по вискам. А еще бывший регент! Как только псалмы пел?

— Болото видите? Это топь! Понимаете?

— Но... С Божьей помощью... Господь поддержит нас!

Захотелось послать дурака к черту, к Кальвину, к злему духу Анамембире. Но сил не было.

— Да-да, монсеньор, с Божьей помощью!

Я отвернулся.

* * *

— Заряжай, панове! Целься! Ниже бери, ниже!

Ничего не сделать, ничего не изменить...

— Первая шеренга! Пли!..

Сколько они продержатся? Полчаса? Час? Три сотни — против стальной стены. Стрельбу уже услышали, со стороны переправ глухо доносится топот копыт.

— Пли!!!

Я вновь оглянулся. Ополченцы стояли молча, кое-кто опустился на колени, уткнулся лицом в мокрую черную землю.

...А я так и не исповедался! Я не могу! Не имею права! Только Генерал может отпустить мои грехи! Но мессер Аквавива далеко...

* * *

— Дети мои! Во имя Господа!

Крик резанул по ушам. Услышал не один я — сотни голов повернулись к зеленой стене камыша.

— За мной, дети мои! Господь не попустит!

В руке отца Азиния — знакомое медное распятие. Лицо покраснело от крика, лысина пошла темными пятнами.

Боже! Какой дурак!

— Господи! Услышь молитву мою, внемли молению моему по истине Твоей, услышь меня по правде Твоей...

Нелепая фигура в длинной сутане, с гитарой за спиной ко-солапо подобралась к узкому пролому в зеленой стене. Брызнули во все стороны перепуганные лягушки.

— ...*И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается перед Тобой ни один из живущих...*

Плеск воды. Лысый дурень шагнул в топь. Я прикрыл веки. Все!

— ...*Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме, как давно умерших...*

Что-о-о?!

Я открыл глаза. Бред! Этого не может быть!

— ...*И уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое. Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих...*

Брат Азиний брел по болоту. Вода доходила до колен, зеленая ряска испачкала сутану.

Вода — до колен? Там же топь! Я сам проверял, сам искал тропу!

— ...*Простираю к Тебе руки мои; душа моя к Тебе — как жаждающая земля...*

Стрельба стихла. Опустились мушкеты и пики, разжались руки, сжимавшие сабли. Люди смотрели, еще не веря, не решаясь даже перекреститься.

Лысый поп с гитарой за спиной шел через топь. Слова латинского псалма гулким эхом разносились над болотом.

Шел!

— Хлопцы! За ним! За ним! То святой! Святой!

Опомнились! Сразу десяток бросился в протоптанный проход. Плеснула вода. Парни в белых рубахах погрузились по грудь, по пояс, по колено...

Пошли!

— Гур-р-р-а-а-а!

Затрещал потревоженный камыш. Десятки, сотни людей

устремилась вперед, прямо в топь. Ноши с ранеными, кони, повозки...

Шли!

— ...Скоро услышь меня, Господи: дух мой изнемогает; не скрывай лица Своего от меня, чтобы я не уподобился нисходящим в могилу...

Резкий визгливый голос, выкрикивающий латинские слова, стих, замер вдали. А люди шли, откуда-то со стороны брошенного табора набегали другие — и тоже шли.

* * *

Я очнулся.

Очнулся, вытер пот со лба.

Некогда думать, некогда пытаться понять.

Шевалье!

Я бросился назад, прочь от истоптанного камыша. Надо уходить! Всем уходить, пока еще не поздно!..

Мушкетеры исчезли, зато появились лопаты.

Реестровцы копали — быстро, споро, черная мокрая земля летела во все стороны.

Дю Бартас, мрачный, сосредоточенный, смотрел в сторону гатей. Поляки никуда не ушли, они лишь попятились. Выстрелы не пропали даром, а может быть, паны зацные тоже поняли, что случилось на их глазах.

— Это называется шанцы, мой друг, — шевалье кивнул на углублявшиеся на глазах ямы. — Если вы помните, Боплан писал, что черкасы — великие мастера по таким работам.

— Надо уходить! — начал я, но пикардиец покачал головой.

— Сейчас налетит кавалерия. Вы же видите, сколько народу!

Я оглянулся. Черная топь исчезла, превратившись в огромный майдан, заполненный людьми. Но все новые толпы спешили к болоту, спотыкались, падали, снова вставали...

— Возьмите!

В моих руках оказалась знакомая книга без обложки.

— Это, друг мой, залог моего скорого возвращения. А сейчас — спешите! Эти вилланы без вас разбегутся, как бараны без пастуха! Mon Dieu! Да идите же! А если что, синьорине Ружинской... кланяйтесь!

Если? Если — что?

Я покачал головой; хотел возразить.

— Ти е ти! — Рука в легкой перчатке тонкой кожи взметнулась, ткнулась в грудь стоявших рядом парней. — Синьора взять! Синьора, э-э-э, волочить а-ля сукин кот! Бистро! Алле!

Меня схватили за локти, потащили назад, к переправе. Я дернулся, попытался вырваться. Парни не отпускали, держали крепко.

— Идти надо, пан зацный! Идти! Пан пулковник Бартасенко велели!

Возле поваленного, истоптанного камыша я оглянулся. Солнце сверкало на стальной каске. Синьор Огюстен дю Бартас стоял во весь рост, не прячась, не сгибаясь. В воздухе блеснула шпага.

— Держать! Держать, миз анфан, чьерт вас всех разбирай! А ну, пьесня! Пьесня!

Меня вновь потащили вперед. Глухо плеснула вода, ноги ушли вниз, в бездонную пучину, но тут же нащупали что-то твердое, ровное. «...Простираю к Тебе руки мои; душа моя к Тебе — как жаждущая земля...»

— Пьесня! — донеслось сзади. — Ну вы, ли мутон, ли ваш, ли кошон! Пьесня!

Что это? Неужели?

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек:
О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?

То ли показалось, то ли действительно знакомый куплет пели хором?

Я стиснул в руке томик без обложки. Он вернется! Шевалье обязательно вернется, ведь он обещал!

...Я выбрал хорошую шпагу. Шпагу, способную защитить мне спину. Но мне внезапно захотелось проклясть тот день, когда мне вздумалось напоить похмельного пикардийца терпким мате...

— То идти надо, пане зацный!
Да, надо идти...

* * *

Брата Азиния я нагнал на огромной поляне, окруженной со

всех сторон камышом. Остров посреди топи, круглый, словно тарелка. Он кишел людьми — мокрыми, грязными. Живыми...

— Монсеньор! Ваша лютня! Она не намокла, я старался держать ее повыше!

В его глазах светилась гордость. Еще бы! Спас «лютню» самого мессера де Гуаиры, коадьюктора и исповедника четырех обетов!

— Это гитара, брат Азиний, — вздохнул я. — Давайте, дальше сам понесу!

— Монсеньор! — Прыщавый нос обиженно дернулся. — Разве монсеньор мне не доверяет?

О Господи!

— Спасибо, синьор... монсеньор Адам! А не подскажете ли вы, куда нам теперь идти должно? Ибо поистине неведомы мне сии чашобы! Слыхал я, что лучше всего двигаться на север, но где искать этот север?

Посмеяться?

Я поглядел на солнце и молча ткнул пальцем в сторону старых раскидистых ив на краю поляны. Попик заулыбался, закивал.

— Спасибо, монсеньор, спасибо! А вы знаете, монсеньор, у меня радость! Некий юный отрок...

Я застонал.

— ...поведал мне со слов одного дворянина из лагеря королевского, что попал в плен третьего дня, будто над тем лагерем видели диво. Предстал в небесах Его Милость Король в сонме ангелов, а тако же некая женщина, что покровом своим весь оный табор накрыла.

Короткий грязный палец величественно вознесся ввысь.

— И сие, монсеньор Гуаира, примета верная, что пребывает в этих местах некий великий праведник, чьими молитвами и творилось виденное...

Тут уж я не смог удержаться — улыбнулся.

* * *

Земля была холодной и сырой, но я ничего не чувствовал, даже боли. Ягуару не привыкать. Упал, поднялся, вновь бросился на врага.

Кто теперь враг? Кто друг? И где они?

Враг лежит посреди разгромленного табора с пулей под сердцем. Друг... Прошел уже час, издалека все еще доносится пальба, но никто из отряда шевалье не вернулся. Многие уже потя-

нулись на север, через старую гать, ведущую, как объяснили мне, напрямиком к дороге на Дубно.

Мистерия кончилась, и надо было что-то решать. Меня ждали в королевском лагере, очень ждали, мое место сейчас там. И не только потому, что я должен поговорить с нунцием. Это не так и важно, важно скорее добраться до Рима...

Кровь смыла яд. Слова проклятого предателя Полегини вспоминались теперь с брезгливой усмешкой. И этот негодяй думал, что я изменю Обществу? Общество Иисуса Сладчайшего — не только Инголи и покойный Сфорца. Это такие, как отец Мигель, как мои друзья с берегов Парагвая. Это — Гуaira.

Это и есть главное. А с такими, как Сфорца и Полегини, мы разберемся!

Я разберусь.

И если надо будет взять кого-нибудь за горло в самой Конгрегации... ну что ж!

Рука сжалась в кулак. Кое-кто пожалеет, что Илочечонк покинул Прохладный Лес! Здорово пожалеет!

Но это — потом, а сейчас надо сидеть на холодной земле, прислушиваться к далекой канонаде и ждать, ждать, ждать...

Выстрела я не услышал. Лишь когда вокруг закричали, сорвались с места, бросились к краю поляны, к зеленым ивам...

— Ксендза! Ксендза нашего убили! Ляхи ксендза убили!

Вскочил, бросился вслед за толпой, не веря, надеясь на ошибку, на нелепое совпадение, на чудо.

* * *

Глаза брата Азиния были спокойны. На губах все еще оставался след от улыбки.

Гитара в темном чехле лежала рядом.

Я пощупал пульс, прикоснулся к окровавленной груди.

Стал на колени.

Губы зашептали отходную...

И только когда все нужные слова были сказаны, я почувствовал, что задышаюсь. Слова рвали рот, бессильные, горькие:

— За что?! Его-то за что?

Я поднял лицо к горячему июльскому небу и заорал, не слыша себя, не понимая, что кричу на гуарани:

— Его нельзя было убивать! Нельзя! Что он вам сделал, сволочи? Что он вам сделал? Что он вам сделал?

— Пане! Пане зацный!

Чья-то рука осторожно коснулась плеча. Коснулась, отдернулась.

— Вот он, убивец, пане! Поймали! Повесить чи в болоте топить?

Небритая красная морда, испуганные глаза, кровавый след на щеке, рыжие волосы — торчком...

— Их... Их... Нихт шиссен, гершафтен, нихт шиссен!

Они ошиблись. Не поляк — немец. Из тех, кого так не любит шевалье.

— Дайте! — крикнул я, протягивая руку. — Пистоль, мушкет, нож! Дайте! Что-нибудь! Скорее!

Мне в ладонь легла теплая рукоять пистолета. Я взвел курок, проверил, есть ли порох в запале.

Есть!

Священникам нельзя убивать. Но я отправлял в Ад и буду отправлять еще — таких, как этот!

— Ты убил католического священника, — проговорил я по-немецки, медленно поднимая руку с пистолетом. — Ты убил хорошего человека, понял?

— Нет, нет, не надо!

Он рухнул на колени, завыл, закрыл глаза ладонями.

— Я не виноват, майн герр! Не виноват! Мне приказали! Приказали убить попа в сутане и с гитарой! Это приказ, я не мог не выполнить приказ!..

Рука дрогнула.

«Монсеньор! Ваша лютня! Она не намочла, я старался держать ее повыше!»

«Вы!.. Мальчишка! Еретик! Я запрещаю вам! Запрещаю! Клирик не должен играть на гитаре! Вы слышите? Я приказываю вам не брать с собой гитару! Приказываю! Вы обязаны повиноваться!..»

«...Я найду тебя, Адам! Прощай! Не забудь о подарке!»

...Нельзя брать гитару... Не забудь о подарке...

Ладонь разжалась. Пистолет неслышно ударился о мягкую землю.

U

Я не погиб в тот страшный день, 10 июля 1651 года. Пуля пробила легкое, меня считали безнадежным, но я все-таки выжил. Хочу верить, что отец Гуаира действительно принял меня за мертвого, а не сознательно оставил истекающую кровью посреди погибающего табора.

Не хочу даже о нем думать слишком плохо.

Иногда мне начинает казаться, что меня спасла молитва отца Азиния. Не верю в поповские чудеса, но ведь искренняя молитва доходит до Господа!

V

Я устал опровергать всю ту ложь, которую автор щедро рассыпает по страницам своей книги.

Наказной гетьман Иоанн Богун и не думал бросать крестьянское ополчение на расправу озверевшим полякам. Произошла страшная случайность. Эвакуация действительно прошла скрытно, и чей-то нелепый выкрик вызвал панику. Отец Гуаира, естественно, не пишет, что Богун лично прибыл в табор, пытаясь спасти обреченных.

Между прочим, казаки не захватили с собой ни военную казну, ни личное имущество гетьмана Хмельницкого, что еще раз свидетельствует о том, что они собирались вернуться.

W

Конечно, никакого «чуда» отец Азиний не совершал. Автор не только скверный писатель, но и плохой гидравлик. Судя по всему, болото было вполне проходимым, особенно после того, как сам отец Гуаира построил отводной канал.

Глава XVII

служашая также эпилогом и повествующая о том, как возликовали
Небеса

Смерть: А вот и я! Ага!

Илочечонк: «Ага» — твое имя?

Смерть: Вот дурень! Меня не узнаешь? А ну-ка угадай: я худа,

я бела и черна, появляюсь — все дрожит, и еще у меня есть кое-что острое. Угадал?

Илочечонк: Бела, черна, дрожит, острое... Понял! Ты — трясогузка!

Действо об Илочечонке, явление семнадцатое

1

Я повертел в руках серебряную чарку, вздохнул, поставил на стол.

— Как? Не нравится? — вскричал Стась Арцишевский. — Адам! То ж вудка гданська!

Я смолчал — из вежливости. Что вудка, что горилка, что пульке! В полесских болотах не выпьешь «Лакрима Кристи».

— То ты, Адам, бардзо великий зануда, — уверенно констатировал Стась, подливая в чарки из огромной мутной скляницы. — Дзябл! Не надо было тебе в ксендзы, дурная башка! Говорил я тебе, говорил!

Арцишевский, как всегда, прав. Арцишевский, как всегда, пьян. Вот только усы поседели да возле рта легли глубокие морщины.

— Ну, сто лят, друже! Не потонул в болоте, не сгоришь в огне. А повесят — не беда!

За такое не грех было и выпить. Даже вудки.

* * *

Стася я не искал — он нашел меня сам. Я только перешагнул отворенные настежь ворота королевского лагеря, только успел задать первый вопрос насмерть пьяному гусару, как на меня налетел кто-то знакомый, усатый, дышащий перегаром.

Судьба!

Стась все-таки успел на войну. Батарея поручника Арцишевского лихо лупила в упор по татарской коннице. Стрелял ли он по безоружным хлопам, я не спрашивал. Десять лет назад Стась отказался наводить мортиры на восставших негров. Но война домов¹ не знает жалости.

— Ну, то слушай, Адам. — Арцишевский покосился на недопитую скляницу, прищурился. — Про нунция твоего я до-

¹ Война домов — гражданская война (польск.).

знался, у себя он, в шатре. Да только знай: пока не допьем — не отпущу!

Его предки поступали проще. Валили дерево поперек лесной дороги и тащили очумелых путников за стол — пить до полусмерти.

— Отпустишь, — вздохнул я.

Мы переглянулись, Стась обиженно засопел.

— У, холера! Ну, то как обычно! Свинья ты, Адам, хоть и ксендз! Столько лят не виделись!.. Ладно, вали к его мосци, да только не задерживайся. Без тебя пить не стану, слово чести! А придешь, достану вудки берлинской, да щецинской, да еще пейсаховки...

Я решил подождать, пока весь реестр не выплывет наружу. Стась всегда силен в подобных баталиях — даже когда единственным поводом был первый вторник на неделе. Сейчас же гулял весь лагерь, все шановное поспольство. Третий день войско Его Милости праздновало великую победу под Берестечком.

— ...А зальем все рейнским, а мало будет — брагой поддадим! Пся крев! Давно с тобой не пили!

Я встал, соображая, где можно найти подходящую по росту сутану. Нунций Торрес, по слухам, весьма походил на мессера Инголи. Только тот стар, а этот, говорят, в самом соку.

— погоди! — остановил меня Стась. — Ты же узнать просил! Про полоняника этого...

Я замер. Пленными был полон весь табор, но меня интересовал только один.

— Нема такого. Ни Бартаса, ни Бартасенко. Слово чести, у всех спрашивал!

Я кивнул и, не говоря ни слова, шагнул к выходу.

* * *

Надежды не было.

Ее-то и раньше оставалось чуть-чуть. Еще по пути в королевский лагерь все встречные прожужжали мне уши про страшный бой на болоте. Триста реестровцев дрались до вечера, последний, на добытом невесте где челне, отбивался еще целый час — отстреливался, отмахивался «корабелкой»...

Пленных не брали.

Книга без обложки лежала в кармане плаща. Я боялся ее открывать.

«...В скитаниях, без родины и крова, как Дон Кихот, смешон и одинок, пера сломив иззубренный клинок, в свой гордый герб впишу четыре слова. На смертном ложе повторю их вновь: Свобода. Франция. Вино. Любовь...»

Свобода. Франция. Вино. Любовь... Эх, шевалье!

* * *

Служка, встретивший меня у входа в шатер, был толстым, пьяным, наглым и не говорящим по-русинки. По-итальянски и испански, впрочем, тоже. Оставалась латынь.

— Во имя Иисуса Сладчайшего и Святого Игнатия...

Когда он выговаривал «амен», его толстые губы уже подрагивали. Еще бы!

— Его преосвященство... Его мосць...

Слушать дальше я не стал.

Пожилой коротышка в темной ревендре¹ сидел в высоком кресле с резной спинкой. Толстые окуляры уставились в маленький молитвенник.

— Кто?

Вопрос больше походил на «пшел вон!».

— Во имя Иисуса Сладчайшего...

Пока я произносил условную фразу, окуляры медленно ползли вверх. Маленькие губы еле заметно шевельнулись, сложились в подобие улыбки.

— Ну, здравствуйте, брат Азиний!

Я хотел удивиться, пояснить, представиться, но кто-то невидимый уже давил на плечи, шептал на ухо...

— Благословите, отче! — загнул я, падая на колени и делая вид, что пытаюсь подползти поближе. — Благословите! Ибо грешен я...

Пухлая ладонь неохотно приподнялась, слегка дернулась.

— Во имя Отца... Не будем тратить времени, сын мой! Вы все написали?

Вставать следовало осторожно — не распрямляясь, сутуля спину. Жаль, нельзя вытянуть нос!

— Я вас спрашиваю: написали?

Хороший вопрос!

¹ Ревендра — верхняя одежда епископов.

— Ваше преосвященство! — возопил я, вновь падая на колени. — Не сподобил Господь грамотой! Еле-еле по «Часослову» бреду!

Прости меня, брат Азиний!

Внезапно послышался смех — легкий, чуть презрительный.

— Вот уж точно! Ваше письмо из Чигирина я разбирал дня два! Хорошо, сейчас я вызову секретаря, и вы все продиктуете.

Я почувствовал, что меня так и тянет распрямиться. Распрямиться, задать пару вопросов — и понаблюдать за превращением его мосци в дохлую рыбу. Он мне расскажет про ксендза с гитарой! Все расскажет!

А если нет? Приказы из Рима не обсуждаются с первым встречным.

— Отче! — вновь заныл я. — Не сподобил меня Господь не токмо грамотой, но и разумом. Сир я, ваше преосвященство! Темен! Если ваше преосвященство соизволит объяснить мне, недостойному...

Я потупил очи долу, а затем, стараясь не делать лишних движений, покосился на своего единственного зрителя. Не переиграл? Кажется, нет. Мессер Торрес тоже не большого ума. Два года назад он писал в Рим о великом чуде: на поле битвы под Зборовом пал кровавый снег.

...Баталия была в июне, в лютую жару.

Он встал, медленно прошелся по шатру, покрутил сложенными на пухлом животике пальцами.

— Неужели сами не понимаете, сын мой? Я же просил вас изучить биографию отца Адама самым прилежным образом!..

Что-о-о-о-о-о!

— Ладно! Запоминайте и не вздумайте сбиться, когда вас станут спрашивать в Риме.

Я покорно кивнул. Моя смиренная поза, кажется, пришлась его преосвященству по душе.

— Ну-ну, сын мой, не пугайтесь. Возможно, ваши устные показания и не понадобятся, достаточно будет и подписи на докладе, но вдруг вас захочет выслушать кто-то из посторонних? Не из Общества.

Кажется, отца Адама ожидает подвал под Святой Минервой! Но за что?

— Итак... Отец Адам Горностай, называвший себя также де

Гуаира, происходил из знатной русинской семьи. По одной из линий он — потомок литовского принца Гедемина. Не забудьте подчеркнуть, что все предки его — схизматики и протестанты, но его матушка, искренняя католичка, наставила сына на истинный путь...

...Потому и завещала отдать меня в римский коллегиум. Пока — все правда...

— ...С юных лет Адама Горностая посещали боговдохновенные видения. Являлись ему ангелы в силе своей, и Пресвятая Дева, и Святой Игнатий. Последнее подчеркните особо!..

...И Сатана являлся. И Черный Херувим...

— Пребывая в Индиях, отец Гуаира нес слово Божье диким язычникам. Он лично обратил в веру Христову диких кадувеев, претерпев при том страшные пытки от рук их мерзких колдунов...

...Это точно! Говорят, пить пришлось целую неделю! Но позвольте, кадувеев крестил отец Мигель, я тогда был еще мальчишкой!..

— Крестил он также народ тумрагами, и народ кечва, и народ чимакоки, и народ чигуани...

...Что за бред!

— Смилуйтесь, ваше преосвященство! — вскричал я. — Вовек не запомнить мне сих мерзких имен!

Снова смех — снисходительный, сочувственный.

— Хорошо! Мы это напишем сами. Только не забудьте, если спросят: в Гуаире отец Адам лично исцелил пять тысяч человек, когда началась чума, а также еще семь при эпидемии оспы. Запомнили? Чума — пять тысяч, оспа — семь.

Я почувствовал, что превращаюсь в брата Азиния.

— Не забудете? Хорошо! Теперь о его путешествии на Русь. Поехал он туда, дабы вознести молитвы на могилах братьев, погубленных злодеями-черкасами...

Так-так! А что случилось с этими братьями, его мосци, кажется, и не очень интересно!

Выходит, знали? Все знали!

— Теперь чудеса. Обязательно во всех подробностях напишите о спасении этой девицы. Как ее, Ружская?

— Ружинская, — промямлил я.

— Итак, спасение девицы. Это у нас чудо первое. Затем спасение своих спутников от шайки запорожцев — чудо второе. А в общем, смелее, чем больше — тем лучше! И не забудьте, что он мог говорить на всех языках без толмача. В этом виден перст Божий!

Перст Божий внезапно показался мне секирой. Торрес — дурак, но дурак такого не придумает. Мне дали гитару, послали на верную смерть. А что теперь?

— Но особенно подробно остановитесь на последнем чуде, совершенном отцом Адамом. Жалея посполитых, обманом и силой завлеченных на верную гибель в лагерь под Берестечком, он воздвигся на подвиг бескорыстной любви, проведя их через непроходимое болото. Больше деталей, пожалуйста! Женщины, дети... Там были дети?

Я честно попытался вспомнить. Не смог.

— Неважно! Были, конечно! Итак, дети тонут, тянут ручонки, отец Адам поднимает крест, произносит слова... Что он там говорил? Впрочем, не надо, над этим пусть подумают в Риме. Итак, подвиг бескорыстной любви, ну а затем — мученическая смерть от рук озверевших казаков. Когда его убивали, рядом был православный священник? Хорошо, чтобы был! Казаки пытаются отца Адама, поп-схизматик требует, чтобы он отрекся от католической веры...

И тут я понял! Я все понял!

Брат Азиний должен был найти нового святого. Святой Католической Церкви очень нужен русин-праведник! Бедняга не знал, что святого уже нашли. Нашли, вызвали из далекой Гуаиры, дали гитару, чтобы убийца не спутал, не промахнулся. Вот только с сутаной промашка вышла.

Я выпрямился. Тот, за левым ухом, продолжал что-то шептать, но я не слушал.

— Это вы все придумали сами, брат Торрес?

— Придумал?!

Он так поразился, что даже не обратил внимания на «брата».

— С каких это пор, сын мой, членам Общества разрешили задавать подобные вопросы?

Отвечать можно было долго. Объясняться, сыпать бисер.

— У брата Адама были важные сведения для Общества, ваше преосвященство. Ради них погибли люди — очень хорошие люди. Брат Адам должен был доложить обо всем в Риме!

Он дернулся, побагровел, посинел даже.

— Вы! Жалкий червяк! Это не ваше дело! Он никому ничего не должен докладывать, ясно?! Каждому свое! Недаром сказано: по заслугам жертвуя...

...Libentis merita — полустертые буквы на старом мавзолее. Значит, это же напишут на моем?

— По заслугам! Церкви виднее, кто из ее сыновей чего стоит! Отцу Адаму предназначено стать святым!

— Кем предназначено? — ухмыльнулся я. — Вами? Мессе-ром Инголи?

«...На вас, насколько мне ведомо, возлагаются определенные надежды...» Старая жаба захотела лично увидеть будущего великомученика. Кажется, я ему не понравился! Или все-таки понравился? Ведь Его Высокопреосвященство запретил мне брать гитару!

А здорово придумано! Разве много на Руси латинских попов с гитарой за спиной?..

— Так решила Церковь! Так решило Общество!

...И Черный Херувим, силой гнавший меня в Рай!

— Слово Церкви истинно и неотменимо! Не-от-ме-ни-мо! Ясно? А с вами... с вами, брат Азиний!.. Вы знаете, что бывает с теми, кто нарушает приказ Общества?

— Знаю, — охотно согласился я. — Их канонизируют, старый дурак!

* * *

Служка попытался преградить мне путь. Зря он это!..

— Они сволочи, Стась, сволочи!

— То понятно, Адам! Ты пей, пей!

— Сволочи! Они и меня заставили стать сволочью! А теперь волокут в свой поганый рай! Мне нечего там делать! Нечего! Из-за меня погибли люди! Из-за меня — и из-за них! Слышишь, Стась?

— Холера! Конечно, слышу! И весь табор слышит! Пей, Адам! Сто лят!

— Сто лят! Сволочи, сволочи, сволочи, сволочи!

Странно, я, кажется, трезвею. Или Стась налил в чарки воды вместо пейзаховки? А может, я не был пьян, просто надо выкричаться, поорать, чтобы сердце не разорвалось. Хорошо, что Арцишевский никогда ни о чем не спрашивает!

— Как думаешь, Стась, мне стоит ехать на встречу с призраком?

— Хм-м... Во, пся крев! А какого он пола?

— Ну-у...

— Тогда стоит! Сто лят!

— Сто лят, друже!

Да, я уже почти трезвый. Во всяком случае, помню все, что рассказал мне Арцишевский. Король распускает кварцаное войско, и Стась возвращается домой, в Замостье. Он и меня приглашал, и я поехал бы, с радостью поехал бы. Но сначала...

— А я еще думал, Стась, почему она подарила мне гитару? Теперь понимаю! Она — просто призрак, суккуб! А меня она не тронула, потому что я — святой! Понял, Стась? Я — святой! Я уже в раю, ясно?

— Дзябл! И я сейчас там буду! Вот только допью...

Внезапно мне начинает казаться, что за столом появился кто-то третий. Очень знакомый кто-то. Свиная рожа ухмыляется, скалятся желтые клыки. Черный Херувим доволен. Нет, он счастлив!

— Ты видишь его, Стась? Видишь? Это он все придумал! Ему нужен святой! А еще ему нужны клещи и тараканы! Он их очень любит! Знаешь, почему людям не больно, когда кусает клещ? Он вводит в рану яд! Об этом написал один очень умный, очей умный...

Черный Херувим смеется, протягивает когтистую лапу. Я смеюсь в ответ, тычу пальцем прямо в свиную рожу:

— Нет, нет! Не выйдет! Он опоздал, Стась! Нарушить Устав Общества, равно как нарушить приказ, — это хуже, чем смерт-

ный грех, правда? Но приказ должны выполнять живые, а я умер! Я умер, но меня нельзя послать в ад, потому что я — святой!..

Краем глаза мне показалось, что Арцишевский пытается сотворить крестное знамение. Это еще больше развеселило.

— А ко всему — я завтра же утром пойду к первому ксендзу и исповедаюсь, а значит — сниму с души грехи. Все! Не поймали! Не поймали!

И поймать не могли! Никто так не умеет оправдываться, как мы, сыновья Общества. Великий грех делится на несколько малых, малые тут же превращаются в проступки, а потом выясняется, что и они совершены не тобой, а кем-то другим.

«А ты не думал, что я логик тоже?»

И вновь почудилось: рука Стася, разливавшая темное рейнское, почему-то дрожит.

Стареет, пся кров!

* * *

Толкнули, чья-то ладонь прикоснулась к плечу.

— Стась! — простонал я. — С ума сошел, холера тяжкая! До дзябла! Дай поспать!

Снова толкнули...

— Стась!!!

И вдруг я почувствовал холод. Такой неожиданный, невероятный в это жаркое утро. Почему-то очень не захотелось открывать глаза.

— Aufstehen! Schnelle! Schnelle!..

Трое в знакомых темных кирасах и остроконечных шлемах. За ними — четвертый, тоже знакомый.

— Именем Иисуса Сладчайшего и Святого Игнатия, брат Адам!

Ну и скверная латынь у служки мессера Торреса!

— Aufstehen!

Встаю.

— По приказу Его Королевской Милости вы арестованы!

Говорят по-прежнему на немецком, но я вполне понимаю. Неясно лишь одно. Где Стась? Неужели его тоже?

Ага, вот и он!

— Извини, Адам! Я — на службе...

Извинить? За что?

Холод все сильнее сковывает руки, поднимается к горлу, острыми иглами бьет в мозг.

— Вы исполнили свой долг, господин Арцишевский. Нунций позаботится о награде!

Я превращаюсь в обломок льда.

Откуда-то из несусветной дали по-прежнему доносятся голоса, меня о чем-то спрашивают, Стась бормочет что-то о долге, о приказе Его Королевской Милости докладывать о всех подозрительных в лагере...

...Кажется, он уже заработал свой Рай!

— ...Надеюсь, все скоро выяснится, Адам! До дзябла, мне так жаль!

Лед исчез. С бледного летнего неба обрушилась жара.

Шатер, трое ландскнехтов в темных кирасах, мордатый служка уже крутит в руке веревку...

— Ты прав, Стась. Ты прав...

Я не могу обижаться. Когда-то я тоже исполнил свой долг.

Служка нетерпеливо переступает с ноги на ногу, ландскнехты переглядываются.

— Там, в шатре, — гитара. Это тебе мой подарок — на память. Это очень хорошая гитара, Стась!

Арцишевский кивает, стараясь не смотреть мне в глаза. Седые усы повисли, весь он как-то сгорбился, постарел.

Бедняга!

Я пожалел его — и тут же забыл навеки.

Веревки сжали запястья, тяжелые ручищи легли на плечи.

А мне внезапно стало смешно.

Нет, не мне!

Обезьяне!

Ягуара можно обмануть, заманить в ловушку, скрутить веревками. Но разве можно схватить обезьяну? Для нее это просто игра. Глупые люди суетятся, пыхтят, мешают друг другу.

Их придется убить — всех. Но мне было уже все равно.

Играем?

Играем!

3

...Мимо мертвого поля, заваленного трупами. Мимо разоренного Вавилона, где еще суетятся мародеры. Мимо болота, мимо разрушенных гатей, мимо деревянного креста, под которым упо-

коился брат Азиний, мимо черной топи, где до последнего сражался Огюстен дю Бартас, мимо неведомой могилы, в которой лежит Гарсиласио де ла Риверо, римский доктор и еретик.

Мимо, мимо, мимо...

* * *

Я шел, оставляя позади чужую жизнь, которая уже не принадлежала одинокому беглецу в рваном голландском плаще. Слово Церкви неотменимо, и теперь Адам Горностай, исповедник четырех обетов, коадьюктор Общества Иисуса Сладчайшего, бывший монитор Гуаиры, креститель язычников и великомученик, не имеет ко мне никакого отношения. Нунций Торрес, конечно, все понял, и в Риме тоже поймут, но слово сказано, оно неотменимо, и скоро они все вознесут молитвы новому Святому, воссиявшему в полесских болотах в страшный Anno Domini 1651.

Я — живой им уже не нужен. Я и не был нужен, как и отец Пинто. Наверно, его тоже сделают святым...

Мимо, мимо, мимо...

Я не вернусь в Рим, я не вернусь в Гуаиру, я — тень, нелепый призрак, которого скоро прогонит ослепительный блеск золоченых риз нового Святого. Только сейчас я понял, сколь удачен их выбор. Русин древнего князьего рода, католик по рождению, миссионер в далеких Индиях, замученный за дело Христово бунтовщиками-схизматами. Зачем им бедняга Азиний, лысый мужеложец, так и не успевший понять, кто он на самом деле?

И никто уже не поймет. Даже я. Неужели святость не зависит от нас? Настоящая святость, которую не надо подтверждать буллой Его Святейшества? Кровь ангелов, делающая нас «кевалями» — проводниками Его воли.

Кто знает?

Мимо, мимо, мимо...

* * *

Лесная дорога, неверная гать под ногами, снова лес, снова болото, село, сожженное дотла, снова лес.

Мимо...

Через Дубно и Межирич, через Городницю и Вильск. По незнакомой земле, уже не чужой, но еще не родной. Не сын — па-
сынок чужой веры, чужой речи.

— То все татары, пане зацный! И хаты попалили, и люд, по-
читай, весь в полон забрали... Ох, привел их батько Хмель на
нашу погибель!

— А говорят, пан добродий, что под Берестечком всех на-
ших побили? Неужто правда?

— Гетьман в полоне... он в Чигирине... в Каневе... в Белой
Церкви...

* * *

Через Черняхів и Житомир, через Радомысль и Коросты-
шев. Мимо запертых городских ворот, мимо ворот, распахнутых
настежь, за которыми — гарь и трупный тлен...

— Ой, пане зацный, что же теперь будет?

— Ой, не тот я хмель зеленый — по тычке не व्यюся;
Ой, не тот казак Хмельницкий — с ляхами не бьюся!
— А где ж твои, Хмельниченко, вороные кони?
— У гетьмана Потоцкого стоят на прыпони.
— А где ж твои, Хмельниченко, кованые возы?
— У местечка Берестечка заточены в лозы.
Как я с вами, вражьі ляхи, не по правде бился,
Пустил коня вороного — мост и провалился...

* * *

Через Вышгород и Борщаговку к высоким днепровским
склонам, к золотому блеску лаврских куполов.

Я возвращался домой — к дому, которого у меня никогда не
был.

Нерадостно встречала родина последнего кнежа Горностая.
Странного чужака в немецкой одежде, зачем-то спешившего в
Киев. Сбившегося с пути Илочечонка, сына ягуара, для которо-
го мир оказался слишком широким.

По Крещатику шли литовцы. Крепкие парни в покрытых пылью серых камзолах, с мушкетами на плече, в одинаковых стальных шлемах. Стоптанные сапоги врезались в стертый булыжник.

Шли.

Время остановилось, покатилося назад, словно не было этих трех веков, не реяли иноземные штандарты над полуразрушенной крепостью, не пили чужие кони днепровскую воду.

Но так только казалось. Время не повернешь вспять, и Януш Радзивилл, великий гетьман литовский, не жевал крепкими зубами хлеб, поданный ему на золотом блюде. Ветер нес знакомый запах гари — догорал Подол, начисто сожженный в многодневных боях. Невысокие приземистые дома на Крещатике зияли пустыми окнами, с улиц еще убирали трупы.

Киевский полк дрался до последнего, чтобы не пустить чужих ландскнехтов в древний город, когда-то преданный такими, как мой предок, великий боярин Василь Волчко. И теперь победители старались не расходиться, не покидать строй, не заходить в темные переулки. Януш Радзивилл напрасно взывал к киевлянам, обещая порядок и милость.

Война не кончилась. Война громыхла совсем рядом, под городом, где все еще дрались остатки киевского ополчения. Война гремела пушками под Белой Церковью, где *caritano* Хмельницкий все-таки сумел остановить коронное войско.

* * *

За Почтовой площадью было безлюдно. Я медленно пошел наверх, по крутому склону, застроенному неказистыми мазанками. Люди еще прятались, не решаясь выглянуть наружу. Ворота Лавры, где я только что был, никак не хотели открываться. Пришлось долго упрашивать, объясняться, искать того, кто смог бы ответить на мой вопрос.

Мне все-таки ответили — удивленно, с пожатием плеч. Француз-паломник не появлялся под лаврскими куполами. Ни француз, ни немец, ни иной латинщик.

Я это знал, но все-таки почему-то надеялся. Славный пикардиец верен слову, и если все-таки случилось чудо...

Оно не случилось, и лаврские ворота с глухим стуком захлопнулись передо мной.

Я ждал тишины, но на большой круглой площади перед Софией шумела толпа. Высокий помост, вокруг него — зрители... Не может быть!

Здесь, сейчас, в полусожженном, разоренном войной городе!

Они играли. На миг вновь почудилось, что время остановилось и сейчас на дощатый помост гордо выступит Кардинал, чтобы получить пинка от неунывающей Коломбины. Затем настанет черед Испанца в черном камзоле со шпагой при пупе...

Я протолкался ближе, к самому помосту. Чуда не случилось и здесь. Актеры были другие, и роли иные, и все шло совсем не так...

Хотя почему не так?

Испанца не было, зато на помосте подкручивал огромные рыжие усищи Поляк в желтом жупане до пят и шапочке с красным пером. На лице — презрительная гримаса, сапог с огромной шпорой топает о помост.

А цо тут за галаце?
Нех дзембло везме пшеклентых козаце!
Идзьите, хлопи, несить вудки своему пану,
А я тут краковьяку вытанцовывать стану!

Дружный рев был ответом, и я вновь вспомнил площадь Цветов. Ох, не досталось бы актеру! А поляк хмурит брови, высокомерно поглядывает на возмущенных зрителей.

А цо, панове?
Быдло вы естем загонове!
Же бы вы знали, цо я естем з дзяда,
Из прадзяда шляхтич уродзены!
Над вами всеми Богом поставленный!

Ну, это уже стерпеть никак невозможно! Сейчас его будут бить! Интересно, кто? Ага! Вот и он. Тоже усы, но черные. Шаровары, красный кушак, черкеска...

То что за собачее я чую слово?
Погляньте на того ляха, панове!
Те ляхи над казаком ждуть смерти,
Щоб в домовину скорийше заперты!

Так это же Запорожец!

Быв татар я без устану,
А теперь и ляха быты стану.
А може, его вовсе и не быты,
Краше живцем кожу злупыты?
От тепер я дождався,
Що пан зацный мени достався!

Ну, кажется, все в порядке! Уже лупит. Все, можно уходить! Зрители кричали, били в ладоши, радостно ухмылялись

даже литовские ландскнехты, заглянувшие на шум. Им тоже не за что любить панов зачных.

Я оглянулся. Вот сейчас в толпе мелькнет знакомая черная накидка...

— Если ты поп — сотвори чудо! Сделай так, чтобы мы встретились! Мы... Ты и я... Это неправильно, чтобы так — навсегда! Неправильно!..

— Киев. Август и сентябрь. Я буду там...

Сегодня — пятое августа. Но чудес не бывает. Особняк Дзаконне, мертвое тело на окровавленном покрывале. Лица не узнать, но я хорошо запомнил ее руки. Очень хорошо...

...И до конца дней мне не понять, КТО заглянул ко мне в гости тем вечером, чтобы подарить проклятую гитару. Тогда я почти поверил ее голосу.

Почти...

А может, Обществу служат не только живые? Может, братья уже побывали в Промежуточном Море, в обители ангелов, где нет ни прошлого, ни будущего, ни жизни, ни смерти?

А все-таки жаль, что мне не увидеть Коломбину! Я бы даже не стал расспрашивать о подарке, о том, знала ли она...

Я — не судья.

Я — подсудимый.

— Пану немцу не понравилось? Пан немец совсем не смеялся!

Я очнулся. Худая девчушка в ярком платье держала передо мной большую шляпу, полную медяков.

— Понравилось...

Тяжелая монета глухо ударилась о медь.

— Пан немец! Пан немец! — донеслось сзади. — Пан немец ошибся, пан немец кинул дукат!..

Я улыбнулся.

* * *

Софийские врата были открыты. Двое литовцев, сняв шлемы, крестились на сияющую золотом икону. В самом же храме оказалось неожиданно пусто и темно. Лики святых смотрели хмуро, погас блеск алтаря.

Служба еще не начиналась, но возле бокового входа я заметил невысокого старика в темной ризе.

— Простите... Вы... Вы священник?

Внимательный взгляд из-под седых бровей.

— Что вы хотите, сын мой?

— Отче, — заспешил я, — мне надо заказать панихиду. Если можно, вечное поминание. За упокой души иерея Азиния, воина Августина и раба Божьего Гарсиласио.

Он вновь кивнул, подумал.

— Они католики?

— Католики, отче.

В Лавре мне отказали. Суровые старцы не желали молиться за души нечестивцев-латинов. Но в Киеве не осталось ни одного костела, ни одного ксендза.

Кроме меня, конечно...

— Вам ведомо, сын мой, что молитва за инославных...

Наши глаза встретились, и он замолчал.

— Хорошо. Напишите их имена...

Перо цеплялось за шершавую бумагу, буквы никак не желали становиться в ряд.

— Я тоже католик, отче. Я... Я могу тут помолиться? Здесь молились мои предки.

— Можете, сын мой.

Я прошел ближе к алтарю, поднял голову — и вздрогнул. Огромные черные глаза заглянули прямо в душу.

Оранта — Божья Матерь Киевская.

Нерушимая Стена.

Древняя мозаика на сером камне. Рука, благословляющая землю. И пока стоит Нерушимая Стена, быть Руси.

Быть...

Я опустился на колени, я посмотрел Ей прямо в глаза...

...И Milagrossa Virgen Azul протянула мне руку.

Под ногами — пропасть, тонкая гитарная струна дрожит, вот-вот порвется. Но мне не страшно. С Нею — не страшно.

Даже Господь не в силах все простить. Даже ему положен предел милости.

Ему — не Ей.

Ее рука тверда, она в силах вырвать подписанный кровью договор с Врагом, снять с плеч грехи, вырвать заблудшую душу из Джудекки...

Ave, Milagrossa!

Если Ты велишь, я пойду вперед — даже по гитарной струне. Пойду туда, где мне нет места, где меня не ждут.

Пойду!

Оглядываюсь. Черный Херувим исчез, не в силах перенести Ее сияния. Прячясь, свиная морда, *vade retro*, кем бы ты ни был — дьяволом или самим Святым Игнатием. Он святой, я — тоже. Сочтемся!

Слева — гитара, справа — Черная Книга. Струна тонка, ей не выдержать лишнего груза. Херувим велел взять гитару, и он прав. Наверно, я таким и буду на иконе — в голландском плаще и с гитарой вместо нимба. Верный признак святости, верная примета для убийц...

Ее рука протянута. *Milagrossa* ждет.

Я беру Черную Книгу и делаю шаг.

Струна дрожит, отзывается тихим звоном, дальним эхом асунсьонского карнавала, звоном кастаньет и хриплым голосом пейдаро.

Дрожит, выгибается.

Иду.

Ее рука тверда, и я не гляжу в бездонный провал, жадно дышащий под моими ногами. Но я уже не боюсь. Я видел Джудекку, кожа еще помнит холод вечного льда, прибежища грешных душ. Если Она велит, я готов вернуться туда, ибо с Нею исчезает страх.

Иду.

Черная Книга наливается свинцом, тянет вниз, и даже Ее рука начинает дрожать. Страшная книга, где каждая буква от элифа до йа налилась кровью. Кровью тех, кто уже погиб, и тех, кому еще предстоит умереть. Закон Алессо Порчелли, Аль-Барзах — Промежуточный Мир...

Что я могу сделать? Зачем мне этот груз? Его не вознести на вершину Кургана Грехов в Каакупе, не перенести через черную пропасть.

Они решили стать Богоборцами. А кем хочу стать я? Разве мне одному остановить Общество? Сдержать новых конкистадоров, мечтающих овладеть Грядущим, подчинить, надеть колдовку на шею? Лучше все бросить, кинуть Черную Книгу в пропасть...

Я смотрю в Ее глаза. Бирюзовая Дева исчезла, передо мною снова Оранта — Нерушимая Стена. Эта земля еще жива, Джеронимо Сфорца и его присные смогли залить ее кровью, но Стена стоит, и коронное войско тоже стоит у Белой Церкви, и дерется под Киевом истекающее кровью ополчение.

А если она рухнет? Черная Книга и тараканы брата Паоло — только начало. Десятки тысяч иудеев уже бредут в Палестину навстречу призраку, жадные глаза Конгрегации вот-вот заглянут в обитель ангелов...

Странно, я даже не заметил, что пропасть уже позади. Где я? В Раю?

На Ее лице нет улыбки. На Ее лице — приговор.

Под ногами — знакомая лесная дорога. Узкая, неровная, точно такая, как в Гуаире или Полесье.

Ее рука указывает вперед.

Я ни о чем не прошу. Да и о чем просить изгнанному из стаи Илочечонку, последнему кнежу Горностаю, вернувшемуся на незнакомую родину? Об искуплении того страшного, что лежит на душе? О том, чтобы дело Гуаиры, дело Мора, Кампанеллы и отца Мигеля Пинто победило в этом страшном, залистом кровью мире?

Она и так это знает. Знает — и указывает мне путь, долгую дорогу на Курган Грехов. И может, с его вершины, скинув неподъемный груз вины, я увижу Новый Мир, мир счастья и свободы, ради которого я жил?

* * *

— Сын мой! Сейчас начнется служба. Вы — католик, извините.

— Да, конечно, отче...

Выходя из храма, я оглянулся. Темные глаза Оранты были суровы. Но в них была Надежда.

5

Ко мне подошли прямо за софийскими воротами. Так и знал! Все-таки не отпустили одного!

— То кнежна ждет, пан Адам! Волнуется кнежна! Сами же видите, что в городе дется!

В голосе Черной Бороды — упрек. Во взгляде — тоже. Его спутник — старый знакомый с длинными усами — держит в поводу лошадей.

Я поглядел вперед, на опустевшую площадь. Внезапно показалось, что возле дощатого помоста мелькнуло знакомое платье. Девушка в маске оглянулась...

Нет, чудится!

— Ехать надо, пан Адам! Ждет кнежна!

На этот раз карету не подают, но на конских чепраках — все тот же герб, когда-то остановивший меня на шумной римской улице. Грозный Гиппоцентаврус, в давние годы пожалованный моему веселому предку, Остафию Романовичу, его дружком, крулем Жигимонтом-Августом.

— То едем, пане Адам?

Площадь пуста. *Comedia finita.*

Едем!

* * *

— Ты, дядя, совсем как ребенок! Ну кто сейчас по городу ходит, скажи, пожалуйста? Да еще без гайдуков, без почту!

Востроносая девчонка, кнежна Анна-Станислава, дочь кнежа Михайлы, была явно недовольна своим непослушным родичем. Я невольно залюбовался ею. Без меховой шапки, в которой моя племянница впервые предстала передо мной, она казалась совсем маленькой. А ведь дочери моего покойного брата уже восемнадцать, скоро замуж отдавать!

— Все! Пошли в дом! Сначала обедать, а потом... Ну, дядя, почему ты такой непослушный?

Я становлюсь послушным и покорно позволяю делать со мною, что ее душе угодно. Отправить переодеться («ну хоть бы кунтуш надел, дядя!»), затем — вести меня в обеденную залу («знаю, что неудобно, но это княжье кресло, тебе в нем сидеть!»).

Я не обижаюсь. Мой брат Михайло умер шесть лет назад, и девочке самой пришлось взять в свои маленькие руки огромные владения Горностаев. Руки оказались крепкими.

Шесть лет назад Конгрегация попросила меня составить доверенность на управление всем моим имуществом. Тогда я удивился — все, что мне полагалось после смерти отца, я отдал Обществу еще в коллегииуме. Я не знал, что теперь речь шла о майорате: о Горностайополе, необозримых землях в Литве и Польше, дворцах — в Вильне, Кракове, Ейшишках (так и не удосужился узнать, где эти Шишки!).

Анна-Станислава не отдала отцово наследство Обществу. Бумаги ничего не значили. По Литовскому Статуту, все оставшееся после брата Михайлы принадлежало мне — кнежу Адаму.

Мне — живому. А Общество, как известно, наследует своим сыновьям.

О смерти брата мне так и не сообщили. А потом Илочечонка вызвали из Прохладного Леса.

А я еще удивлялся!

* * *

— Извини, дядя, из-за этой проклятой войны приходится обедать словно последним мутырям!

Я содрогнулся. И не только из-за того, что было на столе. Не от золота блюд и чаш, не от молчаливого уса за моим креслом («ты же кнеж, дядя!»). Поражал дом. В Риме приходилось бывать в гостях у кардиналов, даже к двум герцогам довелось заглянуть. Но такое!.. А киевский дом Горностаев, как мне объяснили, вовсе и не «княжий» дом, а тем более не дворец. Вот в Ейшишках!..

Свят-свят!

— Дядя! Я же тебе говорила, не наливай себе вина! Тебе нальют, понимаешь? У нас даже шляхтичам загоновым на обедах вино хлопы наливают!

Я отдернул руку от серебряного кувшина и с тоской поглядел наверх. Под самым потолком удобно расположилась семейка пузатых и щекастых Амуров — необыкновенно уродливых, зато с ног до головы покрытых золотом. Тот, что с краю, показывал мне язык.

Я не удержался — ответил.

— Дядя!!!

Да, не повезло кнежне Анне с родственником. Виданное ли дело — потомок Гедемина с Ольгердом Амура передразнивает!

— И вообще, я просила тебя прочитать бумаги, те, что на секрете. Я специально велела их привезти сюда из Вильны.

...В Вильно я ее и нашел — после того, как побывал в Гомеле. В тот раз мне было не до фамильных грамот, но моя племянница оказалась настойчива. Даже согласилась приехать в опаленный войной Киев.

— Там отцово завешание, все наши привилеи, владельческие записи...

— Уже, — улыбнулся я. — Прочитано.

Недоверчивый взгляд был мне ответом. Я вздохнул.

— Документ первый. Пятое января, А. D. 1520. «Кнежу Васылю Горностаю на держание замку и волости Могилевское до его живота и описание всих повинностей на господаря и ему, яко державцу, приходящих». Документ второй. Седьмое мая А. D. 1583. «Подтвержене кнежу Остафью Горностаю некоторых земель в Ковенскому и Кричевскому повете...»

После седьмого документа — «на держание» все тех же Ейшишек — я понял, что самое время остановиться. Негоже кнежне ясной с открытым ртом сидеть.

— Я не юрист, кнежна Анна. Там все основано на литовском праве, а в коллегииуме я учил римское, причем и его забыл...

— Дядя! — вздохнула она. — О чем ты? Или мне юриста нужен? Неужто ты не понял: то все — твое! Ты — кнеж Горноста́й!

Я вновь поглядел на наглеца Амура. Пыльный золоченый язычок еле заметно подрагивал.

— Я уже написала Его Королевской Милости, написала в сенат. Дядя Густав обещал помочь, и тетка Ирена тоже обещала...

У меня оказался целый легион родичей. Как я успел понять, все они уже успели перессориться, пока пустовало княжье кресло.

— Ты — глава рода! Сейчас такое время, сам видишь... Дядя, я же говорила, не трогай кувшин, тебе нальют!..

Сзади послышалось хмыканье. Урожденный шляхтич, стоявший за моим креслом, не выдержал.

— Ты что, хочешь вернуться к своим езовитам? Думаешь, Черный Папез не знал о том, что с тобой хотели сделать?¹

Мой покойный брат так и умер схизматиком. Анна-Станислава росла католичкой, но иезуитов не любила — как и все в Республике. Еще полгода назад я бы, наверное, обиделся.

— Да и не ты был им нужен, дядя! Ты что, езовитов не знаешь? Им нужны были наши земли, наши замки, наши посполи-тые...

Может, и так. А может, просто все удачно совпало. Я — на небо, невысказанное богатство Горностаев — Обществу.

Аллилуйя!

— И вообще, сейчас мы закончим обедать и пойдем в твои

¹ Езовиты — иезуиты (польск.). Черный Папез — Черный Папа, Генерал Общества.

покои. Надо решить одно важное дело. Имей в виду, его можешь решить только ты!..

Я содрогнулся.

* * *

Покои действительно оказались покоем. Шелк на стенах, яркий ворс персидских ковров — под ногами. С темных парсун мрачно поглядывали щекастые и усаые предки.

Здесь тоже было кресло, даже не кресло — трон. Золоченая спинка, резные подлокотники.

Я присел прямо на ковер.

— Дядя!

Я поглядел на ближайшую парсуну. Усач со сверкающей орденской цепью на шее сделал вид, что меня не замечает.

— Ну, раз ты так...

Она присела рядом, вздохнула.

— Надо привыкать, дядя Адам! Я сама до двенадцати лет босиком по Горностайополю бегала. Теперь и тебе придется...

— ...Изучать арабский, — кивнул я. — И еще — птиц. Говорят, они клюют клещей.

В последнем, впрочем, я не был уверен. Но должен же кто-то этих клещей жрать!

...Черная Книга надежно спрятана в Вильно. Там же — страничка, переданная мне киром Афанасием. Это — для начала. Потом — арамейский, чтобы перечитать «Зогар». И, конечно, надо найти Полегини. Теперь я знаю, как с ним разговаривать!..

И еще — звезды. Может, покойный Алессо Порчелли был все-таки прав?

Аль-Барзах — Промежуточный Мир, обитель ангелов, ключ к Грядущему...

— А батюшка персидский учил, — вздохнула Анна-Станислава. — Говорят, все мы, Горностаи, немного странные. Батюшка в последние годы ни разу из дому не выходил. А ведь не хворал!

Зато мне довелось попутешествовать за двоих! Или даже за весь род сразу.

— Ты знаешь, дядя, что ты, как глава рода, возглавляешь семейный суд? По привилею круля Жигимонта Старого ты верховный судья во всех наших землях.

...Сын ягуара наряжается судьей. Действо об Илочечонке, явление пятнадцатое

— И кому надо отрубить голову?

Ап! Язычок прикушен, но, кажется, поздно. В ее глазах — ужас.

— Дядя! Не надо! Пожалей ее, пожалуйста!

На миг мне стало плохо. Ничего себе, пошутил!

— Это и есть твое «важное дело»?

— Да...

Анна-Станислава кивнула, задумалась.

— Это... Это непростое дело. Я перечитала привилей. Там сказано, что тебе... то есть главе рода подсудны не только посполитые, но и мещане, если преступление совершено не в пределах города, где действует Магдебургское право.

— погоди! — взмолился я, но кнежна мотнула головой.

— Слушай! Шляхтичи, само собой, судятся своим судом на сеймиках. Но каждый шляхтич имеет право также обратиться к твоему суду, и ты не можешь ему отказать. Особенно это касается родичей. В этом случае твой суд выше сеймового...

...У гуарани тоже было что-то подобное. Приговор можно было обжаловать у великого духа Тупи. Те, кому грозило путешествие в пасть каймана, так и поступали.

— И кого надо судить? — вздохнул я, чувствуя, как клыкастая маска Тупи начинает прирастать к лицу.

— Одну... Одну нашу родственницу. Она не выполнила волю отца и бежала из дому. Ты, наверно, знаешь, что до совершеннолетия отцовская власть над дочерью нерушима...

— ...Не знаю! — отпарировал я.

— Теперь знаешь! Так вот, ей было некуда бежать, и я разрешила ей укрыться в Ейшишках. Ее отец требует выдачи, он человек влиятельный. Теперь все зависит от тебя.

Опять Ейшишки! Наверное, там — сплошные сосны. И шишки, шишки, шишки...

— И в чем виновна эта панна? Отказалась выйти замуж?

— Ты почти угадал. Отказалась. — Анна-Станислава с интересом покосилась на меня. — Но не замуж. В монастырь.

Что?! Поваяло чем-то очень знакомым.

— Бедной Ядвиге не повезло. Два года назад ее увели в плен татары...

Не может быть!!!

— Она бежала, какие-то иноземцы ей помогли, один испанец привез ее в Гомель...

...Смеяться? Плакать? Маленькая королева не захотела надевать черный клобук. Эх, шевалье, угораздило тебя умереть именно сейчас!..

— Ты не слушаешь, дядя! Так вот, ее отец, каштелян гомельский, требует, чтобы Ядвигу отослали назад. Он — суровый человек...

Суровый? Насколько я помню пана каштеляна, это еще мягко сказано. Даже не поднял дочь, когда она упала перед ним на колени.

— Она просит твоего суда, дядя...

Я задумался. Великий дух Тупи суров — зато несправедлив.

— Значит, мои родичи — в моей власти? В полной власти?

— Да...

В ее голосе теперь звучал страх. Я неторопливо поднялся, оправил черкеску.

— И мое слово неотменимо?

— Дядя Адам!

Анна-Станислава вскочила, бросилась ко мне, и я с трудом успел поднять ее, не дав упасть на колени.

— Дядя, прошу тебя, пожалей ее! Пожалей! Я знаю — ты ксендз, ты езовит, вы никого не прощаете... Но — пожалей!

Я покачал головой.

— Мне понадобится кнут. Нет, два кнута. И соли — побольше. И еще «кобыла», знаешь, такая деревянная, с ремнями...

Она побледнела, закусила губу, но я был тверд.

— И свеча — большая, в локоть, чтобы время засечь.

— Но Ядвига!..

— А при чем здесь панна Ружинска? — поразился я. — Все это — для каштеляна гомельского!

...Моя племянница никогда не смотрела действие об Илочечонке!

6

Одна девица стелила постель. Вторая топталась рядом, время от времени поглядывая на меня. Пухлые губы многообещающе улыбались.

— И цо пан кнеж ше пожелают?

Кажется, мне ко всему еще полагался гарем.

Девицы переглянулись, та, что с пухлыми губами, медленно провела ладонью по высокой груди.

— Постелили? Брысь!

Я захлопнул дверь и с тоской оглядел опочивальню. Все это напоминало дом Дзаконне, особенно кровать. Я сбросил перину на пол, кинул сверху плащ.

Куда ты попал, Илочечонк?

Интересно, кем хуже быть — святым или кнежем?

В Риме решили, что нашли святого. Кнежна Анна-Станислава рада, что золоченое кресло главы рода отныне не пустует.

А я буду учить арабский.

Моя племянница еще не знает, что мне не укрыться даже в Ейшишках. Найдут — Общество ничего не забывает. И не прощает. Может быть, сейчас другой перелистывает документы в Среднем Крыле, готовясь к опасному путешествию. Хотел бы я знать, что расскажут ему?

Житие Святого Адама уже написано. Моя жизнь... Ее придется описывать самому. И самому искать дорогу — впервые за все эти годы. Я выучил гуарани за несколько месяцев, едва ли арабский будет труднее.

А потом?

Куда приведет лесная дорога?

Неярко горела лампада. Лик Черной Девы Ченстоховской утонул во тьме. Но я был спокоен. Ее рука со мной. И мне не страшно.

* * *

...Серый туман клубился, дышал сыростью, дорога исчезла, но я все равно шел, стараясь ступать тихо, словно вокруг была ночная сельва. Дальше, дальше... Уже близко, уже совсем близко.

Странно, я совсем не устал. Я мог бы идти еще долго, очень долго, даже больше, чем уже пройдено. В Промежуточном Мирове, в обители ангелов, нет времени, но оно есть во мне, и сердце бьется, отсчитывая годы.

Годы? Века?

Каждый шаг труден. Груз тяжел, прижимает к земле. С каждым биением сердца Черная Книга становится все неподъемней, все тяжелей. Бумага давно истлела, распалась обложка, но Книга все равно со мной, она стала больше, в ней теперь десятки тысяч страниц.

Туман все гуще, все плотнее.

Иду.

Скоро, уже скоро. Что там, в конце? Обещание Той, что смотрела на меня с Нерушимой Стены, неотменимо, но неотменимо и слово Церкви. Я умер, но я жив, я грешен, но я святой. Что дальше?

Туман твердеет, выгибается высокими сводами, черными от давнего огня, распадается дробным стуком...

* * *

— Открывай! Открывай!

Стучат в дверь. Нет, не в дверь — в церковные врата. Они уцелели, хотя храм давно сгорел, иконостас рухнул, обратившись в кучу черных углей.

— Открывай, сволочь!

Я подхожу к вратам. Моя рука...

Сутана? Почему я в сутане? Терпеть не могу сутану!

— Ага! Вот ты где, гад! Товарищ капитан, тут поп! Спрятался, контра!

— То не поп, товарищу сержант. То ксендз.

— Один хрен.

Трое — ландскнехты в уродливой зеленой форме с короткими мушкетами на ремнях. На странных шляпах без полей — красные пентаграммы.

— Стой, где стоишь, сволочь! Руки! Подними руки! Медленно, медленно!

Я не подчиняюсь. Приклад бьет в грудь.

— Гордый, падла! Пристрелить, товарищ капитан?

— погоди! Надо узнать, что он тут делал. Здесь, говорят, у аковцев явка¹. Черт, всех попов еще пять лет назад выселили! Этот-то откуда?

¹ Аковцы — солдаты польской Армии Крайовой, воевавшей в годы второй мировой войны и в послевоенный период на территории оккупированной Польши и Западной Украины.

— А вот сейчас и выясним! Встать! Встать, сволочь!
Вставать трудно. Тысячи страниц Черной Книги давят, прижимают к земле.

— Откуда-то вы, гражданин? Из Берестечка? Отвечайте, быстро! Что вы тут делаете?

— Да из Армии Крайовой он, по всему видать!

Молчу. Отвечать незачем, мой путь подошел к концу.

— А, зрозумив! Товаришу капитан, у них свято! У католиков! Десятэ лыпня, дэнь святого Адама Горностая. Цэ ж його костел.

«Десятэ лыпня» — десятое июля.

Костел Святого Адама — великомученика, убитого за дело Церкви. Мой костел.

— И что за святой такой? По водам ходил?

Они смеются, небритые лица скалятся. Только сейчас я понимаю, что означают красные пентаграммы на их шляпах.

Войско Армагеддона!

Черный Херувим не забыл обо мне.

— Да був такой, товаришу капитан. Под Берестэчком його наши вбылы, якраз трыста рокив тому. Десятого лыпня — його дэнь.

«Трыста рокив» — триста лет.

Три века.

Святой Адам Горностай погибнет десятого июля под Берестечком. Слово Церкви неотменимо.

— Ага, значит, службу решил отправить? Ну что, товариш капитан, заберем попа в Дубно?

— Зачем?

— Ну шо, лях, не думав, шо тебе такая доля чекае?

Моя доля — моя судьба.

Странно, что они не думают о своей. Эти трое напрасно тратят время у сгоревшего костела. Эти минуты — их Ночь валь-Кадар. На дороге в Дубно они попадут в засаду и погибнут — все трое. Капитана привяжут к дереву, обложат сушняком...

Им надо было уходить сразу — и разминуться со смертью. Но они не знают, что Ночь Предопределения уже наступила. И для них. И для меня.

— Ладно! Кончайте!

Короткие мушкеты смотрят мне в лицо. В глаза бьет пламя — темное адское пламя...

...И распадается ключьями тумана.

Исчез сожженный храм, сгинули озверевшие личины ландскнехтов в нелепых шляпах с красными пентаграммами, сменившись ярким солнцем и пестрыми красками осеннего леса, недвижно застывшего на пологих склонах Высоких Кордильер.

Кордильеро-де-лос-Альтос. Каакупе — За Высокой Травой...

...Благословляющая длань вздымается над огромной молчаливой толпой. Это она — Milagrossa Virgen Azul, строгая заступница и судья грехов наших.

Моих грехов...

Но груз уже сброшен. Я — на самой вершине Кургана.

И Она подает мне руку.

Где-то далеко, еле слышно, смеется Черный Херувим...

* * *

— Дядя! Просыпайся, дядя!

Почему я лежу на кровати? Почему на Анне-Станиславе черная шапка — та, что была на ней в Риме? Почему?..

— Дядя! К тебе пришли двое — пан и какая-то панна. Пан, кажется, француз...

Вскакиваю, накидываю камзол...

Почему камзол? Ведь я же теперь ношу черкеску, племянница настояла!

Лестница кажется бесконечной.

Зала... Странно, куда-то исчезли золоченые амуры!

— Ma foi! Наконец-то я вижу вас, дорогой друг!

Дю Бартас улыбается, улыбается Франческа. Но отчего на шевалье его старый камзол? Почему на Коломбине белое платье — то, что я видел в доме Дзаконне?

— Извините, Гуaira, что я взял на себя смелость и привел синьорину сюда. Мы случайно встретились, и она сказала, что желает вас видеть...

Его голос становится тише, меркнет свет...

И громко хохочет Черный Херувим.

* * *

— Дядя! Просыпайся, дядя!

Я открыл глаза. В ушах все еще стоял его смех. Я тоже улыбнулся — горько, безнадежно. Мой враг знает, куда наносить удар!

— Вставай, дядя! Тебе придется срочно уехать!

В глазах Анны-Станиславы — тревога. Надо проснуться.

— Тебя хотят арестовать. Король прислал приказ.

— Да, конечно...

А чего я ждал? Нунций Торрес не дремлет.

Застегнул рубаху, сорвал со спинки кресла штаны, накинул черкеску, взялся за плащ...

— Я приказала седлать коней. Тебя отвезут в Ейшишки...

...Считать шишки. И объясняться с панной Ружинской.

— Да, совсем забыла! — Анна-Станислава усмехнулась. — У нас гости. Какой-то француз и девушка. Они спрашивали тебя, и я велела оставить их на ночь. Я правильно поступила?

КОММЕНТАРИИ ГАРСИПАСО ДЕ ПА РИВЕРО, РИМСКОГО ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

Х

Через год я вернулся в Рим, где был вновь арестован и отправлен в Замок Святого Ангела, откуда смог выбраться только через десять лет. Мой отец и старший брат были заживо сожжены в Толедо. Погибли и все мои друзья.

У

Но не это главное. Нас с отцом Гуаирой рассудила сама жизнь.

Дело великого гетьмана Богдана Зиновия Хмельницкого победило, и теперь Русь, называемая чаще Малороссией, вкушает блаженство под скипетром московского царя Петра, начавшего в своей державе поистине великие преобразования.

Все планы иезуитов рухнули. Их изгоняют из Азии и Америки, и даже в католической Европе остается все меньше места для их интриг. Теперь можно просто посмеяться над опасениями отца Гуаиры. Человеческий прогресс неостановим, и впереди нас ждет не Армагеддон, как считал помешавшийся на мистике автор, а великое будущее, в котором не будет места ни

иезуитам, ни бредовым прожектам, подобным фантазиям Мора и Кампанеллы. Они — лишь печальная память о человеческих заблуждениях.

Вместе с тем враг не сломлен до конца. На берегах Парагвая все еще продолжается трагедия несчастных индейцев, вынужденных строить иезуитский Город Солнца. Недавно стало известно, что наследники Адама Гуаиры объявили о введении обязательного семилетнего обучения для «инфлиес». Надо ли искать иной пример цинизма и лицемерия, столь характерных для Общества Иисуса Сладчайшего?..

2

В 1665 году состоялся процесс беатификации, и Адам Горноста́й был официально признан Святым. Его память отмечается 10 июля. Говорят, где-то возле Берестечка в его честь уже построен костел.

Отец Гуаира не ошибся: его житие составлено именно так, как и описано в книге. Можно, конечно, посмеяться над очередной ложью Ватикана, но в этой истории есть поистине что-то страшное, непонятное даже мне, участнику и свидетелю.

На процессе беатификации основные показания давал человек, назвавшийся отцом Азинием. Я не видел его, но мои знакомые уверяют, что он очень походил на нашего спутника, каким я его помню. Мученическая смерть отца Гуаиры была подтверждена десятью свидетелями.

Ложь?

Ни в Киеве, ни в Варшаве, ни в Вильно никто не слыхал о кнеже Адаме Горностае. После смерти его племянницы Анны-Станиславы огромные владения Горностаев перешли к дальним родичам — Драгойским.

Все эти годы я считал отца Адама мертвым, поэтому можно представить мое удивление, когда какой-то неизвестный прислал мне эту рукопись.

Могу добавить, что в бумагах римского подесты девушка, убитая в доме Дзаконне, названа Франческой, капокомико бродячей труппы.

Либо все это — утонченная иезуитская хитрость, либо нечто, о чем мне не хотелось бы и думать.

Конец

Автор благодарит своих друзей:

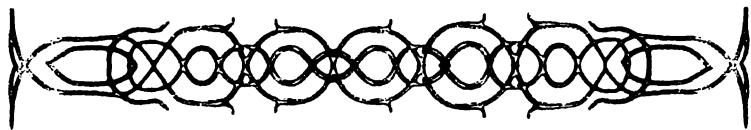
КРАВЧЕНКО Владимира Васильевича,
доктора исторических наук

СОРОЧАНА Сергея Борисовича,
доктора исторических наук

ГРОМОВА Дмитрия Евгеньевича, писателя

ЛАДЫЖЕНСКОГО Олега Семеновича, писателя

ВИНОГОРОВА Владислава Александровича,
писателя, инженера-гидравлика, —
за помощь при работе над этой книгой.

КРИПТОИСТОРИЯ АНДРЕЯ ВАЛЕНТИНОВА

Боги не очень любят тех, кто им противоречит. Особенно же это утверждение справедливо по отношению к богиням. Достаточно вспомнить печальную участь Арахны или Актеона, павших жертвами гнева Афины и Артемиды. Клио — муза истории — дама тоже достаточно серьезная. Она не терпит, когда с предметом ее опеки обращаются вольно. В Истории нет места сослагательному наклонению. И все-таки находятся смельчаки, дерзающие вступать в полемику с Клио, утверждая, что все, о чем рассказывает официальная история, — это красивые сказки, побасенки. И на самом деле все «было» совсем не так. Одним из таких храбрецов является А. Валентинов.

Андрей Валентинов — псевдоним харьковского писателя Андрея Валентиновича Шмалько. Родился он 18 марта 1958 года в Харькове. По образованию историк-античник, кандидат исторических наук, доцент. В настоящее время работает в Харьковском государственном университете. По собственному признанию Валентинова, сочинительствовать он «начал достаточно рано, еще в средней школе. Где-то в восьмом классе умудрился изваять повесть, которую можно с известной натяжкой отнести к фантастике: приключения современных школьников в робингудовской Англии. В дальнейшем писал что попало — от стихов до иронического детектива и той же фантастики. Впрочем, до недавнего времени подобное «чистописание» воспринималось в качестве одного из хобби, причем не самого главного.

Некоторый перелом обозначился в начале 90-х, когда появилось желание писать «большие тексты». Третьей попыткой оказался роман «Преступившие», который привлек некоторое внимание одного из самопальных издательств. С четвертой попытки (в 1995 году) роман был издан в сборнике «Книга Небытия», после чего писатель Андрей Валентинов был явлен миру. С тех пор и пошло».

В настоящее время А. Валентинов является автором восемнадцати романов (три из них написаны в соавторстве), сборни-

ка стихов и нескольких рассказов и коротких повестей, написанных в жанре юмористического детектива.

Говорить о генезисе валентиновской прозы довольно сложно. Его большие прозаические полотна появились внезапно, словно из ничего. На наш взгляд, было бы неправомерным искать корни романов Валентинова в повестях и рассказах из «супертриллера» «Покойник низкого качества» (1996). Написанные в 1970—1980-х годах и посвященные похождениям комиссара Фухе, они представляют собой не более чем шутку. Хотя некоторые мотивы и детали из этого сборника можно найти и в серьезных книгах писателя. Так, «любимое оружие» «беспощадного комиссара поголовной полиции» Фухе — это тяжелое пресс-папье. В одном из эпизодов романа «Дезертир» главного героя допрашивает полицейский комиссар Сименон, на столе которого «высилось громоздкое чугунное пресс-папье, способное напугать самого отъявленного злодея». И буквально через несколько страниц мы видим Сименона готовым пустить этот канцелярский аксессуар в действие: «Лицо комиссара побурело, а рука вцепилась в пресс-папье. Я невольно поежился: чугунное пресс-папье в таких лапищах — смертоносное оружие». Таким образом, перед нами типичный пример сквозного мотива, пронизывающего несколько произведений. Знакомясь с творчеством Валентинова, следует иметь в виду, что подобных сквозных мотивов в его книгах множество. Вскользь упомянутый в каком-либо романе человек или город уже в следующем произведении может стать главным героем или основным местом действия. Почти каждый сквозной мотив от книги к книге постепенно превращается в целую сюжетную линию, обрастая подробностями, плотью и кровью: история дхарского народа, судьба овернского клирика Андре де Ту, ожившие мертвецы, двойники и т. п. Наличие подобных приемов объединяет сочинения Валентинова в некий огромный цикл, не исключением из которого являются даже стихотворения. Уже в них можно найти подступы к разработке археологической линии, проходящей через всю эпопею «Око Силы» (образ Валуженича, будни археологической экспедиции, воссозданные в третьей трилогии), к теме жизнеописания братьев ди Гуаско.

Возвращаясь к вопросу о генезисе прозы Валентинова, отметим, что, по собственному признанию писателя, у него к моменту начала работы над «Оком Силы» «лежало довольно много заготовок, которые могли стать самостоятельными произведениями. Но так вышло, что они удачно нанизались на общий стержень». И все же восемнадцать романов за пять лет, причем

средний объем каждого равен 20—25 печатным листам, — это не так уж и мало. Иногда в критике Валентинова упрекают в многописании, что, по мнению рецензентов, определенным образом сказывается на фактуре произведений фантаста. Ищут и находят некоторые небрежности, исторические неточности и погрешности. Частично понять и объяснить «феномен плодovitости» прозаика можно, заглянув в его творческую лабораторию. «Каждая вещь, — поясняет он, — обдумывается очень долго, по два, по три года. Количество переходит в качество, когда я начинаю слышать свой текст. Я его все время проговариваю, это продолжается примерно месяц. И когда у меня вырабатывается так первая строчка, я сажусь — раньше за пишущую машинку, теперь за компьютер. Каждый роман пишу примерно за сорок дней. Моя ежедневная норма — шесть «вордовских» страниц. Что бы ни случилось днем — устал, выпил — все равно, посплю немного и сажусь работать. Пишу легко. Иногда кажется, что в год мог бы написать гораздо больше. Но зачем?»

Проблема же неточностей и небрежностей в книгах Валентинова, муссируемая критикой и в особенности читателями — участниками эхоконференций в сетях Internet и FidoNet, по нашему мнению, напрямую связана со сложным вопросом о жанровой природе сочинений писателя. Что это: исторические романы с элементами детектива и фантастики, блестящие образцы которых в свое время создали Н. Кукольник, А. Беляев, В. Владко, А. Казанцев? Или же перед нами романы тайн и ужасов в духе М. Шелли, Б. Стокера и Д. Зельцера? Кое-кто усматривает в Валентинове последователя В. Головачева с его циклом «Запрещенная реальность». Можно было бы вспомнить и мистические сочинения А. Дюма, Н. Греча, М. Загоскина, книги Р. Желязны.

Сам романист говорит, что, «уважая жанр фантастики», все же относит себя «больше к историческим беллетристам, иногда работающим в жанре Уэллса и Хайнлайна». Д. Громов и О. Ладыженский не без оснований определяют жанр, в котором работает А. Валентинов, термином «криптоистория», то есть «тайная (или скрытая) история». (В дальнейшем мы также будем использовать данный термин.) Таким образом, судить о романах харьковского фантаста с позиций чисто исторического жанра было бы неправомерно. Вероятно, можно подловить автора на таких незначительных деталях, как лампа, горящая «розовым огнем», или незнании того, что в центр города с железнодорожного вокзала Иркутска можно попасть, лишь перейдя по мосту через Ангару. Однако в основном Валентинов верен духу воссо-

здаваемой эпохи и в мелочах. «Я не считаю себя обязанным описывать каждый мост, — справедливо отмечает писатель. — Работал, как всякий нормальный историк. В мемуарах отыскивал названия улиц, что где находилось. Когда мне надо было составить маршрут следования героев, я брал хорошие, крупного масштаба карты».

Дебютом Валентинова-романиста стала девятитомная эпопея «Око Силы». Структурно цикл разбит на три трилогии: 1-я — «Волонтеры Челкеля», «Страж раны», «Несущий свет» (за нее романист был удостоен премий «Старт-97» и «Фанкон-97») — повествует о событиях 1920—1921 годов; 2-я — «Ты, уставший ненавидеть», «Мне не больно», «Орфей и Ника» — рассказывает о 1937—1938 годах; 3-я — «Преступившие», «Вызов», «Когорта» — посвящена 1991—1992 годам. Интересно, что создавались части цикла не в той последовательности, в которой они выстроены хронологически. Первой была написана заключительная трилогия, где все сюжетные линии получают свое завершение. И лишь потом писатель приступил к работе над началом. На порядок написания частей указывает и особый прием: в названиях книг 3-й трилогии, писавшейся первой, присутствует одно слово, в названиях книг 1-й трилогии, создававшейся второй, мы видим два слова, и, наконец, названия книг 2-й трилогии, написанной последней, состоят из трех слов.

Каждый из томов открывается одним и тем же специальным предупреждением «От автора», в котором декларируется сверхзадача, идея цикла: «Историко-фантастическая эпопея «Око Силы» родилась, прежде всего, из протеста. Автор не принял и не признал того, что случилось с его страной в XX веке — ни в 1917-м, ни в 1991-м. Протест вызывает не только чудовищный эксперимент, десятилетиями ставившийся над сотнями миллионов людей, но и то, что истинные виновники случившегося до сих пор остаются неизвестными, имея все шансы навсегда скрыться за умело выстроенными декорациями. Автор — историк по профессии — признает свое бессилие дать правдивый ответ на вопросы, которые ставит «век-волкодав», но оставляет за собой право на фантастическую реконструкцию некоторых ключевых событий, основанную на вполне реальных и достоверных фактах. Вместе с тем автор уверен, что подлинная история страны, стань она известной, показалась бы еще более невероятной». Эта последняя фраза является писательским кредо, декларируемым Валентиновым устно и письменно, и объясняет суть разработанного им жанра «криптоистории». Итак, отправной точкой становится какое-то историческое событие.

Однако истолковывается оно отнюдь не в традиционном духе, не так, как его преподносят учебники и научные труды по истории.

Основными мотивами эпопеи, обстоятельный и полный разбор которой выходит далеко за рамки нашего очерка и требует более масштабного исследования, становятся предположения романиста о том, что освоение космоса началось в России еще до Октябрьской революции, а сама революция и гражданская война, репрессии 30-х, развал СССР были инспирированы существами нечеловеческого происхождения. В принципе идея эта не нова для русской литературы. Еще в 1830-х годах русский писатель М. Н. Загоскин создает роман «Искуситель», в котором одним из активных участников Великой Французской революции, приехавшим в конце XVIII века в Россию сеять смуту в душах юношества, был сам Сатана. Хотя Валентинов утверждает, что, показывая своего Агасфера — Вечного, стоящего во главе сонмища вампиров и оборотней, он не имел в виду «классического Сатану». «И речь идет не о марсианах. У меня действуют силы разумные, но нечеловеческие. Как ученый, я допускаю участие их в истории, хотя в обозримом прошлом не вижу их реальных следов. Но почему не предположить существования в очень далеком прошлом иных, нечеловеческих цивилизаций? Это вполне возможно, в том же Коране об этом подробно рассказывается. Что получилось реально в семнадцатом году? Несколько десятков озверевших от теории интеллигентов взяли спасать человечество. Я просто решил, что эти интеллигенты могут быть и нечеловеческого происхождения».

Образы «нелюдей» у романиста получились достаточно убедительными. Они зримы и узнаваемы. И если в 1-й трилогии лишь в самом конце начинаешь подозревать, что Агасфер скрывается под маской Председателя СНК В. Ульянова-Ленина, то уже во 2-й части эпопеи нет сомнений, что Вечный надел новую личину и «товарищ Иванов» — это не кто иной, как И. Сталин. Парадоксальность ситуации усиливается, когда читатель знакомится с «подпольным Политбюро», возглавляемым «товарищем Чижиковым» (также один из партийных псевдонимов И. В. Джугашвили). Получается, что в одно и то же время, в одном и том же месте (а не в параллельном мире) существуют два Сталина. Один — настоящий, старый большевик, помогающий будущим жертвам скрываться от репрессий. И другой — нелюдь, в духе Фантомаса скрывающийся за известной всем маской, эти репрессии организующий. Что это? Еще одна вариация на тему известного советского мифа о «добром товарище Сталине», не ве-

давшем, что его именем в Советском Союзе освящался разгул террора? Вряд ли. А. Валентинов слишком умен и тонок, чтобы опускаться до подобного рода мифотворчества. Он просто уважает своего читателя, оставляя за ним право на домысел, на со-творчество. Это становится очевидным, когда, знакомясь с 3-й трилогией, пытаешься ассоциировать Агасфера с реальными лицами новейшей истории России. Ужели Вечного следует называть теперь Борисом Николаевичем Ельциным? Напрашиваются аналогии с попытками Пьера Безухова «просчитать» с помощью каббалистики нечеловеческое происхождение Наполеона Бонапарта. И вновь романист виртуозно уходит от прямого ответа, предоставляя право выбора самому читателю.

Наиболее удачным, на наш взгляд, в когорте Вечного вышел образ Всеслава Волкова. Это развивающийся, психологически убедительный персонаж, знакомый еще со страниц «Слова о полку Игореве». Князь-оборотень Всеслав Брючиславич Полоцкий, погубивший свою бессмертную душу волхвованием, никак не может успокоиться. Он вновь и вновь идет навстречу противнику в надежде, что найдется наконец тот, кому суждено его остановить.

Естественно, есть в романах и добрые силы, помогающие положительным героям в их ратоборстве с неприятелем. Это персонажи восточного, западного и отечественного фольклора, заставляющие в очередной раз поразиться глубиной и всесторонней эрудиции автора: хан Гэсэр, братья ди Гуаско, тибетские монахи, запорожцы-призраки, Сергей Радонежский и др. Явно следуя законам компьютерных игр (время диктует симбиоз, проникновение в литературу современных технологий), писатель разбрасывает по всему пространству повествования всевозможные артефакты, которые герои должны собрать для того, чтобы победа над врагами давалась им легче: рог Гэсэра, ножны Эскалибура и сам знаменитый меч короля Артура, перстень духов. Подобная поэтика валентиновских романов позволила И. Феоктистову сопоставить их с фильмами об Индиане Джонсе: «Совпадения налицо: тут и там герои, чтобы спасти свои жизни и само мироздание, должны искать чудесные предметы, реликвии седой старины, обладающие магическими свойствами».

И все же главными героями эпопеи являются не навьи силы, а реальные люди. В первой трилогии, как верно подметил В. Владимирский в статье «История и фантастика», А. Валентинов «главным предметом исследования сделал эволюцию взглядов двух человек (белогвардейского капитана Ростислава Арсеевича и красного комиссара Степана Косухина. — *И. Ч.*), изна-

чально принадлежащих к противостоящим лагерям, но постепенно постигающих природу сил, приведших страну к хаосу гражданской войны, и понимающих всю нелепость вооруженного противостояния сторонников различных идей». Героями второй трилогии стали сотрудники НКВД (Сергей Пустельга, Михаил Ахилло) и их жертвы (Юрий Орловский, писатель Бертяев, прототипом которого, несомненно, был М. А. Булгаков, с романом которого «Мастер и Маргарита» ведет полемику Валентинов, Ника), хотя разделение на «жертв» и «палачей» здесь чисто условно. По словам того же В. Владимирского, «автор сумел удержаться на некой невидимой грани, не сдавая все карты в руки одной из сторон... Сотрудники карательных органов, встречающиеся среди центральных героев романов, выглядят едва ли не более неприкаемыми и несчастными, чем вчерашние — или завтрашние — жертвы НКВД. Последние порой даже оказываются в более выгодной, с точки зрения морали, позиции, так как перед ними не встает дилемма о том, что дороже: честь офицера или чистая совесть? А ведь для ее разрешения существует только один проверенный способ. Несмотря на вполне законное искушение выставить палачами и подонками всех «бойцов невидимого фронта», герои Валентинова остаются в равной степени реалистичными, а их поступки — вполне психологически достоверными». То же можно сказать и о героях трилогии о 1991—1992 годах: Николае Луние (образ явно автобиографический, имеющий много общего с судьбой самого автора), Фроле Соломатине, Михаиле Корфе.

Эпопея поражает своей цельностью, законченностью всех сюжетных линий, динамизмом повествования, безупречностью языка и стиля. Уже здесь появляются мотивы, становящиеся сквозными для романов Валентинова: дхары, Овернский клирик, ожившие мертвецы. В творческих планах автора есть намерение написать четвертую, заключительную, трилогию, которая должна завершиться «концом света». Правда, после выхода в свет дилогии «Нам здесь жить» писатель, намекнувший, что Армагеддон уже произошел, и доведший до конца историю дхарского народа, полагает, что уже частично реализовал свой замысел.

Следующие три романа («Серый Коршун», «Овернский клирик» и «Дезертир») не входят ни в какие циклы, хотя и в них присутствуют сквозные мотивы (прежде всего эпизоды из жизни дхарского народа), связывающие произведения между собой. В жанровом плане «Серый Коршун» и «Овернский клирик» — это историко-фантастические детективные триллеры.

Правда, первый из них — детектив без детектива, зато второй обладает всеми необходимыми компонентами криминального жанра.

В основу «Серого Коршуна», действие которого разворачивается в Микенах в XIII в. до н. э., положен прием, обыгрывающий частичную амнезию главного героя, столь удачно использовавшийся Ф. Фармером и Р. Желязны. Возвратившийся на родную землю бывший вавилонский наемник Клеотер волею случая оказывается вовлеченным в заговор и в результате дворцового переворота восседает на микенском престоле. Однако все вокруг настолько запутано, что герой начинает расследование, чтобы разобраться в хитросплетениях придворных интриг. Тем более что ему прямо и косвенно намекают на то, что венец ванакта он носит не без права. Так кто же он, «серый коршун»? По законам жанра писатель до самого конца держит нас в напряжении. Но прямого ответа на вопрос Валентинов не дает, вновь предоставляя читателю право самому выбрать устраивающий его вариант финала.

Роман очень познавателен. Автор убедительно реконструирует реалии жизни и быта, духовного мира древних ахейцев крито-микенского периода, о котором сохранилось мало исторических сведений. Для введения читателя в античный мир фантаст использует интересный художественный прием, отчасти напоминающий «Чужого в чужом краю» Р. Хайнлайна. Мы воспринимаем все глазами почти инопланетянина, то есть человека трезвомыслящего, рационального, воспитанного на более высокоразвитой культуре. Клеотер — столичный житель, оказавшийся в глухой провинции. Здесь все подчинено несколько иному ритму, иным законам.

В творчестве Валентинова впервые звучит мотив «двойного зрения», которое в диалоги «Нам здесь жить» получит «научное обоснование» и будет названо «теорией адаптации Семенова—Зусера». Клеотер, родившийся в Микенах, но покинувший их еще в детстве, глубоко чужд окружающему его миру. Он не видит и десятой части того, что видят обыкновенные ахейцы. Те, например, уверены, что вокруг них живут боги, кентавры, циклопы и прочие мифологические персонажи. Для серого же коршуна все это лишь сказки экзальтированной толпы. Таким образом, автор как бы превращает роман из фантастического в реалистический. Кентавров, сатиров и дриад на самом деле нет. Они только плод воображения. Подобная точка зрения примиряет ванакта с действительностью, заставляя относиться к своим подданным как к взрослым детям. Лишь однажды второе

зрение открывается и у Клеотера: «Я чуть не попятился. Вместо Телла у огня пристроилось жуткое чудище — получеловек-полуконь с людским торсом и лошадиным телом. Иппоандрос... Тея убрала руку, и все приняло прежний вид.... Я нерешительно оглянулся. Иппоандросы, киклопы, наяды с дриадами... Что это? Безумный бред дикарей — или мир, который не позволяет увидеть Тот, в Кого я верю? Но мне жить в этом мире». Так кто же прав в этом споре? Клеотер предпочитает не мудрствовать лукаво, спрятавшись в сиянии ауры Единого. Он не решается расстаться со своей самобытностью и стать настоящим ахейцем. И даже в эпилоге мы видим его, уже прожившего долгую жизнь среди греков, все таким же «чужим в чужом краю».

Мотив «двойного зрения» развивается и в «Овернском клирике», по нашему мнению, одном из наиболее интересных произведений А. Валентинова.

За внешней динамичной и увлекательной фабулой книги (расследование таинственного исчезновения и убийства) скрыта глубокая и важная тема — зарождение в недрах мрачного средневековья гуманистической философии эпохи Возрождения. Главному герою, монаху аббатства Сен-Дени Гильому (бывшему участнику крестового похода Андре де Ту), волею церковного начальства поручено разобраться в таинственных делах, творящихся в архиепископстве Тулузском. Сатанисты, еретики-катары, нечисть, защищающаяся крестом (оказавшаяся впоследствии, конечно же, излюбленными валентиновскими дхарами-лограми), — вот та атмосфера, в которой Овернский клирик проводит свое расследование. Выбор подобной фигуры вполне вписывается в лучшие традиции мировой литературы: патер Браун из рассказов Честертона, отец Кадфаэль, брат Уильям Баскервиль из «Имени Розы» У. Эко. Все они не просто внимательные и проницательные следователи, а в силу своего сана еще и глубокие философы, способные не только найти преступника, но и понять и объяснить мотивы, движущие им.

Таков и брат Гильом у Валентинова. Мотив «двойного зрения» получает в «Овернском клирике» двойную же мотивировку. С одной стороны, с помощью чудодейственного бальзама логров у де Ту открываются глаза. Он видит истинный лик логров-дэргов, а не тот облик, в котором их зрят остальные люди. С другой стороны, у брата Гильома открывается еще одно, духовное, зрение, или, лучше, прозрение. Разгадать загадку для него не самоцель, он делает это почти без труда. Гораздо важнее увидеть то, что скрыто за самим решением папской курии провести расследование в Тулузском графстве. Кому выгодно? Де

Ту видит, что его доклад может спровоцировать разгул церковного террора. Почему же, задается вопросом Овернский клирик, а вместе с ним и А. Валентинов, почему мы, люди, так нетерпимы к любой форме инородности, непохожести на нас? И почему так стремимся все унифицировать, сделать единообразным, идя при этом даже на крайние меры?

Еще более философским произведением является роман «Дезертир», сочувственно принятый как критикой, так и читателями. С похвалой, например, отозвался о нем мэтр российской фантастики Б. Н. Стругацкий. Посвященная событиям Великой Французской буржуазной революции, книга замешена на основе так называемого «гильотинного фольклора». Суть его становится понятной, если вспомнить произведения европейского романтизма начала XIX века, в частности, сочинения А. Дюма «Тысяча и один призрак», «Женщина с бархоткой на шее» или уже упоминавшийся выше роман М. Н. Загоскина «Искуситель». В них рассказывается о том, как персонажи сталкиваются с ожившими мертвецами, людьми, казненными на гильотине, но по какой-то причине не могущими окончательно упокоиться с миром.

Аналогичный сюжет обыгрывается и в «Дезертире». Его герой — французский аристократ, погибший в бою с санкюлотами, но вернувшийся на землю для исполнения обета, суть которого им забыта. «В одиночестве, — пишет В. Владимирский в своей рецензии на книгу, — в охваченной огнем революции стране этот человек оказывается в положении, когда речь может идти не столько об открытой борьбе, сколько о спасении тех и того, что еще можно спасти. Гильотина работает в ударном темпе, но время от времени люди возвращаются — те, чей долг чести остался не выполнен. Неважно, из какого сословия ты приходишь — из первого или из четвертого, из аристократов или из мастеровых, но если понятие чести для тебя не пустое место, ты имеешь шанс вернуться и завершить начатое». Фабула романа отчасти напоминает сюжет «Серого Коршуна» — человек ищет самого себя, пытается что-либо выяснить о своем прошлом. Но, в отличие от Клеотера, герой «Дезертира» вспоминает в самом конце, что его зовут Франсуа Ксавье Оноре Жан Пьер Батист дю Люсон, двенадцатый маркиз де Руаньяк. Путь, кажется, закончен, но новый долг зовет спасти цивилизацию от достижений цивилизации, и Франсуа вновь побеждает смерть и возвращается к жизни, словно феникс, возродившийся из пепла.

По сути, фантастичны в «Дезертире» лишь сама отправная

точка и тип героя — живого мертвеца (что отчасти объясняется его логрско-дэргским происхождением). В целом же книга Валентинова реалистична. Это добротный исторический роман, точно воссоздающий дух и атмосферу Франции конца XVIII века. «Нельзя не отметить и ту аккуратность и корректность, — справедливо отмечает В. Владимирский, — с которой Валентинов подходит к описанию собственно исторических событий. При всей нелюбви к любой революции как таковой, автор неоднократно подчеркивает, что по-своему достойные люди присутствуют по обе стороны баррикад — чего стоит, например, колоритный портрет Дантона, титана, сознательно взявшего на себя нелегкую обязанность хоть немного сдерживать волну революции, захлестнувшую Францию». Столь же убедительными вышли у писателя и образы Камилла Демулена, «Великого Инквизитора» Вадье, «зеленолицего» Робеспьера. Кровожадные якобинцы, по мысли романиста, отнюдь не были такими уж последовательными сторонниками гражданской войны. Они истинные дети своего времени, XVIII века — века Разума. Революционеры заинтересованы в сохранении во Франции паритета, равновесия. Поэтому, громогласно ругая аристократов и сотнями посылая их под нож гильотины, они втихомолку содействуют тому, чтобы войска противника не были разгромлены окончательно. Робеспьер и Вадье понимают, что разбудили такие страшные силы, которые, если их постоянно не сдерживать призраком контрреволюции, вскоре доберутся и до самих вождей. Как показала история, в этом они оказались правы.

Дилогия «Ория» («Нарушители равновесия» и «Если смерть проснется») условно «для издателей» названа автором «славянским фэнтези». «На самом деле, — указывает писатель, — это скорее историческая фантазия, с вымышленными народами, местностями, обычаями и так далее». Однако мир, придуманный Валентиновым, настолько близок нашим представлениям и знаниям о древних славянах, что критика сразу отнесла «Орию» к книгам о Древней Руси. «Валентинов описывает именно нашу историю, — утверждает В. Каплан, — не убегая в альтернативные и параллельные миры. Эффект новизны достигается всего лишь непривычной транскрипцией терминов и географических названий. Не князь, а кей, не Днепр, а Денор, не печенеги, а пайсенджи. И... этого оказывается достаточно, чтобы выйти за рамки исторического романа». С подобным утверждением трудно согласиться. Не одна лишь терминология выводит дилогию за рамки исторического жанра, делая ее образцом «криптоистории». Есть в романах и элементы классического фэнтези —

поиски таинственного места, где можно провидеть будущее. А темные силы, живущие в Навьем лесу? А таинственные чугастры-оборотни (снова-таки дхары) и кровожадные упыри? А лютые Змеи Горынычи? Кроме того, диалогия отчасти является и футурологией, предупреждением. Не случайно вторая книга называется «Если смерть проснется». Стало быть, она заснула, уже свершив что-то ужасное. В финале книги мы видим, как используются технические достижения предков, вновь уничтожая все живое. А не происходит ли все описанное Валентиновым не в прошлом, а в далеком будущем, наступившем после какой-то глобальной катастрофы, намеки на которую есть в «Ории»?

Нельзя не признать правоту В. Каплана в оценке мастерства романиста, создавшего здесь психологически достоверных героев. Так, интересен образ бывшего холопа Навко, взбравшегося на вершины власти. «Умный, смелый и изначально благородный юноша вынужден идти путем предательств и подмен, дабы спасти возлюбленную. Но средства, как всегда, становятся целями, маска двойного, тройного, а потом уже n-мерного агента прирастает к лицу, логика предательств и самообмана затягивает — и вот уже нет Навко, есть лишь знатный дедич Ивор сын Ивора, осознавший истинную цель своей жизни — власть».

Несколько особняком стоит в творчестве А. Валентинова недавно вышедшая диалогия «Нам здесь жить» («Армагеддон был вчера» и «Кровь пьют руками»), написанная в соавторстве с Г. Л. Олди. Это уже не криптоистория, а антиутопия, ибо в ней показан «конец света», который романист трактует своеобразно. Для него «конец света — не обязательно гибель Человечества». Он думает, что «это может быть просто концом привычного». «Нам здесь жить» — произведение достаточно сложное и в некотором смысле рубежное. Подведен определенный итог творчества и Олди, и Валентинова. Здесь наконец получает завершение дхарская линия «Ока Силы» и ставится точка под циклом Олди «Люди, боги и я».

В диалогии рассказывается о современном городе из недалекого будущего, в котором без труда узнаешь родной город авторов Харьков. В результате некой экологической катастрофы, названной в романах Большой Игрушечной войной, здесь происходят странные вещи. Рядом с людьми живут кентавры, причем не классические иппоандросы, а вполне современные полуплюди-полумотоциклы. Убийц преследуют Первач-псы с человеческими лицами, рядом с мирными обывателями живут домовые, исчезники, Снегурочки... Нет, это не современная веселая го-

родская сказка. Не веселая уже хотя бы потому, что завершается диалогия вводом в Город федеральных войск и массовым уничтожением гражданского населения. В круговороте локальной войны гибнут все главные герои романа. Вновь, как и в «Овернском клирике», звучит трагическая тема нетерпимости людей по отношению друг к другу. Все нестандартное, не похожее на большинство Человечества должно быть уничтожено.

Этапной для творчества Валентинова стала работа над романом «Рубеж», написанным в соавторстве с Олди и М. и С. Дяченко. Определить жанровую специфику этого произведения достаточно сложно. Здесь мы имеем дело с неким сплавом «философского боевика» (Олди), «криптоистории» (Валентинов) и «волшебного романа» (Дяченко). Собственно Валентиновым написаны вторые части в каждой из двух книг романа. В центре их находятся герои, связанные с Украиной условного XVIII века. Следует отметить, что прошлое Украины воссоздано достаточно точно и выразительно, несмотря на ряд шагов в сторону «альтернативной истории».

Чем отличается история Украины в «Рубеже» от общеизвестной? Ну, разве что тем, что в 1709 году под Полтавой войско союзников (шведов и украинцев) победило «московского дракона» Петра I. И все. Почему бы и нет? Украина просто отстояла ряд своих прав и вольностей. Но, судя по событиям романа, она осталась частью конфедерации с Россией, ведь для получения визы на «зарубежную» поездку герои едут не в гетманскую столицу, а в Петербург. Конечно, свободы у украинцев в романе значительно больше, чем в реальном XVIII веке. Они самостоятельно ведут военные действия против Турции. У них действует свое законодательство, а не законы Российской империи. Однако есть здесь и своеволие «диких помещиков», пользующихся слабостью центральной власти для решения своих проблем, и погромы, и охота на ведьм. Одним словом, далеко не «тихий рай», а типичное «стоletье безумно и мудро», как писал о XVIII веке Радищев.

Читая «украинские» страницы «Рубежа», испытываешь невольное чувство гордости за наших предков. Какими они, однако, были славными людьми, какие хорошие песни сложили! Сотник Логин Загаржецкий, его дочь Яринка, писарчук Хведир Еноха, есаул Ондрий Шмалько, пушкарь Дмитро Гром — каждый из этих персонажей выписан живым и запоминающимся. Так и всплывают в памяти строки из «Энеиды» Котляревского:

Любов к отчизне де героїть,
Там сила вража не устоїть,
Там грудь сильніша од гармат.

Несколько образов стоят в этой группе особняком. Это Иегуда бен-Иосиф и пан Мацапура-Коложанский. Последний является лицом историческим, реально существовавшим. Это типичный украинский Дракула или, точнее, Синяя Борода. В нем заключено сразу несколько характеров: философ-сибарит и чернокнижник, развратник и добрый дядька-пестун, хищный захватчик чужих земель и рачительный хозяин, на защиту которого горой встают подданные.

Юдка — герой довольно сложный и противоречивый. С ним связана проблема, которую в свое время так талантливо воплотил В. Гроссман в «Жизни и судьбе». Это проблема геноцида еврейского народа. Семья Иегуды становится жертвой набега гайдамаков на Умань. Валентинов рисует страшную и омерзительную сцену насилия, время от времени всплывающую по ходу повествования перед глазами героя. Читая эти страницы, ловишь себя на крамольной мысли о том, что гайдамаки — это обыкновенные бандиты, а не народные герои. И вот двенадцатилетний малыш (возраст знаковый для иудейской религиозной философии), ставший свидетелем погрома, просит у Неба последней милости. Он молит сделать его убийцей, не знающим пощады. И мольба была услышана. С тех пор в Иегуде бен-Иосифе живут два человека: малыш, которому так и не суждено вырасти, и Мститель.

Противоречивость образа и заключается в этой двойственности. Как малыш, от которого ожидали в будущем великих свершений, суля сан «наставного рава в самом Кракове», Юдка умен и поэтичен. В нем воплотилась и сплелась воедино мудрость еврейского и украинского народов. Он умеет тонко чувствовать и переживать. Но Мстителю приходится пользоваться всеми приемами, даже запрещенными. И потому зеркальным отражением сцены изуверства гайдамаков Зализняка становится эпизод взятия Юдкой села Гонтов Яр, устроенной им кровавой свадьбы.

Иегуда бен-Иосиф повторяет судьбу всех главных героев «Рубежа». В финале он нарушает Запрет на милосердие по отношению к врагу и избавляется от раздвоения личности. Глубоко символичной становится сцена единения трех нарушителей Запрета: Юдки, Рио и каф-Малаха. «Трое стояли там. Рыжебородый мудрец, стройный воин и чудной бродяга. Спорили о чем-то, руками размахивали. Казалось: вот сейчас взмахнут посильнее и взмоют в ширь небесную, так и не прекратив спора. А ведь взмоют... Пойдут по облакам, лишь обернутся напоследок: ну что же вы? Догоняйте!»

Новый роман А. Валентинова «Небеса ликують» продолжает его «неформальный цикл» историко-фантастических произведений. На этот раз действие происходит в середине XVII века, в период, когда в Европе, расставшейся с размеренным средневековым бытием, остро встал вопрос о выборе пути, которым придется идти Человечеству. Автор, как всегда, парадоксален. Сторонниками Прогресса в романе выступают не революционеры или «просветители», а деятели Общества Иисуса Сладчайшего — иезуиты. Главный герой, отец Адам Гуаира, украинец по рождению, много лет служит в далеком Парагвае, где иезуиты (что отнюдь не является фантастикой) пытались воплотить в жизнь коммунистическую утопию Мора и Кампанеллы. Интересно, что А. Валентинов на этот раз напрямую не критикует «гидру коммунизма», он даже сочувствует идеализму своего персонажа. Автора, как и его героя, волнует другая проблема — проблема цены, которую придется заплатить за осуществление этой мечты. Оправдывает ли цель, пусть самая благая, любые средства? Особенно если речь идет не просто о политических интригах и предательстве, а об использовании новейших достижений науки, позволяющих не только подчинять и уничтожать сотни тысяч людей, но даже изменять Грядущее. Перед отцом Адамом встает страшный выбор, усугубленный тем, что полигоном, на котором «обкатываются» новые, «прогрессивные» методики иезуитов, становится родная для героя (и автора) романа Украина, где полыхает восстание Богдана Хмельницкого.

Рядом с этой, «вечной» для фантастики, темой разворачивается и другая, неожиданная для автора — проблема святости. Рациональная эпоха свела святость по сути к формальности. Будущего «святого» можно назначить, а затем подобающим образом оформить его канонизацию. Но что делать, если совершенно неожиданно появляется настоящий Святой — человек, через которого действует Промысел Божий? И как трудно людям, привыкшим рационально объяснять все творящееся под Небесами, увидеть Святость, даже столкнувшись с нею лицом к лицу!

Героям А. Валентинова приходится, каждому по-своему, решать эти проблемы. Иначе... Иначе случится то, на что намекает название романа: Небеса ликують — не беса ли куют?

ЧЕРНЫЙ ИГОРЬ ВИТАЛЬЕВИЧ,
доктор филологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

НЕБЕСА ЛИКУЮТ. <i>Роман</i>	5
<i>И. Черный</i> . КРИПТОИСТОРИЯ АНДРЕЯ ВАЛЕНТИНОВА	380

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов
НЕБЕСА ЛИКУЮТ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор А. Сауков
Художник А. Дубовик
Технические редакторы
Н. Носова, И. Ковалева
Корректор З. Харитоновна

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.12.99.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 20,14.

Тираж 8 100 экз. Зак. 2118

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»
Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.
Интернет/Home page – www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) – info@eksmo.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Книга — почтой:
Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333
E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: eksmo_sl@msk.sitek.net

Мелкооптовая торговля:
Магазин «Академкнига»
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-79

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково»
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)
Тел.: 476-16-90

ООО «Фирма «Книинком»
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)
Тел.: 177-19-86

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево»
Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1
Тел.: 450-08-84

Книжный клуб "ЭКСМО" - прекрасный выбор!

Приглашаем Вас вступить в Книжный клуб "ЭКСМО"! У Вас есть уникальный шанс стать членом нашего Клуба одним из первых! Именно в этом случае Вы получите дополнительные льготы и привилегии!

Став членом нашего Клуба, Вы четыре раза в год будете БЕСПЛАТНО получать иллюстрированный клубный каталог.

Мы предлагаем Вам сделать свою жизнь содержательнее и интереснее!

С помощью каталога у Вас появятся новые возможности! В уютной домашней обстановке Вы выберете нужные Вам книги и сделаете заказ. Книги будут высланы Вам наложенным платежом, то есть БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ. Каждый член Вашей семьи найдет в клубном каталоге себе книгу по душе!

Мы гарантируем Вам:

- Книги на любой вкус, самые разнообразные жанры и направления в литературе!
- Самые доступные цены на книги: издательская цена + почтовые расходы!
- Уникальную возможность первыми получать новинки и супербестселлеры и не зависеть от недостатков работы ближайших книжных магазинов!
- Только качественную продукцию!
- Возможность получать книги с автографами писателей!
- Участвовать и побеждать в клубных конкурсах, лотереях и викторинах!

Ваши обязательства в качестве члена Клуба:

1. Не прерывать своего членства в Клубе без предварительного письменного уведомления.
2. Заказывать из каждого ежеквартального каталога Клуба не менее одной книги в установленные Клубом сроки, в случае отсутствия Вашего заказа Клуб имеет право выслать Вам автоматически книгу – "Выбор Клуба"
3. Своевременно выкупать заказанные книги, а в случае отсутствия заказа – книгу "Выбор Клуба".

Примите наше предложение стать членом Книжного клуба "ЭКСМО" и пришлите нам свое заявление о вступлении в Клуб в произвольной форме.

**По адресу: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 333,
"Книжный клуб "ЭКСМО"**

В заявлении обязательно укажите полностью свои фамилию, имя, отчество, почтовый индекс и точный почтовый адрес. Пишите разборчиво, желательно печатными буквами.

Отправьте нам свое заявление сразу же, торопитесь! Первый клубный каталог уже сдан в печать!

«НИТЬ ВРЕМЕН»

Серия «Нить времен» – это путеводная нить в лабиринте фантастики! Вечно длящийся эксперимент, уникальный сплав жанров, синтез были и небыли, перекресток стилей; головокружительная динамика действия, тонкий психологизм поступков и философская глубина событий – помноженные на литературный талант Г.Л.Олди, А.Валентинова, М. и С.Дяченко, чьи имена по праву составляют золотой фонд жанра!

НОВИНКИ СЕРИИ:

Г.Л.Олди, А.Валентинов, М.и С.Дяченко «Рубеж», в 2-х томах
Г.Л.Олди «Маг в законе», в 2-х томах
А.Валентинов «Небеса ликуют»

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги Гарри ГАРРИСОНА

ВЕЛИКИЙ АВТОР – ВЕЛИКИЕ КНИГИ!

Гарри Гаррисон – живая легенда современной фантастики. Первые же строчки его книг служат пропуском в удивительный, полный загадок и тайн мир далеких планет, головокружительных, захватывающих дух космических приключений. Присущий автору тонкий юмор придает его бесстрашным и бесшабашным героям неповторимое обаяние.

ЦИКЛ «СТАЛЬНАЯ КРЫСА»

- «Стальная Крыса отправляется в ад»
- «Стальная Крыса поет блюз»
- «Ты нужен Стальной Крысе»
- «Рождение Стальной Крысы»
- «Месть Стальной Крысы»
- «Стальная Крыса на манеже»

ЦИКЛ «МИР СМЕРТИ»

- «Мир смерти»
- «Возвращение в Мир смерти»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- «Мир смерти против флибустьеров»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- «Мир смерти и твари из преисподней»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)

- «Чума из космоса»
- «Плененная Вселенная»
- «Фантастическая сага»
- «Кольца анаконды»
- «Планета проклятых»
- «Спасательная операция»
- «Выбор по Тьюрингу»

«ЗНАК ЕДИНОРОГА»

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФЭНТЕЗИ

Как известно из мифов, тому, кому удалось повстречать Единорога, непременно сопутствует удача во всех его начинаниях. Редким везением для ценителей фэнтези являются книги серии «Знак Единорога».

Лучшие мастера жанра открывают читателям врата в сказочные миры, населенные драконами и людьми, эльфами и гномами, орками, гоблинами и другими мифологическими существами. В этих мирах острый меч, меткий арбалет и горячее сердце могут стоять больше, чем ухищрения самого искушенного мага. Здесь любят и жертвуют, сражаются и ненавидят во имя единственной великой цели. Здесь силы Света и Тьмы сходятся в кровавых битвах, чтобы разрушить сложившееся вековечное Равновесие.

НОВИНКИ СЕРИИ:

Джон Р. Р. Толкиен «Властелин Колец», в 3-х томах
Эрик Ластбадер «Воин Заката», в 2-х томах
Урсула Ле Гуин «Волшебник Земноморья»
Роджер Желязны «Дилвиш Проклятый»

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

AD MAIOREM DEI GLORIA

ISBN 5-04-004104-7

